

ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

Первой мировой

генерал

**граф Рюдигер
фон дер Гольц**

**МОЯ МИССИЯ
В ФИНЛЯНДИИ
И ПРИБАЛТИКЕ**

В начале 1918 года, накануне решающей схватки за победу в Великой войне на Западном фронте, Германия продолжала искать приемлемый для нее исход противостояния и на Востоке (несмотря на то что после прихода большевиков к власти военной угрозы оттуда уже не было). Ради этого германские войска вторглись на западные окраины Российской империи и очень скоро оказались втянутыми в набирающую обороты Гражданскую войну. Через несколько месяцев, когда Германская империя стремительно скатывалась к поражению и революции, выяснилось, что вмешаться в события на Востоке значительно проще, нежели прекратить интервенцию.

В своих мемуарах один из самых активных участников событий 1918–1919 годов генерал германской армии Рюдигер фон дер Гольц представляет свою точку зрения на ход противостояния в Финляндии и Прибалтике. Несмотря на политическую ангажированность его версии, многие приведенные в ней данные будут интересны не только любителям истории этого периода, но и специалистам. Книга ценна и тем, что прекрасно передает настроения, которые витали в германской военной элите накануне и сразу после «унижения в Версале», что во многом обусловило и последующую историю Германии XX столетия.

ISBN 978-5-94380-188-4

9 785943 801884

Meine Sendung in Finnland und im Baltikum

von

General
Graf Rüdiger von der Goltz

Verlag von R. F. Koehler, Leipzig 1920

ЭВР

к столетию Первой мировой

генерал
**граф Рюдигер
фон дер Гольц**

МОЯ МИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ И ПРИБАЛТИКЕ

**Санкт-Петербург
2015**

УДК 94(4)(093.3)
ББК 63.3(0)-6
Г63

Перевод выполнен по изданию:
General Graf Rüdiger von der Goltz,
Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig: Koehler, 1920.

Гольц, Р., фон дер

Г63 Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике / генерал граф Рюдигер фон дер Гольц ; пер. с нем., вступит. ст., коммент. Л. Ланника. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 318 с. : ил. ; [8] с. карты. — (Эпоха войн и революций; вып. 7).

ISBN 978-5-94380-188-4

Вниманию читателя предлагаются мемуары германского генерала и политического деятеля Р. фон дер Гольца (1865–1946), издаваемые в России впервые. Они были написаны «по горячим следам» активной деятельности автора, направленной на борьбу с большевизмом в Финляндии и Прибалтике, а также под впечатлением от трагического для Германии финала Великой войны 1914–1918 гг. Текст отличается политической ангажированностью, публицистическим стилем, однако содержит большое количество малоизвестной отечественному исследователю информации о событиях Гражданской войны на западных окраинах бывшей Российской империи, а также о политических интригах, имевших место в ходе становления Веймарской республики в Германии. Подчеркнутый антибольшевизм автора впоследствии привел его в ряды ультраправых организаций, сотрудничавших с нацистами.

Книга будет интересна не только специалистам по истории Гражданской войны, а также Финляндии, стран Прибалтики и Германии, но и всем интересующимся событиями первой четверти XX века.

УДК 94(4)(093.3)
ББК 63.3(0)-6

© Л. В. Ланник, перевод на русский язык, 2015

© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015

ISBN 978-5-94380-188-4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика (Л. Ланник)	7
Предисловие	13
Перед войной	14
Военные воспоминания вплоть до миссии в Финляндии.....	18
Миссия в Финляндии	41
Страна и люди.....	41
Финляндия и Мировая война	45
Финляндия и русская революция.....	47
Финская освободительная война до вмешательства Германии.....	50
Германские военные планы	55
Ханко — Гельсингфорс	63
Лахти — Тавастагус	76
Торжества по случаю мира	83
Новые задачи	85
Проблемы внутренней политики Финляндии	90
Внешняя политика	98
Пленные красные — военные расходы и прочее	104
Организация вооруженных сил.....	106
Мое положение	111
Поражение Германии и верность Финляндии	114
Трагедия в Прибалтике	128
Родина, милая Родина!.....	128
Положение на 1 февраля 1919 года	132
Первые столкновения	139
Первые визиты на фронт.....	141
Отвоевание Курляндии	148
Эффект побед.....	157
Латышское «содействие»	161
Дорогие кумовья.....	166
Конец Либавского солдатского совета	171
Случай со Стрыком и другие.....	175
Государственный переворот 16 апреля	183
Правительство и я.....	192
Освобождение Риги.....	197
Столкновение с эстонской республикой	203
Сражение у Вендена — Лемзала	208
Оставление Либавы	214
Повышение качества войск	215

Пополнение личного состава и расселение.....	220
Возникновение корпуса Бермондта	224
Роспуск ландесвера	233
Требование оставить Латвию	236
Отношение войск к отступлению	239
Моя миссия в Кольберг и Веймар.....	243
Отказ повиноваться 24 августа	250
Переговоры	255
Кризис	265
Драматические дни.....	272
Последняя победа.....	277
Приложение	286
Комментарии переводчика	306

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Предлагаемая вниманию читателя книга — первый русскоязычный перевод книги германского генерал-лейтенанта графа Р. фон дер Гольца (1865–1946) “Meine Sendung in Finnland und Baltikum”, вышедшей в Лейпциге еще в 1920 году. Данный труд принадлежит к первой волне германской межвоенной мемуаристики и обладает всеми ее характерными особенностями: эмоциональностью, публицистичностью, обилием скандальных разоблачений, страстными призывами и пропагандистскими штампами. Все это вполне объяснимо в стране, только что проигравшей войну и подписавшей Версальский мир. Впоследствии, по результатам оживленной дискуссии в годы Веймарской республики, автор, как и многие его коллеги, выпустил переработанное и более профессионально написанное издание мемуаров — “Als politischer General im Osten” (Лейпциг, 1936). Само название его выглядело как ответ тем, кто обличал оккупационные акции германского империализма, проводившиеся на востоке Европы целой когортой «политических генералов». Именно это, 2-е издание и оказалось впоследствии востребовано многими исследователями истории западных окраин бывшей Российской империи в 1918–1920 годах. Однако было принято решение перевести первоначальный вариант, со всеми его недостатками. Во-первых, он более объемный (312 страниц немецкого текста против 173 страниц 2-го издания), во-вторых, внесенные автором за последующие годы поправки далеко не всегда идут на пользу повествованию. Порой в угоду политической конъюнктуре и в ответ на едкие опровержения автор прибегал к ретушированию многих ранее подробно описываемых событий, так как они выставляли его в невыгодном свете. В связи с этим

многие особенности текста именно 1-го издания — эмоциональный порыв автора, страстные обвинения основателей Веймарской республики, оказавшиеся к 1936 году неактуальными, — представляют для исследователя событий финала Великой войны, а также политического климата Веймарской республики достаточно ценный фактический материал. В-третьих, к концу 30-х годов искажения первоначальной версии вызывались еще и тем, что то, что раньше скрывалось, теперь превратилось в предмет гордости, в том числе патологическая жестокость бойцов фрайкоров и явное намерение ликвидировать независимость прибалтийских республик, а затем свергнуть правительство Веймарской республики. Молчать об этом более не стоило, к тому же многие из соратников фон дер Гольца по боям в Прибалтике заняли важные посты в нацистской партии, а то и стали прославляемыми в Третьем рейхе героями, как Лео Шлагетер, например.

Книга написана в типичной для германской военной мемуаристики манере, т. е. представляет собой смесь личных воспоминаний и научно-публицистического труда. Многие германские генералы, имея привычку к скрупулезным описаниям обстановки, свое изложение строили на основе документов (пусть и из их собственных архивов, подлинность которых зачастую представляется сомнительной). Разумеется, подборка фактов и документов отличается тенденциозностью, цитируемые письма и воззвания, пересказываемые «возмутительные» цитаты далеко не всегда подкреплены соответствующими ссылками. Порой автор пускается в длинные описания, призванные познакомить читателей с ранее неизвестными им реалиями Восточной и Северной Европы. По сравнению с другими генералами, взявшимися в отставку за перо, Р. фон дер Гольц обладал явными литературными дарованиями, но куда более важным достоинством его книги является эксклюзивность многих изложенных в ней фактов. Хотя эта книга далеко не исповедь, в ней показано многое из того, что составители официальных версий позднее выбросили за ненадобностью или неудобностью. При всей своей пристрастности она может и должна служить необходимым противовесом столь же необъективным версиям других участников событий.

При переводе особой проблемой стала передача географических названий и фамилий некоторых государственных деятелей, так как и сам автор не всегда корректен в этом отношении. Для сохранения исторического колорита и удобства российского читателя были использованы уже сложившиеся, традиционные варианты напи-

сания фамилий и названий, близкие к принятым в России на момент публикации мемуаров в 1920-х годах. Если соответствующей традиции нет, использовались современные варианты названий, что оговаривается в примечаниях переводчика.

Автор книги — представитель разветвленного германского аристократического (баронского и графского) рода, давшего Пруссии за XVIII–XX века более трех десятков генералов. Он принадлежит к плеяде блестящих германских военачальников. Всесильный военный диктатор Германии в 1916–1918 годах Э. Людендорф и создатель рейхсвера Г. фон Сект — его сверстники. Р. фон дер Гольц сделал «истинную для военного карьеру», начав ее в гвардейском полку и получив блестящее военное образование в германском Генеральном штабе. После 3 лет тяжелейших боев преимущественно на Западном фронте именно его избрали для особой миссии — руководства германской интервенцией в Финляндии. Сразу после победы над красными, в мае 1918 года Р. фон дер Гольц был награжден высшим военным орденом Кайзеррейха *Pour le Merite* и получил в новой стране, союзной Германии, огромную власть, однако триумф кайзеровской империи продлился недолго. Поздней осенью 1918 года «освободителей», пусть и достаточно вежливо, попросили покинуть независимую Финляндию. Описание фон дер Гольцем его миссии в Финляндии особенно интересно отечественному читателю тем, что представляет собой совершенно иной взгляд на ход Гражданской войны в Финляндии и причины победы в ней белых. На фоне куда более известной в нашей стране (по понятным причинам) истории авторства К.-Г. Маннергейма германская версия событий иначе рассматривает соотношение факторов, обеспечивших поражение поддерживаемых Советской Россией финских красногвардейцев. Резко отличается и описание последующего периода германского доминирования в Финляндии, которое, по Гольцу, явилось огромной и бескорыстной помощью в становлении финского государства и армии, а по Маннергейму — плохо прикрытой диктатурой интервентов. Советская версия по отношению к миссии фон дер Гольца, разумеется, еще более категорична. Представляется, что сколько-нибудь взвешенные оценки можно будет составить только при критическом сопоставлении всех трех вариантов описания событий. К Р. фон дер Гольцу могут быть предъявлены очень серьезные претензии в отношении достоверности и полноты описываемых им военных действий в Финляндии, и в особенности по поводу его точки зрения на масштаб и «обоснованность» красного и белого терроров.

После непродолжительного пребывания в охваченной революцией Германии, очень тяжелого для автора с моральной точки зрения, ему была поручена новая и почти авантюрная миссия — организация обороны Латвии от большевиков в интересах безопасности Восточной Пруссии. Положение, которое застал в начале февраля 1919 года на фронте фон дер Гольц, было очень непростым, причем для всех сторон. Следующие 8 месяцев германский генерал, по его собственному признанию, провел в борьбе «сразу с 5 противниками», худшим из которых оказалось его собственное правительство. В течение этого периода руководимые фон дер Гольцем войска, состоявшие как из постоянно прибывающих добровольцев, так и из остатков частей кайзеровской армии, сумели добиться ликвидации Советской власти в бывших остзейских провинциях, наладить контакт с действовавшими там белогвардейскими силами прогерманской ориентации и вступить в конфликт с правительствами независимых Эстонии и Латвии, первоначально рассматривавшихся как союзники. Такое развитие событий было вызвано тем, что, выполнив поставленную задачу, фон дер Гольц быстро перешел к более амбициозному проекту, осуществление которого должно было ни много ни мало позволить переиграть итоги Великой войны за счет союза Германии с небольшевистской Россией.

Воспоминания пестрят яростными нападками как на «вероломных прибалтов», так и на эмиссаров Антанты, а также постоянно преувеличивают доблесть германских войск и отрядов балтийских немцев из ландесвера. Даже очевидные проявления оккупационного режима, в том числе свержение правительства К. Ульманиса, представлены как инициатива немецкой части местного населения, которой фон дер Гольц в лучшем случае не смог воспрепятствовать. При этом как в Латвии, так и на Западе не было ни малейшего сомнения в том, что государственный переворот организован именно германским командующим. Однако следует признать, что приводимая фон дер Гольцем версия событий содержит ряд интересных деталей, которые, как правило, замалчиваются его оппонентами. В Германии мемуары «политического генерала» долгое время оставались самой масштабной попыткой осветить бои германских войск в Прибалтике в 1919 году. Мемуары других участников событий из Германии, за исключением книги майора Бишофа «Die letzte Front» («Последний фронт», Берлин, 1935), существенно уступали труду Р. фон дер Гольца, в том числе и в достоверности. Только в 1937–1938 годах вышли книги о боях

в Прибалтике (“Der Feldzug im Baltikum bis zur zweiten Einnahme von Riga. Januar bis Mai 1919” и “Die Kämpfe im Baltikum nach der zweiten Einnahme von Riga. Juni bis Dezember 1919”, т. е. «Кампания в Прибалтике до второго взятия Риги. Январь–май 1919 года», «Бои в Прибалтике после второго взятия Риги. Июнь–декабрь 1919 года»), подготовленные специально для будущих офицеров вермахта. В них полученный опыт анализировался, чтобы использовать его в ходе будущей войны на Востоке.

Одним из захватывающих эпизодов мемуаров являются главы о попытках фон дер Гольца организовать совместно с П. Р. Бермондтом-Аваловым Западную армию, которая, по его мнению, могла решить исход Гражданской войны в пользу белых, если бы не явный саботаж и предательство со стороны Антанты и германского правительства. С большой симпатией автор мемуаров пишет о самом Бермондте, фигуре противоречивой и имевшей даже в белогвардейских кругах неоднозначную репутацию. Описанные им проекты будущего германо-русского сотрудничества и страстные призывы к единению в борьбе с большевизмом, угрожающим европейской цивилизации в целом, позволяют лучше понять последовавшее затем сотрудничество некоторых эмигрантских белогвардейских кругов с нацистами и/или вермахтом. Вероятно, этому только способствовал тот факт, что многие представители армейской верхушки Третьего рейха в 1919 году также сражались в Прибалтике под командованием Р. фон дер Гольца, в т. ч. будущие генерал-фельдмаршалы вермахта Кюхлер, Клейст, Гудериан и др. Звание ветерана-«балтийца» стало неплохой рекомендацией для блестящей карьеры в нацистской партии и в СА. Автор мемуаров достаточно кратко описал крах германских надежд в Прибалтике к концу 1919 года, не стал он распространяться и о том, что делал сразу же после балтийской эпопеи.

После отзыва из Прибалтики в октябре 1919 года и провала попытки перейти на русскую службу большей части германских добровольцев Р. фон дер Гольц не прекратил борьбу против «ноябрьских преступников», т. е. основателей Веймарской республики. Это привело его в ряды активных участников Капповского путча 1920 года, в случае успеха которого он должен был занять должность главы Войскового управления (*Truppenamt*), то есть сменить Г. фон Секта. Это означает, что при ином раскладе основателем рейхсвера вполне мог быть и Р. фон дер Гольц. После провала путча он продолжал заниматься политикой, а также посвятил себя воспитанию молодежи, возглавляя различные праворадикальные

милитаристские организации, авторитет ветеранов-«балтийцев» в которых был весьма высок. От их имени и по поручению части германских промышленников именно он в сентябре 1931 года потребовал от рейхспрезидента П. фон Гинденбурга передачи власти в руки НСДАП. В 1932 году его кандидатуру едва не выдвинули на пост главы республики. После прихода к власти А. Гитлера Р. фон дер Гольц постепенно лишился политического влияния, оставшись во главе не имеющего значения «Союза германских офицеров рейха». Гитлер более не нуждался в услугах престарелого генерала, хотя благоволил к ветеранам боев в Прибалтике, придав их особой наградой — Балтийскому кресту — статус государственной, а их отставному лидеру пожаловав звание генерал-лейтенанта. Неутомимый борец с большевизмом и либерализмом недолго прожил после краха Третьего рейха: в ноябре 1946 года он умер в одном из поместий на юге Баварии в глубокой старости.

Хочется надеяться, что книга будет полезна не только специалистам, но и всем интересующимся историей Гражданской войны в России, Гражданской (Освободительной) войны в Финляндии, историей Германии периода Великой войны и революции, историей прибалтийских стран — в особенности Латвии.

Л. Ланник

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миссия в Финляндии и трагедия в Прибалтике отошли в прошлое столь недавно, что и личные, и политические причины не позволяют срывать покровы со всех их побудительных мотивов и перипетий. Однако оба этих события на исходе Мировой войны, несмотря на многократное их рассмотрение, вызвали столь глубокий интерес внутри страны и за ее пределами и были так тесно связаны с важнейшими вопросами будущего Германии и Европы, что мне нельзя было пренебречь многочисленными призывами опубликовать мои воспоминания об участии в качестве руководителя обеих этих миссий.

Содержание нижеследующих страниц довольно субъективно. Однако само изложение событий, подкрепленное служебными материалами и личными записями, соответствует действительности и описывает их по возможности с объективной стороны. Ничего не было передано просто по памяти.

То, чего я хотел и о чем думал как участник событий, было оценено — в зависимости от политических взглядов — очень по-разному.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Мой кузен Биссинг впервые увидел пирамиды еще маленьким мальчиком. Он стал египтологом. Первое детское впечатление оказало решающее влияние и на меня. Войну 70-го года я пережил 4-летним мальчиком. Бои и смерти за величие Германии, за воплощение тысячелетней мечты Германии об империи, неустанная, самоотверженная работа на благо Отечества, которую изо дня в день до глубокой ночи вел мой отец, будучи плохо оплачиваемым, бедным прусским ландратом¹, наряду с ранней смертью моей матери оказали столь глубокое влияние, что для меня стало несомненным: моя жизнь принадлежит Отечеству.

Потсдам, откуда начал восхождение по карьерной лестнице отец, своими памятниками скромному величию прусских героев только укрепил веру в мои идеалы. Я захотел стать солдатом. И хотя мой великолепный учитель истории обратил мои помыслы на изучение истории, истории Отечества, однако мне вскоре стало ясно: Господь создал меня быть человеком действия, а не ученым.

После года обучения за границей, расширившего мой кругозор, в Потсдаме я вступил в полк короля Прусского, который носил имя фон дер Гольца² до того, как великий король, еще будучи кронпринцем, встал во главе него в Рейнсберге.

Жесткая солдатская школа, особенно суровая в этом старом прусском полку, который стремился оставаться образцом для всей армии, была несколько стеснительной для слишком самостоятельных персон. Однако она являлась лучшим местом для воспитания патриотизма и характера из тех, что когда-либо существовали на этой земле. Именно ее в первую очередь прусский и немецкий народ должен благодарить за свой политический и экономический

взлет, потому что юный немец, лишь став солдатом, узнавал, что такое отдать все свои духовные и телесные силы службе общему делу. Весьма показательно мнение одного американца о том, что своим ошеломляющим и громадным экономическим развитием Германия обязана всеобщей воинской повинности. Естественно, было и весьма много усердных немцев, которые никогда не были солдатами, другие же по натуре своей относились к военной службе уклончиво или даже враждебно; кое-что действительно нуждалось в обновлении, однако в целом процитированное выше соответствовало действительности. Поэтому величайшей виной на счету «прославленной»³ революции, вероятно, является то, что она столь основательно разгромила тот фактор культуры, каким были прусско-германские вооруженные силы.

Я смотрел в старые мудрые и серьезные глаза кайзера Вильгельма I, этого истинного образца прусского благородного, строгого выполнения долга. В тот вечер, когда он умер, я, плача, стоял у его смертного одра, и мне, как и тысячам других, казалось, будто бы весь мир замер, как если бы начиналась совершенно новая эра германской истории. И мы чувствовали верно. 9 марта 1888 года означало столь же поворотный пункт, такой же исторический рубеж, как и 9 ноября тридцатью годами позже.

Кронпринц, ставший позднее кайзером Фридрихом, как и кайзер Вильгельм II, всегда был благосклонным ко мне начальником. А от самого двора я держался довольно далеко.

При кайзере Вильгельме II офицерский корпус работал лихорадочно. Тактика всех родов войск развивалась по новым, современным направлениям. При гениальном графе Шлиффене обучение стратегии, а также образование в Генеральном штабе достигло высшей точки. Возможно, приходилось работать слишком много. Поэтому некоторые высокоодаренные старшие офицеры Генерального штаба уже имели не столь свежие нервы, каких требовала четырехлетняя война, а некоторые другие выдающиеся личности вынуждены были настолько сконцентрировать свои силы на профессии, что оказались почти беспомощными перед той новой обстановкой, в которой их застала революция.

В офицерском корпусе произошла огромная имущественная перемена: тяга к роскоши, благополучию, внешним условностям и карьеризму — явное отступление беззаветного пруссачества перед корыстными нравами, естественно, не прошло бесследно. И в этом для целого народа заключалась явная опасность, в которой крылись тревожные признаки грозящей гибели. Однако, несмотря на это,

офицеры твердо придерживались старой стези чести и строгого исполнения долга, и они вполне осознавали свою задачу составить антитезу начинающемуся разложению. Против недостойных представителей корпуса выступали без всякой пощады.

Моя карьера очень рано привела меня в Военную академию и в Генеральный штаб, к которому я и был приписан в течение 13 лет с двухлетними перерывами в качестве командира роты и батальона. Я с благодарностью вспоминаю о многих выдающихся командирах и товарищах, на примере которых я смог продолжить свое развитие. Каждый из генералов, у которых мне пришлось служить офицером Генштаба⁴, был своеобразным человеком, и они являли собой доказательство того, что внешне столь нивелирующая военная служба не подавляет личности, а лишь оттачивает характер.

В 1905 и 1906 годах я служил на должности первого офицера Генштаба в штабе корпуса в Магдебурге под руководством будущего фельдмаршала фон Гинденбурга, которого впоследствии столь боготворила Германия. Тогда же он был любимым и всеми уважаемым командиром корпуса, который как человек и как солдат превосходил всех своих подчиненных. Широко известны были его критические замечания, в которых он немногими краткими фразами всегда попадал в самую точку. Особое значение этот выдающийся человек придавал обучению офицерского корпуса, души армии.

Германская армия растратила многих, кто являл собой истинные дарования и безвестно пропал, однако для меня остается крайне сомнительным, что Германия сумела бы подняться на более высокую ступень развития, если бы все эти таланты при недостаточном размере достойной упоминания армии мирного времени смогли бы избрать себе иную профессию. Ведь народ тогда стал бы изнежен и вырожден бы так же, как и в императорском Риме. Если германский народ хотел оставаться народом мужчин, следовало обязательно создать замену всеобщей воинской повинности, не давая этому помешать соображениям внешней политики.

Я трудился в Генеральном штабе в английском отделе, когда в 1897 году проявились первые признаки враждебности со стороны Англии в отношении Германии. В 1904 году мой командир дивизии, генерал фон Лёвенфельд, был командирован в Англию к Эдуарду VII. Перед своим отъездом он застал нашего кайзера в большой тревоге, ведь «богатый купец по ту сторону моря хочет умертвить молодого многообещающего конкурента». В 1905–1906 годах в качестве первого офицера Генштаба я корпел в Магдебурге над

планом мобилизации, чувствуя, что упорная и непрерывная работа, проводившаяся все эти годы, на этот раз действительно будет осуществлена на практике. Месяц март, непосредственно предшествующий начинающемуся 1 апреля новому мобилизационному году, показался настолько политически напряженным, что не было уверенности даже, по какому плану придется проводить мобилизацию: по новому или все-таки по старому.

Об агрессивных планах с нашей стороны никогда не было и речи, только лишь о том, чтобы Германия и далее могла не давать себя в обиду в случае недостойного обхождения с ней со стороны держав Антанты. Сколь бы незначительными ни были эти личные переживания, они еще раз показывают, сколь долго витала в воздухе мировая война и сколь детскими являются попытки найти виновного в случившемся наконец извержении давно уже дымившегося кратера. Если же, однако, Англия требует перед своим форумом⁵ назвать истинного зачинщика, то, будучи непосредственным виновником, стоило бы действовать по принципу «Лучшая защита — это нападение».

ВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ВПЛОТЬ ДО МИССИИ В ФИНЛЯНДИИ

Начало войны застало меня во главе гамбургского полка, и я в впоследствии был счастлив от того, что, согласно моему мобилизационному расписанию, которое было установлено для меня еще 5 месяцев назад, я должен был стать начальником штаба одной из тыловых инспекций, чего смог избежать.

Моя прежняя деятельность в английском отделе и довольно продолжительное пребывание в Гамбурге, а также близкое знакомство с тамошними купцами и сенаторами, заставили меня крайне серьезно отнестись к объявлению войны Англией. Поэтому я куда более, нежели принято в глубине Германии, был проникнут уважением к величию, мощи и ресурсам, имеющимся в распоряжении Англии. По моему мнению, здесь сказалось упущение нашего самого по себе серьезного классического и направленного на изучение отечественной истории школьного образования, не давшего старшеклассникам представления о соотношении сил на этой планете, как и попросту то, что ни учителя, ни большинство ученых мужей не имели о нем никакого представления.

И мне было тяжело найти себя в обстановке этого всеобщего воодушевления и скрыть мои тревоги от подчиненных.

Поэтому для меня с самого начала поддержкой служило не воодушевление, а горячая любовь к Отечеству, вера в германскую армию и ее исторические задачи, верность долгу, стремление к свершениям и то нравственно-религиозное мировоззрение, которое непременно требуется и командиру в его отягощенной ответственностью роли, и солдату как в хорошие, так и дурные часы. Тому, кто не располагал этим или каким-либо иным твердым нравственным началом, кто преследовал интересы личного честолюбия, кто был

слишком зависим от благополучия, кто не соединил твердость и сердечность в интересах дела ради своих подчиненных, тот не мог выдержать тяжести войны, никогда не мог стать вождем, на которого полагаются подчиненные, о которого, как о скалу, разбивались бы штормовые волны. В доказательство справедливости этих слов я мог бы указать на нескольких весьма умных людей, которые пользовались большой славой в мирное время, но на войне оказались не годны или разочаровали. Характер — самое важное в жизни и уж тем более на войне. Это, кстати, должны принять во внимание и те, кто и сегодня отвечает за наше школьное образование, пусть и не дополняемое теперь всеобщей воинской повинностью. Если не удастся воспитать характер и взрастить личности, то таким людям не поможет и вся мудрость небесная и земная.

Гамбуржцы, из которых социал-демократов едва ли не 85 %, которых я должен был вести на поле боя, под моим командованием великолепно сражались вплоть до конца войны. Не было никого, кто не пел бы с воодушевлением «Вахту на Рейне», когда мы около полуночи проезжали через эту легендарную реку. Я с благодарностью и удовольствием вспоминаю о том охотном и непременно повиновании, с которым стрелковые цепи развертывались перед противником, когда во время первых боев в качестве командира приходилось помогать солдатам преодолевать гнетущее поначалу впечатление, об их выдержке под тяжелым артиллерийским обстрелом с пением «Держись, держись — в рокоте бури»⁶, и в их память кладу дубовый венок на могилу моих героев, которые верные долгу, с верой в величие Германии и в полную доверии к своему целеустремленному командованию отправились на смерть*.

Военный, но также и политический вождь⁷ имел возможность работать с прекрасным материалом в нашем лице. Речь идет о величии германского духа. С ним можно добиться бесконечно многого, если сыграть на правильной струне. К тому же многим немецким мужчинам свойственны врожденная дисциплина и почтение к властям, которые выражались в хранимом почти до самого конца монархическом чувстве, а также в огромной любви

* Здесь уместно указать на весьма достойную книгу «С полком Гамбурга во Франции 1914–1916» авторства павшего, к сожалению, в финале битвы на Сомме лейтенанта резерва Арендса. Кульминацией ее является последняя глава «На Сомме», в которой после драматического описания героических подвигов содержатся такие слова: «Если бы я мог пожаловать знаки отличия, то корону чистого золота я положил бы на голову каждого из этих безымянных героев». (Здесь и далее под звездочкой постраничные примечания из оригинального издания. — *Примеч. ред.*)

к Родине, легко превращавшейся в любовь к Отечеству в целом. Люди германского племени, кроме того, по большей части прирожденные солдаты. Солдатская выучка, надо сказать, глубоко въелась в их плоть и кровь. С этими блестящими качествами войск военные вожди смогли поддерживать армию в верности и боеспособности на протяжении 4 лет при тяжелейших военных, политических и моральных обстоятельствах.

Главной задачей высшего командования было не только следить за тем, чтобы младшие командиры были духовно и физически зрелыми для своей задачи, но также и за тем, понимают ли они сами, как воздействовать своим характером и личным примером на меняющийся младший офицерский состав и войска. Тот, кто не мог показать личный пример, должен был быть беспощадно отстранен или по меньшей мере на долгое время быть удален от крайне нервизирующего воздействия войны.

Пример — это все. Это слово подходит для солдат в мирное время и еще более — на войне. Командир — это его военная часть. Эту истину может подтвердить всякий бывалый солдат. Некоторые из полков, которым посчастливилось долгое время иметь в командирах полка выдающуюся личность, достигли благодаря этому такой военной славы, которой не видать было другим только лишь из-за менее подходящих командиров.

Мне много раз приходилось, впрочем, всегда после тяжелой внутренней борьбы, снимать с постов заболевших или слишком старых подчиненных, хотя зачастую как люди они мне нравились. И все же я придерживался того мнения, что родители, которые позволили своим юношам отправиться на поле боя за Отечество, вправе требовать, чтобы теми хорошо командовали. И это пожелание было важнее, нежели благополучие посредственных командиров. Кроме того, речь всегда шла о личности. Хотя в целом я с благодарностью вспоминаю о моих подчиненных, однако мог бы среди многих умелых командиров, которые были у меня, привести в пример лишь нескольких, продемонстрировавших на различных постах, что личность командующего оказывает решающее воздействие на войска: барон фон Вангенхайм из 89-го гренадерского полка, фон Кессель из 93-го резервного пехотного полка, граф цу Эйленбург из 1-го гвардейского гренадерского полка, Райнхард из 4-го гвардейского гренадерского полка, Бюркнер из 150-го пехотного полка. Из них полковник Райнхард (не военный министр)⁸ стал широко известен после революции в Берлине, так как он с присущей ему решительностью спас правительство Эберта-

Шейдемана от уличной черни и позднее за это ими был отдан в жертву этой же черни.

Уже на второй день после перехода границы под Люттихом⁹ мы попали под обстрел тяжелой артиллерии. Блестяще подготовленная из местных жителей разведывательная служба заранее оповестила форт Понтуаз о нашем прибытии в деревню Дальхем. Южнее Тирлемона в Угарде моя бригада вступила в тяжелый уличный бой с его обитателями. Один бельгийский поп¹⁰ ложными заверениями, что все будет спокойно, увлек головные части 75-го пехотного полка в ловушку, а затем пытался скрыться (что удалось предотвратить) и после сам пал от своей же бельгийской пули, когда внезапно из всех дотоле занавешенных окон на ничего не подозревающую 3-ю роту бременского полка обрушились залпы.

И 23 августа бельгийские мирные жители участвовали в боях с 3-м батальоном моего полка.

Я имел счастье лично командовать моим полком в течение трех дней его главных боев, которые он вел самостоятельно: будучи фланговым прикрытием в ходе большого сражения на Самбре у Монса 23 августа, в победоносном бою преследования в авангарде 5 сентября у Лёза и также днем позже в первый день битвы на Марне у Эстерне юго-восточнее Парижа. Там я был ранен.

Первый дом, в который меня принесли, был подожжен, так что мы все вышли наружу, даже я с моей хромой ногой. Затем я в качестве одного из первых раненых был размещен в алтаре церкви в Эстерне и смог, наблюдая, составить впечатление об удрученном, но решительном настроении в быстро заполняющемся сотнями раненых храме. Когда церковь долгое время обстреливалась тяжелой артиллерией, под которую мы тогда попали впервые, то казалось, что можно было слышать, как падают на землю листья. Ведь это вполне в человеческой природе — то, что раненый, беспомощный, неподвижный, обреченный на бездействие куда более увлечен жизнью, нежели храбрый стрелок в передних рядах, который охвачен только одной мыслью: «Ты или я».

Тут в церковь, прихрамывая, вошел командир пострадавшей более всех 6-й роты капитан Нау. Раненые, насколько они могли это сделать, приподнялись: «Господин капитан, господин капитан!» Они вновь обратились к своему любимому командиру, этому прекрасному солдату. Такова была наша старая прусская армия. Этот образцовый воин в 1916 году, окруженный со всех сторон, раненым попал в английский плен и тяжело страдал от своего бездействия. И как же новая «славная» Германия собирается использовать мужчин и солдат подобного уровня во благо Отечества?

Позднее я получил любезный прием в госпитале Луизы в Аахене и даже счастье иметь возможность позаботиться о моем старшем сыне, долгими неделями боровшемся со смертью, который в Аахен был доставлен из находящегося под угрозой нападения английской кавалерии полевого лазарета лично моей женой. Злой рок войны уже стоил мне моего второго сына. В приложении приведены его прощальные письма как пример сегодня уже, к сожалению, забытого настроения 1914 года. Эта скорбь и назойливый вопрос каждое утро: «Жив ли еще другой сын?», не особенно способствовали тому, чтобы мое пребывание в лазарете стало временем отдыха. Однако сильная здоровая натура, искусство профессоров Динклера и Марведеля и материнская забота позволили моему сыну выстоять против газовой флегмоны с потерей одной ноги.

И все же опасность моему здоровью даже близко еще не была преодолена, когда спустя 4 недели я решил со все еще открытой раной вернуться на фронт, так как опасался опоздать к завершению войны¹¹. Тогда даже командир полка имел слабое представление об общей обстановке.

Я вновь возглавил свой полк, в котором зияли болезненные бреши, до сих пор еще не залатанные. Погиб и храбрый командир бригады генерал фон Левински¹². Вскоре после этого я получил под командование еще и смешанную бригаду Гольца, в которую входили артиллерия, саперы и тогда еще не достигший должного уровня рейнский ландверный пехотный полк.

Изначально мой полк привлекался к тому, чтобы принять участие в прорыве по направлению в Мондидье. Однако от него затем отказались, и теперь мы очутились на широком, еще не сомкнутом фронте, ведя позиционную войну, обучиться которой, в достаточной мере оборудовав позицию, было не столь легко, как полагают дилетанты. Ведь мы в мирное время никогда не задумывались о такой возможности и должны были в буквальном смысле переучиваться.

В конце ноября я скрепя сердце вынужден был разлучиться с моим полком, запавшим мне в душу посреди этой нужды и смерти, и встать во главе мекленбургской 34-й пехотной бригады, которая тогда также была сформирована как смешанное подразделение всех родов войск и находилась южнее Нуайона. Своей верностью, надежностью и блестящей стойкостью в тяжелых рождественских оборонительных боях 1914 года это в противоположность гамбургцам тяжеловесное мекленбургское пополнение заслужило мое полное доверие.

Мы уже тогда наносили основательно подготовленные, в том числе разведкой, артиллерией и минометными обстрелами удары, ведя позиционную войну наступательно, наводя ужас на противника и снижая потери. Ведь ничто так не кровопролитно, как оборона, ничто так не способствует поражению, как превращение в наковальню.

Для такой тактики требовалось прежде всего умение воссоединить части различных родов войск. Продолжительное мирное время не могло научить этому хотя бы потому, что не было боеприпасов, подходящих для обоих главных родов оружия. И теперь это следовало наверстать. Неделями напролет я каждый вечер собирал у себя командиров, или по меньшей мере артиллеристов, и старался добиться взаимного понимания и совместных действий во благо общих интересов без соперничества друг с другом. Чуждость и ревность даны немцу от рождения, и я всю войну провел, сражаясь с ними, не испытывая к ним никакого сочувствия. Однако с тех пор партикуляризм отдельных племен стал играть меньшую роль, нежели ранее, но специфика и ревность остались в политической жизни, в области партий, сословий и профессий, и в военной — в виде конкуренции родов оружия и войсковых частей. Война в этом смысле оказала воспитательное и объединяющее воздействие. Я опасаясь только, что и здесь революция разобьет на части все то, что столь обнадеживающе скрепила пролитым совместно потом общая борьба за величие Германии. Указание на то, что именно революция, как она об этом заявляла, сделала нас единым братским народом, пока что не соответствует действительности. Покамест мы все еще находимся посреди гражданской войны и озлобления граждан друг против друга.

Я с благодарностью вспоминаю о моих мекленбургских пехотных и артиллерийских полках, о некоторых дорогих товарищах и в особенности обо всех моих адъютантах и офицерах Генштаба за эту войну, о моем тогдашнем прекрасном командире артиллерии, подполковнике Мишели; то же относится и к моим начальникам, командиру корпуса, а затем и командующему армией фон Квасту, солдату с головы до пят, и о моем умелом командире дивизии Штенгеле, преемнике храброго генерала фон Бауэра.

Тем менее приятно я был поначалу удивлен, когда в конце мая 1915 года мои мекленбуржцы должны были поменяться со стоявшей в северной Польше у Прасныша 5-й гвардейской пехотной бригадой. В ходе этой переброски у меня был один-единственный день для полного тоски свидания с моими близкими, погребения

вместе с ними моего сына в родной земле, после чего я отправился навстречу новым военным свершениям.

Позиционная война на Востоке тогда была не слишком опасна, однако войска делали куда большие, нежели на Западе, успехи в атаках, которыми они по праву могли гордиться, но личные переживания и лишения на Востоке были даже больше, — по крайней мере до того момента, когда на Западе, с началом сражения на Сомме, война приняла особенно ужасающий облик¹³.

Едва только я устроился, как по представлению уже долгое время знавшего меня начальника штаба корпуса Рейнхардта, впоследствии военного министра, получил назначение командующим частной атакующей операцией. Ее целью было задержать противника, который после прорыва у Горлице становился на нашем фронте все слабее. Крайне тяжелая атака готовилась в течение 14 дней и полностью удалась, так что даже вошла в учебники. Однако впоследствии у меня все же возникли сомнения, достигла ли своей цели локальная атака со столь ограниченной миссией сдерживать противника и не было бы правильнее вместо множества мелких предпринять одно большое наступление с более масштабными целями.

К приготовлениям к этой атаке примыкали и другие — для масштабного прорыва 13 июля 1915 года, который в ходе почти ежедневных боев привел оба моих прекрасных гвардейских полка — гвардейский егерский батальон и 93-й пехотный резервный полк под руководством их великолепных командиров фон Радовица, Рандта, фон Глушевски и фон Кесселя — на малую Березину к югу от Вильны¹⁴. Утром 13 июля после дотоле неслыханного здесь ураганного огня была прорвана первая оборонительная полоса, затем состоялось продвижение к новой мощной позиции, была прорвана и она, днем позже успешно атакована под вражеским фланговым артиллерийским обстрелом позиция на холмах, а затем началась атака крепости на Нареве Рожаны, которая также была взята. Кроме того, удалась и тяжелая переправа через Нарев под фланкирующим огнем артиллерии противника. Мощные контратаки едва не отбросили нас назад в широкую реку. Надежда обрести теперь свободный путь для стратегического окружения Варшавы была напрасной. Раз за разом перед нами оказывались новые позиции, которые могли быть взяты лишь после тщательной разведки, артиллерийской подготовки, при подходе по большей части в темноте и штурме в утренних сумерках. Порой русские избегали германских штыков и ночью отходили. Деревни, которые заранее были подожжены казаками, стали встречаемым с ликованием команди-

рами и гренадерами знаком того, что на этот раз успех достался им без пролития крови. Однако по большей части наступление сопровождалось все же тяжелыми боями, командовать в которых также было непросто, а тяжесть которых стала забываться лишь после еще более серьезных боев на Западе. Несмотря на громадное физическое напряжение, они были мужественно пройдены, ведь раз за разом победы войск становились все более блестящими.

Эти 3 месяца чрезвычайно трудных, но победоносных наступательных боев оставили мне самые прекрасные военные воспоминания и навсегда связали меня с военными товарищами из всех родов войск, так как я в качестве тактического командира на передовой имел со всеми ними особенно тесный контакт. Они знали, что я никогда не позволял себе требовать неподготовленной атаки по стратегическим соображениям, сверху, которая бы, по моему мнению, не имела перспектив, а потому охотно следовали моим указаниям, даже если зачастую я был вынужден требовать жестко. Благодаря этой тактике бригаде ни разу не понадобился вывод в резерв, потому что сберегли кровь ее солдат, и даже командующий корпусом однажды окрестил ее «дивизией, которая всегда на передовой».

С другой стороны, если бы было возможно для тактического командира на переднем крае больше использовать свой успех, вместо того чтобы с оглядкой на соседей методически придерживать его, я при моей тогдашней скромной точке зрения никогда не пошел бы на решительные действия. Тогда я слишком часто поддавался эмоциям. И это было бы тем более объяснимо, что мы после наших атак под громкое «Ура!» в самом начале войны из-за неопытности, стоившей нам такой крови, но приведшей, однако, к столь блестящим успехам, впали в другую крайность, в чрезмерную методичность.

В остальном же наши начальники — фон Галльвиц, барон фон Ваттер и граф Швайниц — пользовались полным доверием войск, и все крайне сожалели, когда впоследствии последний из них, командир дивизии, вынужден был отправиться на родину, в тыл из-за прогрессирующей болезни; она унесла его еще до окончания войны.

В октябре эта блестящая дивизия, пользовавшаяся на Востоке особой известностью, была отправлена на Запад, пополнена, подготовлена для прежде незнакомой ей позиционной войны западного образца и удостоилась продолжительного отдыха под Камбре. После того как все три моих прекрасных полка один за другим и по отдельности были введены в бой на различных фронтах между

Ипром и Альбером, последовало и их совместное участие в бою на высотах Вими. Успешное участие в одной крупной частной атаке и хлопотливая минная война показали, что дивизия оказалась на высоте и на Западе, после чего она до последнего оставалась в тяжелейших оборонительных и наступательных боях. 4-я гвардейская пехотная дивизия всегда будет числиться в ряду самых блестящих дивизий Мировой войны.

И тем печальнее было уезжать, прерывая прекрасные доверительные отношения, налаженные между мной как командиром и войсками, ввиду моего внезапного почетного назначения командиром 1-й гвардейской пехотной бригады в начале июня 1916 года, к тому же я поначалу располагал лишь двумя полками на спокойном участке фронта — конечно же, моим старым гордым 1-м гвардейским полком и его «дочерним»¹⁵ полком, 3-м гвардейским. Гвардейский корпус на Западе, Востоке и вновь на Западе за первые год с четвертью совершил столь выдающиеся подвиги, что всегда привлекался ко всем крупным сражениям, теперь же, лишь недавно пополненный офицерами и солдатами, он располагался на спокойном участке фронта между Руайе и Нуайоном.

Я использовал это время, чтобы познакомиться с моими подчиненными и начальниками, что мне вполне и удалось, даже когда 3-й гвардейский полк в феврале 1917 года вошел в 5-ю гвардейскую дивизию, а я получил под свое командование 2-й и 4-й гвардейские полки. С моим командиром дивизии, принцем Эитель-Фридрихом Прусским, офицером истинно солдатского образа мыслей, превосходнейшего характера и чувства долга и с уже приобретенной в качестве командира полка славой за счет его большой личной храбрости, я быстро сблизился, установив взаимопонимание и обоюдное доверие. Время отдыха было кратким. В конце июня началось сражение на Сомме, а для нас — мощный артиллерийский и минометный обстрел. Каждый вечер мой принц спрашивал меня, считаю ли я, что предстоит атака пехоты, которой при наших растянутых и тонких боевых порядках и слабой артиллерии мы ни в коей мере не сможем выдержать. Скажи я «Нет!», и я взял бы на себя ответственность за неудачу и прорыв, который угрожал бы всему Западному фронту севернее Руайе. Скажи я «Да!», и я притянул бы резервы и артиллерию, которые были бы нужнее на иных участках фронта. У меня были основания оставаться при своем мнении, ведь я полагал мощный обстрел блефом и оказался прав.

Первого июля на Сомме началась и битва пехоты. Тремя неделями позже мы оставили свою позицию, чтобы, после краткого

времени на отдых и обучение между Морепа и Клери чуть севернее Соммы, быть введенными в бой в момент величайшей опасности. Каждое утро я как командир дивизии посещал своих командиров, чтобы составить собственное впечатление, а затем ехал в штаб дивизии, чтобы там вместе с расположившимся в сильно обстреливаемой деревне командиром полевой артиллерии полковником фон Хайдебреком, одним из лучших артиллеристов в войсках, позаботиться о слаженных оборонительных действиях. То, что было совершено этими четырьмя славными полками в те ужасные дни, когда, несмотря на мощнейший обстрел, они не уступили ни пяди земли, словно башня, возвышается над всеми подвигами, о которых вообще могут рассказать предания и история. При этом солдаты скромно и неуклонно выполняли свой долг и впоследствии не любили говорить о своих свершениях и отмахивались от воспоминаний об этих дурных временах, как от кошмара. Немногочисленными Железными Крестами я пытался вновь поднять дух накануне нового боя после 2–3-дневного пребывания в плохо устроенных и небезопасных блиндажах резерва и втайне удивлялся тому, сколь много мужества и беспрекословного исполнения долга выказывается на моих глазах, в то время как я продолжал предъявлять жесткие требования и затыкал себе уши, если мне в отчаянии докладывали: «Так действительно больше нельзя, этого слишком много!» Ведь поначалу о смене нам нечего было и думать, так что я должен был превозмогать себя и говорить: «Так должно быть, так должно быть обязательно».

Они все повиновались и выполняли свой тяжкий долг, хотя нервы столь часто угрожали сорваться. Мне не было известно ни одного случая, чтобы хоть одна из 60 пехотных и пулеметных рот хотя бы временно не справилась со своей задачей. Вероятно, тяжелее всего пришлось 3-му гвардейскому пехотному полку в памятной ложбине Клери — Морепа, поэтому спустя некоторое время там пришлось ввести в бой баварскую¹⁶ резервную часть. Командир баварского батальона заявил, что второй раз в этот ад его люди не пойдут. Я поехал к нему на передовую, ласково поговорил с ним — и он словно преобразился. Он безупречно командовал своим батальоном в тяжелейшем оборонительном бою и пал в нем. Я храню благодарную память об этом красивом, храбром, белокуром германце.

Я как командир получил большое признание за мои тогдашние действия. Однако любые действия командира даже при часто возникающей опасности, в которой он оказывается, должны отойти на второй план перед верностью долгу до самой смерти капитанов,

лейтенантов и гренадер, которые никогда не уступали даже в условиях постоянной опасности и не позволили ни одному из соседей увидеть свой отход. Поэтому я всегда считал, что ношу свои военные ордена — за мои храбрые войска, за их павших или раненых героев.

Однажды ночью мне доложили, что 4-я рота 1-го гвардейского пехотного полка более не имеет контакта с соседом справа, а 3-я рота, должно быть, отошла. Это привело меня в сильное волнение, и я отдал приказ закрыть брешь. На следующее утро выяснилось, что в 3-й роте все убиты или ранены, а немногие выжившие, после того как храбрый командир роты фон Вердер был ранен в голову и вынесен с поля боя без сознания, сбились на другом фланге.

После смены в одной роте 4-го гвардейского пехотного полка не хватало 4 солдат. Следовало полагать, что они оставили позицию, не получив ран. В этот час на данном участке столь сильный до толе огонь по путям смены на позициях ослабел. Где же они могли быть? На следующее утро они вернулись, неся тяжелый груз в полотнище палатки. Это был их убитый ротный командир, совсем юный лейтенант фон Дюринг. «Мы не хотели оставлять там впереди, посреди воронок нашего лейтенанта, как прочих, мы хотели бы похоронить его по всем правилам».

«Наших людей надо бы расцеловать», — написал как-то в 1866 году Бисмарк своей жене¹⁷. Они были куда более достойны любви в этой еще более ужасной войне, даже в 1917 и 1918 годах, даже и в линейных¹⁸ войсках (которыми я позднее командовал), вплоть до последнего пополнения, которое должно было заполнить бреши, но прибывало с Родины на фронт уже озлобленным и бунтовавшим на многих участках еще до того, как они были введены в бой.

При таких режущих глаза доказательствах наши революционеры еще осмеливаются утверждать, что они не виновны в проигрыше этой войны. При этом, к примеру, кёнигсбергская «Фрайхайт» от 7 ноября 1919 года заявляет, что вожди революции добились того, что из 100 человек пополнения едва 10 пересекли Рейн, а в казармы все они прибывали уже вполне созревшими. Одновременно в одной опубликованной поэме хвастливо заявляется еще и о том, что те, кто сделал революцию, были «по большей части иностранцы».

И в этом — величайшее утешение. Наш народ не так плох, как ныне кажется некоторым пессимистам. Под хорошим командованием он может быть даже «достойным поцелуев». Однако это более чем что-либо требует национального руководства, потому что его

пороками являются тяга к филистерству, критике, восхищение перед заграницей, а тем самым и космополитизм. Иные даже объявляют последнее своим идеалом. Жаль только, что прочие народы мыслят не столь интернационально. Они используют наш космополитический «идеал», чтобы одерживать над нами победы и за наш счет преследовать собственные империалистические цели; bravому немцу они кажутся естественными даже у только что ставших независимыми чехов, поляков, латышей, эстонцев, и лишь со стороны самого немца подобное поведение оказывается преступным. Подобная чрезмерно скромная самооценка у такого логичного народа, каким мы все же хотели бы остаться, кажется попросту болезненным, патологическим явлением. Или же это — творение большинства наших журналистов, вовсе не германского племени, принадлежащих к народу, рассеянному по всему свету, которые знают, как использовать эту предрасположенность к космополитизму, доходящую до самооплевывания?

В любом случае ясно одно: до середины 1918 года военные вожди представляли себе, как при хоть все еще достаточном снабжении, но при этом тяжелейших лишениях, нагрузках, нечеловеческих условиях расквартирования и крайне редкой смене частей на передовой, под жесточайшим обстрелом поддерживать в войсках чувство долга жертвовать своей жизнью. Большинство политических руководителей и военных в тыловых частях, однако, не понимали, как можно сохранить на прежней высоте дух патриотизма и единства 1914 года. И на родине народ стойко держался — и это в условиях недостатка продовольствия, необузданного корыстолюбия партийных вождей, в ситуации, когда против провокаторов не выступали столь же жестко, как в стане наших противников, что является виной исключительно партийных руководителей.

В войсках сплоченность командования и доверие к нему оправдывали себя вплоть до отставки Людендорфа. На родине и то, и другое уже в 1915 году были в прошлом.

Я еще командовал на этом участке, когда сменившие нас непруссские, резервные¹⁹ части утратили позиции, которые мы удерживали 3 недели. Прорыв по своим последствиям оказался бы еще более тяжелым, если бы не другие резервные части и отдельные еще остававшиеся на позициях в качестве опоры фронта «островки» из гвардейских рот, которые удержались, в том числе в вошедшем в историю песчаном карьере у Клери и в многократно переходившей из рук в руки ложбине Морепа, и в конце концов

выстояли бы и ночью. То, как долго они держались, доказывает, что противник прорвался бы еще дальше, если только не были бы подведены подкрепления с тыловых позиций. Приказ высшего командования прочно удерживать эти позиции с помощью «надежных гарнизонов» на многих участках мы выполнить не смогли, потому что нас так прижал к земле артиллерийский обстрел противника, что бывало, гарнизон уничтожался еще прежде, чем выступал для выполнения своей задачи.

Однако я должен категорически заявить: имевшийся разрыв между боеспособностью гвардии и резервных частей не стал более значительным. И здесь поддались лишь отдельные части, в то время как другие, с командирами, у которых были более крепкие нервы, исполнили свой долг безупречно. Слабость соседей принесла выстоявшим прозвище «львов Бушавена²⁰». И это свидетельство того, как дух товарищества и воинский престиж всей германской армии могут противостоять некоторым отдельным неудачам.

После краткого пребывания на фронте на старом месте у Нуайона 1-я гвардейская пехотная дивизия в начале ноября вновь прибыла на Сомму, на этот раз под Перонн южнее изгиба реки по обе стороны высоты Мезоннет. Жаль только, что от гордых домиков Мезоннета, где раньше располагался штаб дивизии, буквально не осталось камня на камне. На одном участке располагался эпицентр разрушений. Там сражались люди.

Сражение на Сомме уже постепенно сходило на нет. И тем больнее было осознавать, что уже в первый же день пал командир 1-го гвардейского пехотного полка фон Бисмарк, и его grenадеры, так же как и его любимый отец, оплакали его. Он был моим старым другом с лейтенантских времен.

Как только обстрел постепенно стих, зимой на илистой почве с заполненными водой воронками от гранат в ходе кажущейся почти бесполезной работы надо было позаботиться о возведении позиции с прикрытыми окопами и ходами сообщений, а также о сносных и защищающих от выстрелов блиндажах. Планы высшего командования часто переоценивали то, чего можно было достигнуть на практике, однако это было объяснимо, ведь командование желало гарантий устойчивости фронта в будущем, возможности сэкономить боевые силы на оборудованной позиции и отвести их в тыл для отдыха и обучения. И здесь при поначалу не столь малых потерях все части выдержали и совершили нечто, достойное восхищения.

Мои частые поездки и прогулки по позициям не лишены были романтической прелести. При свете луны и в сиянии звезд через обстреливаемые деревни и лежащий в руинах Перонн, мимо войсковых колонн, возвращающихся назад, мимо длинных верениц телег местных жителей, которые в их же собственных интересах отправлялись в тыл из обстреливаемых деревень — в своей лучшей одежде и с немногими пожитками они ехали гордо, без стеснений, отрекаясь от всего; а наверху, на позиции — на горизонте сполохи света самых различных цветов. Сначала ехали на автомобиле, затем шли пешком по трудноразличимым дорогам, по длинным наведенным саперами мостам, через широкую долину реки — к позиции. Так как окопов поначалу не было, а после по ним зачастую невозможно было передвигаться, я отправлялся вперед как можно раньше, так что выезжал еще в потемках и мог еще не узнанным, но зато видя обстановку своими глазами, выйти из окопов, чтобы провести рекогносцировку и отдать распоряжения. И я не хотел бы опускать это время в своих воспоминаниях.

Атакующий дух войск поддерживался мелкими и крупными операциями, устанавливающими силы противника на нашем участке. Параллельно собирался опыт проведения таких атак в ходе позиционной войны, а также отрабатывались навыки обороны. Ведь тактика постоянно менялась, а в ее дальнейшей отработке с воодушевлением участвовали командиры всех званий. Затем результаты собирались в Ставке, чтобы разработать новые инструкции по обучению, преподаваемые затем на особых курсах в Седа-не и Валансьене, которые я проходил дважды.

В феврале 1917 года переутомленные войска были выведены с линии фронта и обучались восточнее Сен-Кантена, а позднее у Ирсона. Предстояло генеральное весеннее наступление Антанты, перед которым германский фронт был отведен на позицию Зигфрида.

Но и здесь я должен еще раз подчеркнуть храбрость французского гражданского населения, когда был оставлен город такого размера, как Сен-Кантен. Конечно, отступление было с германской стороны мастерски подготовлено и возглавлялось германским комендантом графом Бернсторфом с отменным тактом. Однако, несмотря на это, я должен был признать поведение местных жителей враждебным, ведь они бросали на произвол судьбы последнее имущество. И так же, как считаю я немецкого солдата первым на Земле, так же мне приходится признать, что наше гражданское население может еще поучиться у французского народа

стойкости в перенесении страданий за Отечество. Ведь я был убежден, что немецкий народ не выдержал бы четырехлетнего уничтожения своих деревень и городов. Ведь именно стенания при вторжении русских в Восточную Пруссию вынудили нашу Ставку немедленно отправить туда армейские корпуса, что способствовало проигрышу всей войны²¹. Немец должен научиться быть жестким, научиться страдать и требовать невозможного, если он сражается в войне за само существование своего Отечества.

Сколь высоко я оцениваю мужественную стойкость при недоедании, особенно со стороны нашего плохо оплачиваемого и теперь по большей части обедневшего чиновничества, то все же противоречие ему составляет использование войны в своекорыстных целях широким кругом населения. И я полагаю, что не был несправедлив в приведенном выше мнении.

Мы, будучи дивизией 2-й волны, стояли у Нотр-Дам-де-Лисс, старинного места паломничества матерей, чьи молитвы о детях остались без ответа, когда свой 1-й гвардейский пехотный полк перед его отправкой в новый ад посетил кронпринц. «Дети, мне очень больно вновь посылать вас в бой, однако по-другому нельзя, так должно быть. Вы должны отнестись с пониманием к этому, выполняйте же свой долг так, как Вы всегда это делали». Эти скромные, идущие из самого сердца слова глубоко тронули их. И это говорит как о нашем офицерском корпусе, так и об отношении нашего императорского дома к солдатам. Однако особенно тепло относился к своим любимым солдатам и думал о них принц Эйтель-Фридрих.

После тяжелейшего обстрела, ведшегося целый день, утром 16 апреля была атакована Ш м е н - д е - Д а м ; и не удивительно, что на многих участках она была потеряна. Однако везде это были лишь локальные прорывы. Цель первого дня французских атак была в 8 км, но по большей части дело ограничилось двумя первыми линиями окопов, то есть продвижение составило 300–500 м. В целом для противника это была крупная неудача.

Ночью после первой атаки моя бригада должна была сменить храбрые ганноверские резервные части, которые вынесли всю тяжесть подготовки атаки, ураганного огня и первых атак пехоты и теперь были уже истощены. Французы основывали свою тактику на яростных атаках в каньонах, чтобы, идя на штурм вдоль них, отрезать высоты. На нашем участке были потеряны склон ущелья у Айе и каньон Уртебис. Требовалось вернуть их, что и было очень умело проделано у Айе 4-м гвардейским полком посредством флангового обхода разбитых окопов с гранатами в руках и фланкирую-

щего обстрела артиллерией. В каньоне Уртебис пришлось тяжелее, так как французы засели там прочно. Утром 25 апреля после внезапного огневого удара возглавляемая мною контратака вновь сделала нас хозяевами старых позиций. Однако они были столь неудачно расположены на виду артиллерийских наблюдателей противника, за пределами видимости для нашей артиллерии, что вскоре вновь образовалась впадина в линии фронта. Бывшая ферма в Уртебисе месяцами оставалась полем боя в ходе встречных атак. Ее никак не могли ни полностью взять, ни окончательно потерять, поэтому она продолжала быть очагом самых кровопролитных боев местного значения, избежать которых было никак нельзя, ведь их следовало вести, если мы хотели вообще удержать высоты у Шмен-де-Дам. А на то были серьезные причины.

Родственникам павших в этих тяжелых боях следовало бы сказать: ваши любимые погибли не напрасно, они годами защищали Отечество от ужасов войны, которые на протяжении 4 лет опустошали северную Францию, они показали всему миру военные и нравственные качества немцев, хотя постепенно и особенно с середины 1918 года пополнение уже было не на уровне бойцов на Сомме, Эне и Фландрии. По этой причине война и была проиграна, в чем виновны в первую очередь провокаторы на Родине, к которым с презрением и гневом относится следующее поколение, в то время как павшие герои столетиями будут оставаться священным, возвышенным примером для молодежи, как несчастные витязи Тотила и Тейя и поражение готов на Везувии²², как символ героической, но трагически переменчивой истории немецкого народа, воодушевляющий нашу молодежь. Беспрецедентные за всю мировую историю бои, победы, смерти, несмотря на разгром в финале германских войск, — огромный просвет в это страшное время, это пример, к которому мы должны обращаться вновь и вновь, славя его. Ведь будущее Германии принадлежит не совратителям ее народа, а ее мужам.

Крупное оборонительное сражение на Шмен-де-Дам, наверное, было не столь ужасно, как битва на Сомме, ведь разочарование французов оказалось слишком велико, а атаки повторялись не столь часто. Однако обстрелы и потери были такими же. Добавьте да и в ящее ощущение обороны, постоянную неуверенность, будет ли атака или нет, которая истощает нервы и силы. Приходилось держать на передовой большие силы, и они должны были быть постоянно наготове. Однако из-за сильного обстрела боевые порядки оставались на почти ровной местности, а резервы держали

в укрытиях, расположенных позади холмов. И у них было по несколько ходов сообщения, однако противник знал о них, постоянно обстреливал и заполнял газами, так что уже только своевременный выход и штурм прорвавшегося на передовую или даже к укрытиям противника становились беспримерным героическим подвигом. Только безупречные войска могли держаться в подобных норах, ведь выбор был только один: быть застреленным снаружи, вне укрытия, или же искать еще более опасного убежища. Войска, разумеется, выбирали последнее.

Мои прогулки на передовую из одного укрытия — одно из любимых моих воспоминаний, ведь они были не лишены известной прелести. Деревни, через которые шли в потемках, были под обстрелом, а также забиты отступающими обозами. Затем шли впопыхах через воронки от гранат на хребте Бове, в одну из которых я как-то раз упал. На другой стороне был наблюдательный пункт полка, откуда открывался отличный обзор на всю передовую позицию, так что мне оставалось лишь наступление через широкую долину Айетт. Опасности я все же не избежал. Ведь при свете дня я должен был на переднем склоне Бове идти без укрытия на следующий наблюдательный пункт и затем назад по хребту Бове, и все это на виду у вражеских наблюдателей на земле и в воздухе. Поэтому меня много раз обстреливали. Как-то в полдень вернулся и услышал, что в дивизии недовольны тем, что командир был на передовой так долго, покинув свой штаб. И это было справедливо. Но разведка на передовой, личное знание местности и непосредственные переговоры незаменимы.

Когда я выходил из своего расположенного достаточно высоко укрытия, то видел перед собой хребет Бове, а за ним внизу долину Фестио, по которой вечером и утром свой тяжелый путь совершали обозы. Противнику, естественно, были хорошо известны те немногочисленные пути подвоза, что имелись в этой гористой местности, и он обстреливал их все, но особенно, однако, северную окраину Фестио, откуда дорога узкой змеей круто спускалась с горы вниз, а на окраине в защищенных от бомб подвалах находился главный перевязочный пункт. Там те немногочисленные раненые, которых еще надеялись спасти, получали смертельные осколки, и там сам я видел прямое попадание в спешащие по теснине обозы. Чем дольше продолжалась война, тем тяжелее им становилось, тем больше потерь несли по дороге на передовую и тем менее безопасными становились тыловые убежища. Так что я сам в моем блиндаже был в куда меньшей опасности, чем штаб дивизии в замке, который

днем обстреливала дальнобойная артиллерия, а ночью летчики, из-за чего один из его углов обрушился. Та же судьба, кстати, постигла и штаб-квартиру принца Эйтеля-Фридриха в ходе сражения на Сомме. Жизнь принца подвергалась опасности бесчисленное количество раз, так что следует удивляться ярости никогда не бывавших на фронте еврейско-социалистических депутатов, которые возмущались в рейхстаге тем, что ни один из сыновей кайзера не погиб.

На моем посту приходилось, представляя войска «наверху», докладывать о сложности их положения, потерях, убывающей крепости нервов, подчеркивая необходимость смены через определенные промежутки времени, а от нижестоящих с величайшей энергией требовать чрезвычайных усилий. Таким образом, и среди своих постоянно приходилось биться на два фронта, принимая на себя в условиях плохого размещения, лишений, недосыпа и опасности большую ответственность, а после столь тяжелых недель — уже находясь на пределе своих сил. Но я все же очень быстро восстанавливался и никогда не нуждался в длительном отпуске.

Но и наши солдаты очень быстро приходили в себя. Однажды утром я пошел в один из батальонов (1-й батальон 1-го гвардейского), о котором мне докладывали, что там не лучшие настроения. По этой особой причине я куда более, нежели обычно, «спустился» с высоты своего поста, желая исправить эту ситуацию. Но мне пришлось переменить тон. Ведь как офицеры, так и низшие чины смотрели на меня такими ясными глазами, из-за того что им удалось благополучно выбраться, и были так горды своими свершениями, как мне довелось слышать, что я испытал только самую светлую радость.

На отдых мы отправлялись в Аргонны и там услышали, что от гвардейских частей ожидают особых заслуг в оборудовании еще не готовых позиций и в патрулировании. Я как раз сидел в штабе полка, собираясь обсудить с командующим артиллерией новую операцию, когда принц вызвал меня, чтобы сообщить, что я стану командиром 37-й пехотной дивизии. Я быстро попрощался с моими тремя гордыми полками, моим дельным, милым штабом бригады и с проводившим меня вечером благородным принцем, а затем отправился обратно к Шмен-де-Дам. Там генерал-полковник фон Бозн и генерал фон Штаабс, которых я давно уже знал и ценил как выдающихся солдат, стали моими начальниками; мой первый офицер Генштаба Дреус также был знаком мне по Военной академии как деятельный и умелый офицер.

Итак, я с большим рвением заступил на новый пост, более самостоятельный, больше подходящий для генерала. На нем он командует всеми родами войск, находится близко к ним и стал для них самым старшим начальником с тех пор, как были введены генеральные командования²³, руководившие сменяющимися друг друга дивизиями. Моя восточнопрусская дивизия, солдаты которой говорили на берлинском и нижненемецких диалектах, никогда меня не разочаровывала. До конца 1915 года она многое совершила на Восточном театре военных действий и с тех пор вела и на Востоке, и на Западе позиционную войну. Только у 150-го пехотного полка была возможность особо отличиться в ходе наступления Брусилова.

Вражеские атаки на Шмен-де-Дам были остановлены. Теперь надо было заставить противника полностью перейти к обороне и отобрать его пехотные позиции, удачно расположенные с артиллерийской точки зрения. Поэтому впервые за долгое время моя дивизия перешла в атаку, хорошо подготовленную разведкой и отработанную на совещаниях и многократно — на учебных позициях и проведенную вечером 13 июля точно как часы. На одном из участков, где она удалась не в полной мере, я не дал младшим командирам перейти в массовую атаку и двумя днями позже с помощью огнеметов и ручных гранат очистил и два последних гнезда французов. Наградой стали более 500 пленных. Контратаки были слабыми, ведь отвоеванную позицию мы выбрали таким образом, чтобы у противника не было исходных пунктов для контратак. Однако на оборудование новой позиции было потрачено много пота, а также крови. Поначалу передвижение ползком в неглубоких окопах для ведущих разведку командиров и уж тем более для гарнизона позиции было делом вовсе непривычным.

Контратаки вели и соседние дивизии, в ходе которых моя артиллерия поддерживала их, парализуя орудия противника обстрелом снарядами с газом. Все прошло безукоризненно и, насколько я слышал, вестфальцы и баварцы столь же безоговорочно пошли в атаку из окопов, как и мои brave восточные пруссаки.

В остальном местность, обстановка и события напоминали описанные мной перед этим, только лишь артиллерия, саперы и тыловые позиции чаще, чем прежде, требовали моих посещений. Здесь так же мне довелось любоваться прекрасными ночными картинками, когда я обходил склоны Монтэро и тянувшийся целыми милями Шмен-де-Дам освещался разноцветными осветительными снарядами, а артиллерия обеих сторон предоставляла своеобразный аккомпанемент.

Пока мы вели успешные атакующие бои, радиослужба 20 июля принесла известие об открытом предложении мира со стороны рейхстага²⁴. И если я еще в декабре 1916 года сильно встревожился предложением мира со стороны кайзера²⁵, то теперь я был просто ошарашен повторением его уже рейхстагом. Я всегда считал такой шаг предвыборным маневром и следствием тщеславия его автора Эрцбергера, этого Терсита²⁶ германской истории, человека, словоохотливость и трудолюбие которого были равны его сообразительности, но при этом не способного разглядеть ближайшие последствия своих действий. Я избежал искушения забросить свои дела и начать писать политические статьи и письма, так как главную опасность для исхода войны я видел именно в такой дилетантской работе политического карьериста. Совершеннейшая политическая незрелость немецкого народа раз за разом проявлялась в самонадеянности его необразованных и незнакомых с миром политических руководителей. К сожалению, опасения национально мыслящих кругов всегда впоследствии оправдывались, однако, увы, и правые партии с их поистине государственной точкой зрения не всегда располагали верной тактикой и чувством реальности, не ощущали духа времени. Я не мог тогда знать, всегда ли умело принимались необходимые дипломатические, в том числе секретные, шаги для заключения мира. В любом случае открытое предложение мира всегда казалось мне попросту бессмысленным, даже в 1918 году.

В августе мы прибыли на пока что более спокойный участок, в район Анизи-ле-Шато, Бранкур и расположенный к северу поблизости прекрасный буковый лес. В соседней долине в тылу располагалось сильно обстреливаемое старое аббатство Премонтре, еще недавно бывшее домом для умалишенных. Поначалу моим солдатам это действительно нравилось: конечно, им было лучше, чем в тылу, где они обязательно прошли бы необходимое обучение. Противник местами располагался на расстоянии более 1 км, так что не было ничего особенного в том, что я даже порой лично отправлялся в патруль с моим первым офицером Генштаба, что доставляло огромную радость сопровождавшим нас солдатам.

Но вскоре начались перемещения. Для одного из полков я получил участок южнее канала Уаза — Эна западнее Пинона и вскоре оказалось, что французы готовят атаку для взятия выступа у Лаффо. Лаффо располагалось от нас чуть южнее. Так что атака могла задеть и мой участок. Поэтому на передовой, да и в тылу было много работы, и меня часто видели спешащим на фронт через милый, но совершенно разбитый городок Анизи.

Французы удачно выбрали цель для своей атаки, так как они фланкировались с двух сторон и могли полностью затопить газом артиллерию, стоящую в глубоко залегающем Пинонском лесу. Позднее высказывалось мнение, что атаки надо было избежать. Но это значило сдать Шмен-де-Дам. Так что следовало все же остаться, полагаясь на то, что удача, которая принесла предыдущие успехи, улыбнется и в этот раз. Однако случилось неизбежное. Три особенно стойкие соседние дивизии были разбиты и большей частью попали в плен. Мои полки, 151-й и 147-й, которые 7 октября уже отразили одну атаку, удержались и теперь. Правда, на них пришлось лишь вспомогательная атака.

Настоящие трудности начались лишь тогда, когда наш левый фланг оказался полностью обнажен и за две ночи, повернув, он отступил за канал, что неожиданно вполне удалось. Повсюду ожидали лишь продолжения атак на мою дивизию, которая теперь у Бранкура занимала выступ между Западным и Южным фронтами. В качестве частей поддержки я получил многочисленную артиллерию и пехоту. Высшее командование собиралось поручить мне оставить канал и отойти на высоты. Я знал, как избежать отступления, и не без основания полагал, что французы вообще не будут атаковать именно эту позицию. Вскоре удалось подтвердить это в ходе разнообразных весьма умелых и успешных ударов, в результате которых были захвачены пленные. Эти маленькие удачные операции получили большое признание и при незначительных потерях сумели поднять настроение солдат, серьезно понизившееся из-за изнурительной окопной жизни. Ведь новая позиция, на которую пришлось отправиться в ноябре, была действительно совершенно неподготовленной.

После неудачного сражения у Лаффо и в моей непобежденной дивизии начались некоторые сомнительные с точки зрения дисциплины происшествия — только лишь из-за впечатлений от поражения. Я энергично вмешался, однако выяснил, что офицеры, которые ежедневно требуют от себя и своих подчиненных жертвовать жизнью в бою, не могут решиться на вынесение смертного приговора в тех случаях, когда он предписывается законом и вполне оправдан особыми обстоятельствами. Прежде всего, однако, мне как председателю суда бросилось в глаза вредное воздействие постоянных помилований к 27 января²⁷. За становившиеся все более частыми самовольные отлучки, как правило, давали арест сроком до 6 месяцев, однако 27 января списывались и такие взыскания, даже если они были наложены только в декабре и их едва начали

отбывать. Кроме того, мягкие наказания в виде ареста для слабых духом означали ту же самую отсрочку, продление жизни, так как позволяли им избежать вражеского обстрела. Такие люди попросту надеялись на длительный срок ареста. Поэтому в интересах Отечества и для ограждения здоровых элементов в войсках в начале декабря я отдал распоряжение об изменении распорядка. Штаб корпуса и командование армией были совершенно согласны с моими инициативами. Однако все инициативы были отклонены военным министерством — явно из страха перед «левыми». Сравнение с французами, которые после неудачи весеннего наступления в 1917 году предприняли массовые расстрелы, показывает, что на войне к успеху ведет лишь твердость, слабость же — к гибели.

Между тем стало известно, что ОХЛ²⁸ после того, как разделалось с Восточным фронтом, планирует на весну 1918 года крупное наступление на Западе — вполне очевидное решение. Ведь сражения у Камбре и в выступе у Лаффо пусть и коротко, но показали всю слабость и зависимость обороны. Каждый мушкетер²⁹ знал, что, обороняясь, войну не выиграть. Только с помощью наступления можно было заставить врага если не встать на колени, то вместе с успехами подводной войны заставить его отказаться от необоснованных требований и тем самым подвинуть к миру. Итак, лозунг «Атаковать!» ободряюще подействовал на измученных бойцов Западного фронта и воодушевил их на блестящие подвиги весны 1918 года. Несмотря на огромные потери, особенно среди командиров, бодрый дух выдержал даже поражения 19 июля и 8 августа и спас бы Германию от капитуляции, если бы пополнение не было распропагандировано еще по пути из тыла и если бы лидеры радикалов одновременно с решением ОХЛ о наступлении не приняли бы со своей стороны решения о разложении войск с помощью агитации. Эта параллельность никогда не должна быть прощена крайним левым в истории Германии. Герман Мюллер, который после подписания им мирного договора возглавил иностранное ведомство Германии, 4 февраля 1919 года заявил в Женеве, что социал-демократы собирались еще в январе 1918 года посредством всеобщей забастовки в Германии заставить заключить мир, однако время для этого еще не пришло. Такого свидетельства вполне достаточно.

К моей большой радости моя дивизия была назначена в атакующий состав. Поэтому в конце декабря и еще раз в конце февраля 1918 года она отводилась на 3 недели в тыл для прохождения обучения, причем на всех постах работали лихорадочно и питали большие надежды.

Едва я во второй раз прибыл на мою квартиру в тылу, только что с большим интересом понаблюдав за дивизионными учениями по прорыву позиции, как узнал о моем переводе, а именно командующим 12-й ландверной дивизией, что поначалу расценил как опалу. Однако почти тут же я услышал, что должен буду доложить в Данциге, и один из посвященных смог намекнуть, что для меня готовится нечто особенное. «Ради такого любой охотно поехал бы в тыл», — было сказано мне. И так, с глазами, полными слез и радости одновременно, я оставил мою прекрасную восточнопрусскую ударную дивизию, которую я мог рассматривать как итог моей работы на протяжении трех четвертей года и которая вплоть до отхода на Родину к своим гарнизонам неизменно сражалась безупречно, храня верность долгу. В благодарность революционные герои встретили их в Алленштейне пулеметами, жертвами которых стали два замечательных офицера. Это была «новая Германия».

В Крейцнахе в Ставке я узнал, что вместе с вновь формируемой Балтийской дивизией я должен буду отправиться из Данцига в Финляндию и освободить эту страдающую от красного террора совершенно незнакомую мне, чужую страну. И все же командование за морем отдельной дивизией, вне корпусного или армейского соединения, ведение с ней самостоятельной кампании — это была задача, которую пока еще не доверяли ни одному генералу.

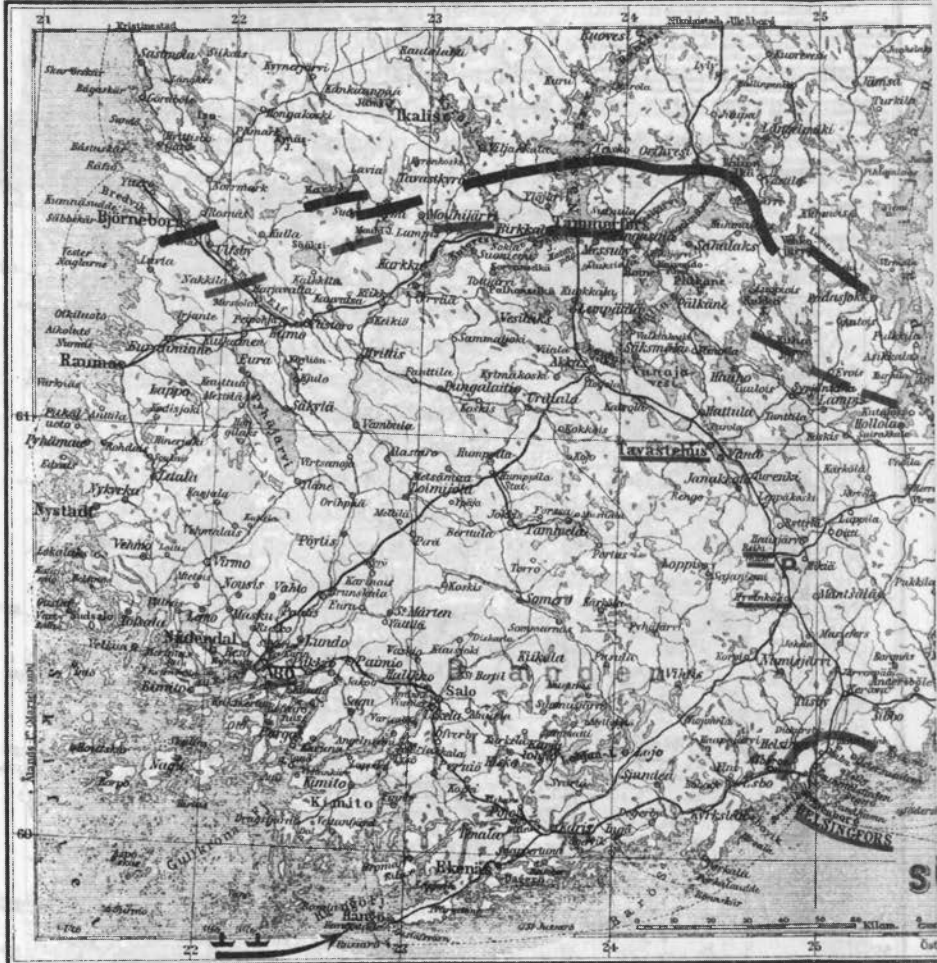
Так что поначалу я видел в этом лишь пищу для собственного честолюбия. Ведь особенно много в Крейцнахе³⁰ мне не рассказывали, посоветовав только обсудить проблему с флотскими инстанциями и финской миссией в Берлине.

Итак, в приподнятом настроении я выехал из Франции на Родину. Я все же надеялся, что после выполнения моей финской миссии вернусь во Францию и там приму участие в завоевании окончательной победы, в коей я не сомневался, хотя в столь глубокие прорывы вглубь вражеского фронта, которые были осуществлены впоследствии, не верил. Но я сильно заблуждался. Успехи в атаках германских войск превзошли все ожидания, и прежде всего они ликвидировали все то, что было достигнуто англичанами и французами за годы повторяющихся раз за разом, тщательно подготовленных попыток прорыва. Германская армия выиграла величайшее сражение на прорыв, показав себя наиболее достойной победы.

И все же несколько месяцев спустя чудовищным образом она проиграла войну — несомненно, самая трагическая судьба из тех, что могут постигнуть привыкшую к победам, никем не превзойденную армию.

Lage vor der

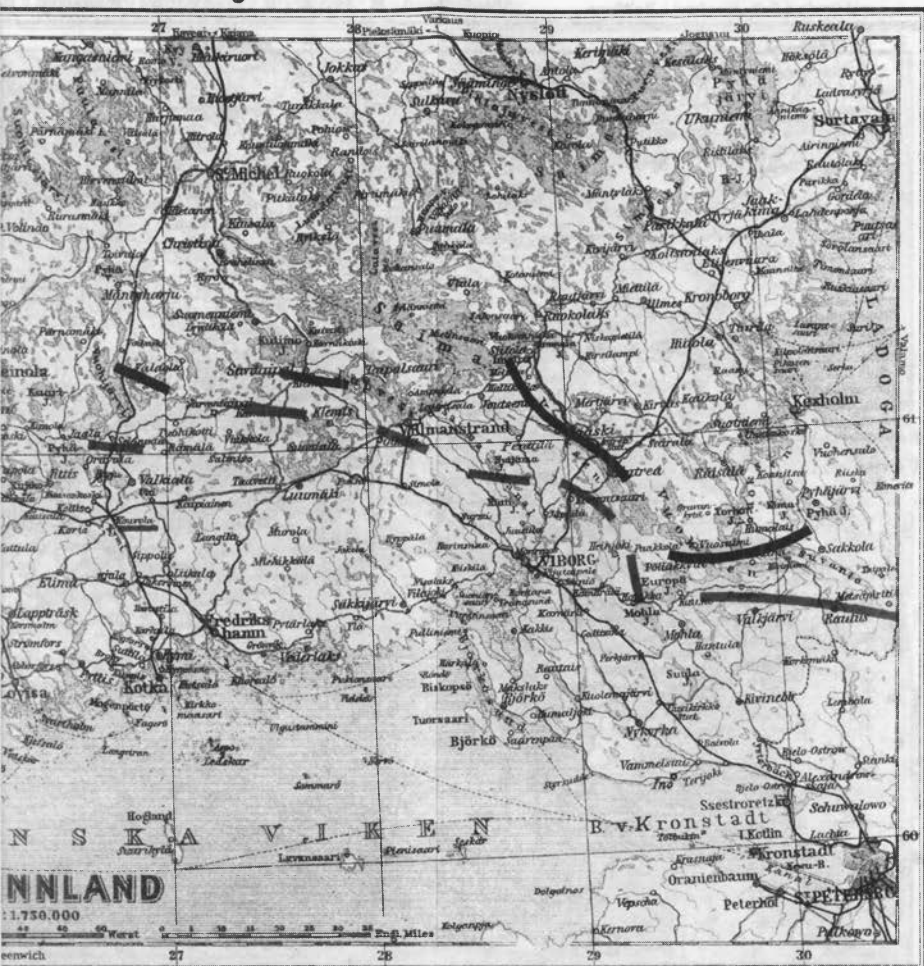
Aus: General Graf v. d. Goltz, Finnland u. Baltikum

Geogr. Anst. v. H. Wagner u. E. Debes, Leipzig

Bolschewis
большевицки

hen Landung

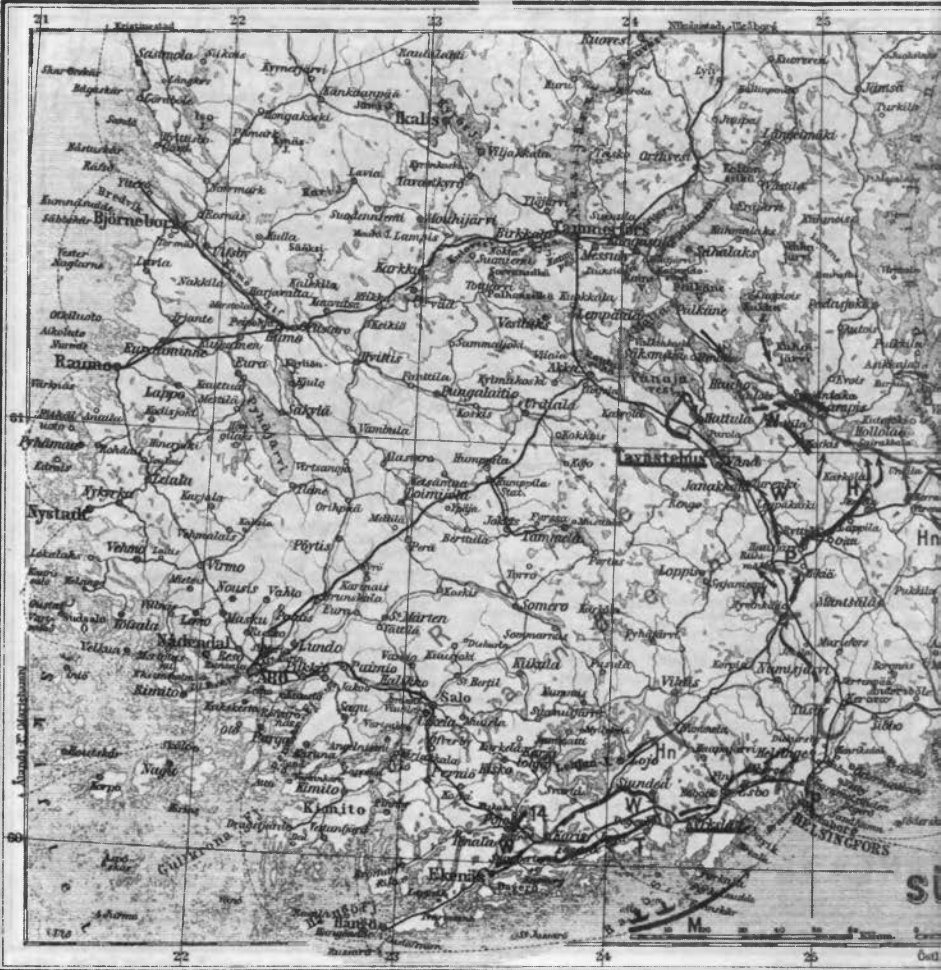
Finnische weiße Garde
части финской Белой гвардии

Обстановка накануне немецкого десанта

Deutsche Operationen von Hangö auf Helsingfors

Aus: General Graf v.d. Golta, *Finnland u. Baltikum*

Abkürzungen: M = Meurer, B = Brandenstein, H = Halling, H

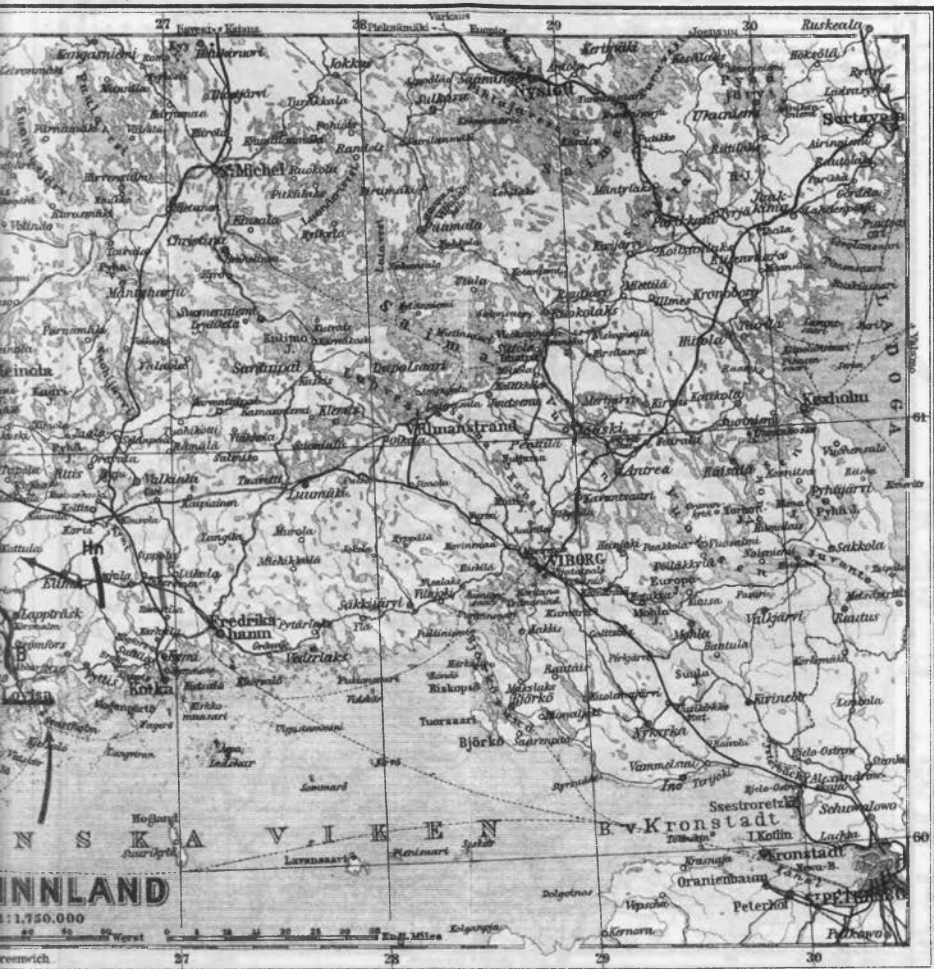

Geogr. Anst. v. H. Wagner u. E. Debes, Leipzig.

— Bolschewist
— большевик

von Lovisa - Helsingfors auf Lahti - Tavastehus

T = Tschirsky, W = Wolf, 14 = 14. Jäger, P = Hauptquartier

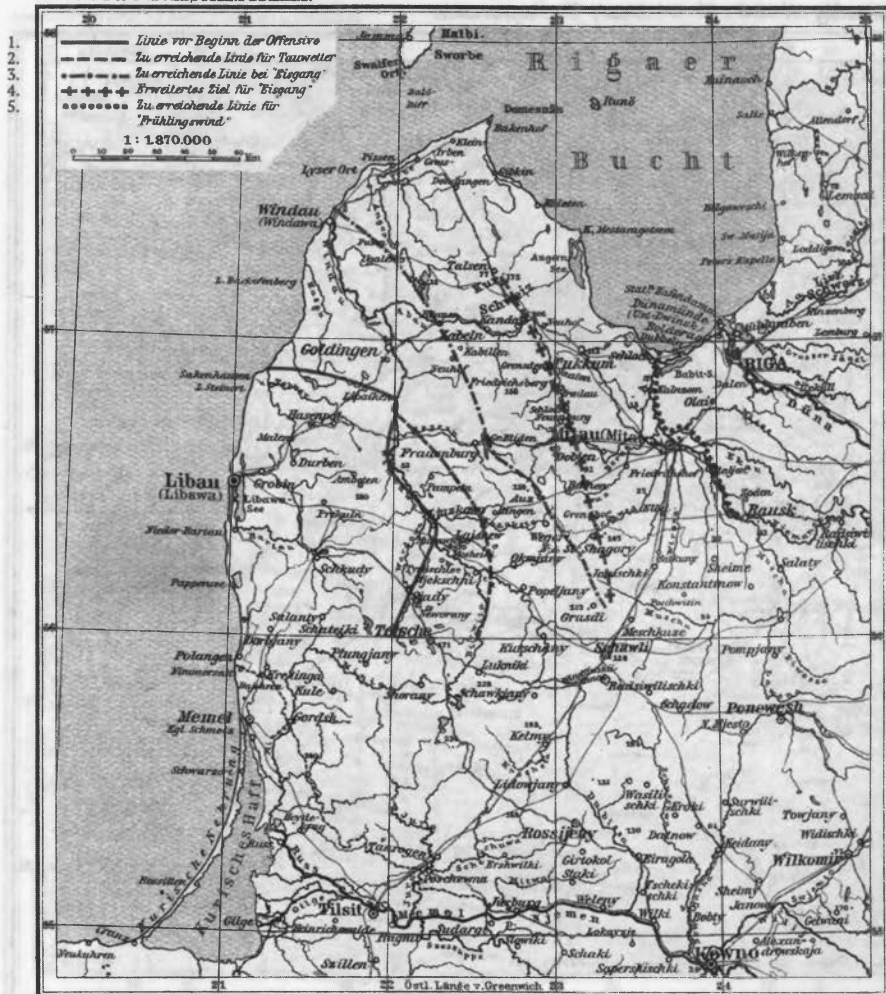

Германские операции от Ханко к Гельсингфорсу и от Ловисы — Гельсингфорса на Лахти — Тавастгаус

Сокращения: М — Мойер, В — Бранденштейн, Н — Халлинг, Нп — Гамльтон,
Т — Чирски, W — Вольф, 14 — 14-й егерский батальон, P — штаб-квартира

Eroberung Kurlands im März 1919

Aus: General Graf v. d. Golts, Finnland u. Baltikum

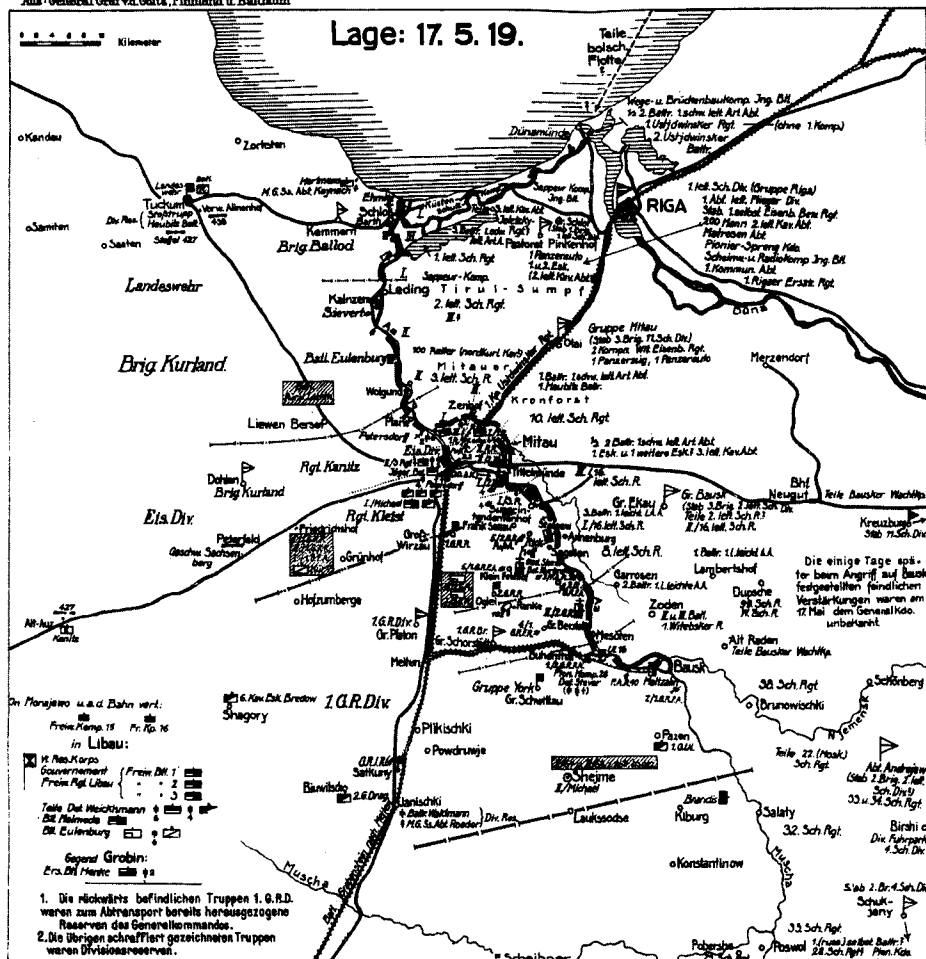
Photolithographie v. H. Wagner u. E. Debes, Leipzig

K.F. Koehler, Verlag, Leipzig

Завоевание Курляндии в марте 1919 г.

Обозначения в легенде: 1) фронт к началу наступления; 2) намеченные рубежи операции «Оттепель»; 3) намеченные рубежи операции «Ледоход»; 4) расширенные цели операции «Ледоход»; 5) намеченные рубежи для операции «Весенний ветер».

Lage: 17. 5. 19.

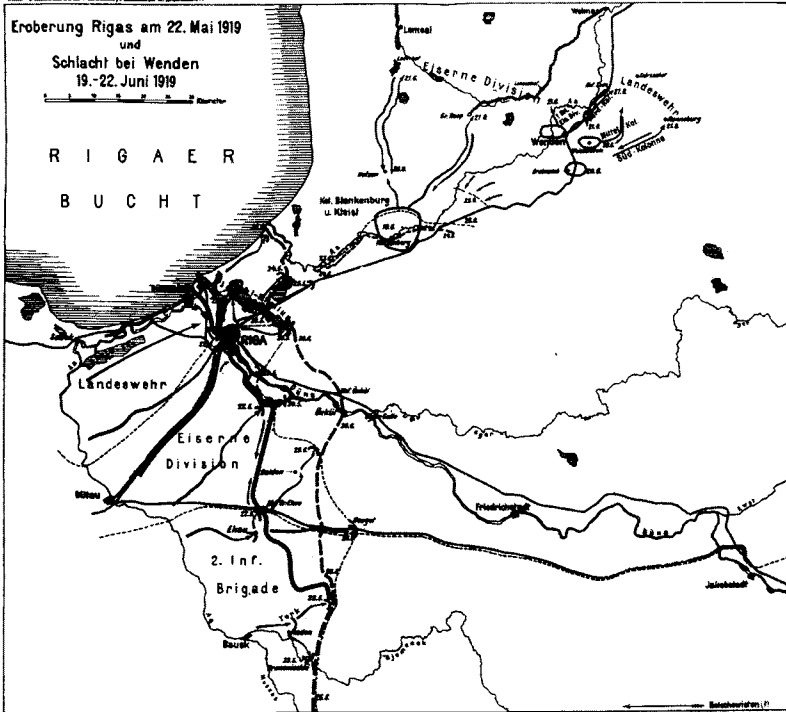
1. Die rückwärts befindlichen Truppen 1. G.R.D. waren zum Abtransport bereits herausgezogene Reserven das Generalkommandos.
 2. Die übrigen schraffiert gezeichneten Truppen waren Divisionsreserven.

1. Die rückwärts befindlichen Truppen 1. G.R.D. waren zum Abtransport bereits herausgezogene Reserven das Generalkommandos.
 2. Die übrigen schraffiert gezeichneten Truppen waren Divisionsreserven.

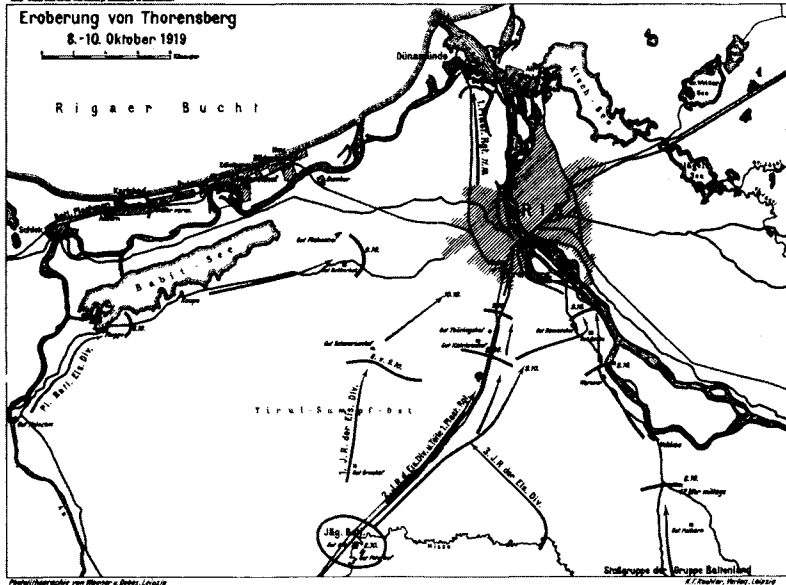
Photographie von Wagner u. Böhm, Leipzig.

K.F. Roether, Vering, Leipzig.

Обстановка к 17 мая 1919 г.

Взятие Риги 22 мая 1919 г. и сражение при Вендене 18-26 июня 1919 г.

Взятие Торенсберга 8-10 октября 1919 г.

МИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ

СТРАНА И ЛЮДИ

Финляндию на ее территории размером с северную Германию населяют $3 \frac{1}{4}$ миллионов обитателей. Ее южное побережье расположено севернее, чем северная Шотландия, самый северный ее город Рованиemi находится на Северном полярном круге. В зоне холодов имеются лишь немногочисленные, но культурные деревни, так же дело обстоит в мало освоенных местностях восточной Финляндии (Карелии).

Среди ландшафтов преобладают огромные леса, обширные озерные пространства, имеющие сообщение друг с другом. Высоко развито животноводство; полеводство — менее, так как ранее хлеба завозились из богатых ими районов России. Поэтому главными статьями вывоза являются древесина, бумага, масло и продукты животноводства. Ввоз, не считая России и стран Скандинавии, идет из Германии, вывоз — в Англию. Желанием весьма дружественных к Германии торговых кругов было, чтобы Германия вывозила товары из Финляндии в больших, нежели прежде, масштабах, особенно древесину и бумагу. Текущее соотношение валют обеих стран благоприятствовало этому и особенно для германских заказчиков.

Климат куда мягче, чем можно было бы предположить. Одно из самых теплых путешествий в горы, которое я пережил, было ночное восхождение на одну гору у Куоляярви в зоне холодов во время полярного лета. И зима там, несмотря на сухие безветренные морозы, при великолепных печах переносится легче. Обычный в этих местах праздник 1 мая, дня начала весны, отмечаемый в белых

одеяниях, показался мне, конечно, несколько преждевременным. Ведь первая зелень в 1918 году пробилась лишь в конце мая. На побережье значительно теплее, чем в глубине страны, в Гельсингфорсе теплее, чем в Выборге.

Собственно финны составляют примерно $\frac{7}{8}$ населения. Они принадлежат к финно-угорской семье народов, жившей первоначально к западу от Урала и оставившей и до сей поры россыпь народов в глубине России. Финны же в первом столетии от Рождества Христова переместились в район западнее Ладожского озера. Эсты, венгры и, вероятно, болгары являются родственными финнам племенами.

Финны отличаются чрезвычайно богатым и высокодуховным фольклором, который был зафиксирован около середины XIX столетия: «Калевала», «Кантелетар». Такой фольклор — не только верный признак высокой культуры, он показывает также, что этот народ самостоятельно выработал предпосылки для того, чтобы стать культурной нацией.

Помимо немногочисленных немцев и русских (евреев почти нет) примерно 12 % населения составляют шведы, живущие в основном на побережье. Христианство, Реформация и центрально-европейская цивилизация пришли сюда из Швеции, частично и через Ганзу, т. е. непосредственно из Германии.

Шведы в старину были господствующим в этой стране народом. Они постепенно завоевали ее, отогнав вторгшихся московитов назад в русские степи, для защиты западной культуры воздвигнув неприступные крепости в Выборге и Нейшлоте (Савонлинна), которые еще и теперь восхищают посетителей. Финляндия стала герцогством, а позднее — великим княжеством, и уже в XIV столетии финны принимали участие в выборах короля. Победы Густава Адольфа в Германии финны воспринимают как свои. Они горды тем, что спасли протестантизм.

Ништадтский мир 1721 года после Северной войны оставил за Россией Выборг, а мир в Або* — юго-восточную Финляндию до реки Кюмене. Славная, но неудачная война 1808 года, которая и теперь еще является гордостью народа, вдохновив Рунеберга на стихи о свободе, отдала всю страну под господство русских.

Однако и после этого она осталась великим княжеством. Верный народ любил Александра II как отца. Еще и теперь можно встретить его изображение в простеньком, чистом крестьянском

* Договор после русско-шведской войны 1741–1743 годов.

доме. Лишь безрассудная русификация с 90-х годов постепенно лишила финнов всей их самостоятельности и превратила из верных подданных в отъявленных врагов Российской империи. Ненависть к угнетателям сделала молодого Шаумана, убийцу русского генерал-губернатора Бобрíkова, боготворимым в широких общественных кругах национальным героем. Шауман — это Вильгельм Телль Финляндии.

В 40-е годы Снелльман основал национальную финскую партию. Тем самым финский народ вспомнил самоё себя и вступил в противоборство со шведами. “*Hie Fennomanen, hie Svekomanen!*”³¹ Однако в своей ненависти к русским обе партии были едины, и «свекоманы» были истинными финляндцами, они не желали возвращения Финляндии Швеции. Разумеется, оба племени уже много раз смешивались друг с другом, некоторые чистокровные шведы принадлежали к «фенноманам», и многочисленный образованный слой населения, также относивший себя к истинным финнам, в обществе, однако, говоривший по-шведски, стали мостом между ними. Несмотря на это, соперничество двух народов зачастую набирало неестественно высокие обороты. Я никогда не делал тайны из того, что мне эта ненависть кажется столь же непонятной, сколь и бесполезной, ведь финны и шведы нуждаются друг в друге в своей совместной борьбе против большевиков и русских. Поэтому 1918 год дал приемлемое решение и языкового вопроса. Вполне вероятно, что русские в своих русификаторских стремлениях искусно использовали для разжигания распри народов старинный рецепт *divide et impera*³².

Меня часто спрашивали о том, что я прежде знал о Финляндии. Я честно отвечал: «Мало, только то, что это почти ненаселенная страна тысячи озер далеко на севере, которая ведет тяжелую борьбу за старую финскую культуру и центральноевропейское просвещение»³³. И так наверняка ответило бы большинство немцев. В Финляндии вполне оправданно сожалели об этом, и особенно о том, что так мало немцев выбирали эту страну в качестве цели путешествия. Я очень надеюсь, что после войны эта ситуация изменится. Ведь все остальные страны для нас словно заперты. Повсеместно немцев принимают не слишком дружелюбно, даже в Швейцарии и в Италии, куда до войны отправлялись чаще всего. Даже в Норвегии, цели германских северных круизов, враждебно относятся к немцам. В Финляндии же, напротив, немца принимают сердечно и с распростертыми объятиями. К тому же, при все же, к сожалению, слабой финской валюте, и немец с его теперь почти

обесценившимися деньгами еще может съездить туда относительно дешево, особенно потому, что там, на севере, продукты еще можно получить по куда более доступной цене.

При этом путешествие в Финляндию вполне стоит того. Хотя здесь нет длинных норвежских фьордов, но и шхеры великолепны, и бесчисленные большие и малые скалистые острова, которые усеивают прибрежные воды, каменистое лесное побережье, покрытое лесами с их елями и соснами и, прежде всего, большими озерами посреди меланхоличных лесов. Взгляд, брошенный, например, с высокой каменной башни у Тавастагуса и у Таммерфорса через бесконечные леса и озера, упрется в такие же, столь же легендарные, омываемые водой старые крепости Або, Тавастагуса, Нейшлота и Выборга, откроет лесистые горы острова Гогланд, пороги Иматры и Вуоксена и реки Улеа, Ладожского озера и монастырского острова Валаам, полярное лето у Торнео и не в последнюю очередь — чистые, живописные города Гельсингфорс, Або, Выборг, Таммерфорс вплоть до гавани Ханко и прелестных маленьких Экенеса и Борго.

Культурное отличие Финляндии от так называемых бывших русских приграничных территорий заметит даже самый поверхностный наблюдатель. Кто когда-либо пересекал прусскую границу в восточном направлении, всегда испытывал ощущение, что переступил культурный рубеж Азии. Ухоженные шоссе с защитными тумбами и высаженными вдоль них деревьями, чистые деревни, города и дома, обработанные поля, трудолюбивые обитатели — сменяются унынием, бескультурьем и грязью. Иначе в Финляндии. И хотя дороги в некоторые сезоны оставляют желать лучшего, однако железные дороги великолепны, а населенные пункты связаны хорошо развитой телефонной сетью. Прежде всего бросается в глаза чистота в городах и деревнях, даже в самой маленькой хижине. Редкость, если на окнах нет гардин. Нарядные, теплые деревянные дома милы и уютны. Ни один крестьянин не захочет жить без собственной сауны (бани)³⁴. Даже заводские рабочие, к примеру в Рийхимяки, часто имеют собственный небольшой дом. Нельзя даже понять, как в такой стране мог появиться большевизм.

В любом случае очевидно одно: этот культурный народ, эта культурная страна имела все предпосылки для самостоятельного развития, возможно, единственная из всех государств, порожденных Мировой войной. Именно так и сказал один приехавший из Гельсингфорса американский специальный представитель, который разыскал меня в Либаве. Именно потому, что до правления

Николая II во внутренних делах Финляндия управлялась автономно, она располагала прекрасной системой законодательства, министерствами, чиновничеством и даже некоторыми старшими офицерами. Так что здесь не приходилось, как в прочих новых государствах, начинать все «с нуля».

Важнейшим условием для будущего государства, однако, являются характер, качество и уровень образования населения. Финляндия куда богаче остальных лимитрофов и этим ценнейшим капиталом. Однако финну не присуща деловитая, нервная старательность немца довоенных времен, и мы часто улыбались, слыша финскую поговорку: «Господь дал время, но о спешке он ничего не говорил». В стране таких масштабов со столь немногочисленным населением нет никакой торопливости. Однако финляндец — прирожденный купец и банкир, именно в этой роли он долго выступал в ходе торговли Европы с Россией. И при этом он верен и честен. В этой стране замки на дверях появились лишь лет 20 назад. Там присутствует необыкновенное стремление к образованию. В университете Гельсингфорса учится куда большее количество мужчин и женщин, нежели наличествует в этой стране мест для получивших высшее образование. Порой некоторые еще во время учебы вступают в брак. В то время как в остальной России и в других лимитрофах ощущается недостаток интеллигенции, в Финляндии слишком большое ее предложение. Старшее поколение зачастую проучилось несколько семестров в Германии и гордилось своим германским образованием. Оживленными были и купеческие связи с германскими портами на Балтике, особенно с Любеком, метрополией Выборга.

Итак, этот небольшой народ долгое время ощущал себя северо-восточным форпостом центральной европейской культуры, поэтому держался с удивительной твердостью, жесткостью и крепкой верой в лучшее будущее угнетенных русскими завоевателями, начав надеяться на победу Германии, когда наступила война. Только с помощью германского оружия Финляндия могла возродить свою свободу.

ФИНЛЯНДИЯ И МИРОВАЯ ВОЙНА

Когда 4 августа 1914 года малый крейсер «Аугсбург» подверг бомбардировке Либаву, комендант этой морской крепости тут же приказал взорвать все укрепления. В России и Финляндии рассматривали это малозначительное событие как предвестие наступления

на Петербург с моря. В Финляндии долго переоценивали наши вооруженные силы, веря, что германские войска высадятся на финском побережье и оттуда развернут операции против Петербурга. В это верил и русский Генеральный штаб, ведь только так можно объяснить то, что он выделил баснословную сумму денег и огромные силы для превращения Гельсингфорса в современную крепость первого ранга и возведения к западу от него сплошной укрепленной позиции фронтом на запад от Таммерфорса до Лойо и далее на юг. И Выборг, и остальные города на побережье были укреплены самыми современными бетонированными батареями, проволочными заграждениями и траншеями.

Финляндцы, однако, были настолько подозрительны для русских, что их не привлекали к военным действиям против Германии, напротив, значительные силы русских были отправлены в Финляндию, тем самым оставшись в стороне от войны.

Русские правильно оценивали настроение местного населения. Ведь финны не только не воевали против нас на стороне русских, но и некоторые юные студенты, купцы, крестьяне и рабочие тайно оставили свою родину, чтобы сражаться на стороне немцев против своих угнетателей. При этом совершенно точно осознавали, что, с точки зрения русских, совершают государственную измену и в случае неудачи никогда больше не смогут вернуться в Отечество, к своим родным. Однако война против России была для народа битвой за свободу, ради которой следовало пойти на все.

В Германии из этих добровольцев был сформирован 27-й егерский батальон, постепенно разросшийся в небольшое подразделение с батареей, ротой саперов и т. д. Он сражался на фронте под Ригой и позднее был отведен в Либаву для прохождения обучения. Там в офицерской и унтер-офицерской школах каждый в меру своих способностей смог стать командиром младшего или среднего звена. Эти молодые люди впоследствии участвовали в освободительной войне в Финляндии на должностях от командира взвода до батальонного. Обучив их, Германия расплатилась за привязанность этих юных патриотов, а узы дружбы стали еще крепче. В Финляндии ясно понимали, что без этих командиров в 1918 году нечем было бы заместить их должности. Кроме того, тогда с ними в Финляндию прибыли и германские офицеры, занявшие посты вплоть до командира бригады там, где не хватило для этого бывших офицеров распущенных в 1901 году финских войск или же русских офицеров финского происхождения. 27-й егерский был и все еще остается главным связующим звеном между Германией и Финлян-

дией. Все они гордятся своими военными подвигами в рядах германских войск и в мое время все еще с гордостью носили на груди номер «27». Однако особенно выделяются среди них кавалеры Железного Креста.

Разумеется, это проявление дружбы финляндцев к Германии спровоцировало новое угнетение и усиление надзора. Ведь кое-кого отправили в Сибирь, в том числе будущего регента государства Свинхувуда. Когда он, проезжая через Выборг, встретил своих опечаленных друзей, то сказал им с полной уверенностью: «Я вернусь с Божьей и Гинденбурга помощью!» И он вернулся, когда в России под влиянием военных неудач грянула революция и гордая царская империя была полностью уничтожена. Конечно, в Финляндии были и те, кто ориентировался на Антанту, однако в целом симпатии хотя бы из враждебности к русским были на стороне Германии, а число ее сторонников из-за проявлений русской революции и германского подвига по ее освобождению только возросло.

ФИНЛЯНДИЯ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Руководящие круги финского освободительного движения не позволили себе быть ослепленными революцией в России. Прочь от России! — это было их целью и на тот случай, если в ней к власти придет самая передовая демократия и покажется, что обещанное освобождение от прежнего угнетения уже близко. Однако поначалу многими финнами революция была воспринята с восторгом. Ожидаемое военное крушение было первой причиной для этого, но далеко не единственной. Открыто симпатизировали и революционерам, носителям новых освободительных идей, которые внутренне были куда ближе к финскому демократическому мировоззрению, нежели автократический царизм, православная церковь, панславизм и бюрократическая центральная власть.

Ведь финский народ насквозь демократичен. С 1906 года он обладал всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом для мужчин и женщин с 24-летнего возраста. Школы, университеты и все прочие государственные учреждения демократичны по сути. Разве удивительно поэтому, что существовала надежда на то, что свободно управляемая Россия с пониманием отнесется к политическим свободам финского народа?

Однако легко было предвидеть, что панславизм и русификация не были порождением царизма, который уже стал посягать на

культурную автономию Финляндии, так же как это было с балтийскими немцами. Панславизм создан именно нарождающейся русской демократией, процессом становления самосознания у русского народа. Насколько я знаю, почти повсеместно национальное самосознание само по себе воздействует на внутреннюю политику демократически, а на внешнюю — шовинистически. И это вполне объяснимо. Народу хочется добиться своего не только внутри государства, но и на внешнеполитической арене. Это касается и французской революции, и процесса объединения Италии или всех балканских народов и всех национальных окраин бывшей России, кроме Литвы, которая едва ли преследует империалистические цели, а во внутренней политике стремится ко все более радикальной демократии. Так же и русская демократия отстаивала права русского народа, защищая их как от царя, так и в особенности от посягательств других народов. Царизм только лишь из тактических соображений включил эти шовинистические идеи в свою политическую программу ради борьбы с поработенными народами.

Этот опыт только теперь был воспринят в Германии, потому что германская демократия, ведомая интернациональным еврейством, — единственная из всех демократий мира пронизана космополитическими идеями и с крайним ожесточением сражается против любого проявления немецкого национального духа. Напротив, великие демократии Англии и Франции преследуют империалистические цели в их самом откровенном виде, так же как и Соединенные Штаты в последние 20 лет.

Первое разочарование постигло финнов, когда правительство Керенского не согласилось удовлетворить просьбу о предоставлении Финляндии самостоятельности. В декабре 1917 года Финляндия решила сама провозгласить свою независимость, после того как в ходе второй революции в России возобладали коммунизм³⁵.

Теперь и в Финляндии увидели, к чему идет дело. Если свергнуто правительство и погран закон, власть в силу природной необходимости перейдет к тому, у кого самые крепкие кулаки. Таким всегда было развитие недавно завоеванной свободы.

Находившиеся в Финляндии русские войска — при царе привыкшие к беспрекословному подчинению начальству, необразованные и несамостоятельные, — когда власть пала, утратили чувство всякой меры в куда большей степени, нежели впоследствии революционизированные германские части. Они стали бичом этой страны, ведь без командования их было не так-то просто отправить назад в Россию.

И все же коммунизм в России вовсе не означал неперенной революции в Финляндии. Однако почва для него была подготовлена, причем не только в индустриальных центрах, но, к сожалению, и в глубинке, где бедные крестьяне являлись по большей части не владельцами земли, а лишь арендаторами. Система аренды, как и когда-то в древнем Риме, привела к возникновению серьезного недовольства в равнинной части страны и стала причиной того, что и из прилежного, верного, честного финского сельского населения множество бедняков ступили на ложный путь русского коммунизма, превратившись из социал-демократов в большевиков. Например, мне рассказывали, как арендатор, который еще в 1917 году имел 1500 финских марок в сберегательной кассе, — и тот в начале 1918 года пошел к красным.

Однако подобный исход событий был совершенно не обязательным, ведь уже тогда росло осознание, что систему аренды необходимо постепенно отменить законодательным путем. Так что этот случай — пример того, что даже демократически управляемый народ вовсе не застрахован от большевизма. Ведь народовластие, как правило, лишь прикрытие для рвущихся к власти вождей. Даже среди видных большевиков были старые каторжники. Во время большевистского правления одна альтруистка, которая сделала делом своей жизни заботу о находящихся в плену, хотела получить разрешение на посещение плененных белых, встречая в здании правительства одного старого друга за другим. На основании этого давнего знакомства она все же получила молчаливое согласие³⁶.

В финском ландтаге социал-демократы имели абсолютное большинство голосов. Когда новые выборы из-за неудачных действий социал-демократов закончились изменением этого положения дел, случилось весьма поучительное событие. Партия, которая начертала слово «свобода» на своих знаменах, когда народ отказал ей в законном средстве осуществления ее планов, решила перейти к насилию.

27 января 1918 года в Финляндии повсеместно вспыхнула революция, в которой участвовали подавляющее большинство депутатов из социал-демократов и «покрасневшие» русские войска. Революция получила всяческую поддержку, особенно оружием, из России и Петербурга. Русские большевики заявляли, что хотели бы устроить революцию и в других странах, а из их речей и призывов становится ясно, что они хотели через Финляндию и Скандинавию распространить ее на весь мир, так же как позднее поддержанная

Иоффе германская революция должна была стать лишь этапом мировой революции.

Вследствие участия в этом русских военнослужащих, включая офицеров, и поддержки со стороны Советской России сопротивление буржуазной Финляндии большевизму переросло из гражданской войны в освободительную против ненавистных русских угнетателей, хотя последние теперь уже представляли из себя не царских генерал-губернаторов, а агентов Ленина и Троцкого. К немедленно начавшему формироваться в северной Финляндии контрреволюционному движению буржуазии из всех частей страны устремились патриоты, чтобы с оружием в руках защитить только что завоеванную свободу от России и одновременно восстановить спокойствие, закон и порядок.

ФИНСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА ДО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ

Революция одним махом присвоила бразды правления почти во всей Финляндии. Члены правительства рассеялись, а все образованные или состоятельные мужи, которые играли прежде хоть какую-то роль, скрывались или же вынуждены были бежать. На юге Финляндии этому оказали поддержку, контрреволюция была совершенно исключена. Попытка мятежа была быстро подавлена, ее участники частью спаслись, переправившись по льду Финского залива в Ревель, и затем сопровождали нас из Данцига. Однако батальон, состоявший из 560 молодых людей из среды интеллигенции, был пленен и заключен в здании реального училища в столице страны.

И все же полного разоружения буржуазных кругов вплоть до освобождения так и не было проведено. Белые, как они называли себя в противовес красным, все еще повсеместно имели скрываемое оружие и быстро собрались при нашем появлении. Красный террор явно продолжался слишком недолго для этого. Напротив, буржуазия в России, и даже в Риге, после 4,5 месяцев большевистского владычества была разоружена столь основательно, а при обнаружении хранение оружия каралось столь строго, что освобождение от большевизма изнутри или даже при поддержке освободителей³⁷ было совершенно исключено.

Оказалось также, что красный террор с течением времени становился все страшнее. Ведь жестокости, которые я позднее лично наблюдал в Прибалтике и насколько я слышал о таковых в Петербурге, до того, на территории Финляндии³⁸ случались относительно редко.

Все же и здесь множество семей лишились своих близких, они были убиты, в Кувале к несчастным жертвам применялись дьявольские пытки, в том числе погребение заживо, закапывание по шею, когда затем голову посыпали соломой и поджигали. Никто не мог быть уверенным в своем благополучии даже у себя дома, все газеты, кроме большевистских, были запрещены, суды более не действовали, только суды красных властителей с их собственным, основанным на произволе правосудием; все учреждения были в руках красных.

Цены на продовольствие необычайно выросли, однако оно все же еще было в свободной продаже и не распределялось, как это впоследствии случилось в Риге, красными властями в зависимости от классового происхождения, причем низший класс, в который входили интеллигенция и бывшие помещики, не получал почти что ничего.

Хотя, по моему мнению, террор и нужда в Финляндии были не столь чудовищными, как в самой России, они все же ужасали. Гарантии безопасности жизни и имущества, а также семейной жизни исчезли. Ничто не было столь показательным для того, как пострадала буржуазия, нежели те восторженные торжества, с которыми встречали повсюду «освободителей и спасителей» там, где белая гвардия входила в города и где вступали германские войска. «Наш спаситель и освободитель» — был почетный титул, которым называли меня как командира немцев, это прозвище стояло в благодарственном адресе, который я получил в годовщину освобождения за 15 тысячами подписей.

На северо-западе Финляндии в Остерботнии с ее особенно трудолюбивым и надежным населением уже спустя несколько дней после революции 27 января последовал контрудар. Именно в эту местность был перенесен центр финского освободительного движения, и там его организация продвинулась далее всего. Немногочисленное оружие было тайно доставлено из Германии. Однако о военном обучении даже одной из частей не было и речи. И все же русские были почти без крови разоружены и арестованы. Местные красные ни разу так и не смогли прийти здесь к власти. Все это происшествие было блестящим доказательством того, что действие

острее любого хода мыслей. Итак, вся Остерботния оказалась в руках лишь слабо организованных, рассеянных по стране белогвардейцев. Ваза (Николайстад) стала резиденцией правительства, многие члены бежали туда, а сенатор Свинхувуд возглавил его. В лице русского генерала барона Маннергейма, по происхождению финляндца из шведской фамилии, бывшего на русской службе, они получили энергичного, деятельного, одаренного военного руководителя и организатора. Маннергейм стал освободителем северной Финляндии. Будущие поколения будут с благодарностью вспоминать его имя.

Однако организация военных сил была нелегким делом в стране, где уже почти 20 лет не было оснований для нее в виде всеобщей воинской повинности и военного обучения, даже если у старшего поколения еще живы были воспоминания о старых финских частях, что давало некоторое основание для воссоздания военной организации. Прежде всего, однако, не хватало оружия и военных вождей. Финны обратились к дружественным шведам, с которыми были связаны долгой общей историей, с которыми они жили в разных государствах всего лишь чуть более 100 лет.

Однако судьбы Швеции определялись социал-демократом Брантингом и идущими с ним рука об руку либералами. Они хотели любой ценой избежать того, чтобы Швеция оказалась втянутой в какие-либо военные предприятия даже на дружественной немцам финской стороне. Среди крайне левых были многие из тех, кто видел во второй русской и финской революции зарю будущего социалистического государства и поэтому отказался от того, чтобы помочь самому демократическому из всех народов в его освободительной борьбе против красных террористов. Шведские левые не желали замечать жестокостей красных. Позднее это отрицалось шведскими радикалами, напротив, они выдвинули самые резкие обвинения против «белого террора», который, если и имел место в единичных случаях, все же являлся лишь возмездием отчаявшегося народа за неслыханные жестокости красных. Однако шведские левые партии упустили из виду, что Финляндия сражается за свое освобождение, за освобождение страны, которая 100 лет назад была насильственно оторвана от своих собратьев по происхождению и соотечественников из Швеции.

Швеция упустила великую историческую возможность. Ведь не могло быть сомнений в том, что освобожденная со шведской помощью Финляндия искала бы политической унии со Швецией и обрела бы ее. Однако этого не случилось, и по этой причине финны

обратились к Германии, которая стала тем самым отцом новой полностью самостоятельной Финляндии.

К чести Швеции, надо сказать: правые и национальные партии были разочарованы своим малодушным правительством, особенно выдающийся офицерский корпус, который уже долгое время жалел, что не может принять участие в отчаянной борьбе германцев против славян, латинян, английского и американского империализма. Шведская бригада, численностью едва в 1000 человек, однако хорошо вооруженных, пусть и к сожалению без опыта ведения современных боевых действий, под проклятия шведских красных выступила и своей кровью помогла защитить Финляндию, а вместе с тем и Скандинавию от красного потопа.

Шведские офицеры Генерального штаба вступили в штаб Маннергейма и вместе с бывшими финскими и русскими офицерами финской национальности в целом способствовали обеспечению командования.

Однако они одни не могли спасти Финляндию. Не хватало прежде всего оружия, боеприпасов, военного имущества самого разного рода, учебных частей и младших командиров. Взоры обратились к Германии, которая сначала отправила испытанный в боях, блестяще обученный 27-й егерский батальон под командованием германского капитана Аусфельда. В феврале на ледоколах он пересек замерзший северный Ботнический залив и прибыл как долгожданный освободитель назад на родину в Вазу.

Только эти владеющие финским языком младшие командиры, распределенные теперь по крестьянским отрядам, были в состоянии в очень короткое время развернуть и обучить войска, сравнимые по численности с красными. То, что это удалось осуществить всего за несколько недель, говорит в пользу как командиров, так и личного состава, свидетельствует о любви народа к своему Отечеству и природных военных дарованиях лишенной военного обучения молодежи.

Крестьянский пиджак послужил униформой, оружие и прочее доставлялось ледоколами, лихорадочно шли организация и обучение — и тут же полуготовые роты пытались остановить дальнейшее продвижение красных в ожесточенных, но поначалу, разумеется, не всегда удачных боях на линии фронта примерно севернее линии Бьёрнеборг — Таммерфорс — Хейнола — Выборг. В это же время в южной Карелии карел Сихво, поддерживаемый своим начальником штаба Хаглундом, оба — старые вояки из 27-го егерского, держал «под шахом» стремящихся в Финляндию из России

большевиков и тем самым позднее сделал возможным предпринятый Маннергеймом стратегический обход на Выборг.

Ничто не могло быть понятнее, чем желание финского командования освободить свою страну собственными силами, поэтому генерал Маннергейм поначалу противился намерению привлечь на помощь и германские войска. Однако финским политикам было ясно, что с такой импровизированной армией, которую, несмотря на всю храбрость и любовь к Отечеству, нельзя было оценивать достаточно высоко, в лучшем случае большой кровью и спустя долгое время удастся освободить наиболее ценную часть страны и ее крупнейшие города, но это даст возможность красным к тому времени полностью уничтожить и их, и проживающую в них интеллигенцию. Когда теперь, после событий, сравнивают положение Маннергейма на огромной малонаселенной территории с положением Колчака, Деникина, Юденича и англичан под Архангельском, которые напрасно пытались освободить Россию с имевшими несколько лет боевого опыта солдатами, то очевидным становится вывод, что и финский главнокомандующий с его необученной армией вряд ли добился бы больших успехов. Поэтому решение финских политиков просить Германию о непосредственной поддержке, с финской точки зрения, должно быть оценено как единственно верное. В конце концов, и Маннергейм считал для себя такую позицию не исключенной и, как мы увидим, в середине марта, когда о помощи уже давно запросили, оценивал перспективы развития событий как крайне тяжелые в том случае, если в скором времени не высадятся немцы³⁹.

Между тем он не ограничивался только лишь обороной и удержанием важных, постоянно находящихся под угрозой рокадных коммуникаций — железной дороги, идущей из Вазы через Хаапаями — Нейшлот на восток Финляндии, — а даже готовился наступать. Сначала он собирался сломить сопротивление на фронте, освободить крупнейший индустриальный центр страны Таммерфорс и затем, обеспечив линию фронта, совершить громадный поворот налево вдоль железной дороги и атакой на Выборг отрезать красных от их базы снабжения в России. Гениальный план, который, однако, при имевшихся небольших силах привел к тому, что красные, базировавшиеся в захваченной ими столице Гельсингфорсе и портах Финского залива, также перешли к решительным действиям, перейдя в наступление не через Таммерфорс, а через Хейнолу, и вышли на единственную тыловую коммуникацию Маннергейма, атаковав в самом чувствительном для него месте. Однако даже если

это и не удалось им, то все же у них было бы достаточно времени для того, чтобы своевременно стянуть крупные силы на крупной магистрали Рийхимяки — Выборг для решающего сражения под Выборгом.

Быстрый успех мог быть достигнут только лишь, если бы красные, сражавшиеся фронтом на север, были бы атакованы на как можно более решающем направлении и с моря. Однако этот решающий удар могли нанести лишь хозяева Балтийского моря — немцы.

Для того чтобы скоординировать операции финского командования с действиями германских десантирующихся войск, германская Ставка отправила в Финляндию майора Генерального штаба Кранца. Я имел с ним предварительные беседы в Крейцнахе и Берлине, затем он выехал через Швецию в Вазу, там установил контакт с правительством и отправился к Маннергейму. Генеральный штаб сделал хороший выбор. Ведь майор Кранц быстро завоевал расположение и доверие местных руководящих кругов, особенно Свинхувуда и Маннергейма, что было крайне важно для настоящего и будущего.

Связь с иностранным ведомством в Берлине и берлинским представителем Ставки, неутомимым капитаном фон Хюльзенем, поддерживал первый посланник Финляндии Ельт (Hjelt), канцлер⁴⁰ и профессор химии в университете Гельсингфорса. Он настойчиво и деятельно стремился к уже намеченной ранее органами финского освободительного движения цели — заинтересовать Германию в спасении Финляндии — и в 1919 году, ко всеобщему сожалению, был снят со своего поста, когда его теплое дружественное отношение к Германии вызвало насчет него подозрения у английской стороны.

ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

Ясно было, что германскому Верховному главнокомандованию для большого наступления во Франции потребуются все силы. С другой стороны, цель, к которой стремились в Финляндии, была столь важна, а направленные туда вооруженные силы столь незначительны, что на Западе в них не нуждались, да а по роду своему они едва ли могли приниматься в расчет.

Это были войска с Востока⁴¹, освободившиеся после выхода России из войны, для условий Западного фронта еще не обученные,

а также горные и самокатные части и, кроме того, некоторые небольшие подразделения, необходимые для образования смешанной дивизии. Таким образом, немецкая Балтийская дивизия состояла из: 3 конных стрелковых полков, 3 егерских батальонов, 5 самокатных рот, 2 горных пулеметных команд, 1 баварского горноартиллерийского дивизиона, 2 тяжелых батарей, 1 эскадрона, 1 саперной роты, телефонистов, радистов, санитарных и автомобильных частей, — всего почти 12 тысяч человек.

Руководил этими войсками только что освободившийся штаб 12-й ландверной дивизии, новым командиром которой стал я, а первым офицером Генерального штаба — капитан Карманн.

Эта слабая дивизия получила желанное подкрепление в виде десантного отряда Бранденштейна, тоже из войск с Востока, который, поначалу действуя самостоятельно из Ревеля, позже поступил под мое командование. Он насчитывал 3 пехотных батальона, 1 батальон самокатчиков, 1 эскадрон и 2 батареи.

Также весьма значительной мощностью располагали выделенные военно-морские силы: тральщики и ледоколы, боевые корабли, транспорты.

Чего же хотела Германия? Почему была проведена эта операция?

Однажды в 1919 году в речи за столом у финского посланника Ельта генерал Людендорф сказал: «Все мои решения я принимал рассудком, решение же помочь Финляндии я принял и головой, и сердцем».

«Сердцем», потому что Германия как передовой боец за германскую культуру не может спокойно смотреть на то, как народ, хорошо и по-германски образованный, любящий нас и поддерживавший добровольцами, подпал под власть коммунистического варварства.

Однако одно только это соображение не могло быть достаточным основанием для ответственного первого генерал-квартирмейстера, чтобы в момент громадного решающего сражения во Франции он отвлекал силы на еще один, новый участок и позволял проливать там немецкую кровь. Это должно было соответствовать и иным важным расчетам.

Речь шла о том, чтобы сдерживать Советскую Россию, стоявшую за финским восстанием, запретив ей любое распространение своей власти, тем самым предотвратив образование нового Восточного фронта. Отбрось мы большевиков назад к Петербургу — и их власть, превратившаяся в своем стремлении к мировой революции

в империалистическую, получила бы новый чувствительный удар. А затем вместе с союзной Финляндией с рубежа Нарва — Выборг можно было бы держать в клещах русскую столицу.

К тому же следовало не допускать английского влияния на Россию. Англичане взяли под контроль незамерзающее мурманское побережье и Мурманскую железную дорогу. Оттуда они могли бы оказывать давление на Петербург, свергнув там власть большевиков и получив в свое распоряжение русский флот в Кронштадте, все еще находившийся под контролем старорежимных царских офицеров и занимавший достаточно самостоятельную позицию по отношению к петербургским властителям⁴², — и по возможности и с суши, и с моря создавая для нас нового опасного противника на Востоке. К тому же господство красных в России еще не было обеспечено настолько, чтобы не быть сброшенным изнутри бесчисленными приверженцами Англии.

Германские войска и суда в Финляндии образовывали краеугольный камень германского владычества на Балтике, они угрожали Петербургу и фланкировали Мурманскую магистраль — дорогу английского вторжения в Россию. Цель была настолько значительной, что вполне оправдывала отправку туда не слишком больших сил и их размещение там впоследствии.

Итак, было принято решение откликнуться на финские призывы о помощи и уговорить на это ведомство иностранных дел и комиссию рейхстага.

Последствия показали, что решение было правильным. Цель была достигнута полностью. При этом был одержан такой успех, на который поначалу во всем его масштабе нечего было и рассчитывать: Германия завоевала нового друга — единственного, оставшегося верным ей, когда война была проиграна и стало невыгодно водить дружбу с Германией, единственного, кто не отвернулся от революционной Германии с презрением и отвращением, так как не понаслышке знал немецких героев и твердо верил, что будущее Германии принадлежит им.

Мы, немцы, не хотим забывать о Финляндии. Однако все мы, кто в боях и своим трудом содействовал этому, горды тем, что довелось быть причастными к единственному сохранившемуся успеху этой Мировой войны.

В ходе первых обсуждений в Крейцнахе и Берлине мне сообщали о плане высадки в Ботническом заливе в маленькой гавани Раумо. Казалось, Маннергейм нуждается в непосредственной помощи. В связи с этим в начале марта в качестве трамплина

для высадки в Раумо адмиралом Мойерером с несколькими судами и 14-м егерским батальоном были заняты Аландские острова.

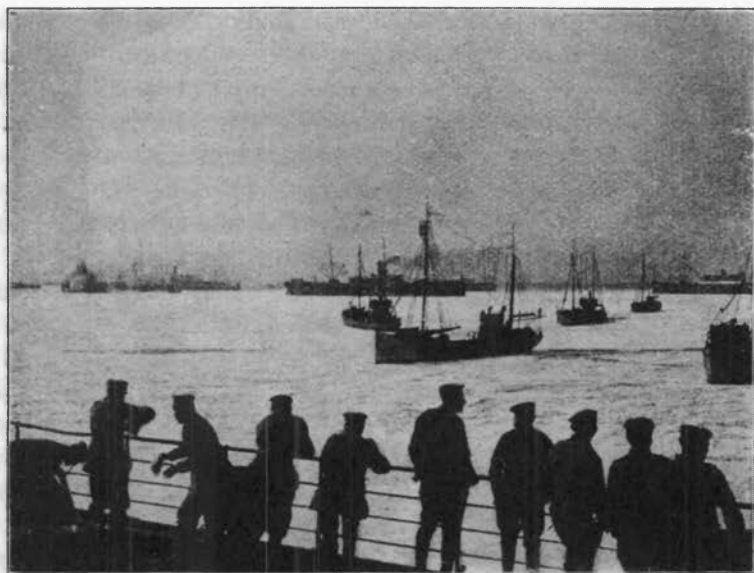
Однако уже в Берлине старый опытный лоцман предупреждал, что там в это время года паковый лед слишком высок и прочен даже для мощнейших ледоколов. Адмирал Мойерер 11 марта подтвердил это в Данциге, а также заверил, что с Аландских островов крупные транспортные суда не смогут пройти ни к Або, ни к Ханко. Впрочем, вполне можно выслать с Аландов на материк небольшое подразделение на санях, но, конечно, не дивизию с приданной ей артиллерией и обозами. Таким образом, следовало принимать решение о новом месте высадки и новом маршруте для судов.

Так как высадка в Гельсингфорсе из-за стоявших там русских боевых кораблей расценивалась как авантюра, следовало иметь в виду лишь Ханко — редко замерзающую небольшую гавань с большим рейдом. Но для этого надо было проверить новый маршрут судов на наличие мин. До Либавы и Эзеля дорога была проходима, однако оттуда ее еще предстояло очистить.

Повторное применение тральщиков и их опасная работа, стоившая 14 человеческих жизней, продолжались столь долго, что войска погрузились лишь в конце марта, и, к большому сожалению всех участников похода, только 1 апреля корабли смогли выйти в море. Это время было весьма продуктивно использовано для учений и тренировок по десантированию не знакомых с ним войск и командиров. Население Данцига и округи, которому до того знакомы были только посредственные эрзац-части, вскоре полюбило молодежавших фронтовиков и начало гордиться ими.

Сам я 12 марта поехал назад в Берлин на один день, чтобы познакомиться с политическим руководителем Финляндии президентом Свинхувудом в это критическое для его страны время. Первое знакомство переросло в дружбу, все прочнее связывавшую меня с этим человеком выдающегося характера.

Между тем обстановка в Финляндии все больше накалялась. Причины столь долгого ожидания там не мог понять никто. Весьма странным образом в штабе Маннергейма предполагали тут интригу полковника Теслеффа, а точнее, его офицера связи в Балтийской дивизии, подозревая в последнем конкурента Маннергейма. Однако я смог убедиться, что никто не мог чувствовать себя более несчастным из-за отсрочки, нежели горячий финский патриот Теслефф, который особенно близко к сердцу принимал судьбу столицы и 600 плененных студентов. Кроме того, он был слишком грамотным солдатом, чтобы не знать, что первое же серьезное

Германские корабли на рейде

Баварская горная артиллерия на марше по дороге Ханко — Гельсингфорс

Экенес

Генерал граф фон дер Гольц и его 1-й офицер Генштаба капитан Карманн

поражение Маннергейма высвободит силы красных для использования против слабых немецких войск и тем самым поставит все операции перед опасностью провала.

Генерал Маннергейм 20 марта телеграфировал через Стокгольм в Германию: «Пожалуйста, сообщите Теслеффу, что я полагаю своим настоящим долгом ускорить прибытие германской экспедиции. Промедление губительно».

Верховное главнокомандование, Адмиралштаб и Балтийская дивизия — все чувствовали себя одинаково несчастными из-за этой задержки, однако что поделаться, нам придется потерпеть еще 10 дней. Чтобы предотвратить убийства, я приказал летчикам разбросать предупреждающие воззвания над Гельсингфорсом, и мне потом рассказывали, что они сотворили чудо: красные утратили уверенность, и белые рвали листовки из рук, словно путь к спасению.

Замысел высадиться в Ханко был дерзким: вдали от войск Маннергейма, только лишь со слабой, единственной дивизией среди охваченной восстанием территории, без тыловых частей, которые бы обеспечивали коммуникации между войсками и судами.

В одиночку это было рискованно.

Сначала все зависело от того, как быстро будет пройдена узкая полоска земли от Ханко до Экенеса⁴³, чтобы не застрять уже на экенесском перешейке. Затем следовало прикрываться со стороны Або. Для этого было назначено аландское подразделение, в задачи которого входило достичь материка на санях.

Прежде всего, однако, следовало решить, куда следует развивать операции от Экенеса. Войска красных, в тылу которых мы собирались высадиться, располагались против белых в общем на рубеже Бьёрнеборг — Таммерфорс — Хейнола — Выборг, однако до сих пор до решительного исхода дело не дошло. Позади красного фронта, по сообщениям немецкого отдела «вражеских армий», находилось множество русских дивизий в районе Рийхимяки. Конечно, позднее это сообщение оказалось преувеличением, но командованию пришлось учитывать его в своих расчетах.

Как же следовало использовать плюсы рискованной высадки в тылу врага? Многие говорили за прямое выступление на столицу, где уже долго ждали немцев и в которой красные с каждым днем хозяйничали все бесцеремоннее. Однако марш туда вел почти вплотную вдоль побережья, и тогда под угрозой оказывался левый фланг напротив сильного фронта крепости Гельсингфорса. При этом никуда не делся еще и немецкий стратегический принцип

действовать не против географических пунктов, а против вражеской армии в поле, потому что географические-то пункты победителю достанутся в любом случае. В данной ситуации это было тем более заманчиво, что продвижение вдоль железной дороги Карис — Хювинкаа выводило к Рийхимяки, самому крупному железнодорожному узлу южной Финляндии, то есть в случае успеха был бы сломан хребет в центре войск противника и столица была бы отрезана от ее коммуникаций со страной и от армии красных. Наступление на Гельсингфорс должно было последовать лишь после того, как с успешным взятием Рийхимяки в тылу Западной армии красных будет сломлено ее сопротивление и она будет принуждена к отходу в восточную Финляндию.

Однако, в то время как известия из Гельсингфорса зазвучали все более угрожающе, на передний план выступило высказанное еще в Данциге предложение в связи с политической необходимостью оказать немедленную помощь находящейся в большой опасности столице, и было решено, в том числе ради поддержки взаимодействия с флотом, отринуть вполне оправданные с военной точки зрения сомнения и, в случае если обстановка в Финляндии сложится соответствующая, немедленно идти маршем на Гельсингфорс.

Верховное Главнокомандование⁴⁴ относилось с пониманием к желанию Балтийской дивизии по возможности быстро разрушить служащую базой для операций противника железную дорогу Выборг — Рийхимяки — Тавастагус. Когда же теперь дивизия стала действовать сначала на гельсингфорсском направлении, ОХЛ попыталось одновременно достичь и второй цели тем, что приказало направить небольшое подразделение всех родов войск под командованием генерал-майора барона фон Бранденштейна из Ревеля в Ловису⁴⁵ с задачей прорвать указанную магистраль в районе Лахти. Позднее этот отряд был подчинен мне, и теперь следовало координировать две эти одновременно проводимые операции. С одной стороны, быстрое прибытие Бранденштейна надо было использовать для того, чтобы по возможности скорее перерезать эту дорогу, с другой — он не должен был потерпеть там поражение, оставшись один. Таким образом, следовало побыстрее занять Гельсингфорс, прежде чем враг сможет стянуть силы против немецкого наступления, а затем сразу же после взятия столицы оказать помощь Бранденштейну. Итак, выкристаллизовался общий план, который подходил к изменившимся обстоятельствам. Ведь Мольтке говорил: «Стратегия — это система подпорок».

ХАНКО — ГЕЛЬСИНГФОРС

В солнечное утро понедельника на Страстной неделе 10 больших немецких океанских судов с привычными побеждать германскими войсками, в сопровождении линкоров «Рейнланд» и «Вестфален», малого крейсера «Кольберг», многочисленных торпедных катеров и небольших кораблей покинули рейд Данцига. Далеко впереди выполняли свою опасную работу тральщики под командованием капитана фон Розенберга, чтобы защитить нас от опасности. *Germany rules the waves*⁴⁶. Гордое, печальное воспоминание! То было впервые в мировой истории, когда германский флот перевозил германские войска из германской гавани через Балтику для того, чтобы вести боевые действия за морем. Однако так же впервые Германию попросили оказать помощь цивилизации⁴⁷ за морем, подвергшейся опасности. К сожалению, оказалось так, что миссия в Финляндии оказалась не первым, а единственным предприятием подобного рода.

За нами следовал первый транспорт с 400 финнами, которые за день до этого прибыли в Данциг из Ревеля, собираясь принять участие в освобождении своего Отечества под германским руководством. Они были должным образом вооружены, обмундированы по-зимнему и были в Ханко сведены в батальон, которому было дано имя «Теслефф».

В качестве представителя финского правительства меня сопровождал профессор доктор Миккола из Гельсингфорсского университета, горячий патриот. Он и его утонченная жена, писательница Майла Тальвио, позднее гостеприимно открыли двери своего дома для меня и множества немцев. В Данциге к нашему штабу присоединились и многие другие финны.

Поездка при солнечной, спокойной погоде подняла настроение у не привычных к морю немецких викингов. Удивленным взором они смотрели на тюленей, гревшихся на солнце на островках льда, с бьющимся сердцем в первые утренние часы 3 апреля мы наблюдали, как уверенно через лед рейда Ханко маленькие катера приближаются к гавани и укрепленному форту перед ней.

Вскоре пришло известие, что гарнизон сопротивления не оказывает, и поэтому мои егеря из 3-го резервного, множество юношей из Берлина под руководством их 60-летнего отца-командира графа Шуленбурга-Либерозе, жаждущие нового, деятельные и хохочущие, взбирались на десантные баржи, чтобы взять Ханко. В гавани треск, облака дыма и пожар. Все же сопротивляются? Но нет,

то был всего лишь нефтяной танкер, который русские по своему обыкновению, отходя, подожгли.

Ханко после незначительных боев был взят без потерь, и войска устремились на дрезинах по железной дороге, а также по обледенелым проселкам на Экенес. Локомотивы, к сожалению, захвачены не были, один поезд, полный вооруженных русских, как раз отошел. Самокатные роты были вынуждены из-за глубокого снега оставить свои велосипеды. Несмотря на это, одному ловкому саперному офицеру, фон Альфену, после многочасовой перестрелки удалось захватить важный мост у Экенеса, не допустив его уничтожения. Наступление, подготовленное и обсужденное Генеральным штабом во всех подробностях, могло планомерно развиваться от Экенеса к Карису.

Разумеется, выгрузка потребовала нескольких дней, и поэтому я с моим штабом еще 3 дня оставался в красивом Ханко. Здесь перед нами предстало вызывающее гордость незабываемое зрелище флотского парада из более чем 50 германских кораблей, двигавшихся во льду, меж скалистых шхер между рейдом и внутренней гаванью.

Вечером освобождение было должным образом отпраздновано местными жителями благодарственным молебном, в ходе которого священник произнес проповедь сначала по-немецки, потом по-шведски и, наконец, по-фински. У входа в кирху я был встречен отцами города речью признательности, а затем меня сердечно приветствовал певческий фереин. Немецких спасителей, несмотря на тут же подготовленные воззвания, здесь еще не особенно знали, и поэтому в приветственных обращениях прозвучало тихое напоминание о надежде финляндцев на то, что им не придется обменять русский кнут на более мягкое господство немцев. Но вскоре по всей стране уже знали, что мы не завоеватели, а освободители, и даже в нынешних катастрофических обстоятельствах Германию благодарят в ней со своей прежней любезностью.

Внешне Ханко пострадал мало, однако все же какие-то жертвы пришлось понести. Ведь характерной чертой господства большевиков было то, что они во имя свободы приказывали убивать инакомыслящих.

С высланными в Ханко представителями вмерзшего в лед в Гельсингфорсе русского флота было заключено соглашение, что они при атаке с моря столицы останутся нейтральными, однако затем должны будут отбыть в Кронштадт. Тем самым адмирал Мойрер смог оказать поддержку наступлению на суше и ворваться в Гель-

сингфорс одновременно с Балтийской дивизией. Осуществление взаимодействия сухопутных войск и флота удалось блестяще.

В Ханко уже в первый же день произошли недозволенные реквизиции, следствие долгой войны в чужой стране. Я полностью запретил реквизиции в дружественной стране, немедленно резко вмешался, распределил компенсацию между пострадавшими фирмами — и хорошие отношения между моими солдатами и населением уже едва ли когда-нибудь были нарушены. Именно превосходная выучка моих войск снискала удивление и любовь Финляндии.

6 апреля я на автомобиле отправился в Экенес. То слева, то справа сквозь лес видно было море, а в нем — бесчисленные острова. Затем справа по ту сторону залива показался прелестный городишко, к которому нас привел длинный мост. Едва мы прибыли в нашем экипаже, как отцы города приветствовали меня преисполненной благодарности речью, и перед ратушей зазвучали немецкие и шведские песни в исполнении певческого ферейна. Рядом — толпа в сотни человек. Возвышенное ощущение, которое не забудет ни один из участников: ведь у этого благодарного, музыкального народа так часто повторялось подобное благородное приветствие.

Между тем разгорелись бои. В то время как авангард дивизии должен был по кратчайшему пути идти от Экенеса через Снаппертуну на Гельсингфорс, отряд графа Гамильтона, самокатчики с пулеметами и двумя орудиями, получил задание двигаться маршем через Карис на Лохо, прикрывая фланг. Однако у Кариса он наткнулся на серьезное сопротивление с участием бронепоездов, так что я вынужден был дать указание командиру авангарда генералу Вольфу продвинуть его егерскую бригаду от Экенеса в Карис на поддержку.

В двухдневном лесном бою под умелым командованием генерала Вольфа удалось взять станцию Карис. Силы красных, которые были быстро стянуты с трех сторон по железной дороге к узлу в Карисе, так же быстро и откатились, когда увидели, что имеют дело с противником более высоких боевых качеств. Они достигли своей цели, не только задержав нас на два дня, но и установив факт, что действительно имеют дело с германскими войсками. Руководство войсками русским полковником Генерального штаба, который из железнодорожного узла Рийхимяки руководил одновременно сражением у Таммерфорса и боем у Кариса, однако, заслуживает признания. Тогда нам казался совершенно непостижимым его выбор наняться на службу к большевикам за большие деньги. Позже в России на службу к Ленину пошли многочисленные офицеры всех

рангов, спасая тем самым жизнь большевизму. По поводу большинства из них следует все же полагать, что их к этому бесхарактерному шагу привела горчайшая нужда.

Должно быть, ужас охватил красных командиров, когда они узнали, что настоящие солдаты, германские, высадились в Финляндии и, вероятно, идут маршем на их столицу. В ходе дальнейшего наступления мы узнали из первых гельсингфорских газет, что в день боя под Карисом красный диктатор Маннер выехал в Выборг и одновременно распространил призыв к сохранению спокойствия, дескать, то, что германские войска высадились в Ханко, это ложь, это лишь финские белые, переодетые в германскую форму, стянулись у Кариса и имитируют вторжение немцев. Но зачем же он в таком случае вместе со всем правительством отправился в Выборг, оставив позади лишь подставных лиц?

Да, то было величественное время, когда внезапное появление немецких стальных шлемов в 120 км от сильной крепости заставило бежать всё революционное правительство! Немец, не забывая того, что когда-то было! Это — гордые воспоминания немецкой истории, более величественные, нежели страшное предательство немецких революционеров.

Показательно также, что красные газеты освещали мировую войну лишь с позиции Антанты. Было ли это следствием Брестского мира или же тогда в лагере красных полагали, что Англия никогда не предпримет ничего серьезного против красной угрозы нашей цивилизации?

Пошли первые потери. Погребение, к счастью, немногочисленных убитых превратилось в чествование Германии. Весь маленький городок Экенес совершил паломничество к далекому кладбищу в лесу, и по обычаю этой страны зазвучали речи в память о павших и в честь Германии. Настроение поднял прекрасный хор. Это был первый раз, когда мы участвовали в подобной церемонии, и тем более глубоко она засела в нашей памяти. Немецкий католический дивизионный священник Кройц поразил меня своим блестящим, идущим от сердца красноречием.

Вместе с капитаном Карманном и командиром артиллерии майором Бутцем я отправился в Карис, где нас радостно встретило население. Однако не каждой белой повязке на рукаве следовало радоваться. Ведь некоторые, будучи оппортунистами, только что сменили на нее красную. Многие на всякий случай имели при себе и красную и белую. Воспоминания о Бельгии, где каждый солдат носил в рюкзаке свое штатское платье, пробудились вновь.

Впоследствии местное население на опыте мелких происшествий убедилось в том, что мы можем решиться на вооружение, обучение и использование в качестве тыловых частей белой гвардии в Ханко, Экенесе и Карисе.

Чтобы по возможности быстро нагнать потерянное время и одновременно прикрыть фланги, я приказал, чтобы егерская бригада генерала Вольфа из Кариса через Сварту шла дальше, в то время как кавалерийская стрелковая бригада полковника фон Чиршки унд Бёгендорфа, шедшая за ним, должна была двигаться маршем от Экенеса по главной дороге параллельно ей. Так как ее путь был короче, она первой подошла к Гельсингфорсу. Уланы и карабинеры как кавалеристы не привыкли к такой спешке. Однако положение позволяло отправить рюкзаки на повозках, а они благодаря этому в соответствии с моими строгими приказами смогли совершить по-настоящему большие маршевые переходы. Влекла к себе цель. Впрочем, меня заботило и то, что эти части подойдут к Гельсингфорсу еще до того, как подоспеют подкрепления.

Были заранее высланы самокатчики, которые, несмотря на дороги, представлявшие из себя смесь талого снега и льда, после кратких боев на каждом участке еще вечером 10-го подошли к внешнему обводу укреплений Гельсингфорса. Граф Гамильтон продолжал марш на Лохо и удерживал сильную позицию у Нуммелы против врага до тех пор, пока не увидел, что главные силы продвинулись дальше к столице. В качестве прикрытия тыла со стороны Або у Кариса были оставлены рота самокатчиков и одна горно-пулеметная команда, которые были подтянуты позже, когда наконец прибыл 14-й егерский батальон. Последний должен был на санях идти от Аландских островов к Або, чтобы очистить его, но на островах Нагу и Корпо наткнулся на сильное сопротивление и в конце концов был на кораблях отправлен к Экенесу, в то время как полковник Теслефф со своим финским батальоном занялся освобождением островов.

Таким образом, мы были защищены со всех сторон, а наши собственные ударные части, насколько они уже находились в нашем распоряжении, были стянуты для атаки на крепость Гельсингфорс.

Тяжелее стоял вопрос снабжения. В Экенесе могли причаливать лишь небольшие суда. Мое намерение организовать по пути наше снабжение по воде, к сожалению, не реализовалось из-за ровного побережья без гаваней. Но затем капитан Карманн весьма умело использовал немногие захваченные вагоны, пустив их по рельсам с помощью конной тяги. Как бы там ни было, снабжение в ходе

марша длиной в 150 км при очень плохих дорогах и без локомотивов было организовано хорошо.

Мы тосковали по локомотиву, как жених по невесте. Разведывательные отряды, отправленные на дрезинах по железнодорожному полотну, получили строгое указание попытаться задержать локомотив. Наконец, всеобщее ликование: капитан Мэнц захватил паровоз! К сожалению, он перевернутым лежал в снегу. Всякие попытки поднять его провалились.

Итак, прикрываемые на фланге и в тылу, мы продолжали ускоренный марш. После гостеприимных квартир в Теге и Киркслетте, повсеместно радостно, сердечно и открыто приветствуемые населением, ранним утром 11 апреля карабинеры ротмистра Мерца и самокатчики капитана Рёдера показали перед передовыми проволочными заграждениями и бетонными укреплениями крепости в районе Альберги. Я с полковником фон Чиршки проехал через авангард к небольшим передовым отрядам, чтобы произвести рекогносцировку и по прибытии на передовую передать войскам мой приказ.

Атака через неразрушенные заграждения была на всех участках одинаково сложна, везде фланкировалась, поэтому при нормальных условиях являлась невозможной. На позиции был гарнизон, об этом свидетельствовал винтовочный обстрел, который был произведен по крестьянскому дому на возвышенности, где мы находились, и стоивший нам жертв. Кроме того, стреляли и несколько орудий, но очень плохо.

Нельзя было терять времени. Следовало прорваться хоть где-нибудь в надежде на низкое качество войск противника. 1-й гвардейский уланский полк получил приказ изготавиться к атаке в роще справа от дороги. Наличествующая артиллерия обязана была стрелять так, чтобы иметь возможность прикрыть наступление улан через заграждения от фронтального и фланкирующего огня. Слева от дороги должны были сосредоточиться карабинеры, чтобы присоединиться к атаке. Там крайние укрытия располагались куда дальше, нежели справа от дороги. Рискованное решение. Однако мы не могли позволить себе застрять в позиционной войне. Для правильной подготовки штурма не хватало артиллерии и боеприпасов.

Между тем ротмистр Экстрём из шведской дипломатической миссии попытался склонить красных к сдаче. Он находился с нами на связи по телефону. Его просьбу повременить с атакой я отклонил и потребовал немедленных переговоров, прежде чем не стало

слишком поздно. Это подействовало. В час дня прибыл автомобиль под парламентерским флагом. Экстрём был с дамой, оба они переезжали, а с ними прибыли и два посланца красных.

Был задан своеобразный вопрос: веди ли я боевые действия по собственной инициативе или действую по заданию моего императора. Когда я со смехом подтвердил последнее, они попросили меня предъявить полномочия. Я объяснил, что любой немецкий генерал, само собой разумеется, генерал императорский и потому не нуждается ни в каких документах с полномочиями. Тогда они торжественно заявили, что считают меня джентльменом и просят о перемирии. Но я сказал, что не могу пойти на это, и дал им время на размышления до 4 часов вечера. Если они до того не сдадутся, около 4 часов я атакую. Именно столько времени и требовалось мне для окончательной подготовки атаки, так что из-за этого ультиматума я его не терял. Я не требовал безоговорочной капитуляции, чтобы не вынудить их к отчаянному сопротивлению, что мне было совершенно не надо, — наоборот, я заверил их в неприкосновенности их жизни согласно финским правовым нормам. На том парламентарии меня оставили и вновь отправились на автомобиле на ту сторону.

Подготовка к атаке шла дальше. Патруль одного весьма бравого вице-вахмистра, к сожалению, погибшего на следующий день, установил, что расположенная перед уланами усадьба не занята, и около 4 часов полк, не обстреливаясь с фронта, но зато под яростным огнем с фланга, искусно используя складки местности, пошел вперед.

Я немедленно приказал артиллерии прикрыть там пехоту, что вполне удалось благодаря умелому руководству стрельбой баварской горной артиллерии, сразу же накрывшей нужный участок, и ввел в бой карабинеров, которые по всхолмленной местности пошли вперед, развернувшись в безупречные широкие стрелковые цепи. Постепенно огонь стих. Позднее мы прослышали, что командир красных собрал военный совет, где побывавшие у нас посланцы настоятельно потребовали сдачи, однако под напором возбужденной черни, отвергшей условия, смогли спастись только бегством. Нерешительность красных, отсутствие у них руководства несомненно содействовали тому, что мы без боя смогли ворваться в первую линию обороны.

На автомобиле я поспешил назад (позади меня грянул еще один артиллерийский выстрел), затем мимо моих радующихся победе, поздравлявших меня улан — к столице. То, что мы такой малой

ценой прорвались через поначалу поразившие наше воображение укрепления, повергало меня в упоение.

В предместье Лилла-Хоплакс наш автомобиль был засыпан нарциссами, но несколько секунд спустя на меня и передовые части, куда я между тем добрался, внезапно обрушился ожесточеннейший огонь пехоты. К счастью, уже стемнело, и у нас был только один раненый. Однако, сидя в машине, пришлось пережить 20 поистине неприятных минут, ведь стрелковая цепь противника, как сумасшедшая, палила по нам с расстояния всего в 300 м. После этого рядом с нашим автомобилем нашли двух убитых финнов.

Когда огонь наконец несколько сместился, я отдал приказ располагаться на ночлег. Операции должны были продолжиться завтра с рассветом, с тем чтобы взять вторую линию обороны крепости восточнее Лиллы-Хоплакс, расположенную чуть дальше, защищенную проволочными заграждениями и весьма удачно вписанную в окружающую местность. К счастью, и на следующий день командование красных оказалось не на высоте.

Около 4 утра 12 апреля в густом тумане я вновь прибыл к уланам из моей расположенной слишком далеко в тылу прекрасной квартиры у фрау Бергрот в Гранкулле, где я смог довольствоваться лишь 2 часами ночного отдыха. В царившем кругом тумане сильная позиция была прорвана неожиданно быстро, однако затем в упорных кровопролитных боях в лесистой и скалистой местности уланы, карабинеры, 4-й егерский и 3-й резервный егерский лишь очень медленно продвигались вперед, ведь наша артиллерия в рукопашном бою могла помочь мало, а красные оказались весьма меткими стрелками.

Наконец, на 4 часа дня я назначил общую атаку с обходом справа. Однако противник уже отошел. Я смог проехать до сахарного завода, распорядившись об очистке города с указанием, чтобы с наступлением темноты всякие бои были прекращены.

Освобождение города было не столь легким и продолжалось до вечера 13 апреля. Разгорелись тяжелейшие уличные бои со стрелками на крышах, с неистовыми вооруженными женщинами, с броневиками и пулеметами. Эскадрону Мерца, уланам и особенно 4-му егерскому под командованием майора Отта, а также десантным отрядам флота, показавшимся здесь же в соответствии с договоренностями и обстреливавшим гавань, принадлежит главная заслуга в овладении столицей, которое я всемерно торопил, тревожась о том, что отчаявшиеся красные еще смогут жестоко отомстить заложникам и пленным, особенно 600 студентам в реальном

Прибытие парламентаров от красных в сопровождении ротмистра Экстрёма 11 апреля у Альберги

*Немецкие войска в бою с красногвардейцами 12 апреля
чуть западнее Гельсингфорса*

*Транспортировка раненого по заснеженным тропинкам
в скалах у Гельсингфорса*

*Сенатор Талас приветствует германских освободителей
14 апреля 1918 г.*

училище. Атака для взятия под контроль училища по приказу, отданному мною лично 13 апреля в час дня, однако, проведена не была, потому что отдельные красные отряды между тем капитулировали. В то время как сам город был взят частями полковника фон Чиршки, генерал Вольф со станции Фредериксберг ворвался в квартал Тёлё, таким образом взяв его в клещи. Завоевание портового района — заслуга флота.

Однако до окончательной победы еще было множество напряженных, сомнительных моментов. Так, например, вечером 12 апреля посреди нашего ликования по случаю овладения столицей меня вызвали и с серьезной миной доложили: «Гельсингфорс мы не взяли». Я возразил: «Утром он будет наш», — и обсудил со штабом необходимые мероприятия на завтра. Печальное известие оказалось, как это часто бывает на войне, преувеличением. Мой оптимизм был не проявлением темперамента, а обуславливался опытом. 13 апреля все еще шли бои, приходили новые тревожные известия, но день вновь увенчался полным успехом. Взятие города было облегчено белогвардейцами, частью вооруженными, частью предоставившими свои услуги в качестве проводников.

Вечером 13 апреля я распорядился о торжественном вступлении в город, призванном продемонстрировать немецкую мощь. Главы чиновных ведомств пожелали принять освободителей. В 12 дня 14 апреля войска должны были прибыть на окруженную прекрасными общественными зданиями и увенчанную высоким Николаевским собором Сенатскую площадь. Около 10 часов пришло известие: «Восстание разгорелось заново, повсюду стреляют». Вступление войск в сомкнутом строю казалось весьма рискованным, даже опасным. Но все же я распорядился придерживаться отданного приказа, ведь недалеко от цели я был предупрежден нашими моряками о том, что бой у них в разгаре и что, возможно, придется стрелять и по самой площади. Я коротко ответил: «Поостерегитесь, пожалуйста», — и продолжил марш. Никто не стрелял. Демонстрация мощи произвела впечатление. Отказ от нее был бы предательством слабых и стоил бы нам новых жертв. Позднее мне рассказали, что лишь наше быстрое и решительное вступление заставило красных отказаться от их намерения поджечь Гельсингфорс со всех сторон.

Однако на площади мне, естественно, было неуютно, и я не мог по-настоящему насладиться величественным парадом моих великолепных частей, поразившим население. Затем в ходе моего пребывания мне рассказывали, что стреляли даже и из церкви.

Сенатор Талас приветствовал меня от имени правительства, исполняющий обязанности главы городского собрания сенатор Стенрот, впоследствии министр иностранных дел, — от имени города. Я ответил, что рад видеть ликование населения, ради которого мы пошли на большие жертвы. Праздник был окончен парадом, к которому присоединилась и финская Белая гвардия.

Однако это был еще не финал. Перед моей квартирой, в отеле «Кемпс», нас еще долгое время чествовали многие тысячи, провозглашая «Ура!» Германии, кайзеру Вильгельму и мне. Я с балкона поблагодарил от имени моего императора и Германии. Этот никак не желавший заканчиваться праздник освобожденного от тяжелых лишений народа был прекрасным вознаграждением за «спасительный подвиг немцев». «Такое переживают только однажды», — написано в моем дневнике. Я ошибался. При нашем отъезде из Финляндии, уже после крушения Германии, я вновь и на балконе, и уже сев на коня был приветствуем громовым и ликующим ревом нескончаемой толпы. Благодарный финский народ оставался верным до конца.

Восторг и признательность находившейся тогда, после победоносного большого сражения во Франции, на пике славы кайзеровской Германии выразился в бесчисленных адресах, делегациях, речах, празднествах, обращенных в равной мере и к флоту, и к сухопутным войскам. В теперешнем положении глубокого бесчестия и упадка в Германии об этом можно лишь с тоской вспоминать.

Я попросил и получил от немецкого генерал-интенданта несколько тонн муки для терпящего бедствие населения, и обратился в связи с этим с просьбой пока по возможности воздержаться от пышных приемов, потому что я хотел всенепременно избежать впечатления, что мы прибыли сюда для спасения лишь некоторых классов общества. Поэтому я приказал разъяснить редактору социал-демократической газеты, что мы ни в коем случае не ведем войну против его партии, ведь и в наших рядах сражаются многие социал-демократы.

Принимая во внимание угрозу голода, я даже приказал, насколько это было возможно, накормить из германских военных запасов и пленных красных. Этот факт, а также гуманное обращение с пленными со стороны немецких рот охраны привели к тому, что красные были весьма несчастливы, когда мы должны были сложить с себя обязанности по их охране. Я заранее распорядился о том, чтобы финские военнопленные ни в коем случае не попадали под власть немецких военно-полевых судов, ведь это дело

исключительно финского правосудия. Это привело к тому, что и красное население не ощущало ненависти к Германии. За все время пребывания там я помимо многих сотен благодарственных писем и телеграмм, в том числе и от бедняков, получил лишь одноединственное письмо с угрозами. Все утверждения об обратном суть ложь или позднейшие партийные домыслы. Однако и рассказы о так называемом белом терроре у финнов сильно преувеличены. И, в частности, пленным давали еды столько, сколько имелось. Но ведь был большой недостаток хлеба, и, разумеется, в критических ситуациях его раздавали сначала бедному населению города, а пленным лишь во вторую очередь.

Среди множества прекрасных торжеств, устроенных в честь Германии и ее вооруженных сил, я особо упомяну речи исполняющего обязанности премьер-министра сенатора Сеталя (см. приложение), канцлера университета Доннера, пастора Израэля из немецкой общины, концерт оркестра под руководством великого Сибелиуса, представления в шведском и финском театрах, приемы и делегации от самых различных кругов общества.

Но высшей точкой торжеств все же стало погребение павших на старом кладбище в центре города. Помимо неизменно блестящей речи пастора Кройца там, в основном на немецком языке, было высказано множество слов теплой признательности, главами бесчисленных финских делегаций сформулированы глубокие мысли. Профессор Руин закончил свою содержательную речь такими строками:

Быть немцем — значит протянуть
Друзьям далеким руку.
И все еще в сердце лишь одна
Горячая, глубокая любовь — к Отчизне⁴⁸.

Пусть же поскорее придет время, когда вторую часть этих прекрасных стихов можно будет вновь отнести к огромному большинству наших оторванных от жизни и все же, к сожалению, столь прагматичных соотечественников.

В ответной благодарственной речи я среди прочего сказал, что за эту войну видывал немало братских могил и захоронений героев, но ни одной, которая бы была с большей любовью украшена и ухожена, нежели здесь, в этой северной земле руками другого народа. Воплотилось то, о чем пел немецкий певец свободы Теодор Кёрнер:

«И все же ты стоишь, народ мой, увенчанный удачей в священном с древности сиянии победы,

Не забывай же павших в верности, укрась венком дубовым их урну с прахом!»

По другим поводам я еще вернусь к тому, что истинная свобода царила не при господстве красных, а в моем Отечестве, родине милитаризма, но также и свободы мысли, учения о долге Канта и Фихте, социального обеспечения и защиты добрых от дурных силою мощной государственной власти.

ЛАХТИ — ТАВАСТАГУС

До сих пор операции проводились в теснейшем взаимодействии в гордым германским флотом и его всеми любимым адмиралом Мойрером, теперь же надо было нанести удар в тыл главным силам красных вдоль железной дороги Хювинкёэ — Рийхимяки и одновременно оказать поддержку слабому десантному отряду Бранденштейна, который с большими трудностями из Ревеля высадился в Ловисе 6 апреля и получил задание наступать к железной дороге Рийхимяки — Выборг. Сначала они взяли станцию Уускиля восточнее Лахти, но затем вынуждены были вновь ее оставить, 18 апреля заняли Лахти и там в течение 14 дней с чрезвычайным упорством с боями держались против отчаяннейших попыток красных прорваться. Генерал-майору барону фон Бранденштейну и его горстке храбрецов тем самым принадлежит величайшая заслуга в сокрушительном поражении Западной армии красных, обусловившем окончательное подавление красного мятежа. Посланный германским ОХЛ на решающий участок, он подготовил тот финал, который был позднее оформлен совместными усилиями германских войск. У Хейнолы, севернее Лахти, Бранденштейн 20 апреля вступил в контакт с финским батальоном Кальма, а через него и со штаб-квартирой Маннергейма в Сент-Михеле. Таким образом в конце апреля окольными путями была установлена связь между мной и Маннергеймом.

Сколь бы сильно я ни желал побыстрее продолжить операции после Гельсингфорса, войска должны были получить несколько дней отдыха, чтобы детально обследовать весь город и установить в нем спокойствие, что и удалось полностью под руководством энергичного коменданта полковника фон Чиршки. Далее следовало

собрать трофеи, реорганизовать части, отрегулировать снабжение по санным дорогам в Гельсингфорс и создать новую базу снабжения. Наконец, надо было отразить попытки противника прийти на выручку столице.

Еще 11 апреля я приказал свернуть влево 3-му гвардейскому уланскому полку майора барона фон Бранденштейна с задачей очистить район севернее Гельсингфорса и обеспечить город с севера. Задание было выполнено очень умело: с красными бандами, которые собирались прорваться из столицы на север, расправились, а хорошо вооруженные и искусно сражающиеся красные солдаты, прибывшие на железнодорожных составах, были вынуждены отступить. Тем самым чисто оборонительная задача защиты столицы от попыток прийти ей на помощь извне была решена. При этом особенно отличились эскадроны графа Сольмса и барона фон Берхема.

19 апреля генерал Вольф выступил в северном направлении, майор граф Гамильтон с небольшими силами — в восточном, для очистки побережья вплоть до Кюми. В умело проведенных дневных боях 21 и 22 апреля были заняты важные дорожные узлы Хювинкёэ и Рийхимяки. Оттуда я предполагал идти вдоль железной дороги дальше на восток, чтобы прибыть на выручку к сильно теснимому генералу фон Бранденштейну. Но тут — к сожалению, в первый раз — до меня добралась наконец просьба генерала Маннергейма. Он просил наступать далее на север и замкнуть мешок между моими войсками и его Западной армией, в то время как сам он будет искать решительного исхода у Выборга. Немецкое продвижение на Тавастагус должно было облегчить наступление финской Западной армии белых, которая из-за ее сосредоточения под Выборг была очень слаба. Западная армия белых планировала 24 апреля наступление через Тойялу и Хаухо — Туулос. Когда мы 26 апреля взяли Тавастагус, то могли полагать, что Туулос и Хаухо уже в руках белых финнов.

Попытки установить радиосвязь со штаб-квартирой Маннергейма, которые мы предпринимали ежедневно с 3 апреля, к сожалению, не привели к желаемому результату. Но мои доклады в германское верховное главнокомандование принимались и в финской штаб-квартире, так что там были осведомлены о германских операциях. Однако финские сводки довести до моего сведения не получилось. Флот должен был радировать столь много, что для наземных радиостанций удалось освободить только несколько заранее определенных часов. И все же я знал, что Маннергейм после

упорных кровопролитных боев 6 апреля, то есть в день боя у Кариса, взял Таммерфорс. Таким образом, оба боя развивались, словно навстречу друг другу. Это также объясняло и то, что разбитый под Таммерфорсом противник не смог достаточно быстро бросить свежие части на Гельсингфорс. Атака Таммерфорса облегчила взятие столицы. С другой стороны, очевидно, что чуть менее спешный марш и несколько менее решительные действия 11, 12 и 13 апреля существенно осложнили бы достижение успеха. Тогда среди защитников крепости нам пришлось бы иметь дело и с прибывшими уже 13-го числа подкреплениями.

Генерал Вольф 24 апреля выступил из Рийхимяки и после краткого боя 26-го занял Тавастагус. Немецкая победа спасла жизнь сотням белых, которых уже должны были начать казнить. Город был 3 недели полностью лишен новостей из внешнего мира. О немцах там не знали. Лишь по беспокойному поведению красных заметили, что готовится нечто особенное. И тут 26-го вдруг услышали стрельбу из орудий и пулеметов, красные побежали через город, а за ними показались довольно своеобразные фигуры прусских улан из 3-го гвардейского. Все еще сильно колеблясь между страхом и надеждой, освобожденные бросились к немцам с распростертыми объятиями. Генералу Вольфу в городе устроили триумф.

Когда на следующий день я прибыл в Тавастагус из моей штабквартиры в Рийхимяки, то смог там наблюдать проявления радости освобожденного от красного террора населения городишки, прелестно расположенного между двумя озерами. В город как раз вступали первые кавалерийские отряды финских белых. Связь была установлена, а затем я отдал приказ удерживать город, ведя разведку в северо-восточном направлении, зафиксировать место расположения красных и установить на северо-востоке контакт с белой гвардией. Казалось, война окончена. Все, что еще находилось между моим фронтом Лахти — Рийхимяки — Тавастагус и финскими белогвардейцами, можно было смело считать лишь остатками армии и заблудившимися. Но получилось иначе.

Саксонский кавалерийский полк под командованием майора фон Редена был выдвинут генералом Вольфом к развилке дорог у Сурьянтаки и там 27 апреля вел разведку в направлении на Туулос и Хаухо. Но вместо того чтобы встретить войска белых, как должно было произойти согласно приказу о наступлении Маннергейма по Западной армии, саксонцы внезапно были атакованы тысячами красных солдат, которые пытались прорваться на юг. Карabinieri попали в тяжелейшее положение. 50-кратным перевесом против-

ника они были оттеснены к озеру между Туулосом и Лампи, где, разумеется, позволили густым шеренгам войск пройти мимо них. В ответ на тревожное известие из Тавастагуса были подтянуты 3-й гвардейский уланский полк с баварской горной артиллерией, попытавшиеся выручить своих саксонских товарищей. Но они едва смогли удержаться в тонкой стрелковой цепи. Отчаявшиеся красные раз за разом, ревя словно тигры, днем и ночью пытались прорваться на юг. Временно потерянное нами орудие было применено против нас же, причем с верно установленными взрывателями, — знак, что среди красных были и русские артиллеристы.

Женщины в брюках в первых рядах, многие в русской форме. Положение было чрезвычайно серьезным. Едва ли французы могли столь же молодежато идти в атаку, как эти фанатичные приверженцы нового Евангелия от бескультурья.

Генерал Вольф должен был обеспечить Тавастагус и с запада, но не имел более ни одной роты в резерве. Генерал фон Бранденштейн подтянул все с юга и востока, чтобы провести приказанную ему атаку в обход с юга. Однако и он мог лишь едва держаться в обороне. Западнее Бранденштейна на железной дороге в Рийхимяки пока кроме одного бронепоезда не было никаких германских войск. Там или у Бранденштейна и Вольфа была велика опасность прорыва. Существовала угроза и моей штаб-квартире в Рийхимяки. Из Гельсингфорса доносили о голодных бунтах.

В этой обстановке я решил на атаку против наступающих от Туулоса на Лахти красных полчищ. Я сказал себе, что не смогу своевременно помочь Бранденштейну на оборонительной позиции у Лахти и генералу Вольфу и что следует взять на себя риск восстания в Гельсингфорсе, ведь решение лежит именно здесь, а для него потребуются в том числе войска из столицы. Главная же опасность прорыва массы красных была, однако, не у Вольфа, а у Лахти и на железной дороге в Рийхимяки. Этому же я мог лучше всего противодействовать, если вместе с Бранденштейном от магистрали Рийхимяки — Лахти перейду в наступление на правый фланг красных в северном направлении. Ведь протяженный фронт вообще не может быть удержан в обороне долгое время. Войска будут попросту распылены. На каком-нибудь слабом участке противник будет постоянно прорываться. Поэтому следует все теснее смыкать сеть, экономить силы, подводя отдельные отряды так близко, чтобы они могли взаимно поддерживать друг друга, навязывая противнику свою игру. Лишь слабеющий постепенно отряд Вольфа получил оборонительную задачу.

Итак, из Гельсингфорса было стянуто все имевшиеся в наличии силы во главе с командиром 1-го гвардейского уланского полка майором Халлингом, далее также резерв дивизии майора Шпека фон Штернбурга, командира 14-го егерского, и, наконец, 3-й резервный егерский с артиллерией, постепенно освобождавшиеся западнее Тавастагуса. Все эти войска под руководством Халлинга должны были несколькими колоннами идти от Ярвёля через Яркёля и Ойтти на Коскис в северном направлении. Так как генерал фон Бранденштейн мог ввести в бой подчиненный ему финский батальон Кальма севернее Вестиярви, а прорыв красных на север был бы для тех бесперспективен и от Туулоса с некоторой задержкой могли подойти небольшие силы финских белых, то я надеялся, что посредством единого, одновременного наступления с северо-востока, востока и юга смогу заставить всю финскую Западную армию красных сдаться. Штаб справедливо обращал внимание на то, что Седан в открытом поле едва ли будет устроен еще когда-нибудь в военной истории и что красные все же могут прорваться на каком-нибудь слабом участке. Я разделял их тревогу, но сохранял свой прежний оптимизм, который не должен был подвести меня и на этот раз, ведь меня блестяще поддерживали мой первый офицер Генштаба и младшие командиры и войска.

Передвижения прошли согласно плану. На позиции чуть западнее Лахти атаки красных по-прежнему успешно отражались. Одновременно, однако, генерал фон Бранденштейн частями своей бригады и подошедшим от Ловисы отрядом Гамильтона, усиленным финским батальоном Теслеффа, смог уже сам перейти в наступление на красных, атакующих двумя колоннами его правый фланг у Лахти. Далее к западу три колонны майора Халлинга врезались в толщу красных войск, загоняя их в котел, в то время как части генерала Вольфа северо-восточнее Тавастагуса замкнули кольцо. Отступление на север было бесполезно как из-за стоявших там финских батальонов, так и из-за невозможности снабжать и сохранить там войска.

Так, в трехдневных атаках с 30 апреля по 2 мая был достигнут желаемый успех, главную роль в котором сыграли войска, объединенные под командованием генерала фон Бранденштейна. 1 мая доложили о 2 тысячах пленных, вскоре после этого о 3-х, вечером около 6 часов о 5 тысячах. Вперемежку шли важные сообщения из-под Лахти. 2 мая утром трофеи возросли еще на 10 тысяч, чуть позже уже на 13 тысяч, а когда я вечером впервые встретился на поле боя сначала с майорами Халлингом и фон Штернбургом,

а затем прибыл к генералу фон Бранденштейну, он сообщил мне: «Покорнейше докладываю о еще 7 тысячах пленных». В общем и целом трофеи нескольких дней исчисляются в 25 тысяч пленных, 50 орудий, 200 пулеметов, 4 тысячи лошадей и 2 бронепоезда. Слабая попытка прорваться на север вскоре была оставлена красными, когда они увидели, что за ними немедленно выступили в преследование, а окрестная территория не может предложить им никакого размещения.

Итак, здесь на севере удалось окружение, которое может задумываться и на риск проведения которого можно решиться лишь с качественно превосходящими командирами и войсками против все еще хорошо вооруженных, но уже отчаявшихся и толком не контролируемых командованием вооруженных толп на длинном маршевом переходе по редко населенной, бедной дорогами местности. Эта рискованная операция не сможет служить образцом для действий против полноценного врага. Однако финскому Генеральному штабу в будущем она может дать некоторый материал к размышлению⁴⁹.

28 апреля генерал Маннергейм нанес решительное поражение восточным силам красных под Выборгом и оттеснил их на запад от их коммуникаций с Россией. Чтобы перехватить их у Кюми, я приказал произвести перегруппировку фронтом на восток. Однако части красных рассеялись. Кампания подошла к концу. Маннергейм поздравил меня с победой у Лахти — Тавастагуса, а я его — с победой под Выборгом. Германия и Финляндия поделили лавры. Спустя месяц после высадки Балтийской дивизии вся Финляндия была освобождена от русских.

Из описания германских операций мы видим, что план боевых действий опять пришлось приспособлять к новой обстановке, изменять его. Однако в нем неизменной оставалась главная цель, сама по себе вытекающая из высадки у Ханко в тылу противника. Это был марш против единственной тыловой коммуникации, магистрали Выборг — Таммерфорс, нарушение которой лишало бы возможности пополнить Западную армию красных из Гельсингфорса или Выборга, в то время как Восточная армия более не могла ее поддерживать.

Взятие Гельсингфорса, с военной точки зрения, было не особенно важным, но одновременно оно стало прелюдией и дало новый стратегический базис для решающих операций. Как столь часто бывает в жизни, в первую очередь именно этот пролог словно наколдовал благодарность и любовь южной Финляндии к немцам.

И оправданно. К великолепной и приветливой столице вышли и освободили ее неожиданно быстро. Так что с политической и гуманистической точек зрения успех был велик. Впрочем, при этом часто забывается, что лишь проведенная 18 апреля — 2 мая операция на окружение у Лахти — Тавастагуса привела к освобождению южной Финляндии и сделала возможной великую победу Маннергейма под Выборгом 28–29 апреля.

Лучшим аргументом в пользу подобного вывода являются пронзительные призывы о помощи Маннера, его приказы, чтобы сдерживаемая нами Западная армия красных шла в обход маршем на Выборг, и ее отчаянные попытки прорыва у Сурьянтаки и Лахти.

Главная заслуга в этом неожиданно крупном успехе принадлежит войскам, которые ни разу не подвели и не бросили в беде своих командиров: в тяжелых маршах по плохим подтаявшим дорогам, при великолепном взаимодействии обоих главных родов войск, в смелых атаках против храброго, численно сильно превосходящего, не показывающегося врага, держась против подавляющего вражеского перевеса.

От таких войск командир может требовать чего угодно. Не в последнюю очередь успех был одержан благодаря замечательному и взаимному доверию войск и командования.

Для меня победа под Лахти стала особенно примечательной еще и тем, что она была окончательно одержана 2 мая, в день праздника моего старого полка, в день битвы под Гроссгёршеном⁵⁰. В этот день полк обязан был телеграфировать кайзеру, Высочайшему шефу 1-го гвардейского полка. 3 мая 1918 года кайзер прибавил к своему ответному поздравлению:

«Наших друзей заинтересует то, что в годовщину Гроссгёршена наш граф Рюдигер фон дер Гольц одержал в Финляндии крупную, решающую для тамошних операций победу.

Вильгельм I.R.⁵¹»

Гроссгёршен! Это было первое, почти проигранное сражение немецкой Освободительной войны, которое, однако, подготавливало итоговую победу. Бедное, израненное немецкое сердце, осмеливаешься ли ты вновь обратиться к надежде при мысли о Гроссгёршене?

Наши нынешние политические руководители, однако, должны, памятуя о Гроссгёршене, о Шиле и Дёрнберге⁵², не забывать, что восстановление последует лишь после множества разбитых надежд и неудавшихся попыток подняться. А отсутствие надежды, бездельность ведут к гибели.

ТОРЖЕСТВА ПО СЛУЧАЮ МИРА

Благодаря победе германско-финского оружия железнодорожная сеть была передана во власть законного правительства, и теперь оно уже могло задуматься о том, чтобы кратчайшим путем добраться поездом из Вазы в Гельсингфорс. Первым 1 мая из Рийхимяки приехал сенатор Фрей, 4-го — министр-президент Свинхувуд во главе министерства и дипломатического корпуса, насколько последний вообще был представлен. При этом я впервые увидел германского посланника барона фон Брюка и шведского — Вестмана. Для торжественной встречи главы государства я прибыл на вокзал с эскадром почетного караула из 3-го гвардейского уланского полка, распорядившись накрыть завтрак в моем вагоне, так что между сторонами установились сердечные отношения, которые должны были способствовать совместной работе на благо наших Отечеств. После завтрака я имел важный разговор с глазу на глаз с Его превосходительством Свинхувудом. Вдруг дверь моего салон-вагона распахнулась. Из Гельсингфорса навстречу президенту выехал сенатор Сетяла. В штаб-квартире германского генерала оба первых лица Финляндии после долгой разлуки и непростых времен впервые пожали друг другу руки. Непритворно сердечная встреча, которую редко доводится видеть.

Последующие дни прошли в гостеприимной Эрккюле, в долго оспаривавшемся и сильно разрушенном, великолепно расположенном между двух озер крупнейшем индустриальном центре Таммерфорсе, где до 40 % рабочих остались верными правительству. Глубокое впечатление произвела местная современная, в реалистическом стиле церковь из гранита. В Ловисе и Борго — повсюду нас приветствовали радостно и торжественно. Когда я возвращался из Ловисы в живописный старый Борго, перед моим вагоном стоял чуть ли не весь город, оставаясь там часами вплоть до самого отъезда. Помимо прочувствованных речей нас порадовали и особенно прекрасными песнями. Затем один день мы были в Гельсингфорсе, где состоялся праздничный прием в Сенате и где я в качестве почетного гостя присутствовал при открытии ландтага, затем отправились в Санкт-Михель, чтобы посетить Маннергейма. В ходе поездки в 12 ночи в Хаапамяки я вынужден был покинуть постель, чтобы обойти роту почетного караула и выслушать музыкальное приветствие. После этого торжественного перерыва в поездке 10 мая в Санкт-Михеле состоялся пышный прием в штабе,

состоявшем из большого числа элегантных генералов и полковников, в основном в шведской форме. Среди них явно выделялся внешностью и характером генерал Маннергейм, очень стройный и изысканный, сдержанный, однако светский. Оба командующих, которые в течение трех лет являлись врагами на германо-русской войне, а теперь приветствовали друг друга как одержавшие победу друзья, чем дальше, тем больше проникались взаимным доверием, дважды проведя длинные беседы: с глазу на глаз и в блестящем окружении соратников. При этом Маннергейм говорил по-немецки совершенно свободно. Я завершил свою речь на немецком словами по-фински: "Eläköön Suomen voitollinen armeija" («Да здравствует победоносная финская армия»). Уже при первой встрече впечатление столь же одаренного, сколь и приветливого человека произвел на меня его начальник штаба, генерал Игнатиус, выказавший в разговоре совершенно необыкновенную начитанность в вопросах военной истории.

Поздно вечером мы осмотрели старую твердыню Нейшлота, которая может простоять еще тысячи лет, посреди колдовской лесной и озерной местности, роскошно освещаемая золотыми лучами закатного солнца. Когда около 11 вечера мы вернулись в свой поезд, было еще светло. Следующее утро нас привело на часто посещаемый Пункахарью — лесистый, изрезанный, холмистый мыс в 7 км длиной между двух озер, чрезвычайно живописный и с крайне разнообразным ландшафтом. Здесь, а также на следующий день в Иматре я навестил финских раненых в лазаретах, которые, как и ранее в Гельсингфорсе, произвели на меня впечатление своей чистотой, светом и должным уровнем гигиены. Врачи и сестринский персонал принимали нас вполне радушно.

В Выборге на вокзале состоялся большой прием, хотя я повсюду путешествовал без предупреждения и как частное лицо. Вечером большой праздник с прекрасными речами и еще более красивыми карельскими песнями. Высокообразованный и тонко чувствующий председатель, господин Альфтан, оказался одним из членов Общества Гёте в Веймаре.

Следующий день был занят осмотром достопримечательностей Выборга и всемирно известных порогов Иматры, затем отправились в Лахти к генералу фон Бранденштейну. Осмотр окрестностей только усилил прекрасное впечатление от его войск и от него самого.

Несколько дней спустя Маннергейм проезжал через мою штабквартиру и был принят там с большим почетом и гостеприимством. Затем прошли большие торжества по случаю победы в Гельсинг-

форсе, к которым были привлечены войска из всех финских соединений, прибывшие по железной дороге. Просьбу о том, чтобы и я принял вместе с германскими войсками участие в параде, я с благодарностью отклонил, ведь он должен был быть финским национальным торжеством. Импровизированная крестьянская армия Финляндии произвела, с учетом краткости ее обучения, по-настоящему хорошее впечатление и вполне оправданно вызвала гордость и воодушевление у многотысячной толпы зрителей. Замыкала парад белая гвардия столицы, которая прошла трехнедельное обучение по немецкому образцу под руководством капитана Карпа.

В конце месяца мы переехали в любезно предоставленный нам прекрасный дом господина Талльберга, который позднее сменили на подходящее и для работы старое здание резиденции русского генерал-губернатора (Смольна). Так как из-за большевистского аналога этого названия в Петербурге оно нам было неудобно, мы присвоили ему имя «Германское командование».

НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Когда уже можно было предвидеть скорое победоносное окончание кампании, я заявил моему офицеру связи полковнику Теслеффу о своем желании по возможности быстрее вернуться во Францию, где требовались и командиры, и войска. Однако, вероятно по инициативе Теслеффа, к немецким войскам обратились с просьбой остаться как финское правительство, так и генерал Маннергейм. Как только внушающие страх немцы-победители ушли бы, становилась вполне возможной контратака из Петербурга, а также повторный взрыв мятежей внутри страны. Экономика в условиях угрозы голода настойчиво требовала рабочих рук, так что около 50 % финской армии надо было уволить в запас, оставшиеся стремились домой, поскольку для них не была ясна цель долгого пребывания под ружьем.

Было понятно, что костяк финской армии в будущем должен сложиться совершенно иначе, чем прежде. Ведь помимо егерей из 27-го в ней служили добровольцами все мужчины, способные носить оружие, из северных и восточных редконаселенных областей, от 55 до 13-летнего возраста, в то время как из находившихся под господством красных городов и развитых южных областей лишь единицы смогли принять участие в освобождении. Остерботтния

и Карелия не могли и дальше одни нести главную нагрузку с военной точки зрения.

Поэтому Финляндия должна была совершить переход от армии добровольцев из отдельных районов к всеобщей воинской повинности на всей территории страны и при этом на время этих реформ не остаться беззащитной как перед внутренним, так и перед внешним врагом. Поэтому влиятельным лидерам страны требовалось дальнейшее присутствие здесь германских войск.

Я доложил в германскую Ставку об этом пожелании и добавил, что, по моему мнению, часть германских войск без всякой опасности для Финляндии и тамошних германских интересов может быть выведена оттуда. Сам я предоставлял себя в распоряжение для получения назначения на Западном фронте и называл своим преемником в Финляндии генерал-майора барона фон Бранденштейна.

Майор Кранц, офицер связи Ставки в Финляндии, докладывал в том же духе, что и я, однако просил о том, чтобы я остался здесь в качестве «германского генерала в Финляндии» и командующего германских войск, а также начальника всех командированных в Финляндию германских офицеров, в том числе и представителя германского Главнокомандования. Там согласились с этим предложением майора Кранца, позднее изложенным им в Ставке лично, и так началась для меня новая, мирная, но важная миссия, которая, возможно, способствовала установлению тесных связей между Германией и Финляндией не менее, чем сам акт освобождения последней. Ведь, несмотря на ожесточенную борьбу партий и угрозу извне, под германской защитой Финляндия смогла укрепить свое первоначальное государственное развитие.

С другой стороны, оставшиеся немногочисленные германские части и корабли удержали позиции Германии на Балтике вплоть до перемирия.

В конце мая десантное подразделение Бранденштейна было отправлено в Ревель. Только штаб генерала еще оставался здесь, так как для него у меня было особое поручение.

Для столь сократившихся, а в сентябре уменьшившихся еще более германских войск оставались следующие задачи (по порядку):

1. Оборона внутри и извне, как против Петербурга, так и против англичан на Мурманской железной дороге. Для этого — размещение одной бригады в Выборге и около него в качестве поддержки стоящей на Карельском перешейке финской пограничной охраны.

Занятие форта Ино германской артиллерией для создания угрозы русскому флоту в Кронштадте.

Взятие Куволы и важного железнодорожного моста через Кюми. Гарнизон Гельсингфорса.

Позднее также временно занималась конечная станция финских железных дорог на севере — Рованиеми — для подстраховки финской пограничной стражи, выдвинутой в сторону Мурманской магистрали и мурманского побережья, а также нельзя было исключать угрозы северной Финляндии со стороны финских красных под предводительством английских офицеров.

Так как длительное пребывание в столице во время войны не слишком хорошо сказывается на боеготовности войск, я приказал часто сменять отдельные части в ее гарнизоне.

2. Помимо собственно защиты страны изнутри и снаружи, следовало готовиться к возможным следующим миссиям и предпринимать разведывательные действия.

В первую очередь против Петербурга. В интересах обучения и экономии сил финская охрана границы была уменьшена и отведена на перешеек. Генерал фон Бранденштейн со знанием дела и усердием вместе со своим увеличенным штабом принялся за выполнение задачи по разведке и разработке будущей оборонительной системы против России, а конкретно на Карельском перешейке к востоку от Сортавалы в сторону Аунуса⁵³ и Петроской⁵⁴.

Далее, восточная граница Финляндии оставалась под угрозой со стороны Англии и ее европейских и большевистских приспешников. Следовало принять меры против англо-красного вторжения от Мурманской железной дороги, а также подготовить против этой магистрали финскую операцию, для которой предоставлялись немецкие командиры и специальные средства на тот случай, если Англия и ее вассалы продвинулись к Петербургу через Петроской — Свирь и пожелают вновь поднять Россию на войну против Германии. Согласно данным германской разведки, тогда в намерения англичан входило создание фронта от Мурманска и Архангельска с перспективой объединения с чехословаками, продвигавшимися на Урале, и тем самым восстановления старой России и прежнего Восточного фронта, обращенного против Германии. Хотя, как позднее выяснилось, германские руководящие круги и сами уже тогда высказывали пожелания установить дружественные отношения с будущей Россией, в ходе войны за само существование Германии главной целью оставалось все-таки недопущение восстановления Восточного фронта и срыв продвижения Англии вдоль Мурманской магистрали на юг.

Поэтому были предприняты масштабные разведывательные рейды в районах восточнее и северо-восточнее Ладожского озера, а также на востоке средней Финляндии севернее Куопио и, наконец, из Рованиеми в сторону мурманского побережья. Следовало прояснить ситуацию со стратегической и тактической точек зрения, разведать ландшафты, перспективы размещения войск, оценить состояние дорог и возможности снабжения, а также санитарную обстановку, причем еще до того, как будет принято решение об операциях в столь мало освоенной местности. Мы установили, что в северной Финляндии вообще можно думать о крупных операциях только зимой, при наличии снежного покрова, потому что в теплое время года дороги непригодны для прохода повозок, а летом тяжёлым препятствием является мошкара.

С поистине немецкой основательностью и энергией генералом фон Бранденштейном, капитан-лейтенантом графом Платеном, капитаном баварской службы Вюльффертом, капитаном Хенкеллем и ротмистром фон Койделлем были проведены важные рекогносцировки, результаты которых были отправлены в германский штаб.

3. Охрана Финляндии, однако, была необходима и со стороны моря, причем в данном случае совершенно особая. Ведь русский флот в Кронштадте, в конце концов, являлся единственным фактором силы, который находился в относительной близости и мог начать действовать в любой момент. Германский флот на Балтике был слаб и базировался на Либаву, а не на Ревель, как было бы лучше для меня. Поэтому требовались довольно частые визиты судов германского военного флота, чтобы их появление возымело благотворное воздействие как в самой Финляндии, так и, конечно, в Кронштадте. В этой связи я столь же успешно работал с адмиралом фон Усларом, преемником адмирала Мойрера, как и с его предшественником и с адмиралами, которые бывали в Гельсингфорсе, — вице-адмиралом Бёдекером и адмиралом фон Карпфом. Уже повторное появление полуфлотилии торпедных катеров капитан-лейтенанта Маасмана произвело видимый эффект.

Кроме того, необходимы были некоторые мероприятия и внутри страны. Форт Ино получил германскую батарею с германской же радиостанцией и станцией наблюдения, так что расположенный наискосок Кронштадт и весь довольно узкий Финский залив оказались здесь под контролем. Некоторые из выдвинутых вперед укреплений Выборгской гавани также получили небольшой гарнизон вместе с островами Лавансаари и Гогландом, а кроме них еще и остров Валаам с монастырем и остальные раскинувшиеся

перед Сортавалой островки. Поддерживалась постоянная связь с Ревелем. Сам Гельсингфорс был защищен гарнизонами на островах перед ним. Так что неожиданности казались исключенными и остались таковыми. Однако на будущее сохранялось беспокойство о том, что восстановившаяся Россия может легко атаковать Выборг и с суши, и с моря от Кронштадта или как минимум обстреливать его, а также из-за того, что передовые укрепления Гельсингфорса расположены слишком близко к прекрасной столице, что лишает их возможности защитить ее от огня подошедшего из Кронштадта через Ревель русского флота. Альфа и омега финской политики поэтому должна была состоять в неизменно хороших отношениях с будущей Россией. Ведь всемогущая Англия далеко, к ней апеллируют по всему земному шару, и она будет защищать маленькую, расположенную на краю легко блокируемого Балтийского моря Финляндию лишь постольку, поскольку это будет отвечать интересам английской политики в целом.

Вышеперечисленные гарнизоны сначала были укомплектованы солдатами из германских войск, а после окончания обучения финских армии и флота заменены ими. Ведь моим стремлением должно было оставаться как можно более скорое освобождение германских частей как для Западного фронта, так и для возможных операций на Востоке. Решение задачи элементарной локальной охраны уже можно было оставить и на полуобученные финские части, к тому же последние были собраны из хорошего людского материала Финляндии.

4. Было необходимо организовать финнам разведывательную службу против Петербурга, Мурманской магистрали и побережья, а также для противодействия вражеской разведке внутри страны и шпионажу Антанты в Швеции. Финны, знакомые с безупречной русской разведывательной службой, выказали себя чрезвычайно искусными в этом деле, так что и здесь неожиданностей не последовало. Конечно, до меня доходили некоторые слухи о том, что зачастую принимаются не столь оправданные меры предосторожности. Однако я был того мнения, что лучше десять раз сделать зря, чем однажды не сделать вовсе. С другой стороны, я был уже достаточно закален в ходе долгой войны тревожными известиями.

5. Особой задачей было заблокировать Финляндию со стороны России с санитарной точки зрения, особенно против холеры из Петербурга. С присущим ему рвением за это дело взялся германский дивизионный врач Даннель. Он нашел полное понимание и поддержку у финских чиновников.

В германских войсках не было ни одного случая холеры.

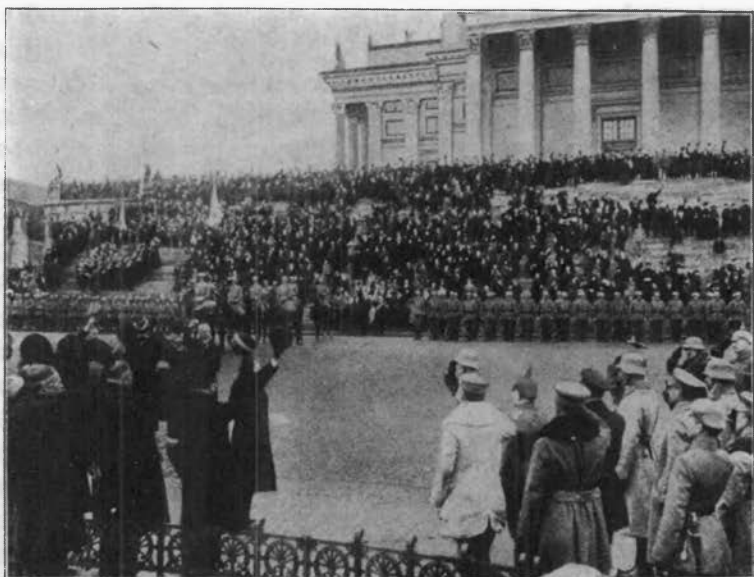
Размещение германских войск по возможности было в казармах или в зданиях официальных учреждений, продовольствие доставлялось из Германии, так что немецкие спасители и защитники старались быть не в тягость своим финским друзьям, даже напротив, завязались некоторые деловые и прежде всего дружественные контакты, причем именно между личным составом и финским народом.

До моих ушей доходили лишь единичные жалобы. Поэтому, если в некоторых шведских газетах и раздувались до мирового масштаба отдельные непроверенные факты, как, например, якобы имевшее место похищение фрака у одного из особенно прогермански настроенного крупного помещика, то они отдавали тенденциозностью. Я, кстати, ни одного из моих солдат одетым во фрак не встречал.

Не столь хорошо, к сожалению, порой проводилось руководство германскими моряками, которые иногда оказывались в финских портовых городах, особенно матросов с германских почтовых и транспортных судов. Против выходов этих полувоенных матросов, которым недоставало влияния на них выдающихся германских морских офицеров, я выступал всеми имевшимися в моем распоряжении средствами, и те из старших офицеров флота, кто считал мои действия чересчур жесткими, теперь полагают, как и я, что уже тогда порой показывался тот дух, который позднее, получив распространение от некоторой части моряков, наводнил всю Германию и в критический с военной и политической точек зрения момент вынудил ее к безоговорочной капитуляции перед мстительным и бесчеловечным врагом.

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ

В конце мая генерал Маннергейм покинул свой пост главнокомандующего. Причины отставки увенчанного славой вождя финляндских войск, который незадолго до этого при ликовании населения торжественно въехал в столицу, официально никак не объяснялись. Поэтому я могу написать лишь то, что знаю об этом. Однако этого явно мало. Ведь и в данной щекотливой ситуации я следовал правилу не вмешиваться во внутренние дела страны и оставаться в стороне от любых партий.

Здравица Германии при вступлении в Гельсингфорс 14 апреля 1918 г.

Двойные конные посты перед резиденцией генерала графа фон дер Гольца

Белая гвардия в Гельсингфорсе

Германский бронепоезд в бою между Рийхимяки и Лахти

Внезапный уход генерала наделал в то время в Финляндии и за границей много шума. Сегодня все сходятся на том, что его отставка не может быть оценена как акт неблагодарности по отношению к нему, ведь непреодолимые противоречия между Маннергеймом и правительством по военным, внутри- и внешнеполитическим вопросам проявились лишь после окончания войны.

Так, помимо прочего правительство заявляло, что молодое новое государство должно управляться с крайней бережностью, если оно хочет обладать некоей прочностью, и что поэтому и военные должны обходиться лишь самым необходимым. Штаб Маннергейма, напротив, собирался развернуть вооруженные силы, постоянно поддерживая их в боевой готовности, на что попросту не было денег. Если я не ошибаюсь, речь шла о 9 дивизиях из 27 пехотных полков. Сделанное позже предложение со стороны Германии ограничивалось одной третью этого объема. Всего из двух призывных возрастов сложно было получить требуемое число рекрутов и обучающего персонала.

Генерал Маннергейм стремился занять в вопросах, касающихся вооруженных сил, совершенно независимую от правительства позицию, которую оно не могло ему позволить хотя бы из-за ландтага.

Во внешней политике генерал Маннергейм не забыл несчастные жертвы русской революции. Поэтому вполне понятно, что он принимал близко к сердцу восстановление России с помощью финских войск, в то время как правительство, заботясь о сохранении самостоятельности страны, не желало проливать ни капли финской крови ради освобождения России. Ведь казалось совершенно не обязательным, что будущая великая Россия будет благодарна маленькой Финляндии.

Далее Маннергейм, хотя и не был врагом Германии, желал, чтобы правительство не вело открыто дружественной политики по отношению к ней, в то время как правительство в своих действиях исходило из вполне логического следствия оказанной ему германской помощи. Оно утверждало, что молодое государство, освобожденное Германией, должно и далее искать поддержки у нее. Однако это должно было произойти прежде всего в вопросе новой военной организации. Финляндия нуждалась в офицерах-генштабистах для своего Генерального штаба и своих высших войсковых соединений, нуждалась в офицерах военного министерства, интендантства и для обучения войск. Количество кадровых офицеров финской национальности было недостаточно, особенно не хватало младших

возрастов. То же касалось и шведских офицеров из штаба Маннергейма, которым к тому же не доставало военного опыта, не считая участия в короткой финской освободительной войне. Только лишь победоносная до той поры Германия пользовалась доверием в том, что она располагает подходящими для решения крупных организаторских задач офицерами. Однако так как кроме того были еще и офицеры 27-го егерского и офицеры, прошедшие русскую военную школу, то казалось совершенно невозможным, что помимо германских офицеров на важные посты будет назначено еще и большое количество офицеров шведской службы. С другой стороны, Германия была готова взять на себя развертывание финских вооруженных сил, только если она будет иметь безусловное значительное влияние на этот вопрос. Нескольких германских офицеров вместе с офицерами бывшей русской и шведской армий было бы недостаточно, чтобы обеспечить необходимую, обладающую внутренним единством организацию армии, на которую должна была положиться Финляндия. Германия не могла бы принять на себя ответственность за формирование вооруженных сил дружественной страны, если бы из-за прочих влияний встречала препятствия на каждом шагу. По-прежнему надо было учитывать и то, что Германия ведет войну едва ли не со всем светом, и можно было смело предположить, что враждебный мир попытается направить свой шпионаж против находящихся на финской службе германских офицеров с помощью поступивших туда же иностранцев. Это предположение впоследствии подтвердилось фактами как минимум в одном из случаев.

В этом вопросе между правительством, которое хотело бы быстрее создать армию по германскому образцу, и генералом Маннергеймом единства так и не было достигнуто. К тому же тогда между егерями и главной квартирой сложились напряженные отношения. Егеря не скрывали, что доверяют лишь направляемой немцами организации армии, хотя они также хотели бы, чтобы главнокомандующим остался сам Маннергейм.

Итак, в этом вопросе сложились непреодолимые противоречия. В ходе кризиса я держался совершенно в стороне. Когда мне сообщили о нем, я подчеркнул, что нахожусь с генералом Маннергеймом в очень хороших отношениях и сожалел бы о его уходе, но Германия, если Финляндия попросит ее о помощи в организации армии, должна будет занять описанную выше позицию в этом вопросе. Я полагал, что это могу заявить и без указаний «сверху». ОХЛ, которому я представил доклад, заявило, что согласно со мной.

Прощались мы с Маннергеймом, оставшись друзьями. Он даже дал в честь меня прощальный ужин. С его начальником штаба Игнатиусом я всегда сохранял самые дружественные отношения. Он даже еще в конце октября, прямо накануне революции, в одной блестяще написанной статье в «Хуфвудстадсбладет»⁵⁵ вступался за германского кайзера, с располагающей к себе личностью которого он незадолго до этого имел возможность познакомиться в ходе миссии в германскую Главную квартиру. Тон статьи был одинаково лестным как для кайзера, так и для автора.

Я был рад за Финляндию, когда крушение Германии поставило Маннергейма во главе этой страны. То, что в конце концов он не был избран президентом республики, я полагал несчастьем Финляндии. Ведь молодое государство нуждалось в лидере, который правил бы твердой рукой, объединив в своих руках рычаги власти и одновременно, будучи светским человеком, руководил бы ее внешнеполитическими связями в очень искусной и соответствующей духу времени манере. Маннергейм, без сомнения, располагал некоторыми необходимыми для такого лидера качествами и не имел черт, которые для него были бы нежелательны. В лидере или хотя бы признанном явным большинством вожде, однако, нуждается любое государство, вне зависимости от того, называется оно монархией или республикой.

В этой объективной оценке ничего не меняет тот факт, что в конце Мировой войны Антанта хотела использовать генерала, чтобы привлечь Финляндию на свою сторону. Однако и при этом столь предупредительный человек, насколько известно, умудрился остаться в целом лояльным. По моему мнению, он лишь постепенно все более склонялся к тому, чтобы следовать в фарватере Антанты, но никогда не выступал с враждебной Германии позиции.

* * *

Помимо вопросов продовольствия, экономики и финансов во внутренней политике Финляндии весь 1918 год прошел в борьбе за форму будущего правления.

В качестве временной меры был введен пост регента государства, который был доверен бывшему министру-президенту Свинхувуду. На его место главы правительства был назначен сенатор Паасикиви, умный, одаренный государственный деятель, при этом всеми уважаемая личность и приветливый человек, с семьей

которого я был связан столь же тесными узами дружбы, как и с семьей Свинхувуда.

Не может быть никаких сомнений в том, что русская революция только усилила демократические, а вместе с тем и республиканские настроения в Финляндии. Вследствие этого и ландтаг, который в 1917 году заявил о самостоятельности страны, провозгласил ее республикой, словно это было чем-то само собой разумеющимся, однако республиканскую конституцию так и не принял. С правовой точки зрения оставалась в силе старая финская конституция, основанная на предоставлении правителю конституционной монархии достаточно широких полномочий.

Затем в стране начался красный мятеж, прервав всякую законодательную деятельность ландтага, однако продемонстрировав этим всем друзьям Отечества опасность слабой государственной власти. Поэтому возросли симпатии к монархии. Считалось, что мощь России была в царизме, а уничтожив старый государственный порядок, она пошла ко дну, но и большевистская Россия удерживается лишь посредством жесткой диктатуры ее немногочисленных властителей. Тогда казалось также, что кайзеровская Германия сумела осуществить единое руководство Центральными державами. Однако внутри самой Германии монархические партии настаивали на сильной государственной власти и энергичном политическом и военном руководстве, в то время как демократические и республиканские левые открыто работали на ослабление Германии.

В Финляндии с удивлением взирали на военные подвиги Германии в ее неравной титанической борьбе, а также на ее основу — мощную императорскую власть, при этом сильно негодуя по адресу левых германских партий, потому что они постоянно пытались прекратить помощь Финляндии. Напротив, симпатизировали всем кругам, сочувствовавшим и реализовавшим финляндскую экспедицию. И по этой причине вместе с благодарностью Германии монархическая идея ежедневно получала новых сторонников.

Одновременно заинтересованными финскими кругами многократно обсуждался вопрос о кандидатуре. Разумеется, рассматривались только германские принцы. После многочисленных колебаний выбор пал на принца Фридриха Карла Гессенского. Он был не только зятем германского кайзера, но и крайне подходящей для этого личностью. Именно необыкновенная простота и естественность его и его супруги расположили к ним демократичных финнов. Кроме того, особенные симпатии он завоевал тем, что двое его

сыновей геройски погибли за Отечество. Выжившие четыре сына были уже помолвлены.

Между тем, однако, вопрос о форме правления был не решен. При неуверенности ландтага окончательное определение ее отложили до начала августа. Согласно конституции, для изменения формы правления должно было быть подано соответствующее предложение. Однако для него требовалось большинство в $\frac{5}{6}$. Если таковые имелись, то для утверждения нового закона было необходимо большинство в $\frac{2}{3}$.

Так как почти половина депутатов от социал-демократической партии в основном из-за участия в красном мятеже сидела под арестом, то парламент, прозванный его противниками «охвостьем»⁵⁶, состоял едва из 110 депутатов вместо 200.

Из них аграрная партия, то есть партия мелкого крестьянства, и левое крыло младофинской партии, группировавшееся вокруг популярной газеты «Хельсингин Саномат», были настроены республикански, правое же крыло партии, а также старофинны и «свекоманы» — промонархически. Поэтому разгорелась серьезная борьба именно за то, чтобы выиграть для дела монархии аграрную партию, также дружелюбно настроенную по отношению к Германии, в то время как голосование ориентировавшейся на Антанту группировки «Хельсингин Саномат» во главе с ее лидерами Стольбергом (нынешним президентом республики) и Эркко могло иметь лишь слабое влияние.

После оживленных дебатов 9 августа за подачу предложения высказались 75 человек, против — 32. Таким образом, стало ясно, что требуемых для его принятия $\frac{5}{6}$ голосов нет, однако $\frac{2}{3}$, необходимые для утверждения монархии, имеются.

Поэтому большая часть депутатов была настроена действительно монархически и, так как республиканская форма правления никогда не была утверждена конституционным порядком, не оставалось ничего иного, чем исходить из положений старой монархической конституции 1772 года, которую никто не отменял. Этого не было сделано изначально, так как она предоставляла по нынешним временам слишком большие полномочия королю. Однако это давало возможность в соответствии с положениями старой конституции выбрать короля и позднее при его правлении ввести новую монархическую конституцию. Итак, 10 августа правительство было уполномочено ландтагом предпринять необходимые шаги для выбора кандидатуры короля. После этого оно вступило в переговоры с принцем Фридрихом Карлом Гессенским, одновременно

все-таки пытаясь изменением проекта конституции склонить-таки аграриев к уступкам.

Временами казалось, что аграрии как будто бы склонны уступить. Однако, когда в конце сентября на повестке дня оказалось введение в Германии парламентской формы правления, что делало весьма вероятным изменение германской политики в отношении Финляндии, и после того как «Форвертс» и «Фоссише Цайтунг»⁵⁷, а также главная комиссия германского рейхстага отрицательно высказались по поводу вопроса о финском короле, аграрии также отказались от всяких компромиссов.

И наконец, принц Фридрих Карл Гессенский был избран ландтагом для того, чтобы принять или отвергнуть предложение стать королем Финляндии. Крушение Германии не дало ему занять этот пост и тем самым расширить, что было крайне желательно, германскую сферу влияния, осуществив искреннее желание подавляющего большинства образованного финского народа.

Мировая война привела к победе мирового капитализма и великих западных демократий над центрально- и восточноевропейскими монархиями, как над абсолютными, так и над конституционными и социальными⁵⁸. В таких обстоятельствах было исключено, что хоть одна из новых стран, которые находились в полной зависимости от Антанты, введет у себя монархию. Поэтому и избранный в марте 1919 года новый ландтаг Финляндии решил на провозглашение республики. Будущее покажет, даст ли эта новая форма правления неопытному еще во внутренних и внешних делах государству необходимую силу для сохранения его независимости, внутренней свободы и порядка.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Германская помощь и сохраняющаяся «красная» опасность изнутри и снаружи указывали Финляндии на выбор пути в сторону тесного сотрудничества с Германией, без которой ее только что завоеванная свобода и независимость находились бы под постоянной угрозой. Кроме того, это соответствовало внутреннему настроению широких народных кругов и горячей сердечной преданности Германии, бывшей в их национальном характере.

Естественно, имелись и сторонники Антанты, придерживающиеся политических убеждений и соображений экономической

выгоды. Однако они оставались в меньшинстве и в мое время никакой роли не играли.

Также и для меня дружба с Финляндией была основана на убеждении и привязанности. Наша кровь проливалась бы напрасно, если бы Финляндия вновь досталась большевизму или стала бы союзником и другом Англии, смертельного врага Германии. Однако мы, германские борцы за Финляндию, для этого завоевали слишком большую любовь финского народа и его страны. Дружба Финляндии с освободителями шла как от сердца, так и из головы и живет в этой стране и поныне, хотя, по мнению трезвомыслящих, она и кажется невыгодной, к тому же теперешнее германское правительство дышит духом, который куда ближе большевикам, нежели защитникам Финляндии. Конечно, там любят старую Германию.

Чтобы сохранить недавно завоеванную дружбу финнов, я должен был постоянно обещать, что германские купцы и чиновники экономического ведомства в своем справедливом стремлении открыть заблокированной внешней торговле Германии новые пути не будут рассматривать Финляндию как объект эксплуатации. Конечно, различия между оккупированными территориями и союзной страной зачастую стирались, и многие были склонны к тому, чтобы схематически перенести пример Украины, занятой для обеспечения продовольствием Германии, на бедную и дружественную нам Финляндию. Впрочем, я могу утверждать, что финские купцы вполне охотно начали торговые отношения и учились у своих германских коллег, а вовсе не были ими задавлены. Финляндия, насколько это было в ее силах, охотно принималась за решение всех задач германского военного хозяйства, а также транзита, однако при этом требовалась осторожность, так как часть представителей торговых кругов ориентировалась на Антанту.

К сожалению, от крупных торговых соглашений из-за начавшейся вскоре в Германии революции удалось получить не слишком много. Так, например, по этой причине для слабеющего германского народного хозяйства было потеряно огромное количество уже обработанной и готовой к отправке древесины.

При всей взаимосвязи внешней и экономической политик, однако, по моему мнению, весьма сомнительно, когда первая позволяет второй, а именно купцам, управлять собой. Тем самым возникает опасность из-за нескольких выгодных торговых соглашений упустить важных друзей и надежных союзников, повсеместно приобретая врагов и затем потеряв все. Крупный в своем деле купец еще вовсе не великий политик в масштабах всей страны.

Я всегда находил в этих и прочих хозяйственных вопросах неизменное сочувствие и поддержку у представителя военного министерства, богатого купца из Гамбурга, капитана резерва Шлинка.

* * *

Финское освободительное движение ставило своей задачей присоединение всех районов, населенных финнами, — особенно обширных, населенных лишь 200 тысячами человек (по большей части православными финнами) просторов Восточной Карелии (см. карту «Финляндия»). С обретением независимости это желание «Великой Финляндии» серьезно укрепилось, хотя его разделяли не все слои общества, и особенно шведские. С одной стороны, это стремление было обосновано этническими и языковыми мотивами, с другой — экономическими и политическими. Только лишь Финляндия могла указать тамошним собратьям по крови, которые веками находились под гнетом русских, дорогу к свободе и цивилизации. Кроме того, следовало использовать ее богатство лесом и гидроэнергетикой, а также провести туда финскую железнодорожную сеть. Длинная восточная граница, тянувшаяся вдоль Мурманской магистрали, казалась опасной и с политической, и со стратегической точек зрения.

В частных беседах я указывал на то, что опасность все-таки будет иметь место в отдаленном будущем, когда войну позволят вести железнодорожные пути и иной уровень освоения этой территории, и что сомнительно, чтобы великая Россия пошла на то, чтобы отдать свой единственный незамерзающий океанский порт или даже смирилась бы с границей восточнее Ладожского озера до Свири включительно, которая оказалась бы слишком близко к Петербургу и ведущим на восток магистралям⁵⁹. Также и ОХЛ распорядилось заявить, что оно не может поддержать любую границу, которая угрожала бы жизненным интересам России.

Дважды являлись ко мне делегации из различных областей Восточной Карелии с просьбой о том, чтобы Германия позаботилась о присоединении к Финляндии принадлежащих к ней по расе, культуре и языку областей, оградив их от господства хозяйничавших далеко к востоку от Мурманской магистрали красных финнов.

Исход Мировой войны не дал реализовать планировавшееся на конец зимы наступление к Мурманской железной дороге у Кеми и Канталаксы⁶⁰. Однако лично у меня тогда уже возникли описанные выше сомнения по поводу будущего этого региона.

* * *

В начале августа в Берлине проходили мирные переговоры между Финляндией и Советской Россией, не достигшие, впрочем, цели. Не только потому, что претензии на Восточную Карелию не встретили ни малейшего понимания у России, также как и у Финляндии — требование участия Финляндии в русских военных долгах и в государственном долге, отказа Финляндии от прав на военные трофеи, но и потому, что переговоры об очищении Ино и области севернее его в обмен на Печенгу на мурманском побережье выявили непреодолимые противоречия. Так что состояние войны между Финляндией и Советской Россией не было окончено заключением мирного договора, в то время как тогда уже официально действовал Брест-Литовский мир между Германией и Россией. С практической точки зрения это не сулило никаких трудностей, ведь обе стороны избегали стычек на границе. И все же часто приходили тревожные известия, которые, однако, всегда оказывались более или менее не соответствующими действительности.

Известные сложности возникли из крайне прискорбного Добавочного договора к Брестскому миру от августа 1918 года, по которому Германия обязалась не вступать в Восточную Карелию, в случае если Советское правительство перейдет в наступление против войск Антанты в районе Мурманска. Можно было принять во внимание сомнения финского правительства по поводу этого, как казалось, и его связывающего по рукам и ногам обязательства, однако отказ от него осложнил бы германскую позицию, ведь Германия одновременно являлась союзником Советской республики⁶¹.

Я вынужден был воспользоваться этим случаем, чтобы высказать командованию мои сомнения относительно далеко идущих планов и подчеркнуть, что разгром англичан на мурманском побережье, учитывая позицию Финляндии и настроения наших войск, ни в коем случае не должен быть осуществлен в союзе с Советской Россией, что в качестве союзника в этой операции может рассматриваться только обученная нами финская армия и что республике Советов ни в коем случае нельзя доверять. Этот план союза с Советской Россией против Англии, временно всплывший в каком-то ведомстве и так никогда и не реализованный, можно объяснить только нуждами отчаянной борьбы, вошедшей со второй половины лета в критическую стадию.

* * *

Для Германии главным было предотвратить восстановление Восточного фронта, и поэтому в руководящих инстанциях долгое время отвечали отказом на просьбы русских правых о предоставлении германской помощи для того, чтобы восстановить закон и порядок в России.

Оглядываясь назад, приходится сильно пожалеть о том, что запланированная по приказу ОХЛ в августе операция против Петербурга по обе стороны Финского залива и при взаимодействии с флотом против Кронштадта была по желанию иностранного ведомства отложена по той причине, что добавление к Брестскому миру⁶² должно было дать Германии 6 миллиардов золотом — которые мы потом должны были вновь вернуть! Будущим Германии пожертвовали ради презренного золота. А ведь эта атака могла поднять дух 8-й армии, столь разложившейся в ходе революции, и мы стали бы хозяевами всего Балтийского моря, включая Петербург, а в союзе с правыми кругами в России после удаления Иоффе из Берлина оказались бы в совершенно ином положении в октябре и ноябре 1918 года.

Операция обсуждалась с генерал-лейтенантом фон Эшторфом, командиром войск южнее Финского залива, которому позднее также должны были быть подчинены и мои части, и вице-адмиралом Бёдекером. Тут же на месте проводились рекогносцировки, и все было подготовлено так, что, получив сигнал, мы могли тут же выступить пешим порядком и по железной дороге. Вместе с моим тогдашним замечательным первым офицером Генштаба капитаном фон Фалькенхорстом⁶³, преемником переведенного на Западный фронт в начале июня капитана Карманна, я каждый день ожидал телеграфного приказа выступать — к сожалению, напрасно. Момент всемирно-исторического значения был упущен.

Переговоры с лидерами правых русских партий начались уже в июне, в том числе с бывшим председателем Думы князем Волконским⁶⁴, который показал мне обращение к царю от февраля 1914 года, где русские правые выступали против войны с Германией⁶⁵.

Переговоры с ведома ОХЛ и иностранного ведомства велись мною непосредственно с князем Волконским, с бывшим министром Александром Треповым и с великим князем Кириллом и его супругой. Кроме того, несколько офицеров из моего штаба установили контакт с большим числом русских монархистов и офицеров.

Помимо прочего в ходе переговоров мною были заданы следующие вопросы: какие силы представляют мои собеседники? Как будет вести себя население Петербурга и духовенство? Какие пункты Брестского договора нуждаются в ревизии? Отношения с Германией и Финляндией в дальнейшем. Снабжение Петербурга. Вопреки широко распространенному мнению, что поддержание хаоса России было в немецких интересах, я могу заявить, что затягивать этот хаос все же было нельзя и что для Германии было важно завоевать симпатии антибольшевистских кругов. Теперь они сблизилась с нами, однако, разочаровавшись, обманувшись в нас, они будут искать контакта с Антантой. А успех Антанты в Петербурге усилит позиции ее друзей в Финляндии и будет угрожать всей нашей политике на Востоке как в ходе войны, так и в последующие десятилетия.

Финские деятели были информированы о моих контактах с русскими правыми партиями. Доверие ко мне было слишком велико, чтобы они могли поверить в то, что я принесу Финляндию в жертву будущей России. Конечно, я никогда не делал тайны из того, что это будет представлять опасность для независимости Финляндии, если она в каком-либо виде будет выдвигать территориальные требования, задевающие жизненные интересы России. С другой стороны, идея о самоопределении малых народов родилась не в мирное время, она предполагает, что эти малые народы сами знают, как собой управлять. Финляндия была как раз тем случаем, когда обладание ею не было необходимостью для России, которая, однако, без Петербурга и Ревеля сможет существовать лишь с большим трудом.

Множество спорных моментов имелось и со Швецией. Правящие там левые обрушивались на финских белогвардейцев с несправедливыми обвинениями в жестокости, а правые партии никак не могли смириться с тем, что Финляндия сумела стать независимой в основном без шведской помощи. Германия не имела никакого интереса к этим склокам. Поэтому передо мной была поставлена задача успокоить офицерский корпус шведской армии известием, что финский военный министр заявил о своей согласии принять на службу шведских фронтовых офицеров. И эта идея была одобрена, насколько было возможно с языковой точки зрения и в милиционной армии, однако, в конце концов, реализовать это так и не удалось.

Самым спорным пунктом оставались Аландские острова, на которые шведы претендовали в основном по этническим соображениям, хотя их принадлежность Финляндии была несомненна. Они потребовали срыть тамошние укрепления, в связи с чем начались бесконечные переговоры. Я отстаивал ту точку зрения, что Германия не заинтересована в уничтожении находящихся во владении ее преданного друга укреплений посреди мировой войны, как и так же совершенно не заинтересована и в том, чтобы ее новый партнер⁶⁶ понес каким-либо образом урон. Иностранное ведомство, однако, не хотело порывать со Швецией, из-за этого ссорясь с Финляндией, а потом, вероятно, и со Швецией тоже⁶⁷. В действительности снос укреплений последовал только после окончания войны.

ПЛЕННЫЕ КРАСНЫЕ – ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ И ПРОЧЕЕ

Я запретил наказание или осуждение немцами взятых немецкими войсками красных пленных. Все наши пленные были переданы финскому государству. Это обстоятельство способствовало укреплению симпатий к Германии также и в кругах, где господствовали левые настроения.

После окончания войны в Финляндии ждали вынесения приговора 80 тысяч пленных. Тем самым серьезные трудности выпали на долю местных юристов. По решению ландтага были введены особые судебные инстанции⁶⁸. Приговоры в целом выносились согласно действующему уголовному праву страны. Некоторые из самых отъявленных преступников были приговорены к смерти, другие к большим или меньшим срокам лишения свободы, очень многие были отпущены. Также некоторые из осужденных были с незначительными наказаниями отправлены к себе на родину, где этому были мало рады.

Однако оставались многие тысячи тех, кого отпустить не осмелились. Они переполняли темницы и, толком не занятые работой, только напрасно расходовали продовольствие. Поэтому финское правительство через меня и капитана Шлинка обратилось к германской Ставке с просьбой отправить этих пленных в Германию или оккупированные ею территории, так как Германии не доставало рабочих рук⁶⁹. Сложность состояла в том, что, по действующему законодательству, на это требовалось выхлопотать согласие ландтага, а также ни один пленный не мог быть отправлен из страны против своего желания.

Германские социал-демократы были возмущены мыслью, что с их товарищами по партии, хотя их по закону осудили за обыкновенные преступления, будут обращаться как с пленными, и требовали, чтобы им платили как наемным работникам — естественно, за счет государственной казны и во благо партии. Правительство охотно согласилось с этим партийным требованием, и теперь оставался только вопрос — где они будут работать. Отечественные чиновники сопротивлялись тому, чтобы заниматься этим, так как из-за языковой проблемы опасались серьезных препятствий.

Предложение отправить пленных финских красногвардейцев на Западный театр войны в полосу действий группы армий герцога Альбрехта вне пределов досягаемости огня противника было отвергнуто иностранным ведомством «с учетом заключенного между Германской империей и Россией соглашения». Переговоры, которые велись при Обер Осте⁷⁰, к началу германской революции так и не завершились.

Так и разбился из-за внешнеполитических и партийных возражений, которые едва ли были в ходе войны у правительств Антанты, план, одинаково выгодный как для Германии, так и для Финляндии.

Из всех германских военных расходов германское правительство, по моим представлениям, требовало лишь компенсации дополнительных издержек, и то они были покрыты за счет поставки Финляндией Германии по более дешевым ценам чрезвычайно вздорожавшей из-за блокады древесины при государственном посредничестве. Продажа древесины нейтральным странам проводилась согласно заключенным ранее договорам, если только они не были посредниками между Финляндией и Антантой. Ведь Германия никак не могла позволить решить за счет Финляндии проблемы с древесиной у наших противников. По моему мнению, германское правительство весьма охотно шло навстречу всем финским пожеланиям, и в предложенном соглашении крайне лояльно учитывались интересы обеих стран.

Таким же образом Германия вела переговоры и по вопросу трофеев. Мы претендовали лишь на то военное имущество, которое было взято нашими солдатами с оружием в руках, и при этом отказывались от явно награбленного имущества, возвращенного поэтому законным владельцам.

На то, сколь правильным был предложенный мною тогда план действий германского правительства, указывает неизменная

верность финского народа, которая наверняка оказалась бы чуть менее прочной, если бы мы не заставили себя оплатить, вплоть до последнего геллера и пфеннига, всякий предмет в отдельности, в том числе и те вещи, что были само собой разумеющимися — например, обмундирование, снаряжение, продовольствие, жалование. Дополнительные издержки состояли в морской транспортировке, потраченных боеприпасах, доплатах к содержанию и т. д. И все же надо было постоянно учитывать то, что и финскому правительству точно известно, как Германия, в рамках ее финской военной политики, печется при этом и о своих интересах.

Положение с продовольствием было и оставалось летом 1918 года непростым. При взятии столицы я сумел смягчить отчаяннейшую нужду за счет помощи из армейских запасов. Однако, учитывая тяжелое положение Германии, в больших масштабах продолжать такую помощь впоследствии было уже невозможно. Зато я порой в отдельных сложных ситуациях помогал финским войскам. Те запасы, о которых в данном случае шла речь, для Германии большой роли не сыграли бы, а вот их поставки во многом способствовали успокоению в стране и тем самым безопасности германских войск.

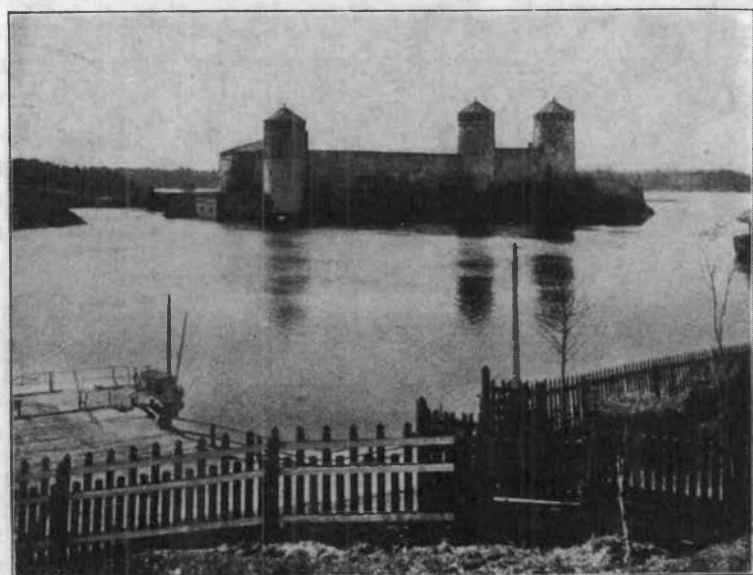
Прежде всего не хватало хлеба. Эта проблема была постоянной в районах Карелии и Лапландии, не соединенных с основной частью страны железными дорогами. Население поэтому было весьма изобретательно в отношении суррогатов, изготавливаемых с примесью сосновой коры и другого древесного материала, и сильно ограничивало себя в потреблении. Наверное, и для нашего Отечества наступил бы момент, когда руководители нашей экономики должны были бы масштабно прибегнуть к подобным экспериментам. Продовольственное обеспечение в Гельсингфорсе в декабре 1918 года в связи с этим представляло бы для специалиста в этой области много интересного и увлекательного.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

После того как финские власти решились на организацию финской армии по германскому образцу, я совместно с капитаном Карманном подготовил первоначальный проект, который был обсужден с вновь назначенным военным министром генералом Вильгельмом Теслеффом, бывшим офицером связи при Балтийской дивизии, который в целом его одобрил.

Граф фон дер Гольц и генерал Маннергейм обходят фронт финской роты почетного караула в Санкт-Михеле

Нейшлот (Суоменлинна) [Так в тексте, в действительности должно быть «Савонлинна». — Примеч. перев.]

*Регент Свинхувуд и министер-президент Паасикиви в кабинет
первог из них*

Чествовање у германских могила студентама 12 априла 1919 г.

Германский образец требовал германских же организаторов. Я попросил у ОХЛ и получил в качестве руководящего офицера одного из высших чинов Генштаба: в организаторы был выбран и назначен опытный и надежный полковник фон Редерн, который привлек своих финских сотрудников профессионализмом, верностью долгу, основательностью и работоспособностью, став образцом для них. Для важнейших отделов Генерального штаба и военного министерства, а также для каждого из соединений смешанного рода войск в его распоряжение было командировано по одному офицеру Генштаба или военного министерства. Кроме того, бывший интендант Балтийской дивизии Фогель взял на себя организацию финской интендантуры, а дивизионный врач Даннелль поступил на службу в одно из учреждений финского медицинского ведомства. Инспекцию обучения войск осуществлял майор фон Хаген, который благодаря свойственному ему усердию делал ошеломляюще быстрые успехи в очень трудном финском языке.

Все эти господа оставались немецкими офицерами и в качестве таковых командировались в финскую армию, так что они не могли занимать государственные должности, которые занимали только финляндцы. Однако последние были или очень молодые офицеры из егерей, или гражданские, а то и бывшие русские офицеры. У очень многих из них было вполне достаточно необходимых для такого рода занятия способностей, но им не хватало опыта и основательного образования, поэтому они, как правило, использовали те проекты, которые предлагались им германскими офицерами, приписанными к ним в качестве ответственных советников, насколько это было возможно в особых финских обстоятельствах. Сложности возникали лишь в единичных случаях с несколькими бывшими русскими офицерами, которые не хотели забывать о том, что они сражались против Германии. Но вскоре наладилось вполне деловое, дружественное взаимодействие, в том числе и с ними.

Для германских офицеров, однако, приспособление к своеобразным заграничным условиям, которые по германским меркам вред ли бы стали терпеть, было весьма поучительно.

Пока не было боев, следовало снабдить командирами, артиллерией, вспомогательными средствами и тому подобным постепенно формирующуюся армию мирного времени, иначе она не смогла бы сражаться против регулярных частей и даже с полуобученными красными.

Было развернуто три дивизии и одна егерская бригада всех родов войск, последняя для войны в северной Финляндии и Карелии,

общей численностью в мирное время в 25 тысяч человек. Для этого вроде бы хватало командиров, обучающего персонала и финансовых средств, имелся уже и необходимый контингент рекрутов. Сначала под знаменами находились четыре призывных возраста, потом постепенно осталось лишь два. Запланированный срок службы составил 1,5 года.

Балтийская дивизия предоставила для подготовки финского обучающего персонала своих офицеров, унтер-офицеров и исполняющих унтер-офицерские обязанности. Отношения между обеими сторонами были попросту замечательными (на моей памяти за исключением одного-единственного случая). Неожиданно быстро наши люди овладели командами на финском языке.

Обучение артиллерии взял на себя баварский майор Буц, командующий артиллерией Балтийской дивизии, а позднее майор Лапорт, очень умело проводивший его на имевшихся артиллерийских полигонах. Авиационным делом руководил капитан Зебер. Кандидаты в офицеры пехоты проходили особое обучение в Фридрихсгаме⁷¹ у капитана Шарфа, а позднее у ротмистра Мерца.

Флотских артиллеристов на укрепленных островах перед Гельсингфорсом обучал капитан-лейтенант резерва Вустрау, членов экипажей тральщиков — капитан фон Розенберг. Кроме того, требовалось бронирование нескольких торпедных катеров.

Флот, естественно, был столь мал и так тесно связан с обороной суши, что он не мог вести отдельное существование. После долгих переговоров удалось убедить руководителей германского флота в том, что их представитель также должен подчиняться мне как германскому генералу в Финляндии, чтобы там распоряжался только один ответственный военный руководитель.

Первоначально для всех военных инстанций был назначен финский главнокомандующий. После этого выяснилось, что было бы практически передать его полномочия главе государства, которому подчинялись бы военный министр (ответственный перед парламентом), начальник Генерального штаба и командующий корпусом. Последний отвечал только за обучение, войсковые учения и дисциплину, в то время как все общие и организационные вопросы входили в компетенцию начальника Генерального штаба, действующего в согласии с военным министром. Военно-морские силы в оперативном отношении подчинялись Генеральному штабу, в административном — военному министру, а во главе них стоял командующий флотом.

Военным министром был генерал Теслефф, командующим корпусом — генерал Вилькман с майором фон Хагеном в качестве начальника штаба. Делами главы Генштаба ведал полковник фон Редерн, так как подходящей для этой должности финской кандидатуры еще не было.

Кадровые вопросы решались в канцелярии по личному составу под руководством главы государства. Военный министр и командующий корпусом направляли свои доклады в эту канцелярию.

В таком виде организация имела лишь временную ценность, она обуславливалась личными взаимоотношениями, но в мое время оправдывала себя, в то время как изначальная, теоретически правильная структура приводила к затруднениям. Приходилось придумывать, как приноровиться к жизненным обстоятельствам. И это особенно полезно для молодого, еще только формирующегося государства, которое рождается без какой-либо идеальной конституции и может еще развиваться. Поэтому не следует стыдиться смены принципов, если того требует практика.

Когда из-за происков Антанты германские офицеры вынуждены были удалиться, могло возникнуть опасение, что без германских институций и учителей дальше дело не пойдет. Но оно пошло. Ведь шести месяцев совместной работы хватило на то, чтобы показать интеллигентному финскому офицерству путь, по которому оно могло бы двигаться дальше. Решение задачи было облегчено тем обстоятельством, что бо́льшая часть этих офицеров первую свою школу прошла в течение нескольких лет войны в составе германской армии.

МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Близорукий социалистический доктринер Мюллер, который стал руководителем германской внешней политики в момент подписания мирного договора, когда Германия была в отчаянном положении, в октябре 1919 года после моего отзыва из Курляндии официально выразил надежду, что я буду последним политическим генералом Германии. Разумеется, многие читатели этих строк согласятся с ним в том, что я, очевидно, стал политическим генералом. Я был им и горжусь этим. Если бы я не был в Финляндии и Курляндии, то не выполнил бы своего долга, как все эти английские генералы, которые в ходе Мировой войны были отправлены

со схожими миссиями и являлись в полной мере политическими генералами. Ведь для этого их и направляли.

«Политический генерал» — лишь меткое словцо, которым наша демократия ужасает немецких филистеров. Естественно, было бы предосудительным, если бы в мирное время при твердой и национально мыслящей государственной власти военные вмешивались в работу руководителя иностранного ведомства или же из чисто военных соображений провоцировали бы конфликт. Однако в Германии, не считая Йорка в 1812 году⁷², который действовал в согласии с лучшими представителями народа, так никогда и не бывало.

Но совсем другое дело, когда наступает «час Марса».

Эту стратегическую операцию в Финляндии ОХЛ реализовывало против воли поначалу сопротивлявшегося иностранного ведомства и уж тем более вопреки мнению левых партий в комиссии рейхстага. И только благодаря этому факту ОХЛ заслужило доверие финского правительства.

В описанном выше случае Финляндия рассматривалась как камень преткновения на Балтике для англичан на Мурманской магистрали и Советской России в Петербурге. Мы охотно привлекли бы на свою сторону и Швецию, столь симпатизировавшую нам, немцам, как своим германским братьям и к которой каждый немец чувствовал вполне естественную симпатию. Однако в Швеции постепенно одерживала верх Антанта. Только часть офицерского корпуса и правые партии еще верили в Германию. Мы не могли им навязываться, но уж по крайней мере должны были предотвратить их выступление на стороне Антанты. Лучшим средством для этого было с глазу на глаз убедить лидера парламентского правительства, ориентирующегося на Антанту, что Стокгольм находится в зоне досягаемости германских канонерок, а правящий на морях Альбион ничего не сможет с этим поделаться. Эта мужественная тактика имела бы больше успеха, нежели жалостливые просьбы германских дипломатов.

Однако, если нам была нужна Финляндия, ставшая для нас единственным верным другом на Балтике, если уж мы пролили для этого кровь и послали туда войска, то из этого раз принятого решения должен был следовать логический вывод: мы должны и дальше смело и решительно ставить на финскую карту. Это была лучшая политика и по отношению к Швеции: она должна была понять, что на Балтике не единственная.

Таково было мое мнение, которое целиком разделялось и ОХЛ. Действуя подобным образом, всегда открыто и недвусмысленно

обращаясь к финским политикам, я сумел завоевать любовь и доверие Финляндии к моему Отечеству — Германии.

Напротив, представитель нашего нерешительного иностранного ведомства — германский посланник барон фон Брюк, уроженец Баварии, — добившись признания службой в Южной Америке и в Варшаве, несмотря на свои любезные и обходительные манеры, находился в непрестом положении.

Во многом это упрощалось тем обстоятельством, что для сердечного финского народа я являлся освободителем, спасителем от тяжелейшей опасности и представлял в их глазах германскую военную силу. И мне всегда были внутренне близки эти открытые северяне.

Несмотря на все эти трудности, барон фон Брюк, однако, чем дальше, тем больше заслуживал расположение все более широких кругов общества; сам я также оставался во вполне гармоничных отношениях с ним и благодарен ему за то, как он сносил мое особое там положение.

В интересах моего Отечества было, без сомнения, правильным, чтобы я, когда спрашивали моего мнения, не прятался в свою генеральскую раковину, как улитка, и не отказывался от какого-либо ответа, как имеющего политическое и не касающееся меня значение. Ведь тем самым я бы упустил доверие и чувство привязанности ко мне едва обретшего независимость народа, который начал бы оглядываться в поисках иных источников помощи. Мне было ясно, что, наверное, я имею такое влияние, которое вообще-то мне не положено, и что его вряд ли возможно будет сохранить в тайне. К моему сожалению, даже прогермански настроенные шведские газеты позволяли себе нападки, совершенно несправедливо именуя меня «германским проконсулом» и приписывая мне поступки, от которых я был очень далек, как, например, смена старого финского названия прославленного Свеаборга («города шведов») Виапори на новое — Суоменлинна («город финнов»), а также изменение государственного флага. Мне было очень обидно, что именно шведы травят меня как представителя германства.

Я стоял тогда на посту в самой северной из траншей Мировой войны, полагаясь только на себя и под свою ответственность. Ведь там на севере было трудно учитывать обстановку в Спа⁷³ или в Берлине. В этой самостоятельности была и известная доля честолюбия, как и во всяком бою, при любой опасности. Если бы меня захотели отозвать и вновь дали бы мне дивизию на Западе, то мне как солдату это показалось бы совершенно верным, но мои позиции

здесь были бы тем более потеряны, если бы я в этой замечательной новой стране действовал боязливо и осторожно, ни на что не осмеливаясь и не выказывая никакой инициативы.

Там я оставался вплоть до конца войны, а будучи затем оторван от Финляндии, сохранил любовь ее народа, проявления которой доходят до меня и до сих пор. Доходит до того, что период германской поддержки называют «временем графа», и при этом имеют в виду некую особенно благоприятную пору в финской истории, намекая на эпоху шведского генерал-губернатора графа Пера Брахе в XVII столетии, которая уже вошла в народные пословицы под этим именем.

«Я был доволен народом, и народ был доволен мною», — так якобы говорил граф Брахе (как можно прочесть на памятнике ему в Або), и я могу раз за разом только радоваться лестному для меня сравнению с этим человеком.

Даст Бог, что и мое германское Отечество, несмотря на теперешнее его хаотическое состояние, еще останется в такой же благодарной памяти там, на севере, как осталось в ней до сей поры и время графа Пера Брахе.

В заключение этого повествования всем злобным критикам следует еще раз заявить, что в 1918 году Финляндия пользовалась полной независимостью и что финское правительство при всей любви к Германии и ко мне в полной мере сохранило свои права как самостоятельного органа управления. Если бы было иначе, если бы я действительно, как клеветали шведские газеты, вел себя в Финляндии как проконсул, то эта любовь очень скоро бы сменилась своей противоположностью. Именно своей сдержанностью Германия завоевала себе место в сердцах этого народа.

Из приведенного в приложении расписания дел германского генерала в Финляндии отчетливо видна многогранная деятельность возглавляемых мною служб.

ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ И ВЕРНОСТЬ ФИНЛЯНДИИ

Крупные успехи весны и лета 1918 года вызвали большое воодушевление в прогермански настроенных кругах Финляндии. И тем большим был шок как в Германии, так и здесь, на севере, когда внезапно чаша весов победы стала клониться в другую сторону.

Однако вера в Германию стала исчезать лишь тогда, когда в октябре к власти пришли уставшие от войны радикальные элементы,

которые также были настроены и против поддержки Финляндии. Из-за этого возникли опасения, что правительство принца Макса Баденского не захочет более заниматься финскими делами. И теперь за военными и политическими процессами в Германии следили с большой тревогой. Однако все же в глубине души люди сохраняли слишком большую верность, чтобы покинуть попавшего в несчастье друга. И это было так, в нем нуждались и теперь, хотя и не могли помочь. Германии оставались верны сердцем и говорили мне: «Мы не болгары»⁷⁴.

Между тем было одобрено избрание принца Фридриха Карла Гессенского королем Финляндии. Республиканская газета «Хельсингин Саномат» в своем номере от 10 октября закрыла вопрос о короле, заявив, что будет находиться только в лояльной оппозиции, и выразив надежду, что подобное развитие событий пойдет на пользу стране.

Сколь бы желательным для меня ни должно было показаться это событие в интересах обеих стран, я все же обратил внимание ОХЛ на то, что новый король сможет прийти к власти лишь с согласия германского правительства, ведь последнее могло бы счесть, что вновь запрошенное финским правительством продление пребывания в стране германских войск теперь обусловлено только династическими причинами, чтобы защитить короля, и именно поэтому новый демократический кабинет Германии мог бы захотеть отозвать войска⁷⁵.

Дальнейшее быстрое развитие событий вскоре сняло с повестки дня эти опасения. Вновь избранный король справедливо полагал, что приходится вступать на все более шаткий из-за надвигающейся угрозы крушения Германии трон.

Между тем, по предложению министра иностранных дел Стенрота, который, хотя в целом и настроенный дружелюбно к Германии, проводил политику осторожного нейтралитета, было принято решение послать генерала Маннергейма в Париж и Лондон, чтобы разъяснить движущие мотивы финской политики, в том числе и в вопросе о короле, а также прежде всего просить страны Антанты о помощи в разрешении продовольственного кризиса в Финляндии. Англия, однако, заявила, что она никогда не признает принца Фридриха Карла королем, а нынешнее правительство, по ее мнению, настроено слишком прогермански.

Генерал Маннергейм вернулся к своему старому плану наступления на Петербург с английской и скандинавской помощью, таким образом сделав германские войска более ненужными.

Вооруженные силы теперь должны были ориентироваться на Антанту. Развертывание следовало провести у Выборга, для чего требовались продовольствие, боеприпасы и войска, предоставление которых в ближайшее время было невозможно. Так как на пороге была зима, то на долгое время снабжение оказывалось ограниченным бесконечными железнодорожными перевозками из Швеции (через Торнео, и это при том условии, что Швеция будет постоянно получать все необходимое из Англии. Но Финляндия должна была понимать, что этот смелый план вместе с союзом с Антантой приводил к столкновению с Германией, которая тогда еще владела Балтийским морем и Прибалтикой, а ее офицеры, естественно, должны были быть удалены из финских вооруженных сил.

Я обратил внимание на технические и политические трудности подобной операции, которые до сих пор все еще не были учтены, хотя впоследствии многократно обдумывались. Тогда из Финляндии это казалось мне таким набегом улан, а с германской точки зрения — крушением нашей восточной политики, ведь это делало ненужными позиции немцев и к югу от Финского залива. Потому я просил из Германии продовольствия для голодающей Финляндии, чтобы вывести ее из такого тупика. Но тогдашнее германское правительство не интересовалось восточными вопросами, и я уже заметил непонимание им того, что именно наше тяжелое положение на Западе вынуждает нас к активной восточной политике. Неудача на этом направлении делала обстановку на Западе еще хуже и стояла бы нам наших позиций на Балтике, в лимитрофах, в Финляндии и в будущей России.

Между тем Англия обещала продовольствие, которое поставлялось сначала из Дании, затем из Швеции морем все той же овладевшей к тому времени Балтийским морем Великобританией. Это стало «свадебным подарком» генералу Маннергейму от англичан.

А в Германии набирал обороты рок. Уход генерала Людендорфа здесь на севере был расценен как чрезвычайно знаковая примета времени. Наши позиции, в том числе в глазах финляндцев, становились все слабее. «Что может ждать Финляндия от правительства, которое настолько незнакомо с обстановкой на Востоке, что даже латышам обещало самую широкую конституцию, что при незрелости народа и при недостаточном государственном опыте должно привести к социализму и, наверное, к большевизму?» — сказал мне один из наших друзей.

Затем пришли ужасные ноябрьские дни с обгоняющими друг друга вестями, наступил *dies ater*⁷⁶ германской истории с извес-

тиями о нарушении присяги германскими войсками в тылу Западного фронта, в Бельгии, Германии и при штабе Обер Оста, и потому возникла навязчивая тревога: что же будет с германскими войсками в Финляндии?

Финляндцы уже имели опыт по части революций, митингующих войск и солдатских советов. Ожиданием чего-то подобного следует объяснить то, что из соответствующих инстанций меня запрашивали, надежны ли мои войска. Ведь было ясно, что в финской армии служат многие красные, что непосредственным следствием этого будут солдатские советы в германских частях, по образцу финских, а затем мятежи в финских вооруженных силах, а также что красные в Финляндии и России только этого и ждут, чтобы попробовать вновь разжечь пожар восстания по всей стране. Пропаганда с той стороны русской границы велась постоянно, теперь она с новой силой лихорадочно обращалась к финским рабочим, финским и германским войскам с призывом: господство германского разбойничьего империализма, смертельного врага большевизма пало. Да здравствует мировая революция!

Судьба Финляндии, да и всей Скандинавии, зависела от вопроса: «Как поведут себя германские войска? Останутся ли они, единственными из всех войск на Востоке, верными присяге?» Едва ли следовало это предполагать.

10 ноября в 12 часов дня я собрал весь германский офицерский корпус Гельсингфорса, 80 человек, и — сам глубоко взволнованный — обратил их внимание на масштабы стоящей перед ними задачи по сохранению верности их подчиненных. Следующее утро застало меня после ночной поездки по железной дороге в Выборге, вечер в Куволе, где особенно проявил себя лейтенант резерва Паульсен, командир 229-го пулеметного отряда, а днем позже я уже был вновь в Гельсингфорсе, чтобы заглянуть в глаза каждому из моих солдат.

Слава Богу, на большинство моих войск воздействие революции было незначительно. Они были и остались до последнего верными кайзеру, сохранили твердую, горделивую дисциплину. Однако некоторые уже были поколеблены, кое-кто — ненадежен.

За час до того, как я должен был отправиться верхом на парадный плац у Гельсингфорса, ко мне явился капитан Фалькенхорст, принесся дурные известия о якобы расхлябанном виде части гарнизона.

Мне приходилось идти в несколько боев, не будучи уверенным в победе, но веря в свои войска. А здесь почва под ногами коман-

дира пошатнулась. Смогут ли лишь мой вид и мои слова сохранить верность солдат присяге, данной смещенному кайзеру, от которой он сам же их освободил?

Я очень медленно проехал вдоль шеренги. «Доброе утро, друзья». 45 минут говорил я перед собравшимся в круг гарнизоном о прежнем взаимном доверии, о влиянии хороших элементов на дурные, о солдатских советах, которые большевики уже давно распустили, о единственном виде наказания, который знает большевистская армия, о смертной казни, призывал их к осторожности по отношению к лжепророкам и тайным агентам, напоминал о том, что большевизм принес России не мир, а вечную войну, что они сами же победили большевизм в Финляндии и он им хорошо знаком, что они здесь приветствовались как спасители и теперь не должны снискать презрение и проклятия финляндцев. Уже заблестели глаза у некоторых из тех, кто взирал на меня с сомнением, повернув голову вполоборота вверх. Однако последним моим козырем был инстинкт самосохранения каждого отдельного солдата. Ни один немецкий «фельдграу»⁷⁷ не уйдет живым из гостеприимной страны, если из-за их неповиновения в Финляндии вновь вспыхнет красный террор, который обратится против ненавидимых германских победителей этой весны.

Теперь я смог попробовать напомнить им о том, что свергнутая сегодня Германская империя долгие столетия была мечтой, при воплощении которой 47 лет назад их отцы со слезами на глазах падали друг другу в объятия. Неужели все это было ошибкой? Нет! И мы еще должны хранить память о Гогенцоллернах, слова которых трижды вспоминаются в такие часы:

«Я здесь не для того, чтобы жить, а для того, чтобы выполнить мой долг».

«Я — первый слуга государства»⁷⁸.

«У меня нет времени быть усталым», — слова умирающего 90-летнего первого кайзера Германии.

Поэтому мы должны в последний раз подумать о кайзере, Высочайшем Верховном Главнокомандующем в течение четырех лет неслыханных побед над всем миром.

Так как все согласилось, здесь, на севере, спустя три дня после его отречения в последний раз прогремело «Ура!» императору.

И потом я приказал пройти маршем по улицам города, затем мимо памятника Рунебергу на красивейшей улице Гельсингфорса, Эспланаде. Население должно было видеть, что их освободители по-прежнему все еще дисциплинированные солдаты.

Весь город был на улицах, и, когда по асфальту стал раздаваться парадный шаг, финляндцы стали приветствовать каждую из рот в отдельности, которые гордые собой возвращались в казармы. Мы во второй раз освободили столицу, и вновь меня, едущего верхом, встречали тысячи, а затем я вышел на балкон к благодарному, всем нам запавшему в сердце народу.

Однако опасность еще не казалась устраненной. Исполняющий обязанности дивизионного врача в 1 час дня доложил о том, что 60 вооруженных солдат в течение получаса явятся, чтобы потребовать от меня введения солдатских советов, и есть лишь одно средство предотвратить восстание: немедленное охотное согласие на это. Я возразил, что голоден и хотел бы сначала просто позавтракать. К дальнейшим настоятельным увещаниям я остался глух.

Около половины второго показались вместо шестидесяти трое человек, которых я легко смог настроить друг против друга. Последний из тех, с кем я говорил, позволил себе неслыханный тон, и я закричал так, что мое окружение сочло, что все потеряно. Но все окончилось хорошо. Я распорядился, чтобы этот злостный провокатор на следующий день в полдень был вывезен отсюда через Ревель. Он охотно повиновался, однако, ко всеобщему удивлению, перед отъездом высказал еще одно пожелание: он хотел попросить у меня прощения. Так и произошло, и я расстался с этим противником без всякого неудовольствия.

Но преодоление революционной заразы в моих войсках не прошло для меня столь же легко. Ведь она, скрытно от нас, слишком долго прививалась личному составу из России и Финляндии и из Германии отпускниками и матросами, а также через письма. Особенно в своих людях были разочарованы морские офицеры — сами по себе великолепные командиры. Командующий флотилией тральщиков по радиотелеграфу просил Имперское морское министерство о разрешении подавить революцию в Киле силами своих матросов, а вечером того же дня и у него заставили ввести солдатские советы. Я приказал ему немедленно поднять якоря и выехать из очага чумы в Киле. Другие офицеры флота, которых я расспрашивал об их подчиненных, заверяли меня в их совершеннейшей надежности. Сразу после этого все переменялось и у них или же мне докладывали, что матросы и даже персонал канцелярий болтаются по улицам и в наглой форме отказываются отдавать честь. Так что я был вынужден в кратчайший срок их выслать. Начальники были столь расстроены из-за бунта их «голубых курток»⁷⁹, бывших некогда гордостью Германии, что уходили, не попрощавшись со мной.

Эвакуация матросов, недисциплинированность которых и раньше ощущалась сухопутными войсками, подействовала на последние положительно. Однако повсюду возникла тревога, что флотские будут им мстить и откажутся перевозить тех солдат, что остались верными кайзеру. Кроме того, каждый знал, что к началу января транспортировка может прекратиться из-за ледостава. Немногочисленные батальоны и батареи опасались, что последует месть красных финнов и русских, а они окажутся отрезанными от Родины. При этом оставались навязчивые вопросы о том, как там в Германии их дома, хозяйства, семьи, ведь повсюду носились самые дикие слухи, и этими храбрыми, привыкшими к победам бойцами овладела болезненная нервозность. Они рвались домой и одновременно подозревали, что от них скрывают истинное положение дел. Поэтому я распорядился о ежедневном оповещении о новостях. Обер-лейтенант барон фон Уккерман каждый день выпускал новостной листок на основании данных радио и телеграфа и не мог умалчивать о чем-либо уже потому, что все это знали также радисты и телеграфисты, частью еще очень юные и легче всего поддающиеся революционным настроениям из-за недостаточного и слишком краткого обучения.

Поступающие известия, к сожалению, ни в коем случае не подходили для того, чтобы успокоить людей. Как раз наоборот. Генерал Грёнер распорядился о введении советов доверия, которые отличались от солдатских фактически только названием. Я доложил об опасности уступок, но все же был вынужден согласиться на предоставление доверенным лицам хотя бы совещательных полномочий в хозяйственных вопросах. К тому же постоянно радировал Центральный совет Восточного фронта в Ковно, отдавая «приказы». Я жестко отверг их, так как войска германского генерала в Финляндии подчинялись непосредственно Ставке. Однако войска все же знали, что им отказывают в чем-то таком, что разрешено на всем остальном Восточном фронте.

Спустя некоторое время я смог сообщить войскам, что, несмотря на революцию, несколько транспортных судов могли бы их вывезти еще до наступления ледового периода. Однако уже ходил другой слух, что матросы в Германию вообще не поедут и что новые хозяева Балтики, англичане, интернируют войска и отправят на восстановительные работы во Францию и Бельгию. Родину они якобы больше никогда не увидят. Учитывая характер наших врагов, этот слух казался не совсем безосновательным. Мы начали переговоры, и каждый корабль получил охранное свидетельство.

Страшная недоверчивость охватила войска, но посредством доходчивых объяснений и личного влияния ее удавалось свести на нет. В гарнизоне Гельсингфорса в этом особенная заслуга оберлейтенанта графа Лукнера и ефрейтора Тиле. В целом можно сказать, что везде, где начальники были безупречного, открытого и честного характера, доверие быстро было восстановлено. Однако и здесь требовалась ежедневная, кропотливая работа с каждым. Наиболее чувствительными к революционным влияниям оказались те части, пополнение которых осуществлялось из наиболее социал-демократических местностей или соответствующих профессий, например моряки из Гамбурга и Штеттина.

Чтобы защитить столицу от заразы, а германские войска в ходе их поездки — от воздействия со стороны красного флота в Кронштадте, от которого теперь нас не защищал небольшой флот кайзеровской Германии, я приказал первым транспортным судам идти в Ханко, где собирались самые ненадежные части, поначалу отправлявшиеся вместе с устойчивыми и крепкими. Но и здесь ничего особенного не произошло. К счастью, удалось объяснить отправляемым в последнюю очередь, что это является знаком особого доверия к ним. Ведь я и сам ехал именно с этими частями.

Так, очень не сразу, но удалось взять в руки контроль над войсками. Однако вплоть до последнего момента приходилось бороться с провокационной пропагандой. Как раз когда в Германии стало известно, что далеко на севере еще остался островок империи. Революционеры выслали к нам на кораблях своих самых умелых агитаторов, которым удавалось порой заполучить некоторое влияние. В это время все ночи напролет у нас проходили за разработкой контрмер.

Когда я прощался с моими войсками в Ханко, при этом присутствовали и два матроса с транспортного буксира, которые попытались смутить меня своими злобными физиономиями. После моей речи они вышли вперед и предъявили мне претензии, дескать, я якобы предупреждал своих людей о том, что эти матросы якобы плохие парни. «А вы оба — надежные люди?» — спросил я их. И когда они подтвердили это, протянул им руку, сказав, что очень рад этому, и заявив, что вплоть до Штеттина буду интересоваться, не ведут ли они какой-либо подстрекательской агитации против солдат сухопутных войск. Они обещали этого не делать, и переброска прошла без всяких помех.

Совет согласиться добром на образование солдатских советов давали мне много раз. Однако я слишком ясно видел последствия

того, что хоть в мелочах поддамся этому. На кону стояло наше положение в Финляндии в настоящем и будущем. Так что я возложил ответственность на свои плечи и сегодня знаю, что за привязанность Финляндии к Германии следует благодарить помимо факта ее освобождения неизменную выучку и дисциплину моих войск. Если бы они оказались в фарватере революции, то наше победное шествие и наша работа оказались бы лишь эпизодом, а за благодарностью последовали бы проклятия. Но за верностью кайзеру моих солдат последовала верность Финляндии руководящим кругам Германии, надеюсь, на долгие времена. Верность за верность.

Подружившийся со мной премьер-министр Паасикиви спустя несколько дней после парада 12 ноября с глазу на глаз обсудил со мной сложное положение обеих сторон. Результатом стало то, что я лично сделал перед собравшимся сенатом следующее заявление:

«1. Я заявляю, что распространившиеся в Финляндии слухи о том, что германские войска под напором красной агитации якобы более не верны присяге или даже могут присоединиться к красному движению в Финляндии или на русской границе, не соответствуют действительности и являются оскорбительными для нас. Я нахожу настроение моих частей хорошим, а частью даже замечательным. На меня произвела впечатление готовность моих войск продолжать сражаться, несмотря на всеобщее перемирие, если они будут атакованы.

2. Так как мне кажется нецелесообразным, чтобы германские войска вступали в соприкосновения с английскими солдатами, которые появятся в Финляндии, и так как в дальнейшем Финляндия может вступить в иные внешнеполитические взаимоотношения, я, с согласия германского посланника, запросил немедленного вывода моих войск. Я надеюсь, что совместное пребывание до последнего момента останется столь же дружественным, как было до сих пор, и что вывод войск будет поддержан всеми финскими учреждениями.

3. Я охотно пойду навстречу пожеланию нынешнего финского правительства, чтобы здесь осталась германская военная миссия и чтобы она, а также военные инструкторы, в том числе из унтер-офицеров и солдат, перешли на финскую службу, так как я вижу в этом связующее звено между двумя странами на будущее. Однако я могу удовлетворить эту просьбу только лишь в том случае, если будут выполнены изложенные мною условия. В особенности исключено, чтобы здесь оставался германский солдат, если он не верит, что тем самым будет использован на благо своего Отечества.

4. При этом я хотел бы высказать совершенно особую благодарность нынешнему правительству, всем официальным и частным лицам и объединениям, которые в этот тяжелый для моего Отечества час выразили в благожелательной манере свою привязанность и благодарность Германии. Я разделяю позицию тех кругов, которые считают, что, несмотря ни на что, Германии уготовано великое будущее.

Граф фон дер Гольц»

Затем регент государства от имени правительства высказал официальную благодарность, весьма сердечным образом заверил в дружественных чувствах и непоколебимом уважении финского народа и государства к немцам. Он попросил меня, ведь мое личное расположение к Финляндии было ему хорошо известно, употребить мое влияние для содействия тому, чтобы германские инструкторы были оставлены в Финляндии.

Когда я вернулся в германский штаб, мне сообщили, что мои высказывания могут перестать соответствовать действительности и стать причиной возмущения. Ведь в войсках вновь стали заметны признаки влияния матросской пропаганды. Однако в конце концов мой оптимизм оправдался. Этому, безусловно, способствовало опубликование моего заявления. Конечно, официальное заявление о том, что германские солдаты сохраняют безукоризненный порядок, только усилило чувство собственного достоинства и гордость и заставило позабыть слова красных провокаторов.

Чем большею верностью выказывали войска, тем более благодарными казались финляндцы, и, наоборот, верность населения успокаивающе подействовала на испытывавших сомнения солдат, направив их на путь истинный. Повсюду для личного состава устраивались прощальные празднества, особенно в Гельсингфорсе, где комитет местных дам нанял для представления финский театр и по случаю Рождества позаботился о раздаче подарков. Я не решаюсь называть здесь все имена, которые с благодарностью храню в памяти. На Рождество перед солдатами на немецком языке, показав себя блестящим оратором, выступила фройляйн доктор Женни аф Форселлес.

Особенно из ее речи запала в память одна небольшая история. Когда в марте один летчик разбрасывал листовки уже приближавшегося германского командующего, население бросилось к ним со смешанными чувствами страха и радости. И тут один прохожий заявил, показывая на самолет вверху: «Там внутри сидит кайзер и осматривает своих новых союзников».

Столь велика была еще за девять месяцев до описанных событий слава этого ныне свергнутого человека. Вот пример того, как *sic transit gloria mundi*⁸⁰, причем редко бывает, чтобы она была столь крепка, как в вышеописанном случае. И теперь никто из тех, кто находится на гребне успеха, не должен забывать о ее непостоянстве. Все смертны, и каждый народ подвержен переменам. Кто высоко заносится, тому не миновать падения.

Так же как и солдаты, сердечно и бурно праздновали и офицеры. Хотя я хотел избежать торжеств, особенно танцев, заявив об их несовместимости с нашим национальным трауром и запрещая их до последнего. Однако в остальном ход празднеств не удалось бы прервать, без того чтобы оскорбить благодарных финляндцев. Так что некоторые замечательные и торжественные мероприятия как частного, так и официального характера все же остались в памяти каждого из нас.

Центром их стало общество германско-финской дружбы, образованное уже к этому времени, во главе с его председателем финским профессором Руиным и германским консулом и советником коммерции Гольдбеком-Лёве. Кроме того, были шведское и финское общества, университет, студенчество, певческие союзы, шведские частные школы фрау Фанни де Понт, урожденной Альфтан. Самым почетным лично для меня стало приглашение от финского правительства. Когда позднее под нажимом Англии, которая, как известно, вела войну за свободу малых наций, оно вынуждено было покинуть свой пост, его члены захотели еще раз собраться вместе и пригласили меня в качестве единственного гостя, чтобы иметь возможность еще раз выразить мне свою дружбу при прощании. Так же и я навсегда сохранил дружеские чувства к этим финским патриотам. Она была благом для обоих народов и останется таковым.

Ежедневно ко мне поступали письма и телеграммы со всех концов страны, из всех слоев общества, каждый день являлись делегации, чтобы выразить признательность Германии, часто передавая роскошные, искусно составленные адреса и деньги, собранные для ухода за ранеными в Финляндии солдатами, а также для родственников павших. Уже после взятия столицы на эти благородные цели поступили значительные суммы. Год спустя на те же цели в мое распоряжение вновь был предоставлен довольно крупный взнос. Эти деньги помимо нужд инвалидов должны были пойти на образование детей павших за свободу Финляндии бойцов.

Часто во время подобных происшествий доходило до крупных манифестаций перед зданием германского штаба, которые с балкона были с благодарностью приняты мною лично и моими сотрудниками.

Эти демонстрации проходили, невзирая на несчастье Германии и несмотря на то, что Антанта явно стремилась поставить в вину финляндцам их преданность Германии или хотя бы пресечь ее, поэтому я с благодарностью вспоминаю не об открытом проявлении их чувств, а о том, что они внутренне остались преданными. Усилия Антанты не привели к успеху. Возникало ощущение, что чем более владычица мира Англия вмешивается во внутренние дела Финляндии, тем более явной становилась сдержанная, но все же всегда готовая к помощи симпатия этой страны к Германии и тем более эмоциональными становились манифестации привязанности.

Рука об руку с этим шла и официальная финская политика. Генерал Маннергейм в Париже и Лондоне вел переговоры с твердой уверенностью в том, что по возвращении он станет первым лицом государства. Его назначение регентом было уже делом решенным. Его Превосходительство Свинхувуд оставался на посту лишь до возвращения Маннергейма, которое последовало несколько дней спустя после нашего отъезда. Все министерство в конце ноября вышло в отставку, так как ни один из его членов не желал присутствовать при публичной смене курса.

Премьер-министром стал профессор доктор Ингман, человек в целом настроенный по отношению к Германии дружелюбно, министром иностранных дел — светский, любезный, но теперь совершенно проантантовский Энкелль, военным министром — крупный промышленник Вальден, не являвшийся врагом Германии. Впрочем, даже сторонники Антанты должны были считаться с мнением народа. Кроме того, вскоре сенатор Вальден убедился, что его сотрудники придают очень большее значение тому, чтобы в финской армии оставались германские инструкторы, и что это соответствует пожеланиям широких кругов общественности. Поэтому он просил генерала Маннергейма добиться у Антанты согласия на присутствие в армии германских организаторов и учителей. Маннергейм обещал сделать все от него зависящее. Однако 6 декабря Антанта потребовала, чтобы полковник фон Редерн покинул свой пост начальника Генерального штаба, что тот немедленно и сделал, чтобы не доставлять Финляндии неприятностей. Тем самым, несмотря на все старания нового правительства, была

предрешена отставка и всех остальных офицеров, чего скоро и потребовала Антанта. Спустя недолгое время последняя зашла так далеко, что не пожелала мириться с наличием в рядах финской армии даже тех германских офицеров, которые сражались в рядах финской армии и уже успели получить финское гражданство. Поэтому вскоре пришлось уйти в отставку таким офицерам, как Аусфельд, фон Колер, Штахель, Кённеке и др. Однако Англия постепенно заметила, что ее насильственная политика не способствует укреплению позиций и создает ей славу льва, трясущегося от страха смерти.

Министр Энкелль как-то попытался обосновать мне свою политику, которая и без того была совершенно ясна, заявив, что Финляндия перед лицом чисто большевистского германского правительства, отказавшегося поставлять оружие для охранного корпуса⁸¹, вынуждена была искать контакта с поддерживающими государственный порядок державами Запада. Участь немцев за границей после революции вовсе не стала легче.

С прочими новыми министрами я познакомился, когда они прямо перед отъездом в утреннем тумане прибыли на мой корабль, чтобы выразить мне благодарность за германскую помощь.

Такая осторожность нового правительства, конечно, была вполне понятна при тех открытых проявлениях дружбы, что последовали со стороны подавляющего большинства населения, к которым, разумеется, примкнула и крупная местная немецкая община.

Я навсегда остался в достаточно теплых отношениях с ними и в своей прощальной речи просил, чтобы финский народ свою признательность к бойцам, сражавшимся за Финляндию, перенес и на жителей нашей страны, чтобы образовался мост между двумя государствами, которые сильно пострадали от войны с Россией. По моему мнению, одной из важнейших задач, требующих большого ума и достоинства от всех представителей Германии за рубежом, является консолидация и образование немцев всех слоев общества, чтобы они оставались немцами, чтобы их сплоченность, поддержка земляков производили бы за границей впечатление, усиливая их позиции, чтобы столь хранимые дипломатические отношения были защищены от лживых оценок, которые так сильно навредили нам в довоенное время.

В Финляндии представительство германской колонии осталось в надежных руках пастора Израэля, советника коммерции Гольдбека-Лёве и фрау доктора Юслин, урожденной Райнхардт.

Незадолго до отъезда я свернул и свои связи с монархистами в России. В очередной раз обратил их внимание на то, что, по моему мнению, вновь усиливающаяся Россия вряд ли поступит достаточно умно, если будет оспаривать независимость Финляндии, потому что Россия вполне сможет обойтись и без Финляндии, а получит в ее лице только собственную Ирландию, — и тем более, что там есть уже готовое здание государственности и собственная, достаточно чуждая России культура.

Итак, настало унылое утро 16 декабря, когда при «весьма подходящей для прощания погоде» оба гвардейских уланских полка под командованием их заслуженного полковника фон Чиршки, батарея Мольденхауэра, эскадрон 3-го кирасирского полка со штабом и военной миссией поднялись на борт «Байя Кастильо» и «Буэнос-Айрес» и в присутствии примерно 25 тысяч человек покинули гостеприимные гавани. Бесконечное размахивание платками, песни и раз за разом крики «Ура!» облегчили болезненное для обеих сторон расставание, задевшее за живое даже самых хладнокровных и оставшееся незабываемым в памяти каждого из присутствовавших.

Мы, ветераны финляндской кампании, оставили в наследство Германии искреннюю и сердечную любовь этого близкого нам по духу народа, которая имеет большое значение и может стать для нас мостом в Скандинавию. Уже теперь благодаря вмешательству Англии взаимоотношения германских народов Швеции и Германии, а также Финляндии, к счастью, стали куда лучше, нежели они порой, к сожалению, были в ходе войны.

Скромную толику финской дружбы всякое германское правительство, какой бы партийной принадлежности оно ни было, должно наращивать. Конечно, приходится раз за разом подчеркивать, что чувство дружбы Финляндии к немцам основывается на том, что они вместе бились против большевиков и что в этой борьбе речь шла о будущем всей центральнойвропейской культуры.

Однако Финляндия сумеет остаться независимым государством, если она будет управляться в духе своего первого регента, если ее свободу будут охранять сильная государственная власть, верная армия и охранный корпус, если ее социальное законодательство и общественные настроения сумеют сделать народ и армию довольными и если твердо направляемое государство и его народ останутся способными на совместные действия и смогут поэтому выдержать натиск России.

ТРАГЕДИЯ В ПРИБАЛТИКЕ

РОДИНА, МИЛАЯ РОДИНА!

Мы судили о тяжелейших последствиях германской революции по радиограммам и изредка доходящим до Финляндии газетам.

По прибытии нашего «Буэнос-Айреса» в Штеттин в ночи раздавались патриотические песни моих гвардейских улан. Когда они запели «Германия, Германия превыше всего», один корабельный юнга, еще наполовину мальчишка, завидя Родину, проникся революционной злобой и заявил: «Эта песня поется сегодня в последний раз». Благодаря искусству врача спустя несколько дней удалось вновь поставить паренька на ноги.

Однако через несколько дней уланы, которые между тем были подчинены командованию в Берлине, уже на собственном печальном опыте испытали последствия вялого политического руководства в столице рейха, которое, впрочем, хотело бы восстановить порядок, но стеснялось приказать стрелять в чернь. Так что войска, которые отбросили революционных матросов от дворца, вскоре после этого были прижаты к стене в сотни раз превосходящей их по численности толпой, в которую они не имели права стрелять, затем разоружены и подвергнуты издевательствам⁸².

Сам я в письме так изложил мои переживания этих дней: «Из Гельсингфорса я уезжал при самой мирной манифестации из 25 тысяч финляндцев, в Штеттине в гражданском платье я неузнанным высадился на берег. В Берлине мне еще повезло без побоев добраться до своего жилища».

Мы, конечно, именно так и представляли себе возвращение на Родину, после того как 4,5 года переносили ради нее неслыханные

мучения и лишения⁸³. Однако теперь у власти стояли люди, которые никогда не бывали под огнем или избежали его посредством трусливого дезертирства.

Через несколько дней после встречи дома с моими родными, а также с моим вернувшимся с Запада еще живым сыном я выехал со своим штабом и, к сожалению, лишь немногими солдатами из моих старых частей в Силезию на чешский фронт. Прочие мои прежние войска получили иное назначение. На новом посту в моем распоряжении имелись добровольческие части, которые были с большим трудом развернуты здесь, чтобы защитить прекрасную силезскую землю от чехов, генералом бароном фон Бранденштейном (победителем у Лахти) и генералом фон Кесселем⁸⁴.

С организационной точки зрения все было в полном порядке. Однако боевой дух войск на многих участках превосходил даже самые худшие ожидания. Это была одичавшая солдатня, чума для населения, высоко оплачиваемая, грабящая, однако открыто заявляющая, что никакого сопротивления чехам они оказывать не будут. Когда генерал фон Кессель захотел сместить одного батальонного командира, полностью находившегося под контролем его солдат, то был арестован и освобожден лишь спустя несколько часов. Всякая попытка поддерживать там порядок или же распустить опасные и бесполезные войска встречала энергичное сопротивление. Они теперь знать не хотели врага внешнего, угрожающего Отечеству, а знали лишь внутреннего врага, который собирался восстановить авторитет государственной власти.

Когда генерал фон Бранденштейн выходил с поминальной службы по погибшим, его же собственный бригадный писарь перед церковью раздавал листовки с пропагандой против офицеров. Когда генерал приказал доставить его к себе, тот заявил, дескать, пусть он сам к нему приходит. Мятежник нашел горячих защитников своего неслыханного поведения в солдатском совете Бреслау, так что было невозможно уволить этого человека, и весьма заслуженный генерал, оскорбленный подобным происшествием, предпочел сам уйти в отставку.

Я установил связь с моими командирами дивизий, которые, вне сомнений, более, чем нужно жалели эту солдатню. Мы направили в штаб корпуса отчет о ситуации, чтобы он с этими документами смог добиться признания недопустимости такого положения у революционного правительства, зависимого от Центрального солдатского совета. Большая часть офицеров была готова оставить службу, так как они с ней не могли более связывать свою честь,

совесть и любовь к Отечеству. Мы, старшие офицеры, служили лишь затем, чтобы уберечь Отечество от полного хаоса, большевизма, но ни в коем случае не для того, чтобы упрочить положение революционного правительства, которое насильственно пришло к власти при крушении закона и конституции⁸⁵, опираясь на дезертиров и обитателей тюрем; и так же не для того, чтобы узнать, что считает правильным необразованный, дорвавшийся до власти солдатский совет. Я понимаю офицеров, которые должны были остаться, ведь они и их семьи остались бы без всего, если бы они бросили свою солдатскую профессию. Однако в целом я все же считаю бесхарактерным и бесчестным, если нет вышеуказанных причин, служить дальше только из слабости и оппортунизма или же безвольно принести в жертву вожакам черни свои убеждения, вместо того чтобы отстаивать их в армии и офицерском корпусе или уйти в отставку. Для меня стало сильным разочарованием узнать, что в старом офицерском корпусе нашлось не так много сильных характеров, нежели я раньше априорно полагал.

В середине января состоялись выборы в Национальное конституционное собрание, в ходе которых революционное правительство и солдатские советы использовали на благо своих партий все находящиеся в их руках рычаги власти. Автомобили, набитые дикими солдатскими рожами, разъезжали по Силезии, разгоняли националистические сборища и подстрекали местное население. Никогда еще выборы не обходились какой-либо партии дешево. И тем более разочарованы были революционеры, когда, несмотря на весь этот механизм, они не получили значительного большинства в Национальном собрании. По моему мнению, лишь то обстоятельство, что Центр⁸⁶ и Демократическая партия более или менее невольно предоставили себя в распоряжение социал-демократов, предотвратило насильственный захват ими единоличной власти, в которой им отказали проведенные по закону выборы. Однако это нельзя ставить в заслугу буржуазным партиям, ведь они почти безвольно вошли в состав нового правительства вместе с виновными в том, что нас подводят все ближе к финансовому, экономическому, моральному и внешнеполитическому банкротству.

Мы, солдаты, в которых высший идеал патриотизма, доходящего до самопожертвования, был выпестован в течение 4,5 лет, чувствовали себя совершенно сбитыми с толку, ничего не понимающими. Мы стояли перед чем-то немислимым без единой зацепки, возможности его постичь. В одном из моих тогдашних писем есть такое предложение: «Я начинаю все больше понимать Ганни-

бала, который во главе немногих единомышленников бросил на произвол судьбы своих корыстных и эгоистичных земляков и не смог спасти Отечество от гибели. Однако о Ганнибале и более 2 тысяч лет спустя вспоминают с восхищением, о наших же меркантильных партийных врагах — только с презрением. Слабое утешение для нашей маленькой национальной общины, которая, несмотря ни на что, работает на благо Отечества». Тогда, в январе 1919 года, я писал, что, несмотря на невыносимые, унижительные обстоятельства, следует оставаться солдатом до тех пор, пока рейху грозит опасность извне, однако не затем, чтобы защитить революционное правительство от его врагов слева⁸⁷. Было бы лучше позволить свергнуть его — и затем собрать армию из надежных солдат. Последнее было тяжело, однако реально, и жаль, что чересчур верный прусский офицерский корпус довольно быстро подчинился революционному правительству. Тем самым он оказался виновен в радикализации.

В приятном несоответствии с этими ужасными временами находилась штаб-квартира нашей дивизии Крайзау с ее великими историческими воспоминаниями о полководце Мольтке, стратегическом основателе Германского рейха⁸⁸, ныне разрушенного. Теперь хозяйкой замка была урожденная англичанка, которая не только стала немкой, но и сопереживала несчастью своей второй Родины — Германии. Довольно редкий случай для иностранки в Германии, но тогда для нас — большое утешение.

Посреди этих личных переживаний приходили новости из внешнего мира — об уличных боях в Берлине, в которых старшие офицеры спасали Германию от большевизма, однако тем самым, конечно, работали и на благо революционного правительства, поддерживая порядок, устраняя серьезнейшую опасность для Восточной Пруссии на виду у большевиков, продвигающихся в лимитрофах, к Риге, при взятии Митава и полном разложении остатков старой 8-й армии.

В это время я частным порядком узнал из телефонного разговора, что назначен успокоить «бушующее море» на северо-восточной границе. Там, на севере, я был известен как человек, спасший от большевистского ужаса Финляндию, и потому из прибалтийских провинций шли просьбы о моем назначении туда.

Задача была масштабной и тешило мое тщеславие. Я тогда еще не подозревал, что мне в руки вкладывают тупой меч, что я буду окружен исключительно врагами, а самыми худшими из них окажутся мой же собственный народ и правительство. Я ясно видел,

что моя задача напоминает квадратуру круга, и все же не ожидал, что мне и моим великолепным соратникам придется целых 9 месяцев с успехом противостоять целому миру врагов.

После краткого пребывания в Берлине через Кёнигсберг я поехал в Либаву. В Кёнигсберге генерал фон Эбен со смехом сказал мне: «Ну, Вы отправляетесь в нужное место. Надеюсь, что успеете еще до большевиков».

Избежав ставшего тогда обычным нападения грабителей на железной дороге, при -15 по Реомюру в неотопливаемых вагонах 4-го и 3-го класса, с вынужденной остановкой в Инстербурге, добираясь из Кёнигсберга почти две ночи в окружении дикой солдатни, я достиг в 5 утра 1 февраля Либавы. В 8 утра прибыл глава губернаторства Либавы и тут же за ним для доклада — начальник прибалтийской ландверной комиссии, умный и работающий господин фон Самсон, судейский чиновник из Риги и лифляндский помещик.

ПОЛОЖЕНИЕ НА 1 ФЕВРАЛЯ 1919 ГОДА

Большевики по большой дуге стояли вокруг Либавы, от Виндавы до Шрундена фронтом на Запад, а затем между Газенпотом и Гольдингеном фронтом на юг. На нашей стороне были справа остатки Железной бригады, а на левом фланге еще не сформированный балтийский ландесвер.

Железная бригада была образована из добровольцев мятежной 8-й армии, которые, однако, отказывались вести серьезные бои. Прибывшему 17 января майору Бишофу, который, будучи в 1918 году на Западе командиром полка, заслужил *Pour le Mèrite*⁸⁹, удалось только лишь силой своего характера и своим появлением у добровольцев под Виндавой организовать сопротивление. Несмотря на это, по всему длинному фронту, где удавалось лишь контролировать дороги, ежедневно сохранялась угроза прорыва.

Ландесвер был развернут по согласованию с новым латвийским правительством. Так как вместо 18 были набраны лишь 2–3 латвийских и одна русская рота под командованием князя Ливена, причем они почти целиком состояли из балтийских немцев или же немцев из рейха, их все же называли балтийским ландесвером. И у них так же, как и в Железной бригаде, надо было бы сменить командира. Вновь назначенный подполковник фон дем Хаген был отозван

назад на свой пост начальника штаба в Бреслау, его преемником стал майор Флетчер, хорошо проявивший себя в войну артиллерийский офицер, доложившийся мне через день после моего прибытия, а пока что ландесвер командира не имел. Он стоял от Шрундена до самого моря разбитый на мелкие отряды. Несмотря на их слабость и недостаток обученных младших командиров, в войсках назревало желание отвоевать Гольдинген. Однако в это же время большевики в любой момент могли взять Газенпот или Шрунден.

В этой опасной внешнеполитической обстановке в гавани Либавы наготове стояли транспортные корабли, способные быстро эвакуировать войска морем, если положение станет невыносимым. Погрузка готовилась под давлением непременно восставшего бы затем рабочего населения Либавы, у которого было отобрано по меньшей мере 6 тысяч винтовок.

Защита от ждавших подходящего момента городских большевиков, окрыляемых фанатичной ненавистью к немцам, находилась в руках трех батальонов гарнизона, из которых два более управлялись гарнизонным солдатским советом, нежели своими боевыми командирами. Совет позаботился о том, чтобы в него были избраны недовольные элементы от отдельных штабов и рот. 3-й батальон под командованием старого энергичного капитана ландвера Тённигеса отмахивался от попыток повлиять на него со стороны солдатского совета и поэтому предоставлял боеспособные части для несения сторожевой службы и двум другим батальонам, в том числе и на фронте. Внешний вид, знаки отличия и поведение солдат отражали положение и внутри рейха. Боевая ценность частей была почти нулевой. Так что в Либаве, что извне, что изнутри сидели, как на бочке с порохом, причем в прямом смысле этого слова.

Правительство Латвии, образованное в Риге в ноябре 1918 года, было настроено резко антинемецки, в нем были многие, предпочитавшие большевиков немцам, однако поначалу из страха за свою жизнь и министерские посты они выступали очень тихо. Многие видные персоны являлись очевидно рабскими натурами, лицемерно угодничая передо мной, особенно когда я им был нужен: скрытные, лживые и всегда готовые предать меня и мой штаб и сделать строго обратное тому, что они обещали.

Пока в то время господин Ульманис совершал турне, чтобы выпросить поддержку победоносной Антанты для вновь образованного государства, его замещал министр внутренних дел Вальтерс — единственный высокопоставленный член правительства, стоявший вне партий и думавший о благе как немцев, так и прибалтов,

но совершенно одинокий посреди охватившего его коллег психоза ненависти, не сумевший остановить его и оказать хоть какое-то влияние. В первый же день я нанес ему визит, ведь я был преисполнен стремлением и надеждой установить и поддерживать хорошие отношения со всеми соратниками.

В качестве свидетельства моего тогдашнего настроения я привожу здесь следующий фрагмент из лично составленного мною отчета от 17 февраля:

«Члены правительства родом из Лифляндии, и в Курляндии они не имеют никаких связей. Их не знают и сражаться за них не будут. Тем более самонадеянно они, поддерживаемые Антантой, ведут себя, видя в ней одной спасение от всех напастей. Полагаясь на нее, правительство послало временному посланнику доктору Бюхарду и мне невежливые письма».

«Нам следует обеспечить добрососедские отношения с Курляндией, не важно, будет ли она независимой республикой, федеративным штатом в России или же ее провинцией. Мы не можем полагаться только на балтийских немцев, составляющих лишь 8 % населения».

«Неправильное обращение с латышами в ходе 4 столетий оккупации, жестокость революционных орд из 8-й армии, все еще случающиеся грабежи со стороны добровольцев, которые здесь стали обычным делом, и века застарелой ненависти к балтийским немцам привели к тому, что и те круги, что не склонны к большевизму, охотнее жили бы при них, нежели при немцах. Это со всей очевидностью следует из разговора с чрезвычайно озлобленным городским головой Либавы господином Бушевицем. Конечно, он придерживается политических взглядов крайне левого крыла меньшевиков. В Курляндии можно рассчитывать на 60-процентную поддержку большевиков, а в Либаве она еще больше».

«Моим стремлением является жестко выступать против любых проявлений недисциплинированности у немцев, восстановить уважение к германской армии, обуздать пренебрежение балтийцев⁹⁰ к латышам и не раздражать понапрасну лучших представителей последних, при всей важности защиты германских прав, чтобы подвигнуть их к сотрудничеству».

«Балтийцы едва ли не единственные защитники этой земли».

Видно, сколь неоправданны упреки, позднее постоянно раздававшиеся по всему миру, в «вольности» и тому подобном, в адрес того, как я проводил там на севере баронскую политику. В кругах спартакистов⁹¹ опасались той старопрусской дисциплины, к кото-

рой я стремился, и поэтому с помощью тенденциозной лжи меня пытались очернить в глазах правительства.

Когда я поближе ознакомился с положением дел, то заметил, что правительством Латвии всякое желание пойти навстречу воспринимается как признак слабости и что тогда при поддержке Антанты оно непременно решится на борьбу против немцев.

Первоначально назначенный лишь для обороны Восточной Пруссии, я стал все более связывать свою миссию с более крупной задачей обеспечения будущего находящегося в большой опасности германства.

Ведь пока я в Финляндии спасал культуру дотоле чуждого нам народа от азиатского варварства, те же варвары с помощью своей пропаганды и вместе с пропагандой Антанты изнутри разложили мой же немецкий народ и его армию, оставив его беззащитным. Однако германское правительство пока еще не попало в руки большевиков. Это должно было случиться изнутри, если мы, «прибалтийцы»⁹² — как нас называли германские большевики, — будем побеждены. Мы были последним защитным валом рейха на Востоке. Так как я был знаком с большевизмом по Финляндии, моя задача по обороне Восточной марки⁹³ казалась мне сравнимой с миссией тех, кто бился с монголами при Лигнице⁹⁴, ведь они так же защищали Европу от порабощения ее азиатчиной.

Кроме того, после неудачного окончания войны надо было спасти то, что еще можно было спасти. На Востоке Германия оставалась победительницей. Мы все еще стояли бы недалеко от Петербурга, если бы в войсках на Востоке не начались мятежи. И вновь, по моему опыту, в Финляндии я достаточно низко оценивал войска красных. И почему бы вместо не состоявшейся в августе 1918 года проведения «восточной политики»⁹⁵ не начать совместно с «белыми» русскими в какой-либо иной подходящей форме борьбу с большевизмом, раз уж к этому времени Англия проявила свою мощь лишь на море? Почему должно быть запрещено прежде всего экономическое и политическое сближение с будущей Россией? С Россией, которая, после того как ее собственная интеллигенция была вырезана, испытывала острую потребность в немецких купцах, техниках, руководителях, чьи опустошенные, покинутые населением окраинные провинции требовали для своих плодородных почв усердного немецкого крестьянина? Таким образом многие жители оккупированных и позднее отторгнутых территорий, лишенные Родины могли бы получить работу и хлеб насыщенный, особенно привлеченные моими обещаниями

колонизации солдаты: Россия теперь не могла воспрепятствовать им так, как до войны.

Мог ли я при подобных целях позволить себе споткнуться о соломинку? Созданное бежавшими немецкими чиновниками 1–2 месяца назад временное латвийское правительство, чьи министры частью бежали и которое не располагало влиянием ни на малейшую частичку своей страны, держась лишь на немецких штыках и на своем самомнении, — я мог совершенно не брать его в расчет, если они не захотят помочь мне в тех вопросах, которые решали общее будущее Германии и Восточной Европы.

Если бы радикальные левые германские партии и немецкий Либавский солдатский совет с его войсками, исходя из партийных интересов, стали поддерживать так называемое латвийское правительство против германского генерала, то я мог бы вообще при необходимости снять их с повестки дня. Итак, речь шла о том, чтобы, полагаясь только на себя и своих верных соратников, скрывать свои замыслы и пытаться выстоять против всего света, ополчившегося на нас. Я должен был постоянно держать перед глазами великую цель и, сознавая ее справедливость перед лицом всего мира, использовать все, что показалось бы мне нужным для ее достижения.

Учитывая вышесказанное, я утверждаю, что должен был сражаться на четыре фронта: с большевистской армией, с находящимся под влиянием немецких радикалов солдатским советом в Либаве и с его революционным влиянием на мои войска, с враждебным Германии, полубольшевистским правительством Латвии и с Антантой.

Согласно старым добрым стратегическим принципам, я решил их бить не сразу, а по очереди.

Поначалу следовало, приняв бой, вести его оборонительно, как и было приказано моим вышестоящим начальством из армейского командования «Север», которое полагало, что я послан бороться лишь против большевиков.

Прочие трое противников проявлялись лишь по мере выяснения обстоятельств. Я принял бой и с ними, когда счел, что он неизбежен, и затем уже сражался со всеми своими врагами наступательно.

Ведь лишь атакуя можно победить, только так — сократить борьбу и покончить с ней. Победить или погибнуть! Лавирование — всегда признак слабости положения, а то и характера. И со всеми этими врагами мы покончили бы, если бы в октябре к ним четверем

Либава: городской мост в гавани

Митава: вид на город с его рыночной площадью

в качестве пятого не добавилось бы германское правительство, впрочем, и до той поры постоянно мешавшее нам.

ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

Уже на второй день, по поручению моего начальника администрации, я принял солдатский совет Либавы, который мне описывали как относительно безвредный и даже имевший некоторые заслуги в деле вербовки добровольцев, когда революция превратила 8-ю армию в орду. Однако он нанимал людей, которые не были ни солдатами, ни бескорыстными слугами Отечества. Да и замысел вербовки добровольцев исходил не от него, а был принят его членами лишь после некоторого сопротивления.

И все же мой штаб хвалил его, так что я решил попытаться взаимодействовать с этими людьми. Я обратил их внимание на серьезность положения, необходимость отвлечься от всего, лишь бы удержать Либаву и воспрепятствовать мятежу. Если либавские батальоны не справятся, то дела у всех, в том числе и у них, будут совсем плохи.

В ответ они потребовали введения во фронтовых частях солдатских советов, которые подчинялись бы Либавскому солдатскому совету. Я спокойно, но решительно отверг это требование, причем председатель, произведенный в войну в офицеры бывший учитель народной школы, обратил мое внимание на то, что солдатский совет имеет право запросить военное министерство о смещении неподходящего начальника. Мой предшественник был отозван как раз по такому представлению.

Тут я вскочил и заявил ему: «И что же Вы предлагаете? Пока что я здесь ответственный командир этой осажденной врагом крепости и буду принимать меры, которые сочту нужными, против любого врага, угрожающего ее безопасности, в том числе и против Вас». Тогда дозор этих властолюбивых, бестолковых карликов тут же встал и покинул комнату. Отношения казались окончательно разорванными.

Днем позже я разрешил прийти ко мне двум склонным пойти на уступки еврейским членам совета. Вместо этого они заявили все и объявили, что их вчера неправильно поняли. Прореха была залатана. Однако мне не забыли мой ставший уже им непривычным приказной тон и за моей спиной послали одного выбранного ими вице-фельдфебеля в Национальное собрание, который на

словах объективно и субъективно действовал там в их интересах. Кроме того, они регулярно дезинформировали военное министерство и много раз просили о моем смещении.

Так как 3 февраля я стал не только губернатором Либавы, но и командиром 6-го резервного корпуса, в качестве командующего я предоставил ведение переговоров с солдатским советом главе администрации Либавы. Это было тем более необходимо, что я безусловно отвергал всякое вмешательство в дела моего корпуса за пределами Либавы. Тем не менее очень скоро дело дошло до жестких стычек, и однажды солдатский совет провозгласил себя солдатским советом всей Латвии. Я запретил ему так называться, он настаивал и подал прошение Центральному солдатскому совету в Берлине, перед которым там многие трепетали, и потому сложилось угрожающее положение: так как войска гарнизона почти поголовно были на стороне солдатского совета, против неудобного ему губернатора началась пропаганда. В конце февраля я получил нового главу администрации в лице майора Хайнерсдорфа, умного, уже проверенного на деле, боевитого, который никогда, в отличие от своего предшественника, не прогибался перед превратностями революционного времени. Кто в ходе этого крушения должен был лавировать, тот уже не может участвовать в восстановлении разрушенного, даже если был достаточно усерден. К сожалению, в высших инстанциях на это не всегда обращали внимание.

Однажды начались мятежи в полицейских частях, так как против их любимого начальника было возбуждено военно-судебное разбирательство. Еще до рассвета появились его доверенные лица и предъявили требования. В полдень они с пулеметами засели в здании полиции, чтобы настоять на исполнении своих пожеланий, и выслали ко мне новую делегацию. Я напоминал им о немецком чувстве законности, солдатском долге и опасности большевистского восстания в Либаве, если немецкая полиция, которой побаивались, восстанет, — и наконец, они успокоились. На этом происшествие было исчерпано, а их начальник был в основном оправдан, так что спустя несколько недель он смог вновь занять свой пост, который, впрочем, не хотел покидать его заместитель. И все же начальник полиции и его части убедились, что я с собой играть не позволю. И это осознание послужило тому, что последующие малоприятные личные стычки с различными высшими чинами полиции, за каждым из которых стояла часть полицейских, в конце концов разрешились миром. В целом полиция и ее начальство исполняли свой долг лучше, чем раньше, и во многом именно

полицейские части Либавы следует благодарить за то, что безработное рабочее население города так никогда и не решилось поднять восстание. Значительную роль в мятеже полиции также сыграл солдатский совет. Сначала он хотел использовать эту возможность, чтобы убрать с дороги зачастую слишком строгого полицейского начальника, однако затем внезапно развернулся, понадеявшись на то, что можно будет повернуть оружие против казавшегося им еще более опасным губернатора. И то, и другое им не удалось.

Долгая война и революция сделали людей столь нервными и возбужденными, что каждый видел в другом личного врага, очень многие вообще более не хотели повиноваться и приспособляться друг к другу. Так что ежедневно происходили стычки, шла тяжкая маленькая война, пока постепенно не удалось посредством удаления нестóящих солдат и воздействия на других не вдохнуть в войска старый дух самоотверженности.

Либава являлась базой операций против большевиков. Здесь располагались склады, депо с боеприпасами, вся администрация, штаб, мозг армейского корпуса. Было нелегко принимать решение о дальнейших операциях, опираясь на базу, которая могла в любой момент взлететь на воздух. Однако приходилось так сделать.

Посреди этой внутренней распри майор Флетчер предложил мне свой план, как взять обратно Гольдинген. Он хотел длинной холодной зимней ночью на санях и лошадях множеством мелких колонн продвинуться вперед и в утренних сумерках оказаться под Гольдингеном. План был хорошо продуман, и я его одобрил. Гольдинген за счет внезапности был взят после короткого боя и удержан в ходе многочисленных контратак. Это был первый из множества лихих рейдов балтийцев и первый раз, когда храбрый, серьезный командир смог под вражеским огнем личным примером воздействовать на еще не обстрелянные войска.

ПЕРВЫЕ ВИЗИТЫ НА ФРОНТ

Утром 8 февраля я с начальником штаба 6-го резервного корпуса майором Хагеманном, моим верным, неутомимым помощником в этих балтийских штормах, поехал на фронт к майору Бишофу. Чтобы проехать 70 км по железной дороге, понадобилось 7,5 часов, в купе частью стояла вода, так что можно было лишь встать на подножку, окна были разбиты, обивка сидений оторвана. 15 часов езды по железной дороге при курляндских холодах — это не слишком

уютно. Все мои попытки получить штабной вагон для командования корпуса, чтобы почаще выезжать на передовую или иметь подвижную штаб-квартиру, где можно было бы поспать, остались напрасными, хотя в войну такие вещи попросту незаменимы и полностью в интересах службы. В том, что правительство Финляндии предоставило мне как нечто само собой разумеющееся, мне было отказано новым германским правительством, хотя я в тяжелейших условиях добровольно вел войну еще целый год. К этому привела борьба не с большевизмом, а с прусским милитаризмом. Они позволяли защищать себя германским генералам, но с ними самими обращались плохо. В этом они остались верны себе.

В ходе этой долгой поездки для служебных дел времени осталось не много, хотя выехали мы в феврале в 4 утра.

Я объехал множество постов с майором Бишофом и порадовался бодрому духу солдат, взаимоотношениям офицеров и личного состава, которые я застал. Незабываем был один раненый, мужчина на лет 30, который со своей койки с довольным видом закричал командиру своего фрайкора⁹⁶ капитану Хайбергу: «Господин капитан, я точно скоро уже вернусь». Пока в прусских сердцах живет этот дух Фербеллина⁹⁷, Германия и в век машин будет неодолима для целого мира врагов. С такими солдатами мы сможем восстановить свое положение в Центральной Европе, начав с позиций времен Великого Курфюрста⁹⁸.

По указанию майора Бишофа, предпринимались частые набегу, чтобы держать большевиков в страхе и сохранять инициативу. Они чувствовали себя повсюду под угрозой и сами более не решались атаковать, ведь теперь они столкнулись с твердой волей противника и не знали, что там за этими патрулями. Война далеко не всегда основывается лишь на арифметическом расчете, но еще и на психологии и мужестве. Я мог лишь полностью согласиться с такой активной обороной майора Бишофа.

Однако и эта малая война стоила жертв. Сколько еще так сможет продолжаться? Только лишь выставлять посты или вести позиционную войну эти войска не желали. Они жаждали свершений.

По имевшимся тогда сведениям, нам противостояли достаточно слабые части. Майор Бишоф в ответ на запрос заявил, что их можно будет победить, если сконцентрировать наши силы на отдельных участках. Однако удержать завоеванное при слабости наших сил было бы вряд ли возможно. Ведь большевики начнут немедленно перебрасывать силы с других фронтов. Поэтому поначалу возможны лишь местные удары, которые я и одобрил. Также

я дал указание командиру обследовать слабые места фронта, чтобы спланировать крупное наступление, которое состоится, как только мы получим подкрепления. А они уже транспортировались водным путем. Тогда в районе Берлина действовал целый ряд вербовочных бюро для земель Прибалтики, формировавший 1-ю гвардейскую резервную дивизию, а в Восточной Пруссии уже проходил переподготовку 2-й гвардейский резервный полк. Как только эта дивизия будет здесь, она должна будет выступить на фронт на правый фланг, южнее Железной бригады, которая росла с каждым днем. Под руководством ее железного командира из Железной бригады должна была быть образована Железная дивизия.

Майор Бишоф был явно очень обрадован мыслью о том, что вскоре вновь двинется вперед. Ведь он был солдатом до мозга костей, имевшим очень дельные представления о тактике малых колонн, большой опыт действий которыми он получил в Африке. Я проехался с ним на санях и удивлялся тому, как он умудрялся на таком сквозняке курить одну сигарету за другой. «Ах, этому научишься, господин граф, — заявил он. — Я уже двенадцатый год воюю: восемь лет в Африке⁹⁹, потом Мировая война. Я — старый ландскнехт».

Когда я познакомился с ним поближе, иногда спрашивал его, что в нем более отчетливо проявилось: что он — офицер, «африканец» или же студент-корпорант. В нем было что-то от каждого из них, что производило большое впечатление на его подчиненных. Весьма примечательная личность. В этом и было значение этого умелого солдата в нашей всех нивелирующей Германии.

И все же в целом следует сказать: сколь горда могла бы быть Пруссия-Германия своим офицерским корпусом и своим чиновничеством, но все же последние тяжелые годы показали, как мало, особенно последнему, удалось сохранить твердый характер на влиятельных постах. Великолепная государственная машина нуждалась в первую очередь в усердных, дельных, исполнительных работниках, которых было предостаточно, но не в натурах типа Бисмарка, которые бы могли использовать машину для своих гениальных замыслов. И в этом мы могли бы поучиться у наших врагов англичан, которые умеют использовать властные натурны во благо мировой империи наилучшим образом. Сравнение в действиях Сесилия Родса и Карла Петерса¹⁰⁰ говорит о многом. Вполне возможно, что развитие прусской государственности в будущем привело бы нас к некоей форме отечественного социализма. Однако новая Германия будет иметь будущее только при условии, если

будут открыты дороги гениям и личностям, которых не станут подгонять под образец исполнительной посредственности.

Германия была разбита, подписала перемирие с западными державами и официальный мир с большевиками, пусть Брестский мир и аннулировался условиями перемирия на Западе. Поэтому было нелегко убедить вышестоящее армейское командование «Север» согласиться на мой замысел отвоевания Курляндии. Поэтому же в уже упоминавшемся отчете от 17 февраля я выражал опасения того, что долговременная защита Восточной Пруссии с относительно небольшими силами при чисто оборонительных действиях невозможна; напротив, необходимо занять рубеж реки Аа, чтобы иметь более короткий и удобный для обороны фронт. Окрестная территория вскоре уже не сможет нас прокормить, мы должны наступать, прежде чем большевики вывезут все запасы. Мое наступление будет дешевле и с финансовой точки зрения: поскольку продолжительный застой на Восточном фронте попросту не оплачивается, мы должны с помощью военных успехов прийти к соглашению с большевиками. Итак, атака — лучшее решение с экономической и финансовой точек зрения, а также в смысле потерь. Только так большевизм мог бы получить смертельный удар, а спартакистов на Родине можно было бы убедить в том, что они не получают никакой поддержки извне.

Начальник штаба армейского командования генерал фон Сект согласился со мной, однако он хотел ограничиться установлением прямой связи по железной дороге Муравьево¹⁰¹ — Шавли¹⁰². Но это никак не могло дать более короткого и удобного фронта. Это командование учитывало и отдавало необходимые приказы о содействии чрезвычайно ослабленным соседним соединениям, которые сначала подчинялись штабу корпуса, а затем были развернуты в бригаду «Шавли». Я просил лишь поддерживать контакт с моими войсками. Развитие наступления должен был осуществить 6-й резервный корпус.

Мой начальник штаба, майор Хагеманн, тут же поддержал план атаки, однако он не скрыл от меня, что временно исполняющий обязанности 1-го офицера Генштаба считает атаку при наших небольших силах легкомыслием и видит во всем только сложности. С офицером Генштаба, который не верит в успех, мы не могли бы работать, поэтому были рады, когда, наконец, 27 февраля прибыл давно уже назначенный, но все никак не отпускаемый своим сilesким командованием, новый генштабист капитан фон Ягов, который уже воевал здесь в 1915 году и немедленно загорелся

намерением идти в атаку. Этот одаренный человек оказал тем большие услуги в ее исполнении, что, несмотря на немалую загруженность поручениями и от начальника штаба, и от меня, сумел быстро завоевать доверие частей.

Перво-наперво следовало обеспечить исходную базу и отвоевать Виндаву. Поэтому в середине февраля я с моим верным Пилладом¹⁰³ — майором Хагеманном — отправился в Кацданген в штаб ландесвера.

На промерзлых дорогах снега было немного, так что мы смогли из окна автомобиля обозреть окрестную малообжитую холмистую местность с лесами и пашенными угодьями. Бедные дома контрастировали с богатыми почвами, и Курляндия в целом казалась цивилизованной страной по сравнению с Литвой, чьи поселения майор Хагеманн сравнивал с краалями кафров¹⁰⁴. И я не мог не признать, что он отчасти прав. В Курляндии усадьбы разбросаны, стоят поодиночке, заметно влияние первых вестфальских поселенцев. В Литве скученные деревни. Северная Литва в основном совершенно плоская. Мы говорили о том, что эти богатые, широкие просторы могли бы прокормить еще многих поселенцев и прокормят, если те захотят исполнить свой долг. Здесь не хватало усердного, аккуратного, опрятного немецкого крестьянина и прусского ландрата, строящего дороги и поддерживающего трудолюбие жителей государственными средствами. То, что эти восточные территории вследствие исхода Великой войны не присоединены к Германии, но и не оставлены под властью русской администрации, а также то, что большие области Пруссии достались польским хозяевам, означает невосполнимую потерю для цивилизации. Иностранцы, должно быть, читают это предложение с улыбкой, но я посоветовал бы им перейти где-нибудь между Мемелем и Одербергом русско-прусскую границу, в любом месте, где пожелают. У них возникло бы твердое ощущение, что они перешли рубеж цивилизации. Это касается и участка Либава — Мемель, хотя Курляндия, освоенная немцами и до сих пор управлявшаяся ими, все же самая цивилизованная из всех старых русских пограничных провинций вдоль германской границы.

В Кацдангене в одной из пристроек сожженного в ходе революции 1905 года замка, который до сих пор так еще и не был восстановлен, мы встретили майора Флетчера. Его владелец барон Мантейфель, несмотря на свою работу на благо общества, как друг Германии большую часть войны провел в Сибири и затем после русской революции, в 44 года, вступил на германскую военную

службу. Теперь он в качестве офицера, ответственного за поселение, числился при Железной бригаде.

Обсудить требовалось в основном отвоевание Виндавы, которая находилась в 70 км от теперешней линии фронта, к ней следовало выйти внезапно одной из долгих зимних ночей несколькими колоннами. Сомнение вызывало то, что при этом надо было прочно удерживать многократно атакуемый большевиками Гольдинген, чтобы не оказаться отрезанными. К счастью, первые части 1-й гвардейской резервной дивизии уже прибыли, так что я смог обещать ландесверу поддержку. Кроме того, я распорядился о том, чтобы Виндава одновременно атаковалась и с моря. В нашем распоряжении не было военных кораблей, однако мы поставили орудия на транспортные корабли и из них обстреливали гавань. Рядом должны были высадиться гвардейские стрелки.

Майор Флетчер был очень рад этой поддержке, план был реализован в конце месяца и после долгого, упорного боя привел к успеху.

Тогда у меня еще была возможность на мосту в Виндаве у Шрундена увидеть балтийских добровольцев и в Рудбарене — командира латышского батальона майора Колпака. Балтийцы произвели на меня замечательное впечатление и как мужчины, и как патриоты. Рослые, хорошей осанки, по большей части из крупной и мелкой буржуазии, гордые, с чувством собственного достоинства, они были готовы пожертвовать жизнью и комфортом за свое Отечество, которое с достойным удивления упорством защищали их предки в течение 700 лет. Тут можно было видеть несущих рядом службу поседевших мужчин и почти еще мальчишек. Царила та добровольная, идейная дисциплина, которая была идеализирована в «Вильгельме Телле» Шиллера и которая может быть лишь в том народе, в котором партийные и классовые различия были незначительны и далеко уступали бы общей любви к Отечеству. В балтийцах меня часто поражала сила этих людей, которые обладали характером господ, вне зависимости от того, стояли ли они высоко или низко, — таковы были осмеиваемые немцами филистерами «бароны», среди которых собственно баронов-то в действительности был лишь 1 % населения. Я хотел бы, чтобы немцы знали об этих побегах германского древа, которые в их войнах, длившихся столетиями, только укрепили свое племя.

Естественно, этим ставшим недавно солдатами людям не хватало военного опыта и образования. Главная их сила заключалась в воле, физической крепости, упорстве и предприимчивости,

которые особенно помогли им в спортивных достижениях и на длинных маршах.

Майора Колпака я встретил в большом замке Рудбарен барона Фиркса (в 5 км западнее Шрундена). Рядом с разграбленными большими кабинетами у него была маленькая комната, он скромно ограничился ею и как спальней, и как кабинетом, где он меня принял и гостеприимно пригласил на обед, который состоял из жареной оленины большими кусками, поданной в коричневых глиняных мисках. Я вынужден был говорить с ним через очень ловкого латвийского переводчика (наполовину еврея), и пока тот переводил, он недоверчиво смотрел на меня хитрыми, настороженными глазами. По оценке майора Флетчера, он был храбрым офицером, вполне подходящим командиром батальона. Он был по отношению ко мне очень дружелюбен, и совместное пребывание прошло при полном взаимопонимании. Латвийские солдаты с военной точки зрения произвели весьма хорошее впечатление.

К сожалению, этот мужественный человек в ходе дальнейшего наступления пал от немецкой пули. Одна латвийская и одна немецкая колонна должны были вместе взять деревню в обход, но принятые из-за ложного известия за врагов, обстреляли друг друга, с обеих сторон были убитые и раненые. С истинно латышским недоверием это, к сожалению, довольно часто случающееся на войне недоразумение было воспринято как преднамеренное с немецкой стороны, чтобы убить их «полководца». В конце концов, позже они и сами смеялись над этими обвинениями. Майор Колпак был похоронен в Либаве как национальный герой. Я, естественно, лично участвовал в церемонии погребения этого храброго солдата.

На обратном пути прямо перед Либавой, к взаимной радости, встретил только что прибывший добровольческий эскадрон Кнезебека 1-го гвардейского уланского полка — почти всех из моих старых испытанных ветеранов боев в Финляндии, с которыми я 2 месяца назад сквозь льды Балтийского озера вернулся назад на сильно изменившуюся Родину.

В Либаве в эти дни проходили войсковые смотры первых частей 1-й гвардейской резервной дивизии. Генерал Тиде, в войну неизменно надежный командир дивизии, в сопровождении своего одаренного начальника штаба капитана фон Рабенау гордо провел меня вдоль своих войск, состоявших в основном из гвардейских стрелков, 1-го гвардейского полка и полка Елизаветы под командованием его командира капитана фон Шаурота. Они производили столь блестящее впечатление, что даже у старого растроганного

солдата выступили слезы на глазах. Однако у Либавского солдатского совета они вызвали лишь большое недоверие. Мысль о том, что они «могут вновь восстановить армию 1914 года», была для этих заблуждавшихся старших унтер-офицеров непереносима. Так как эта германская армия вызывала восхищение и у друзей, и у врагов, то мне и всем национально мыслящим людям осталась бы непонятной часто высказываемая выше процитированными словами тревога членов солдатского совета, если бы, конечно, мы не знали, что мысли тупого немецкого филистера годами искусно направлялись умелой антантовской пропагандой. Поэтому я мог лишь иронично отвечать солдатскому совету: «Да, это, разумеется, попросту ужасающая мысль».

ОТВОЕВАНИЕ КУРЛЯНДИИ

После взятия Гольдингена и Виндавы я оказался перед необходимостью принять решение, нужно ли, опираясь на оба этих пункта, продолжать операцию левым крылом по железной дороге Виндава — Туккум — Митава и узкоколейке Газенпот — Шрунден — Фрауенбург или же она должна вестись правым флангом фронтально. Первый вариант разбился о недостаток подвижного состава. Было решено продвигаться выдвинутым вперед правым флангом по магистрали Либава — Муравьево — Митава, хотя сосед справа, бригада Шавли, был очень слаб, а соприкосновение с ним почти отсутствовало. Однако можно было надеяться, что весь полуостров Курляндия будет отрезан от своей базы, если удастся прорваться на направлении Митава — Шлок.

Поэтому сильнейшие части, вновь прибывшая 1-я гвардейская резервная дивизия, были отправлены на правый фланг, где они должны были приготовить крупные резервы за своим правым крылом. Железная дивизия освободила им место, получив более узкий участок и тем самым набрав ударную силу. Ландесвер, который должен был следовать за ней слева во второй линии, получил широкий участок, однако на серьезные бои там можно было рассчитывать лишь на правом фланге, где он поддерживался с фланга Железной дивизией.

Так как штаб корпуса по политическим причинам и при ненадежности с военной точки зрения такой базы, как Либава, должен был остаться там для ее укрепления, наблюдательный пункт был поручен вновь вернувшемуся в Прибалтику подполковнику фон

дем Хагену (Эберхарду), который должен был координировать действия Железной дивизии и ландесвера. Личность подполковника фон дем Хагена, необычайно выдающаяся своими человеческими качествами, испытанная на многих важных постах, а в Прибалтике он смог оказать новые услуги в сложнейших обстоятельствах.

По предложению Железной дивизии, ее переход на новый участок должен был последовать не за основным рубежом, а уже после выступления вперед, так что атака началась еще в ходе нового развертывания. 1-я гвардейская резервная дивизия 28 февраля выдвинулась из Либавы к своему участку, а с 3 марта, согласно установленным разделительным линиям, начались атаки обеих дивизий, получившие кодовое название «Оттепель».

Мне было столь симпатично предложение Железной дивизии, потому что я тревожился, что слишком раннее таяние снегов делает дороги непроходимыми и потому вся операция окажется под вопросом. Чем раньше начнется наступление, тем лучше будут перспективы. Правда, в конце концов, начавшаяся примерно 8 марта теплая погода не оказала неблагоприятного воздействия, так как по ночам вновь наступал мороз, а снега в Курляндии в 1919 году было не много.

Первой атакой должна была быть захвачена станция Муравьево в качестве базы снабжения, откуда составы могли потом отправляться как на митавское (Железная дивизия), так и на шавельское направление (1-я гвардейская резервная дивизия).

Наконец, Железная дивизия должна была сместить свою область развертывания на левый фланг, чтобы дать возможность находившемуся на правом крыле ландесвера латышскому батальону, не участвовавшему в отвоевании Гольдингена и Виндавы, совершить тяжелую переправу через Виндаву¹⁰⁵ у Шрундена.

Вся эта программа была выполнена.

По устному указанию командирам и офицерам Генштаба, движение должно было производиться многочисленными мелкими колоннами на лошадях, телегах, санях, по железной дороге (бронепоездами) по возможности быстро, чтобы внезапно и в обход во фланг выходить на пункты обороны. Следовало избегать фронтальных атак, поскольку для них не хватало боеприпасов, а вновь образованные добровольческие части не имели достаточной устойчивости. Благодаря тому, что были учтены эти моменты, удалось одержать достаточно быстрые успехи, причем порой с незначительными потерями. Однако немаловажным обстоятельством стало то, что магистраль Муравьево — Митава пришлось сначала

вновь перешить на немецкую колею, что привело к неожиданному промедлению. При этом из-за почти полного отсутствия обозов снабжение оказалось в полной зависимости от функционирования железной дороги. Из-за этого возникли отделенные друг от друга временными промежутками этапы операции.

В остальном каждый командир участка получил полную свободу действий в пределах указанных ему направлений.

Начало операции «Оттепель» с обозначенными на карте конечными целями планировалось на 3 марта. За нею 10 марта должно было последовать дальнейшее наступление «Ледоход». Его цель, к сожалению, не могла быть отнесена еще дальше, потому что, согласно приказу свыше, следовало надежно охранять железную дорогу Либава — Шавли — Ковно.

Еще до развертывания 1-й гвардейской резервной дивизии 26 февраля с помощью подчиненного ей отряда Шлентера смогли овладеть Тельше¹⁰⁶. 2 марта 2-й гвардейский резервный полк взял в ходе атаки в обход Невораны.

3 марта операция «Оттепель» началась взятием после тяжелого боя 1-й гвардейской резервной дивизией Тыршле, Пампельн был захвачен Железной дивизией, а Нойхоф южнее Шрундена — латышским батальоном.

Муравьево было занято Железной дивизией 3 марта, однако оно было вновь оставлено из-за подхода подкреплений и бронепоезда. Лишь 5 марта его, наконец, смогли покорить, когда с фланга вмешалась 1-я гвардейская резервная дивизия, ею также были захвачены Векшни и Окмяны. 7 марта бронепоезд “V” прорвался до Куршан и прикрыл правый фланг безостановочно прорывающихся вперед обеих храбрых дивизий, которые 8 марта в совместной атаке отбросили противника, занимавшего сильную укрепленную позицию западнее и южнее Леушева, поместье Ринген и сам Леушев были взяты. С взятием Попелян 8 марта смелой колонной майора графа Йорка, достойного носителя славного имени¹⁰⁷, цели наступления «Оттепель» уже были превзойдены, а правый фланг обеспечен на Шавельском направлении.

Блестящий ход первого акта наступления позволил перенести подальше цель второго этапа — «Ледохода». 9 марта был отдан приказ, чтобы операции развивались вплоть до рубежа Грузди — Шагоры — Нойенбург — Кандау — Тальзен.

Уже 10 марта после отдельных храбрых схваток цель операции «Ледоход» была достигнута, а дерзким прорывом бронепоезда “V” с двумя ротами 2-го гвардейского резервного полка был взят Шавли.

11 марта в ходе боев 1-я гвардейская резервная дивизия вышла на линию Грузди — Шагоры, 12 марта Железная дивизия после упорной борьбы взяла Альт-Ауц, 13 марта — Бенен у многократно превосходящего силами противника. 1-я гвардейская резервная дивизия двинула одну колонну за пределы своего участка в Мешкуце.

На этом главные бои обеих ударных дивизий в данном наступлении были завершены. Вырвавшийся вперед первый фланг существенно облегчил начавшееся 13 марта продвижение ландесвера, который в ответ на призывы о помощи прорвался до Туккума. Усиленными переходами германско-балтийским войскам удалось 13 марта выйти к Цабельну и Кабиллену, 14 марта к Кандау, 15 марта к Туккуму, Заатену и Фридрихсбергу. Еще левее на фланге 15 марта был разбит слабый гарнизон Виндавы, а 16 марта взят Тальзен. Повсюду балтийцев приветствовали как освободителей, местные большевики были повержены. Однако в Туккуме у них еще осталось время для того, чтобы забрать с собой многочисленных пленных белогвардейцев, которых, однако, удалось у них отбить в ходе удачного преследования в районе Шлока.

В ходе нового балтийского рейда только 15 марта правый фланг ландесвера (латышский батальон) прорвался аж до Блидена, и левый фланг Железной дивизии, завоевав победу в ходе кровопролитных фронтальных атак, остался далеко позади. Они выступили вновь и 17 марта вышли к расширенным целям операции «Ледоход».

При этом, однако, стал ощутим все более сильный нажим противника, особенно на границе 1-й гвардейской резервной и Железной дивизий, где в его распоряжении была железная дорога через Митаву. Таким образом, было ясно, что оставаться на рубежах, указанных высшими инстанциями, невозможно. Следовало считаться с вражескими контратаками, против которых мы находились на растянутой и ни в коей мере не благоприятной позиции. На запрос в армейское командование «Север», будет ли одобрено дальнейшее наступление на Митаву, пришел ответ, что «задача 6-го резервного корпуса будет выполнена с выходом на рубеж Шадов — Янишки — Митава — Шлок». Эта задача, конечно, первоначально могла быть лишь весьма ограниченной, однако мы были рады, что успехи наших храбрых войск содействовали тому, что армейское командование разрешило теперь отвоевать всю Курляндию и ее столицу Митаву.

В связи с этим 17 марта корпусу был отдан приказ продолжать наступление. Оно должно было развиваться с выдвинутым, как

и прежде, правым флангом, удары наносились до Бауска и Стальена через Аа до магистрали Митава — Фридрихштадт и по направлению к шоссе и железной дороге Митава — Рига, в то время как центр и левый фланг под командованием подполковника фон дем Хагена должны были наступать на Митаву с севера и по фронту. Существовала перспектива того, что сражающимся западнее Митавы войскам будет отрезан путь для отхода. Третий акт наступления был назван «Весенний ветер».

Не получив этого приказа, то есть не зная намерений командования корпуса и потому вопреки им, 17 марта майор Флетчер решил силами ландесвера атаковать Митаву с севера вдоль р. Аа. Так как переправа через Аа у Кальнцема была занята крупными силами противника, пришлось остаться на дороге от Туккума на Митаву. Наши планы атаковать Митаву в обход и отрезать большевикам пути отхода на Ригу из-за этого оказались неосуществимыми. Однако после 20-часового марша от Туккума до Митавы, примерно 60 км, и после короткого, но яростного боя Митава 18 марта была взята с запада.

Короткий и быстрый удар был предпринят самостоятельно, чтобы спасти жизнь взятым в плен балтийским немцам в Митаве, которым из-за германского наступления грозила опасность. Однако удару в том виде, как он был реализован, не доставало цели. Большевикам хватило времени на то, чтобы перебросить пленных в Ригу и расстрелять по дороге тех, кто при поспешном бегстве лишился сил. Трагедия балтийских немцев 18 марта 1919 года — подгоняемые бичами женщины и старики, падения на обочины шоссе, их жестокий расстрел — еще когда-нибудь привлечет внимание какого-нибудь из деятелей искусств и останется в памяти потомков, как и старая высокая европейская культура, как история о том, как благородная, счастливая жизнь людей была прервана азиатской реакцией. Мне запомнился один случай, как одна юная девушка, которая несколько месяцев спустя дала жизнь ребенку, отправилась в тюрьму пешком, чтобы ее вместе с любимым мужем отпустили из Митавы. Несмотря на издевательства, ее все же оставили, так как она была способна двигаться, однако только для того, чтобы, когда они уже благополучно добрались до Риги, ее муж после короткого допроса был расстрелян. Его преступлением было то, что он являлся начальником округа и снискал там славу замечательного, справедливого человека и гуманной личности.

Об отходе от планов штаба корпуса мы узнали в Либаве лишь спустя 36 часов из немного спутанной радиограммы ландесвера

«Местонахождение — Митава...». Железная дивизия немедленно была выслана маршем на Митаву на поддержку ландесвера, в то время как 1-я гвардейская резервная дивизия должна были идти на Бауск и Стальен.

Доблен Железная дивизия смогла взять лишь после тяжелого боя. Зато большевики под впечатлением от потерь под Митавой отошли без боя за Аа. Однако, начиная с 21 марта, последовали мощные контратаки на Митаву, которые три старших командира отражали с колокольни Митавы — не без проблем, но позиция должна была быть удержана до тех пор, пока к полю боя не приблизится длинная войсковая колонна Железной дивизии. После храбрых, но напрасных атак большевики осознали бесполезность их кровавых жертв и медленно отступили на Олай. Железная дивизия ударила им вслед и при содействии бронепоезда сумела завоевать то предмостное укрепление, которое ей было приказано взять.

1-я гвардейская резервная дивизия одновременно вела крупные оборонительные бои на занятом ей предмостном укреплении у Стальена и 23 марта вместе с отрядом графа Йорка одержала блестящую победу у Бауска, причем решающее содействие оказал храбрый фрайкор капитана фон Брандиса, взявшего форт Дуомон под Верденем. Занятый 2 тысячами русских город взяли после тяжелых боев, захватили богатые трофеи и 400 пленных из трех различных полков. Наши потери составили 1 офицер и 56 солдат.

Во время этих критических боев пришло известие, что большевики отвоевали Туккум, потому что ландесвер в ходе своего рейда на Митаву оставил в тылу только багаж. Положение, однако, было быстро восстановлено, ведь при перераспределении полос ответственности штабом корпуса Митава все же вновь была оставлена, и ландесверу из всей северной Курляндии пришлось зачищать и вновь успокаивать Шлок и Туккум. Латышский батальон был пока что введен в бой на правом фланге ландесвера у Кальнцама.

Вместе с тем операция достигла цели — почти вся Курляндия была свободна от врага. И все же эта весенняя операция произошла очень своевременно: тем самым удалось избежать весьма серьезной угрозы голода.

Я сам в ходе осмотра войск пришел в приподнятое настроение духа, ведь они были готовы к дальнейшим свершениям, однако их не разрешило германское правительство.

Так что пришлось оставить Ригу, город с полумиллионом жителей, под рабским ярмом большевистских комиссаров и на милость кнута голода.

Потери в марте составили:	
В 1-й гвардейской резервной дивизии	7 офицеров 139 нижних чинов,
в Железной дивизии	13 офицеров 159 нижних чинов,
в ландесвере	7 офицеров 37 нижних чинов, причем из них примерно 33 % убитых.

Потери были особенно высоки в Железной дивизии с ее небольшим боевым составом. Все войска сражались прекрасно. При небольших потерях ландесвера следовало думать о том, что главные свершения балтийских немцев были в завоевании Гольдингена и Виндавы в феврале.

Из захваченных вражеских приказов нам стало известно, что мы сумели своим наступлением предвосхитить атаки врага, которые начались бы в середине марта с отвоеванием Виндавы и Гольдингена и там велись бы в обход с севера на Либаву. Едва ли следовало сомневаться в том, что это большевистское наступление имело большие перспективы успеха. Ведь армейский корпус после прибытия 1-й гвардейской резервной дивизии оказался растянут на широком фронте, резервы были очень невелики, железнодорожные сообщения для переброски войск на север — весьма убогими.

Отсюда следует, сколь верной была оценка положения, что только посредством наступления можно было защитить Восточную Пруссию, ведь понесенные потери спасли от катастрофы не только Восточную Пруссию, но и, наверное, всю Германию, так как победа русских большевиков на восточной германской границе привела бы к развязыванию и так угрожавшей ей тогда второй революции. Главная сила их способа ведения войны состоит во взаимодействии большевиков внешних и внутренних.

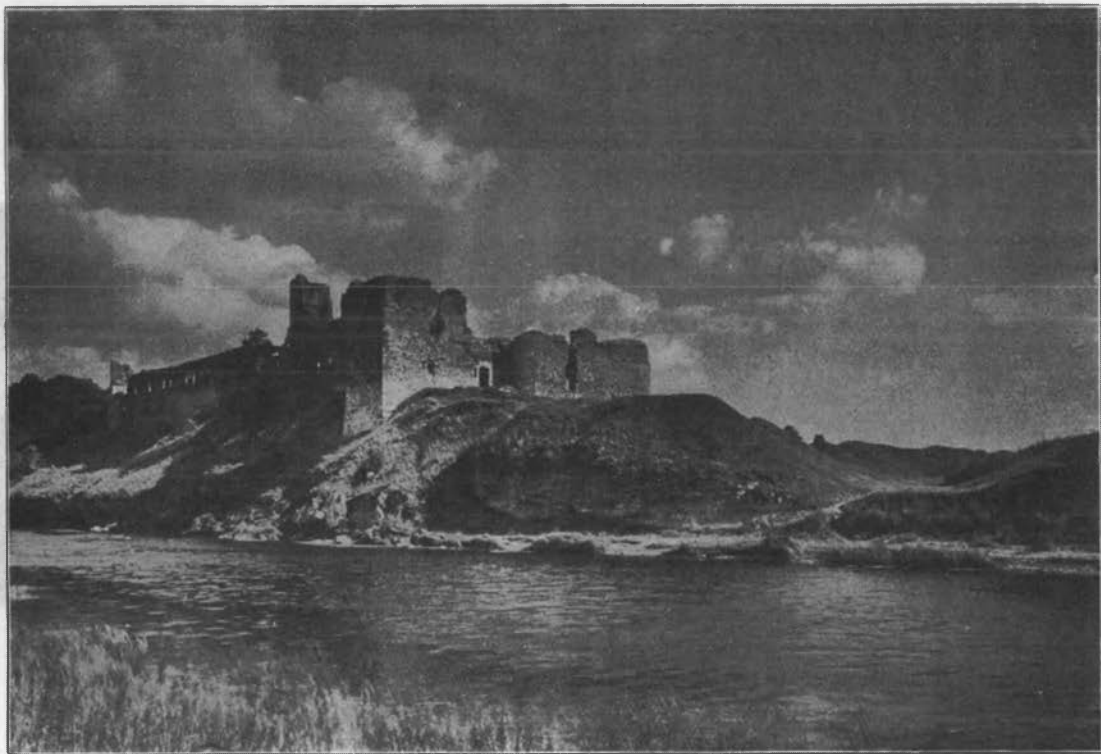
Борьба с большевизмом может вестись только наступательно, потому что главным их оружием является пропаганда, которая может легко покорить застывшие в обороне войска. Кроме того, однако, теперь с военной точки зрения большевики были слишком слабы, чтобы во время вражеских атак иметь на всех участках достаточно крупные силы.

Майор Хагеманн

Капитан фон Ягов

Руины орденского замка у Бауска

ЭФФЕНТ ПОБЕД

Мартовским наступлением русские большевики хотели начать мировую революцию, о которой они хвастливо заявляли в своих радиogramмах «Всем!». И тем бóльшим должно было быть их разочарование, что они вновь оставили широкую и плодородную полосу уже завоеванной территории. Они потратили 2 месяца, чтобы прийти в себя от этого удара, уходя в то же время от наших ударов, которые осуществлялись от Бауска на глубину до 20 км, и лишь в конце мая предприняли достаточно крупное контрнаступление. Они никогда бы не смогли его провести, если бы мы использовали победу в полной мере, развив преследование через Западную Двину, и вышли бы на р. Эвст¹⁰⁸. Однако указание на то, что это возможно, встретило непонимание командования, ведь разбитая Германия не могла бы себе этого позволить без того, чтобы не нарваться на столкновение с Антантой.

Антанта, однако, тогда еще не так, как позже, осознавала опасность большевизма. Она, как мне сообщил американский посланник в Либаве, все еще опасалась побежденной Германии больше, чем победоносно распространяющегося большевизма.

В Германии при столь высокой уверенности в победе в ходе войны пережили такое поражение, что почти никто более не верил, что теперь они смогут проводить активную политику. Даже в правых партиях такое полагали чуть ли не фантазерством. А на министерских постах сидели пацифисты и идеологи, которые надеялись на вильсоновскую «справедливость». Если учесть нынешнюю беспомощность Германии перед лицом внутреннего большевизма, подпитываемого из России деньгами, пропагандой и людьми, а также ее безоружность перед Версальским миром, то каждый должен был согласиться: вряд ли было бы хуже, если бы мы, несмотря на требования Антанты, вместе с Деникиным и Колчаком нанесли бы смертельный удар большевизму, чем исключили бы большевистскую опасность, угрожавшую Германии, открыв для нашей экономики значительные пространства, а будущая буржуазная Россия стала бы нам новым другом и союзником против мировой империи Англии. По моему мнению, в этом заключалась последняя надежда Германии как во внутренней политике, так и во внешней. Цель была столь велика, что умелая дипломатия, если бы решилась пойти на некоторый риск, вполне могла вывести нас из отчаянного положения. Однако над берлинским асфальтом распространяется

столь одурманивающий воздух гибнущей культуры, что, видимо, мужественные решения в такой атмосфере принимать просто невозможно. Возмущение позицией, которую занял Берлин, в остальной Германии на тот момент еще не привело к соответствующим действиям.

Так что в отношении «авантюристской политики графа фон дер Гольца», за которую я так отчаянно боролся с марта по октябрь 1919 года, понимания, а уж тем более спокойного терпения было немного.

Ежевечерне в мою штаб-квартиру в Либаве приходили известия о победах, которые на Родине у все еще не выродившегося побежденного народа пробудили такую гордость и воодушевление, что, несмотря на неудачный исход войны, становилось понятно, что старый геройский дух и слава германцев все еще не истощились. Однако из всех только наше руководство в армейском командовании в Бартенштейне в Восточной Пруссии выразило глубочайшую признательность нам за воинские свершения, ведь общественное мнение узнавало о них только из прессы, где они изображались в сколь преуменьшенном, столь же и осуждающем духе. Солдат там, в Прибалтике, гордый своими подвигами, читал о них в газете в весьма искаженном ключе, убеждаясь в первую очередь в том, как мало его понимают на Родине, словно целый мир отделял его от своих же соплеменников. Именно тогда возникло то ошеломляющее противоречие, из-за которого, в конце концов, и было потеряно будущее Германии на Востоке.

Однако еще меньше наши подвиги встречали понимание в Либаве. Солдатский совет опасался за влияние своей позиции, как если бы против них в Курляндии создавались фронтовые части, которые бы вновь воодушевлялись идеализмом настоящих солдат, старым духом пруссачества. В этом ключе он и направил доклад в Берлинский центральный совет, и в прессе независимой социал-демократической партии, прежде всего в «Фрайхайт»¹⁰⁹, ежедневно начали появляться бесконечные статьи и тягчайшие обвинения в адрес генерала, который, казалось, совершенно не собирался приспосабливаться к политике новой революционной Германии. Чем более, однако, командира шельмовали в отечественной прессе, тем сильнее отдалялись лучшие частицы войск от своей Родины. Интернациональные демагоги, в основном ненемецкого происхождения, отравлявшие общественное мнение в Германии, стремились лишь к внутривнутриполитическим и партийным интересам, ведь немецкий народ они считали лишь «немецкоговорящей смесью на-

родов» (согласно Вильгельму Раабе), которому никогда не удастся вернуть себе чувство общности и национальное самосознание, и также полагали, что в жизнь должна воплотиться только диктатура самого низшего класса, ведомого интернациональным капиталом.

Прочие же слои населения за 4 года войны и недоедания, а также из-за огромного постигшего их разочарования, были столь подавлены, что страх перед радикальной прессой и Антантой многократно превосходил благодарность и гордость за последние победы Мировой войны. Геройство и ощущение одиночества связаны неразрывно.

Никакой благодарности за отвоевание страны мы не получили и от латвийского населения. Несмотря на вполне справедливые постоянные заверения со стороны правительства и прессы в том, что Германия в ее теперешнем положении не может и думать о захвате территории на Востоке, у латышей было только то ощущение, что они сменили хозяев, и даже выпущенное самим их правительством воззвание к народу и войскам имело девиз: «Сначала большевики, затем немцы». Однако некоторые круги в правительстве и сами держались того мнения, что независимость Латвии может быть достигнута лишь в борьбе против и Германии и России, то есть при полнейшем бессилии обеих держав. Однако условием для такого развития событий становилась мировая революция, хаос. Так что самостоятельная *Latwija*¹¹⁰ могла возникнуть лишь на большевистской почве. Относительно благоразумные круги под руководством Ульманиса и Вальтерса, попросивших германской помощи при весьма широких обещаниях за нее, разумеется, понимали, что означает большевизм для Латвии, и хотели бы одолеть его, однако все же не были довольны и немецкими победами и во всем полагались на Англию. Поэтому господин Ульманис никогда не благодарил меня, а лишь однажды выразил свое «удовлетворение», и то лишь тогда, когда ему чего-то было от меня надо и я сам спросил его, рад ли он тому, что значительная часть его страны вновь свободна от большевизма.

Разумеется, в латышской позиции была своя правда. Однако недоверчивость латышей, стремившихся к полностью самостоятельной Латвии, должна быть направлена не против Германии, а против России. Восстановившейся России было бы очень тяжело лишиться балтийского побережья, и, конечно, эстонского в особенности. *Latwija* и *Eesti* поэтому постоянно испытывали бы угрозу со стороны России. По моему мнению, у них вообще нет никаких шансов на существование. Без должным образом образованной элиты

(после изгнания балтийских немцев), с преимущественно пробольшеви́стски настроенным населением в городах и на селе, без достаточного количества жителей на неосвоенной территории, без какого бы то ни было опыта администрации и даже ее начатков у латышей остается только выбор между английской колонией или автономией в составе русской империи, в случае если они не хотят опять стать русской провинцией. Однако если они, как в 1919 году, выберут стать английской колонией, то восстановившаяся Россия попросту сделает их своей провинцией. Ведь Англия не сможет на долгое время удержать свои владения на Балтике, и Россия никогда не забудет латышам, которые в качестве гвардии Троцкого осуществили вторую революцию, установив господство большевиков в Москве и Петербурге, что свою так называемую независимость они получили от Англии. А вот Англия в случае большевистского натиска принесет Латвию в жертву и, в отличие от Германии, ради латышей не отправит туда ни единого человека¹¹¹.

То, что Антанта с недоверием отнеслась к германским победам, после вышесказанного кажется вполне очевидным. Между тем поначалу это проявлялось достаточно незначительно.

Из Англии в конце февраля в Либаву прибыла специальная комиссия, которую возглавил майор Генерального штаба Кинан, до войны торговавший льном в Пернау¹¹² к северу от Риги. Вместе с ним был еще и бывший рижский лесоторговец. Оба прибыли в Либаву в основном за тем, чтобы заключить для Англии торговые соглашения, в которых они, разумеется, были в первую очередь заинтересованы сами. Так как эти коммерческие вопросы следовало решать с Латвией, а не с Германией, то их интересы касались лишь торговых переговоров с латвийским правительством. Несмотря на это, в ходе продолжительного первого визита мистера Кинана, когда он отрекомендовался как дипломатический представитель, я вполне поладил с ним и попытался в интересах Германии убедить его в целесообразности нашего пребывания и нашей борьбы в Латвии. В нашем положении мы, немцы, могли бы достичь своих целей только в том случае, если бы Антанта признала необходимость борьбы с угрожающей всей Европе опасностью большевизма и при этом смирилась бы с тем, что на передовой этой схватки находится Германия. Поэтому, чтобы достичь означенной цели, я потратил достаточно много любезности и дара убеждения.

Это вполне удалось мне в переговорах с весьма по-человечески приятной, благоразумной и менее заинтересованной в коммерции американской комиссией во главе с мистером Грином. При все

более усложняющейся ситуации она пыталась объективно оценивать германские интересы и по возможности поддерживать их. Спустя месяцы после их ухода я все еще оставался им признателен. Именно американцев следует благодарить за то, что становившиеся все более напряженными отношения с мистером Кинаном не привели нас к открытому конфликту еще раньше.

Ведь та искусная и раболепная манера, в которой бывший торговец свининой, опытный во всех рабских уловках Ульманис опутывал сетями английских купцов, навязывая им только латышскую точку зрения, привела к тому, что очень скоро Кинан встал на его сторону. Кинан, казалось, испытывал особую симпатию к господину Ульманису, ежедневно устраивал с ним дружеские встречи и безоговорочно поддерживал неестественное стремление Латвии к независимости, от которой Англия пока что могла только выиграть и политически, и экономически. Все пожелания Латвии относительно германских оккупационных властей Кинан отстаивал в очень невежливой форме, не прислушиваясь к точке зрения немецкой стороны. Так что я был вынужден указать ему на рамки его полномочий, не собираясь ни отдавать германских хозяйственных прав военного времени, ни уступать латвийским требованиям, которые угрожали безопасности германских войск. Кинан понял, что я как главнокомандующий в Латвии и представитель ведущих военных действия германских властей отстаиваю свою точку зрения в интересах авторитета и влияния Германии, и по этой чисто деловой причине до открытого противостояния между нами не дошло. Только равноправное положение как побежденных немцев, так и победивших англичан было не только самой достойной, но и самой мудрой позицией.

ЛАТЫШСКОЕ «СОДЕЙСТВИЕ»

Спорными между командованием германского корпуса и военной администрацией, с одной стороны, и латвийским правительством — с другой, были вопросы германской оккупационной власти, принудительной мобилизации латышского населения и полномочий полиции в Либаве.

Мои офицеры Генштаба получили от меня указание выказывать твердую волю к поиску компромисса, однако требовать того же и от другой стороны. Далее были необходимы обеспечение компетентного военного руководства, открытое и честное соблюдение

прежних договоренностей и соглашений, если не условились о переменах, и безоговорочная совместная борьба с большевизмом.

К сожалению, все более выяснялось, что члены правительства Латвии не выполняют ни одно из этих очевидных условий. Но мажорит с себя они снимать не желали. К взаимопониманию с нами не стремились, обманывая нас, где только возможно. Они ежедневно нарушали старые или только что заключенные договоренности, порой ненавидели немцев больше, чем большевиков, а особенно низко опустили «военный министр» Залитис и господин Гольдманис¹¹³, который в войну занимался развертыванием сражающихся теперь на стороне большевиков стрелковых полков; к тому же всем министрам решительно не хватало даже элементарных военных познаний. Поэтому все переговоры изначально были обречены на то, чтобы остаться бесплодными. Сам я имел дело только с Ульманисом и Вальтерсом, министром внутренних дел. Однако и здесь спокойное обсуждение с перспективой достижения взаимопонимания было исключено. Оба господина, а в особенности же Ульманис, постоянно уходили от темы, как только она становилась им неудобной, и вечно разыгрывали сцену с притянутым за уши¹¹⁴ волнением. У меня постоянно складывалось впечатление о них как о прожженных спекулянтах, для которых в привычку вошло обманывать своего партнера при заключении сомнительной сделки.

Требовали, чтобы Германия больше не имела оккупационной власти, как в войну, а оставалась только «вспомогательной силой» для нарождающегося латвийского государства, и соответственно распределялась и командная власть. Жаль только, что «вспомогательной силе» не хватало силы главной, с соответствующе образованным военным главнокомандующим и Генеральным штабом. Я же, напротив, выдвигал требование единого командования для численно превосходящей и значительно более компетентной в военном отношении военной силы на фронте и в Либаве, что было бы в интересах обеих сторон, а мы бы обязались не стремиться ни к каким завоеваниям. Без подобного единства и без отстранения господина Залитиса от распределения войск значительного ослабления фронта было бы не избежать. Только единое командование смогло бы обеспечить безопасность занятых территорий, на железных дорогах, телеграфе, в тыловых пунктах. На участках, выделенных ландсверу и латышскому батальону, последние, разумеется, могли быть самостоятельными. В отношении этих требований я встретил лишь незначительное понимание, хотя Залитис посто-

янно требовал для себя права самому распоряжаться перемещениями латышских войск.

Далее требовали, чтобы вооруженные силы Латвии были усилены за счет принудительной мобилизации. Эти мероприятия были бы желательны, так как вербовка добровольцев давала очень хорошие результаты среди балтийских немцев, но не у латышей. Согласно заключенному в декабре соглашению, должны были быть развернуты 18 латышских рот. Однако к марту удалось с трудом образовать лишь один батальон, так что балтийцам, которым было позволено составлять лишь одну треть латышской армии, принадлежит главная заслуга в отвоевании Курляндии, и они понесли самые большие кровавые потери.

Требуемая обоими друзьями большевиков — Гольдманисом и Залитисом — принудительная мобилизация означала ни много ни мало вооружение и обучение большевиков в занятых областях, а значит, и опасность большевистского завоевания изнутри, в тылу германских войск и помощь красным латышским стрелковым полкам на фронте со стороны зараженных большевизмом новых латышских формирований. Сами пропагандистские листовки правительства, латышские газеты, множество покушений и зафиксированный саботаж на хозяйственных работах со стороны первых же призванных показывали, что те перебегут к противнику при первой же возможности, так как считают, что их истинным врагом являются немцы. К сожалению, я из-за дурных советов в первое время моего пребывания в Курляндии одобрил пробные призывы в нескольких предположительно не затронутых большевизмом районах, но сразу запретил их после первых же негативных результатов и отстаивал этот запрет, невзирая на постоянные запросы со стороны английской комиссии и обращения американцев, которые, впрочем, постепенно убедились в правоте моей позиции. То, что призыв в Либаве невозможен, признавало и правительство. Запрет министром Вальтерсом собраний социал-демократов был обоснован так: «Так как большая часть присутствующих — большевики».

Именно поэтому я как губернатор Либавы должен был задержать раздачу 5000 винтовок и многочисленных пулеметов, которые английское правительство прислало для латышских войск на пароходе «Саратов». Я приказал, чтобы пароход остался во внешней гавани и стоял там на рейде под охраной германских солдат. Латыши попытались обойти этот приказ как могли, началась непрекращающаяся маленькая война, однако, несмотря на то что нам часто приходилось уступать, мы все же добились того, что было

выдано только необходимое для обучения рекрутов из окрестных районов оружие и боеприпасы к нему, а рабочим Либавы никакого оружия в руки не попало.

Из вышесказанного уже следует, что я просто обязан был отклонить третье латышско-английское требование, то есть о передаче полицейской власти в Либаве латышам, если хотел обеспечить безопасность моей либавской военной базы. Пойди я им навстречу, мы попросту оказались бы в руках латышей, ничего не зная о положении в рабочих кварталах и теперь обязавшись повиноваться им, хотя безопасность Либавы в основном держалась на германских штыках. Конечно, я должен был заявить латвийским министрам, что эти штыки доверены все еще полуреволюционным частям. Однако латыши точно знали, что я неустанно стремлюсь улучшить эти войска.

В частности, я уступил латышским пожеланиям в полицейском вопросе. В полицейско-президиуме уже долгое время служили сотрудники-латыши, которые прекрасно взаимодействовали с немцами, а увеличение их количества было вполне желательно уже потому, что мы позднее смогли бы передать им администрацию. К тому же сохранение германского военного управления было в интересах прежде всего всех, кто желал поддержания порядка в Либаве.

Пока латвийское правительство раз за разом просило уступок в и так нередко возникающих в ходе переговоров спорных вопросах, подчиненные ему инстанции, явно провоцируемые «военным министром» Залитисом, почти ежедневно позволяли себе крайне оскорбительные нападки. Германские документы не признавались, лошади, закупленные евреями-коммерсантами для Германии и уже оплаченные, были уведены прямо из конюшен, была выставлена латышская охрана, которая могла помешать перемещениям германских частей, а одно из германских депо пополнений подверглось налету. Один баварский офицер резерва по фамилии Гольдфельд, который во главе своей части отказался подчиняться майору Флетчеру, был принят в латышскую армию и избежал наказания со стороны германских властей. Когда по этому поводу потребовали извинений и компенсации, обещано было все, но не сделано, по возможности, ничего. Несмотря на то, что латвийское военное министерство и штаб германского корпуса поддерживали постоянную связь через офицеров, при той всеобщей германофобии, хитрости и манерах тогдашних латвийских министров, почитавших открытость и честность ложью, а вежливое обращение слабостью, трудности не прекращались.

Среди бесчисленных примеров, обличающих поведение латвийского правительства по отношению к нам, я хотел бы выделить отдельно один, когда оно, несмотря на договоренность о прямо противоположном, непосредственно после взятия немецкой кровью Митавы выслало туда латышского коменданта, который собирался принять на себя командование и приказал расклеить листовки, настраивающие население против балтийцев и немцев. Так как майор Бишоф с Железной дивизией вел бои прямо под городом, он не мог стерпеть такого самозванного и враждебного ему командования и тут же вполне справедливо арестовал коменданта, как только тот стал дерзить ему и отказался повиноваться.

В один из дней латвийское правительство все-таки нашло начальника Генерального штаба для своих вооруженных сил в лице русского генерала Мисевича¹¹⁵, однако тот не счел необходимым представиться мне как официально признанному 27 марта Ульманисом командующему латышскими войсками.

При этом, согласно договорам, заключенным посланником¹¹⁶ еще до моего прибытия, все подразделения ландесвера получали жалованье от Германии, ею же снабжались и вооружались. Более того, еще в январе 1919 года правительство заявило о своем согласии с тем, что часть продовольствия и лошадей для германских войск будет закуплена в Латвии, и латышское население, естественно, охотнее брало германские деньги наличными, нежели латвийские квитанции о реквизициях, которые планировалось погасить только в течение 3 лет.

Переговоры с правительством Латвии шли по возможности при посредничестве доктора Бурхарда, представителя господина Виннига, нашего посла, остававшегося в Кёнигсберге. Господин Винниг за 9 месяцев моего пребывания в Прибалтике не появился там ни разу, так как он, как обер-президент¹¹⁷, был лишен такой возможности. Доктор Бурхард в течение первых важных 5 месяцев половину времени отсутствовал по служебным делам, причем почти всегда в моменты, когда принимались важные решения. Представителем этого представителя был доктор фон Эрдманнсдорф, который, так же как и доктор Бурхард, всегда меня поддерживал. Поскольку, однако, речь шла почти исключительно о военных вопросах, то я как командующий примерно 30–40 тысячами человек, естественно, в них имел решающее слово. Разумеется, я должен был в интересах дела, которому был предан всей душой, постоянно обеспечивать согласие и с политическими представителями. И это мне всегда удавалось. Заместитель уполномоченного при

правительствах Латвии и Эстонии и я прекрасно взаимодействовали даже в самых сложных обстоятельствах. Мы с доктором Бурхардом всегда были единого мнения о том, что с министрами освобожденной нами от русского ига Латвии следует говорить лишь «по-немецки», если вообще желаешь от них чего-либо добиться.

В то время как в Германии и в комиссии по перемирию в Спа под предводительством Эрцбергера полагали добиться благосклонности Антанты все большей уступчивостью и тем самым все более попадали в зависимость от нее, мы говорили холодное «нет» тем латышским и английским требованиям, которые противоречили германским интересам. Это очень задевало тщеславие господина Ульманиса, зато защитило Латвию от большевизма и обеспечило безопасность германских войск. Наверное, без сомнения умный господин Ульманис чем дальше, тем больше соглашался с тем, что столь не нравившемуся ему тогда энергичному германскому вмешательству он обязан сохранением Латвии как небольшевистского государства. Чем более горький опыт он постоянно получал со своими английскими покровителями, тем более начинал осознавать, что может провести через все опасности свое новое государство с помощью только одного-единственного политического курса.

ДОРОГИЕ КУМОВЬЯ

Я постоянно рассказывал представителям Антанты, что после взятия Виндавы мы обнаружили там целые кипы большевистских листовок на английском и французском языках, что было еще одним доказательством империалистических целей большевиков, стремившихся спровоцировать мировую революцию.

Впоследствии мы часто говорили о большевизме, который доктринеры-недоучки всех стран все еще полагают неким мировоззрением, о котором стоит рассуждать. В ответ я заявил им, что это мировоззрение пресыщения культурой и отказа от нее нашло своих пророков в Толстом и других азиатах, отвергших европейскую цивилизацию, и что выродившиеся обитатели больших городов испытывают к ним смутное почтение, но главными сторонниками его являются преступники и хулиганы всех мастей. На место цивилизации, которая, конечно, имеет свои слабости и теперь демонстрирует некоторые прискорбные признаки упадка, они хотели бы водрузить грубейшее бескультурье, распущенность и варварство.

Победи они, и все приличные люди и все собственники обратятся в рабов, которых каждый сможет арестовать или убить, ведь от них будут ожидать враждебности, и в первую очередь все слуги прежнего государственного строя. Так большевики поступили в России, Финляндии и в Прибалтике, так же свое вступление большевизм отпраздновал бы и в остальных странах Европы. Сердечность, воля, душа, разум и характер были бы поработаны силой и зверской подлостью. Тогда прекратилась бы всякая цивилизованная жизнь, а с ней исчезли бы и все человеческие изобретения и сооружения, что при безработице, истреблении интеллигенции и выхолащивании образования настало бы само собой. Предотвратить этот неслыханный кошмар было долгом всех культурных наций, которые после долгой войны смогли бы собраться воедино ради совместных свершений.

Понимание своих взглядов я встретил у французского капитана Шаппея, который прибыл в Либаву на несколько дней, а я позаботился о том, чтобы сориентировать его в положении на митавском фронте. Однако этот хорошо образованный человек был белой вороной среди своего переполненного ненавистью народа, который не мог забыть четырех лет германской оккупации и пытался убедить целый свет в том, что американо-английско-французская победа над сражавшейся на два фронта Германией была победой только французской.

Постепенно я снискал понимание у прибывшей лишь в начале апреля американской комиссии. Однако англичане в Либаве относились ко мне абсолютно негативно. Они были купцами и хотели проворачивать свои дела. Ни на что другое у людей, полагающихся на неодолимость английской мировой империи и презирающих все прочие народы, попросту не хватало широты мышления. И они годами наполнялись ненавистью к Германии и поддерживали своих так же настроенных коммерческих партнеров латышей уже потому, что, по их мнению, большевистские настроения последних под английским господством попросту исчезнут.

Таким образом, мое намерение разрешать с англичанами сложные вопросы, возникающие по ходу дела, посредством устных переговоров оказалось невыполнимым. Отвечать на английское зазнайство резкостью противоречило как моим, так и майора Хагеманна понятиям о национальной гордости.

Когда однажды вечером по поручению английского адмирала ко мне явился один молодой морской офицер, который, пока подготавливался ответ, бродил по комнате с высокомерной миной,

то он получил вместе с первым и второе письмо, где я жаловался на его невоспитанность. Адмирал высказал свое сожаление по этому поводу.

На письмо адмирала, также неподобающее по тону, был дан ответ, проект которого ради одобрения формы и содержания переслали в тогдашнее военно-морское ведомство. Оно, конечно, одобрило требование, не став придираться к форме. Однако я не мог согласиться с мнением моего флотского советника, который полагал нецелесообразным для побежденного сопротивляться владыке морей Альбиону. Этому блестящему господину были настолько омерзительны лишившиеся чести немецкие «голубые куртки»¹¹⁸ в дни революции в Киле, что он усомнился в своем народе и хотел вовсе отвернуться от него.

Однако я и мои ближайшие советники желали показать победителям, что последние военные представители Германии за рубежом исповедуют принцип «все потеряно, но только не честь».

Моим советником по вопросам взаимоотношений с Антантой и латышами был майор Генерального штаба фон Вестернхаген, коренной немец, который так же, как и капитан фон Ягов, был менее темпераментен, нежели майор Хагеманн или я. Он пытался, насколько это было возможно, улаживать разногласия посредством настоящего увещевания и логически обоснованных писем с ответами. К сожалению, по нашим нынешним временам фон Вестернхаген был недостаточно коммуникабелен при личном общении и сразу прямо высказывал свое мнение. Поэтому в июле он был отозван из-за жалоб гражданских чиновников. Сколь немногие истинные немцы от Лютера и до Бисмарка были предупредительными! Но в современной Германии человек может выдвинуться не благодаря уму или характеру, а лишь с помощью своей обходительности. Для парламентария, конечно, к этому прилагается и еще одно важнейшее качество: такая находчивость, которая не предполагает необходимости брать на себя ответственность.

Итак, англичане в зависимости от тона их писем быстро получали логически обоснованный, но либо ироничный, либо грубый ответ. Это был не самый достойный, но самый разумный способ обращения с ними. Ведь рабские натуры они презируют.

Однажды майор Киган послал мне письмо с угрозами из-за того, что какая-то подчиненная инстанция забрала древесину с одного из крупных немецких складов еще военного времени, которую англичане собирались использовать в деловых целях. Я уже отвечал ранее, что майору Кигану стоило бы по вопросам, спорным,

по его мнению, снести с посольством. Вместо этого к письму была приписка: еще одно изъятие древесины будет стоить моим ландверистам их голов, а также предупреждения о возможном разрыве перемирия. Майор Хагеманн, занимавшийся этим письмом, принес мне два наброска ответа: один спокойный и деловой, а другой грубый. Я решил в пользу второго, в котором говорилось: «Если это должно расцениваться как благодарность за освобождение Курляндии дорогой немецкую кровью и на основании совершенно односторонней оценки ситуации латышами будет причинен вред моим невиновным соотечественникам, то я немедленно предложу большевикам очищение и сдачу Латвии и английской комиссии».

Я повторно обратил внимание комиссии Антанты на то, что оставление Латвии действительно станет для нас необходимым, если будет дано разрешение на осуществление их требования принудительной мобилизации. В занятых нами областях ее не последовало.

Чтобы доставить нам неприятности, Англия блокировала подвоз морем в Либаву, так что все стало зависеть от железной дороги. Было бы куда лучше, если бы можно было использовать железную дорогу Тильзит — Митава. До сих пор у нас была только ветка Мемель — Прекульн. Поэтому я порой задумывался о том, чтобы оставить Либаву и перебазироваться на Мемель, однако затем отказался от этой мысли. Хотя преимуществом ее было бы то, что она оставляла латвийское правительство и комиссию Антанты наедине с либавскими рабочими и латышскими солдатами в тылу еще до того, как они были в достаточной мере обучены.

В моем дневнике есть такие слова: «Я бы куда охотнее был изгнан Англией или нашим правительством за чрезмерную энергичность, чем вялым лавированием между местными врагами немцев поставил бы под угрозу себя, мои войска и положение Германии. Возможность первого я постоянно имею в виду, однако мне на это совершенно наплевать»¹¹⁹.

С другой стороны, при всех этих гордых отражениях английских и латышских нападков, я все же всегда исходил из того, что не следует создавать дополнительных трудностей германскому правительству в его и так тяжелом положении. Поэтому постоянно избегал силовых акций и кровопролития по отношению к латышам. Я никогда не отрезал пути к переговорам, ведь я говорил себе, что сколь бы мало ни зависело от моего поста, который являлся настоящим мучением, моим преемником здесь мог бы стать только

генерал из Латвии или же ставленник Англии. А в этой ситуации германского генерала уже быть не могло. Прежде всего, однако, я не хотел неумелыми действиями уничтожить перспективы на будущее.

11 апреля ко мне лично явился английский контр-адмирал и коротко заявил: «Если Вы хотите взять Ригу, я сниму блокаду».

«Такого приказа у меня нет, однако я сообщу об этом. Атака на Ригу с суши в настоящий момент не имеет перспектив, так как Тирульские болота затоплены, а проходы очень узки. Напротив, ландвер мог бы под защитой английского флота высадиться у Динамюнде или около него, атаковать Ригу с севера, пока остальные части 6-го резервного корпуса будут наседать вдоль дорог от р. Аа». В остальном же я обратил его внимание на то, что при нынешней линии обороны снабжение морем просто необходимо и что немецкие добровольцы уже угрожают вернуться домой, потому что прекращение с 7 марта снабжения по морю делало довольствие войск все более трудным делом.

Разговор был немедленно передан по телефону в Бартенштейн, однако с германской стороны на мое предложение ответили отказом. Там не хотели зависеть от Англии. И это, разумеется, было во многом правильно. С другой стороны, приходилось раз за разом пытаться улучшить германские позиции в Прибалтике за счет взаимодействия по возможности с англичанами. Тогда я еще надеялся, что посредством совместного взятия Риги все участвующие державы смогут сделать первый шаг к образованию интернационального фронта против большевиков.

Англичане никогда более не возвращались к этому, вероятно, импульсивному запросу своего адмирала. Наверное, для них это была всего лишь случайность.

Ульманис приобретал все большее влияние на англичан — чем больше были наши военные успехи, тем более сложным и неблагоприятным становилось наше положение.

И латыши, которые и не думали поблагодарить за отвоевание Курляндии, о котором они едва упомянули в газетах, через англичан требовали непременно захвата Риги нами, одновременно жалуясь на так называемые покушения немцев на «самостоятельное государство Латвию». Однако, когда американцы поставили 200 т муки (!)¹²⁰ для Либавы, в газетах последовал официальный хвалебный гимн Америке с указанием, чтобы город украсился флагами. «И это все, чтобы заткнуть глотку этим рабским душонкам», — значит в моем дневнике.

В конце этой безрадостной главы, впрочем, я хотел бы вспомнить о других строках моего дневника, где значится под 11 марта в 3 часа дня:

«Только что мимо проехал Ульманис в автомобиле, рядом с ним справа господин Кинан, чувствуя себя очень приподнято. Однако я прямо-таки вижу будущее: Латвия стала английской колонией. Храбрые герои впереди — Йорк, Шаурот, Рабенау, Бишоф — за что они сражаются? Им никогда не придется пожинать плоды. Но одного они все же сумели добиться: немцы вновь поверили в немецких героев.

Будьте неустрашимы — однажды будет заря,
И за зимою придет новая весна!»

КОНЕЦ ЛИБАВСКОГО СОЛДАТСКОГО СОВЕТА

Рука об руку с сопротивлением англичанам и латышско-большевистским проищем на занятой территории приходилось вести борьбу с нападками и властолюбием германского солдатского совета. И это было тем необходимее, что солдатский совет поддерживал тесную связь с латышскими полубольшевистскими вожаками рабочих, враждебными немцам, особенно с городским головой Либавы Бушевицем, который по своей партийной принадлежности был независимым социал-демократом. И здесь вновь было продемонстрировано, как немецкие радикалы без зазрения совести сотрудничают с врагами Германии, когда того требуют партийные интересы. Однако, если я хотел достичь своих целей вопреки противодействию латышей и англичан, мне нужны были хорошие, дисциплинированные войска, которые будут подчиняться только мне и своим военным командирам. То, что удавалось сделать в феврале и марте в отсутствие хороших частей в Либаве, теперь, спустя время, кажется мне поразительным. Очень часто я не знал, что за день предстоит, как мне скрыть всю слабость моего положения от сразу трех врагов — латышей, англичан и солдатского совета, — продержавшись против них. Известия о победах с фронта, наверное, действовали в Либаве гипнотизирующе, хотя на передовой не освободилось ни одной части, чтобы их можно было отправить в Либаву. В самой Либаве в любом случае были надежны только части батальона Тённигеса, в то время как два прочих батальона были совершенно заражены пропагандой солдатского совета.

Так как мы в Либаве были вдалеке от ситуации в Германии, то лишь постепенно заметили, что радикализация влево здешнего солдатского совета идет рука об руку с таким же движением в крупных городах Германии и в берлинском Центральном совете. Именно тогда в Германии уже собирались было устроить вторую революцию, но это было предотвращено жестким вмешательством Носке¹²¹ и большого числа германских офицеров.

Поначалу я пытался воздействовать на членов солдатского совета посредством речей, уговаривая их поодиночке, разъясняя им, что то, что, наверное, возможно в Германии, — то в стране, настроенной германофобски и пробольшевиcтски, где ведется серьезная борьба против большевиков, было просто исключено. Я напоминал им об общих чисто германских интересах, что и Носке, и Винниг, их партийные сотоварищи, не одобряют распространения власти гарнизонного солдатского совета на фронтовые части, что вся администрация в губернаторстве будет парализована при медлительных переговорах (с их непредсказуемыми нюансами), в которые они слепо верили, собирая материалы для жалоб на офицеров и служебные инстанции и т. д. Все напрасно. Ведь эти люди внутренне были куда более левыми, нежели правящая социал-демократическая партия большинства¹²², и более не подчинялись правительству, а только Центральному солдатскому совету. Они продолжали настраивать против меня войска, потому я был им неугоден, и носили меня в «Форвертс»¹²³ и в «Фрайхайт» как «самого ненавидимого на Востоке человека», о чем им якобы сообщили прибывшие из Финляндии (!) уполномоченные солдатского совета, а также латыши.

Недовольство возросло, когда я передал три батальона под командование энергичного полкового командира майора Гётце, попытавшегося повысить дух, дисциплину и выучку частей, что навело порядок в войсках. Новых ретивых командиров в лице майора Хайна и капитана Хильперта получили и два недисциплинированных батальона. Их предшественники были людьми честными, заслуженными старыми чиновниками и офицерами ландвера, которые и сами понимали, что их место скорее на Родине, нежели здесь в бою против продолжающейся революции.

Новые начальники попытались привнести старый товарищеский дух и понятия о чести и в офицерский корпус, выступая против отдельных постыдных инцидентов, имевших место на улицах и в публичных местах. Ведь революция добралась и до офицеров, хоть и позднее, чем до солдат. Молодежь, которая в нормальное

мирное время по большей части вообще не была бы произведена в офицеры, с удивлением наблюдала, как новая свобода стала в основном свободой от дисциплинарных взысканий и правил поведения, причем значительное число их пользовались формой офицера достаточно опасным для ее репутации образом. Их бесстыдство заходило столь далеко, что вопреки своей чести и долгу они искали защиты от своих дорогих начальников у солдатского совета. Да уж, революция завела нас очень далеко!

После окончания операций на р. Аа я приказал, чтобы самая надежная моя часть, отряд Шаурота, прибыла к 1 апреля в Либаву, потому что в этот день были выпущены на свободу многие ненадежные элементы и ожидалась беспорядки. Однако, видимо, из-за действий железнодорожников отряду понадобилось почти 5 дней, чтобы прибыть из Митавы в Либаву, и то только мелкими группами. Лишь 3 апреля прибыли последние части.

В тот же самый день гарнизонный солдатский совет «приказал» членам солдатских советов в войсках, чтобы они не исполняли приказа майора Гётце об отъезде уволенных солдат, а также арестовали одного из офицеров. Тогда майор Гётце отправился в казарму и при поддержке роты из отряда Шаурота задержал виновных, включая двух членов солдатского совета, которые затем, к сожалению, вновь были отпущены. Гётце как раз докладывал о случившемся в здании администрации, когда мы вдруг услышали громкую поступь солдатского отряда под командованием грубияна Франке из солдатского совета; они подходили к нашему дому.

Намерения их были неизвестны. Я отослал большую часть офицеров, чтобы они привели подмогу к плохо охраняемому зданию, а сам ожидал мятежников, чтобы объяснить им вместе с майором Хайнерсдорфом преступность их планов по аресту главнокомандующего на большевистском фронте, а также главы администрации. Майор Хайнерсдорф произнес перед людьми речь эпической продолжительности, а Франке выглядел все беспокойнее. Но солдаты были настороже, Франке вновь завел их. Только он вполне понял наш замысел выиграть время. Наконец, удалось побудить их оставить комнату, чтобы я смог переговорить с вызванным меж тем кандидатом в офицеры¹²⁴ Балте из солдатского совета, который был наиболее разумным и понимающим из них всех. Я потребовал освобождения арестованных, причем я мог бы распорядиться о требуемом ими освобождении взятых нами пленных без принуждения к этому. Ведь они между тем заявили о своей готовности отказаться от нашего предполагаемого ареста, если

я отдам приказ об освобождении задержанных мною. Естественно, я бы никогда такого не сделал, ведь право на это было только у главы суда полковника фон Розена. Однако наступили иные времена. И тут вдруг мы увидели, как мятежные солдаты убегают назад столь же быстро, как и пришли. Вида стальных шлемов подчиненных лейтенанта фон Куровски из отряда Шаурота, вызванных и уже идущих по улице, хватило, чтобы обратить революционных героев в бегство.

Другая кучка мятежников попыталась освободить арестантов, но была также отогнана без крови.

Итак, мятеж был быстро подавлен. Однако он дал мне повод окончательно распустить солдатский совет, отдать новые распоряжения добровольцам, которым должен был подчиниться каждый, кто не хотел быть уволен. Командная власть только у воинских начальников, строжайшая дисциплина солдат, готовность не только нести вахту в Либаве, но и сражаться на фронте, взаимное обязательное воинское приветствие — таковы были важнейшие условия. Части заметно подтянулись, опять видны были довольные лица и слышны веселые солдатские песни, ведь войска вновь взялись за службу. Генеральный штаб теперь смог нормально работать. Освободилось много времени. Мне попытался помешать настоять на исполнении этих распоряжений уже упоминавшийся выше самодовольный депутат Национального собрания (который раньше был членом Либавского солдатского совета), хоть и он вынужден был признать противозаконность действий своих товарищей. Я сказал ему, что он может рассказывать повсюду, что я арестую любого, кто позволит себе здесь в Либаве вести пропаганду против меня или других командиров. Он меня понял, заметив, что его деятельность в Либаве теперь уже ничего не изменит, а повредить может только ему самому, и спустя 2 дня покинул город, чтобы на Родине натравить на меня радикальную прессу. Изю всех сил он неделями с пеной у рта ораторствовал о «реакции на Востоке», а читавшие провокационные статьи немецкие филистеры и не заметили, что то, что выдавалось за реакцию, означает то же самое, что и порядок, а он нужен был и им самим.

Наконец, мои меры были одобрены даже новым правительством Германии, после того как через одного делегата, который сам был осужден на долгий срок за членовредительство, нарушение порядка в тылу и т. д., то есть разбирался в вопросе и позднее поэтому стал полицией-президентом, получив возможность лично наблюдать за ситуацией в Либаве.

И еще одно обстоятельство давило на меня — необходимость «по политическим причинам» провести процесс против бунтовщиков, что было бы с моей стороны нарушением закона. Я указал им на пример Фридриха Великого, который, уважая решение Камерного суда Берлина, вынужден был даже отказаться от своих намерений¹²⁵; я выразил надежду, что, как до того монархия, республика тоже будет государством правовым. Процесс проходил в два длинных заседания, все обвиняемые были осуждены, оправданы были только двое членов гарнизонного солдатского совета, потому что за ними никто не отрицал добрых намерений, ведь они якобы полагали, что как члены солдатского совета имеют командные полномочия и находятся за пределами власти майора Гётце. Данный приговор я по-прежнему считал ошибкой, но мне пришлось этому покориться. Оправданные еще некоторое время пытались привлечь внимание прессы, натравить ее против «гнусной кайзеровской офицерской касты», но затем они пропали в небытие, откуда эта безыдейная революция вынесла на поверхность тщеславных глупцов к несчастью для их обманутых соратников.

Вместе с либавским мятежом я смог удалить и последнего офицера моего штаба, на которого воздействовали революционные идеи, за то, что он попросту оказался одним из организаторов внутренних беспорядков и наблюдал этот бунт с улицы. В награду за его «деятельность» в чреватой опасностями обстановке один из крупных городов, ни разу не поинтересовавшийся причиной его увольнения, сделал его командиром местной полиции. А потом еще удивляются, что на Родине революция продолжала разрастаться, как раковая опухоль!

СЛУЧАЙ СО СТРЫКОМ И ДРУГИЕ

От доктора Бурхарда, который долгие годы жил в Прибалтике, я получил представление о различных политических течениях в образованных кругах высших слоев общества. Одни хотели бы примириться с вновь образованным латышским государством, другие все еще рассчитывали на присоединение к Германии, даже в качестве отдельной монархии, третьи надеялись на то, что новая восстановившаяся Россия вновь захватит балтийское побережье. Пытались даже сподвигнуть одного из немецких принцев — не Гогенцоллерна — к участию в кампании в составе ландесвера, однако,

как только тому объяснили положение вещей, он полностью отказался от этого.

Доктор Бурхард поведал мне, что худший из интриганов, который не собирается реально оценивать новую расстановку политических сил, сидит в Стокгольме, а зовут его господин фон Стрык; он недолгое время был ландмаршалом¹²⁶ Лифляндии. Бурхард мог только предупредить меня о нем.

21 февраля 1919 года явился сам господин фон Стрык и пожелал поговорить со мной. К его явному огорчению, я пригласил доктора Бурхарда и начальника моего штаба, чтобы у меня были свидетели. Он заявил, что при высадке в Либаве получил от знакомого ему шведского подполковника Эглунда важные бумаги, однако латвийские таможенники по приказу латвийского правительства их у него отобрали. По его намекам я понял, что в бумагах был изложен план насильственного захвата власти, причем Стрык рассчитывал на поддержку или хотя бы молчаливое согласие на него германского главнокомандующего.

Стрык заявил, что Антанта совершенно согласна с таким решением вопроса, но он не смог добавить ничего более конкретного, когда я фактически держал его на мушке пистолета. Напротив, он явно успел доверительно поведать о своих планах какому-то безответственному американскому посланнику, который ответил ему ни к чему не обязывающими фразами, но прежде всего информировал других об этом фантазерстве. Конечно, Стрык и сам оказался в высшей степени неосторожен, ведь только этим можно объяснить дерзкие действия молодого латвийского правительства, причем по отношению к подданному Швеции.

Позднее мы узнали, что у Стрыка были авантюристские и фантастические планы образования нового нейтрального единого государства в Прибалтике, которое при международных гарантиях безопасности и под контролем Швеции господствовало бы на востоке Балтийского моря, обратив свои силы как против Германии, так и против России. Сам Стрык, словно средневековый гроссмейстер Ордена, хотел встать во главе балтийских государств, причем германским оккупационным властям отводилась скромная роль пажа. Были ли его планы такими или лишь похожими, но о совершеннейшей политической неопытности в целом талантливого министра Вальтерса говорит тот факт, что он долго не мог отделаться от ощущения, что и я, и доктор Бурхард вовлечены в заговор.

В ходе всего этого инцидента было вновь продемонстрировано, сколь мало нужно реалистических политических воззрений,

ясного разума и спокойной вдумчивости, чтобы играть определенную роль в политической жизни. Это вдвойне верно, потому что со времен революции вся система ценностей в головах была перевернута, а мыслить далее в прежней колее, в рамках прежнего пути развития оказалось уже невозможно. То же касается и некоторых наших публицистов, которые, будучи не знакомы с официальными сводками, на основании тщательно собранных, однако недостоверных известий и газетных статей «разъясняют» массам наших политиканствующих обывателей с самыми неясными воззрениями. «Ты не поверишь, сын мой, сколь мало мудрости правит миром». Эти слова времен кабинетной политики, вероятно, еще более верны ныне, когда почти весь мир подогнан под одну мерку, находясь под воздействием массового психоза и доверившись малограмотным советникам, когда действительно дальновидные и самоотверженные реальные политики стали очень редки. Когда правит масса, германский народ не смог бы повести за собой даже гений Фридриха Великого, Штейна¹²⁷ или Бисмарка.

Господин фон Стрык, который в ходе нашего разговора едва ли хоть раз поднял на меня глаза, произвел на меня весьма мутное и неясное впечатление. Я был сдержан и осторожен, объяснив ему, что его дело ни Германии, ни германских оккупационных властей не касается. Последние должны в обязательном порядке заботиться лишь о том, чтобы позади линии германского фронта были спокойствие и порядок, не нарушаемые никем. В остальном же судьба периферийных государств будет решаться на мирном конгрессе. Стрык, недовольный, продолжал и просил о еще одной встрече с глазу на глаз. Я согласился, но она так и не состоялась.

Несколькими часами позже был раскрыт чрезвычайный пакет из латвийского правительства. Балтийцами повсюду овладело крайнее беспокойство. Я заметил, что куда больше людей опасаются неприятностей, нежели я предполагал до сих пор.

Одна высокопоставленная, дотоле очень спокойная и осторожная персона попросила меня о молчаливом согласии на прибытие с фронта 100 балтийцев, чтобы предотвратить аресты известных немцев. Мне сразу же стало ясно, что эти 100 солдат-балтийцев по прибытии в Либаву не смогут ограничиться этими охранительными мерами, да и не собираются этого делать. Я разъяснил моему визитеру, что положение на фронте серьезно, отвоевание Виндавы, предстоявшее тогда, будет невозможно, если при слабости наших частей не будет хватать одной роты, а следствием путча балтийцев

станет восстание 6 тысяч латышских рабочих Либавы, с которыми рота немцев не справится. Кроме того, новое государство балтийцев, потворствующее германской оккупации, никогда не получит признания Антанты. И германское социал-демократическое правительство никогда его не потерпит и тут же ответит германские войска.

Эти доводы были вполне понятны моему неглупому посетителю, однако далеко не всем балтийцам, что стоило мне изрядной части их дружеских чувств. Однако и это не могло меня смутить.

Вечером меня срочно попросили в мой кабинет, так как якобы пришли достоверные известия о наступлении балтийцев, всколыхнувшие латышей и латвийское правительство.

В присутствии обоих моих начальников Генштаба, коменданта и военных советников посланника я приказал разработать военные приказы и письма посланникам следующего содержания:

1. Все передвижения балтийских и латышских частей с фронта в Либаву и в самом городе — только с моего одобрения.

2. Военное судно «Саратов» прибывает на внешний рейд, где остается под германским присмотром.

3. Комендант держит в готовности одну роту и одну батарею только что прибывшей 1-й гвардейской резервной дивизии.

4. Я предлагаю правительству Латвии немецкую охрану.

5. Я отдал приказ о задержании господина фон Стрыка.

6. Правительство Латвии отказывается от арестов балтийцев. По обоснованному запросу правительства я возьму балтийцев под стражу.

Таким образом, я пытался обеспечить свое положение как гаранта порядка, находящегося над партиями, в интересах безопасности Либавы и антибольшевистского фронта.

Господин фон Стрык скрылся, что, в конце концов, было и хорошо, ведь возбуждение политического процесса против Стрыка не способствовало безопасности Либавы.

Правительство Латвии, однако, гордо отказалось от предложения немецкой охраны. Это решение стало для него роковым. Ведь тем самым оно показало, что запрещает всякое вмешательство во внутренние дела своей страны, даже если она находится в опасности, при этом полагая себя достаточно сильным. Однако его единственной военной защитой были латышские солдаты, обязанные охранять здание правительства, но опасавшиеся схватки с племенем своих старых хозяев — с балтийскими немцами. Поэтому, когда 2 месяца спустя путч балтийцев сверг латвийское правитель-

ство, у меня не было ни малейшего повода еще раз предлагать свою защиту и проливать немецкую кровь в бою с немцами за этих германофобов. И было в высшей степени сомнительно, что немецкие солдаты будут сражаться за ненавидящее немцев правительство Латвии, так как их вербовали только для борьбы против большевиков. Вместо того чтобы быть мне благодарным за то, что я избежал пролития немецкой крови за чуждые Германии интересы, меня самым яростным образом шельмовала пацифистская левая германская пресса, ведь я не защитил их партийных товарищей с помощью немецких солдат. Это просто баснословно! Нет ничего более несправедливого, чем упреки, которые были предъявлены мне тогда.

Правительство Латвии после бегства Стрыка не арестовало ни одного балтийца и не просило об этом меня. Конечно, я еще раз обратил их внимание на то, что не потерплю арестов высокопоставленных балтийцев, потому что у них нет на это необходимой власти, а вызовет это гражданскую войну. Ведь, по общему мнению, господин Ульманис хотел лишь использовать всеобщее напряжение из-за процесса Стрыка, чтобы взять заложников и затем при случае убить их, и что на объективный и справедливый приговор при шовинистических настроениях латвийских судей рассчитывать нельзя. Правительство затем довольствовалось тем, что подозреваемого в побеге отпускало под залог, чтобы помочь поправить скудные доходы государства, обязанного своим существованием немецким штыкам.

Сколь верной была моя низкая оценка латышского правосудия, показало его поведение в деле Штока, следовавшем вслед за падением Стрыка. Лейтенант резерва Шток, немец из рейха, был арестован, потому что против него имелись схожие подозрения. Так как он мне не подчинялся, то улаживать это дело предстояло нашей миссии. Они якобы не могли вызволить его из-под власти латвийского правосудия, хотя Германия судьбу своих подданных новому государству не поручала, а правительство было лишь временным. Не помогло и упоминание, что лейтенант Шток служит в германской разведке. Я обратил внимание на то, что смертный приговор немцу из Германии за государственную измену от временного правительства Латвии в присутствии германских оккупационных властей нанесет непоправимый вред германской репутации, резко подняв авторитет этого опереточного правительства. Наконец, пришло решение из Берлина о том, что Германия не признает подданность подданных рейха властям Латвии. Несмотря на это,

латвийское правительство не освобождало господина Штока до тех пор, пока спустя 3 недели дипломатическая миссия не решилась на ультиматум, на который Ульманис ответил предложением передать дело на рассмотрение комиссии по перемирию. Дипмиссия послала ещё один ультиматум с угрозой применения оружия. Затем меня просили ее исполнить. Из-за своеволия одного из младших командиров это было сделано 20 часами ранее, но тем самым, вероятно, господину Штоку спасли жизнь. Хотя был отдан приказ убить его еще раньше. Вот так тогда вела себя дипломатия некогда столь могучего Германского рейха по отношению к миниатюрным государствам вроде Латвии.

Я лишь с большим трудом сопротивлялся своему горячему желанию еще ранее без всяких указаний моего правительства силой освободить Штока. Однако это затронуло бы иные наши интересы, и поэтому я указывал на то, что правительство и без насилия исключительно дипломатическим путем и угрозами контрмер будет в состоянии защитить своего соотечественника. Присутствие германских частей в таком случае стало бы лишь удачным совпадением. Но ничего не помогло. Всякий дипломатический шаг оказывался совершенно бесполезным. Ни разу латвийское правительство не предоставило для ознакомления документы моему советнику военного суда Мартенсу, которого я предоставил в качестве защитника.

В связи с этим инцидентом у меня появились серьезнейшие сомнения в том, что ныне столь беспомощное германское правительство сможет предоставить полагающуюся правовую защиту немцам за рубежом. А если оно этого не сделает, то многие немцы из рейха, оказавшись за границей, откажутся от своей национальной принадлежности, и престиж немцев упадет еще больше.

Господин фон Стрык хотел силой отстаивать права балтийцев. Он знал многих своих земляков, умных мужчин, крепких, как старые дубы, однако не являвшихся политиками и потому не добившихся ничего. 21 января, 22 февраля и 3 апреля Национальная комиссия раз за разом просила правительство Ульманиса соблюдать их национальные и культурные права, в связи с большевистской угрозой оно указывало на необходимость сплочения всех государственно мыслящих сил и соблюдения так называемых 14 пунктов¹²⁸. Все напрасно. Правительство ни разу даже не удостоило их ответом. Тем самым они сами способствовали своему падению и, в конце концов, лишились своей репутации даже у латышей, а также и в собственном лагере.

При этом, на мой взгляд, 14 пунктов были очень скромными, социальными и современными. Они гласили:

1. Равноправие перед законом всех национальностей и конфессий.

2. Неприкосновенность личности за ее политические убеждения. Политические преступления должны рассматриваться обычными судами.

3. Свобода культов.

4. Тщательная забота о больных, инвалидах, безработных. Создание социально-прогрессивного рабочего законодательства.

5. Содействие небольшим и мелким хозяйствам посредством создания земельного фонда.

6. Неприкосновенность собственности физических и юридических лиц. Экспроприация может проводиться только в общественных интересах и при условии полного возмещения.

7. Свобода союзов, собраний, прессы.

8. Беспрепятственное продолжение деятельности частных и публичных законных корпораций, союзов, кредитных обществ и фондов.

9. Свободная торговля и свободная индустрия. Для балтийских гаваней политика порто-франко.

10. Для немецкого населения церковная и школьная автономия.

11. Уравнивание в правах немецкого и латышского языков во всех вопросах государственного и местного управления и в суде.

12. Назначение на государственные и коммунальные посты должно производиться без учета национальной и партийной принадлежности, а исключительно по признаку квалификации.

13. Национальные вооруженные формирования в ландесвере. Выгодные условия расселения для защитников страны.

14. Народное представительство должно формироваться в ходе законных выборов, причем все группы населения должны получить в нем соответствующее представительство.

Вместо равноправия немецкого и латышского языков временное правительство использовало бланки на латышском и французском (!) языках, и господин Вальтерс заговорил с проживавшим в Эстонии бароном Эттингеном на латышском. Когда тот объяснил, что не понимает этого мирового языка, Вальтерс заговорил по-французски. Барон Эттинген вновь отказался разговаривать, и только тогда выяснилось, что и господин Вальтерс владеет немецким как родным. Я бы рекомендовал авторам сатир эту сцену для дальнейшей обработки.

Итак, с одной стороны, тогдашнее временное правительство действовало все более комично, с другой — и репутация Национальной комиссии балтийцев постоянно падала. Руководителями ее были одаренные юристы, которые с пониманием относились к любой точке зрения и поэтому никогда не переходили к принятию решений и действиям.

Так что не было ничего удивительного в том, что сражающимися в ландесвере овладело разочарование, и они спрашивали себя: «За что мы воюем?» Их делегаты уже в начале марта явились ко мне и заявили, что не хотят участвовать в наступлении на Митаву, потому что чувствуют угрозу в тылу со стороны временного правительства и не желают бесцельно проливать кровь. Напротив, в связи с бесстыдным обращением с ними со стороны правительства они хотели бы сделать вывод о его политической мании величия и действовать против него, даже если это будет противоречить воле Национальной комиссии.

Мне удалось успокоить делегацию балтийцев, при этом сказав им, что хотя теперь большевистская угроза извне несколько ослаблена, в случае чего еще до того, как балтийцы и латыши смогут прийти к соглашению, фронт тут же рухнет. Кроме того, они — солдаты, которые обязаны подчиняться, а также и освободить своих земляков, которые на них надеются. Политику следует оставить Национальной комиссии, которая будет отстаивать их желания.

Я проповедовал точку зрения, что балтийцев можно признать равноправными с латышами, и хотя они составляют лишь 8 % населения, однако их более высокая интеллигентность, сплоченность, превосходство в характере и в моральном облике и беззаветная любовь к Родине предоставляют им возможность сравниться с соседями. Затем на их стороне выступит и лучшая часть латышей — и борьба станет более экономической и социальной, нежели национальной. Бедное латышское население посредством колонизации и социального законодательства сможет быть излечено от своего шовинизма.

Естественно, такую политику надо было проводить раньше, до того как ненависть и зависть перекрыли все пути к успокоению. И все же своевременные реформы были бы самым «дешевым» решением проблемы.

Я действовал в интересах ландесвера, когда позднее предлагал Национальной комиссии выставить правительству Ульманиса условия перед взятием Риги. Однако там решили так, что политиче-

ские запросы должны быть полностью исключены, то есть личные и гуманистические основания возобладали над политическими.

Именно на счет этой неполитической и слабой линии поведения Национальной комиссии и следует главным образом отнести то, что молодые, патриотически настроенные горячие головы из так называемого ударного отряда ландесвера в обход остального ландесвера и официального представительного органа балтийцев однажды перешли к действиям и быстро свергли правительство Ульманиса.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 16 АПРЕЛЯ¹²⁹

После отвоевания Курляндии все части армейского корпуса должны были по очереди отводиться на отдых и обучение за линию фронта. Соответственно, в конце апреля отряд Шаурота, который прекратил деятельность солдатского совета, был сменен подразделением ландесвера в Либаве. Майор Флетчер назначил для этого так называемый ударный отряд под командованием молодого барона Ганса Мантейфеля, который, несмотря на свои 25 лет, уже успел повоевать на стороне Германии в Мировой войне и благодаря своим необыкновенным военным дарованиям завоевал всеобщее доверие своих войск.

То, что именно ударный отряд был отправлен на отдых в Либаву, вряд ли может показаться удивительным. Ведь к этому моменту он действительно сделал больше всех в ландесвере для освобождения страны и очень нуждался в отдыхе. Оставляли желать лучшего и обмундирование и выучка.

Однако, и мне было это ясно, некоторые члены ударного отряда рвались в политику, так что унижительного обращения с прежними хозяевами, принесшими культуру в эту страну, со стороны необразованных латышей они долго терпеть не станут.

Я вполне понимал их настрой и от имени немцев рейха мог его только приветствовать. Ведь Германия должна была ратовать за то, чтобы соседняя страна не управлялась ни большевиками, ни германофобами, а также учитывать, что местная немецкая верхушка занимает положение, соответствующее ее истории, экономическому и духовному значению, без которого из этой дикой страны никогда не получилось бы нечто стоящего. Страна и народ были обязаны всем, буквально всем германской культуре и цивилизации.

Рига и Митава в руках латышей были чем-то немислимым, реакционным. Следствием этого должно было стать возвращение к предыдущей эпохе, чего не смогли бы предотвратить немногочисленные английские коммерсанты, которых засылал бы сюда ненасытный Альбион.

Ульманис за участие в боях обещал добровольцам из Германии в качестве награды латвийское гражданство, а для заселения и создания собственного очага и треть страны, которая предоставлялась в распоряжение балтийского рыцарства. Однако я уже научился ценить тогдашнее правительство столь мало, что мне сразу стало ясно: от него ни Германии, ни каждому немцу в отдельности, ни германской торговле и колонизации ждать нечего. Поэтому смена кабинета была полностью в немецких интересах: прежде всего, конечно, удаление германофобских и пробольшевистских министров Залитиса и Гольдманиса и введение в состав правительства представителей национальных меньшинств — немцев, русских, евреев. Ведь евреи, как и у всех неразвитых или гибнущих народов, играли в Латвии большую роль, прежде всего, разумеется, в области коммерции.

Так как официальные запросы Национальной комиссии оставались без ответа, должно было произойти нечто другое, чтобы вызвать смену кабинета. У меня была надежда, что как раз присутствие ударного отряда придаст веса законным требованиям балтийцев, и латвийские министры, которые в Курляндии не могли опереться ни на один из слоев населения, быстрее склонятся к тому, чтобы пойти навстречу справедливым национальным пожеланиям.

Кроме того, существовал и иной план, о котором мне еще 15 апреля рассказал один приехавший из Германии балтийский политик. Предполагали, что, как и в Моравии, немецкое меньшинство получит культурную, экономическую и финансовую самостоятельность в государстве Латвия. Налоги, пошлины, суд и администрация должны были оставаться в руках национальных общин, а верховное руководство над ними получило бы единое государство. Естественно, против реалистичности этого плана можно было бы кое-что возразить, однако если, как громогласно на весь мир заявляла Антанта, они хотели по-настоящему обеспечить защиту меньшинств, не позволив их угнетать, то здесь был только один путь — гарантировать маленьким народам справедливое обращение. Поэтому я мог только приветствовать продвижение этого предложения американской комиссии, а скоро и мирной конференции.

И присутствие ударного отряда могло послужить тому, чтобы временное правительство не смогло попросту объявить этот проект изменения государственного устройства государственной изменой.

А временное правительство все более походило на диктатуру. Чем меньше его приверженцев было среди населения, тем более оно нуждалось в средствах принуждения, чтобы устоять, поддерживаемое, разумеется, немецкими штыками и Антантой, которая хотела использовать взаимную враждебность обеих сторон. Доктор Бурхард весьма справедливо обращал на это внимание германского правительства и, в частности, говорил о том, что гарантии правопорядка и свобода прессы нарушаются раз за разом прямо-таки в азиатской манере и потому следует опасаться взрыва возмущения разочарованного населения против германских оккупационных властей, а министры, которые высокие оклады в этом нищем государстве расточают на официальные балы-маскарады, теряют последние остатки своей репутации как среди образованной верхушки общества, так и среди бедного населения. Донесение никаких последствий не имело, во внутренние дела нового государства милостью Германии не вмешивались, то есть германские правительство и пресса всех оттенков выступали однозначно за это незаконное правительство только потому, что оно придерживалось той же партийной ориентации и, кроме того, ненавидело Германию.

Здесь, на местах думали иначе, и не только доктор Бурхард и я, но и умный пресс-атташе нашей миссии господин Кёерер, в целом соглашавшийся с нами в оценке латвийских событий. И это касалось любого человека, который дал себе труд разобраться в ситуации. Поэтому весьма прискорбно, что большинство из тех, кто впоследствии должен был по долгу службы заниматься вопросами Прибалтики, находясь на своем ответственном посту, ни разу не сумели отыскать туда дорогу, а оценивали все, только сидя за зеленым сукном стола.

Так как мне еще 15 апреля сообщили о новом плане разрешения национального и правительственного кризиса, я вновь получил возможность предостеречь как командиров ударного отряда, так и стоявших над ними политиков от государственного переворота, в особенности от чисто военного. Я сказал им, что устранить правительство легко, однако это только тогда будет благом для страны и для балтийцев, когда ему наследует опирающееся на поддержку широких слоев населения новое министерство. В государственный переворот я не верил.

16 апреля ко мне явились министры Ульманис и Вальтерс и пожаловались на нападения со стороны недавно прибывшего из Германии фрайкора Пфедфера, что уже привело к человеческим жертвам. Они дали понять, что опасаются столь резких проявлений власти военной администрации и что я якобы имею что-то против них лично. Я возразил, что никаких крупных германских частей не понадобится для того, чтобы свергнуть правительство, ненавидимое его же страной, к тому же находящиеся в военном порту соединения латышских рекрутов мало что представляют из себя в военном плане. Однако мне доверительно сообщили, что на утро 17 апреля запланировано большевистское восстание в рабочих кварталах Либавы, которое будет направлено в первую очередь против правительства, а также угрожает и моей базе, предназначенной для ведения боевых действий. Поэтому, принимая во внимание все еще сомнительное поведение германских батальонов гарнизона вследствие ликвидации солдатского совета и предстоящего процесса против его членов, потребовалось усиление частей, которыми я располагаю в Либаве.

Правительство отрицало наличие большевистской угрозы, указав, наоборот, на опасность со стороны балтийцев, в чем оно было право. Я призвал к взаимопониманию со всеми национальными меньшинствами, однако не только наткнулся на глухое непонимание, но и вызвал возмущенные и непозволительные выражения с латышской стороны, которые и опроверг. Внезапно меня перебил сидящий на заднем ряду молодой латышский «офицер»¹³⁰: «Это — ложь». Поэтому я весьма недвусмысленно попросил высокую правительственную делегацию покинуть мой кабинет, причем господин Ульманис отнесся к моему требованию с пониманием и вежливо извинился за невоспитанность «офицера».

В связи с имевшими место перестрелками в военном порту я тут же заявил о своей готовности отправить туда начальника штаба с латышскими офицерами, чтобы расследовать инцидент и навести порядок.

К сожалению, фрайкор Пфедфера не был уж столь невиновен, как я, привыкший к старопрусской дисциплине, предполагал как нечто само собой разумеющееся. Командир освободил лейтенанта Штока 20 часами ранее, чем я дал ему на то приказ, и более того, разоружил несколько сотен размещавшихся там латышских солдат, как он заявил, в интересах их же безопасности и потому, что двое его солдат исчезли, причем можно было предположить, что их увели и убили латыши.

Я всегда вступался за мои войска, но подобное своеволие запретил категорически.

Тогда я понял, что фрайкоры под руководством дельных, обожествляемых солдатами командиров имеют довольно высокую боевую ценность, однако при этом представляют собой большую опасность для дисциплины более крупных соединений или для государства. Во второй половине апреля мне снова повезло разбираться в Либаве практически без помощи других частей с двумя такими командирами фрайкоров и с латышами и Антантой.

Майор Хайнерсдорф все еще не вернулся после своих чрезвычайно тяжелых переговоров с фрайкором Пфедфера, когда около 3 часов дня я во время короткой прогулки по пляжу встретил возвращавшийся с учений ударный отряд. Мне с трудом удалось, назвав свое имя, добиться согласия на возвращение назад в свою квартиру. — «Что здесь происходит?» — «Мы только что арестовали правительство», — был радостный ответ солдат, в глазах которых Ульманис со товарищи были незаконными узурпаторами.

Итак, это все-таки произошло, и в малоблагоприятный для нас момент! Ведь непосредственно предшествовавшее этому разрушение латышей солдатами Пфедфера в ходе освобождения лейтенанта Штока позднее стало казаться прямо связанным с путчем балтийцев, чего в действительности не было¹³¹. Однако молодой и бравый командир капитан фон Пфедфер, за которым стояла вся его часть так же, как и ударный отряд за бароном Гансом Мантейфелем, всегда заверял в том, что он не собирался проводить самостоятельной политики в совершенно незнакомой ему стране. И все же в действительности привыкшие к быстрым действиям против спартакистов в Германии командиры фрайкоров, сами того не желая, содействовали достижению своих целей балтийцами Мантейфеля, не имея полной ясности о последствиях этих действий.

Но и Мантейфель явно не в полной мере осознавал политические последствия своих действий. Да, было свергнуто правительство, которое можно было рассматривать как незаконное; ведь оно не было результатом всеобщих выборов или законного делегирования, а было назначено произвольно возникшим Народным советом, с территории, которая была по большей части занята врагом или даже никогда и не принадлежала ему. Однако о политической подготовке и оценке этого налета военных патрулей не было и речи. Прежде всего были арестованы не все из смещенных министров, а только лишь лучший из них — господин Вальтерс. Залитис, Гольдманис и прочие бежали, Ульманис отправился к англичанам,

с которыми смог еще ранее ближе подружиться во время совместного тесного проживания в каком-то небольшом домишке.

Да и нового правительства было не видно. Национальная комиссия, руководитель которой господин фон Самсон поначалу даже был задержан ударным отрядом, на бесконечных совещаниях обсуждали, как бы законным образом задокументировать образование нового правительства. Командир русских в ландесвере князь Ливен и командир латышей оттуда же полковник Баллод должны были определить человека, который займется его формированием. Но Баллод не пошел на это, хотя и он в частных беседах весьма отчетливо выражался по поводу ошибок старого правительства. Князь Ливен, прекрасный человек и очень храбрый солдат, не обрел подходящего трамплина к решительным политическим действиям, а вместо этого вел переговоры с Антантой.

Итак, Ульманис всегда имел благосклонных слушателей среди своих английских хозяев, которые, в свою очередь, знали, как договориться с французами и американцами.

Господин Ульманис написал мне письмо, которое я передал назначенному ударным отрядом временному главе администрации, так как это меня совершенно не касалось. Я по-прежнему придерживался бы той точки зрения, на которую свергнутое правительство мне указало бы во время дела Стрыка. Более того, я хотел бы сохранить спокойствие и порядок на всей территории моей военной администрации; какого рода латышское правительство будет при этом править там, для меня как для германского командующего было безразлично.

В Либаве и без правительства было спокойно. Но на селе разгорелась гражданская война. Так называемые латышские тыловые части и банды грабителей разорили множество замков, принадлежавших балтийцам. Кроме того, латышские солдаты стреляли по немецким войскам, в Рудбарене были убиты балтийцы и один немец из рейха. Тогда я отдал следующий, многих озлобивший приказ:

«Штаб 6-го резервного корпуса
Отдел квартирмейстера № 6608

Либава, 24 апреля 1919 г.

Извещение.

Только я обладаю высшей командной властью над всеми войсками и военными формированиями в Латвии. Как фронтовые части, вне зависимости от их национального состава, подчиняются един-

ственно и полностью моему командованию, так же и все военно-служащие за линией фронта, где бы они ни находились и к какой бы нации — немцы из рейха, латыши, балтийцы или русские — ни принадлежали, подчиняются моим приказам и находятся под моим контролем. Никто не вправе отдавать приказы какой-либо из этих частей или ее солдатам, которые бы прямо или по духу противоречили отданным мною распоряжениям.

Я предостерегаю от любых проявлений недовольства!

Все попытки развязать гражданскую войну или бандитизм в стране, вне зависимости от того, с какой стороны они предпринимаются, я буду карать

Железной рукой и без пощады.

Губернаторство Либава

Комиссия по безопасности

Подписано: граф фон дер Гольц,

Генерал-майор, командир 6-го резервного корпуса.

Отдел прессы

Бригада «Курляндия»

Железная дивизия

Ландесвер

1-я гвардейская резервная дивизия

Всем местным комендатурам».

Заявлялось, что этот приказ не соответствует тому, как я обошелся 16 апреля с ударным отрядом. Основания к этому обсуждались достаточно. Теперь, во время беспорядков в стране следовало предотвратить гражданскую войну и торжество большевизма. Приказ этой цели достиг. Так что критике пришлось умолкнуть.

Ни один командующий, латыш он или балтиец, не должен был более осмеливаться действовать вопреки моему приказу или же идти против закона.

Несколько колонн под командованием капитана барона фон Линкера пошли с юга и востока в район Дурбена и Рудбарена, арестовав значительное количество преступников и удалив разложившиеся латышские части. Восстание было подавлено в зародыше.

Между тем антантовские комиссии обратились ко мне с требованием сместить капитана фон Пфедфера, которое я отклонил как невыполнимое, а также и барона Ганса Мантейфеля. Последнее было в компетенции Национальной комиссии.

Днем позже я услышал, что ударный отряд собирается вновь подчиниться своему командиру Мантейфелю и предполагает устроить шествие через Либаву и карательную экспедицию в охваченную

восстанием территорию, так как распоряжение штаба корпуса они не принимают всерьез. Для меня было очевидным, что мой строгий приказ свыше теперь должен быть направлен и против балтийцев и что при этом, может статься, бои между немцами и балтийцами на улицах Либавы на глазах у ненавидящих и тех и других латышей уже неизбежны. Весьма отчаянное положение с совершенно непредсказуемыми военными и политическими последствиями. Однако я ни в коем случае не должен был уступать неуправляемым молодым балтийцам. Теперь настал мой ход. Конечно, можно было бы иметь весьма различные мнения о самых неотложных мерах, их целесообразности и возможности их осуществить. И среди моих советников так и было, что вовсе не удивительно.

После недолгих сомнений я отдал приказ, чтобы ни одна часть не покидала свои квартиры и чтобы германский отряд, который как раз должен был отправиться в карательную экспедицию в Прекульн, остался в Либаве на случай возможного его применения против балтийцев. Я вызвал к себе командира ударного отряда и высокопоставленных балтийцев, сообщил им о своих мероприятиях и твердом намерении стрелять в любого, кто будет противиться моим распоряжениям, и просил их использовать все свое влияние, чтобы предотвратить кровопролитие между немцами.

Для размышлений и расчетов оставалось только 2 часа. Едва ли было возможно довести до адресатов все приказы. Это были тяжелейшие часы в моей жизни. Придется ли мне окончить свою миссию передового бойца за Германию на Востоке приказом стрелять по немцам, которые здесь на Востоке 700 лет бились на переднем крае за Германию против подавляющего численного превосходства славян? Должна ли эта долгая, гордая история быть погублена мною, германским генералом?

И все же удалось предотвратить беду. Вмешались пожилые, благоразумные балтийцы и сумели отговорить командиров от их намерений. Мои распоряжения себя оправдали. Все подчинились. Крови пролито не было.

Мои мероприятия показали всю бессмысленность упреков в мой адрес, будто бы я провожу баронскую политику. Мы отстаивали исключительно германские интересы, однако они требовали также того, чтобы мы по возможности предотвратили гибель 700-летней немецкой истории и культуры.

Примерно через 10 дней после государственного переворота антантовские комиссии в категорической форме потребовали восстановления старого правительства. Капитан округа Брёдерих и

барон Штромберг, два особенно ценимых мною балтийца, вечером пришли ко мне, чтобы спросить, что же делать. Я возразил: «До завтрашнего утра должно быть образовано новое правительство, или игра балтийцев проиграна». Они согласились и собирались идти в Национальную комиссию чтобы отстаивать эту точку зрения в ходе тамошних совещаний. «Отправься Вы туда, и вновь будут бесцельно потрачены очень важные часы, а игра опять же проиграна. Я рекомендую срочно продолжить переговоры с латышами правой ориентации и образовать правительство».

На следующее утро около половины восьмого я получил короткое письмо, в котором два члена образованного ночью правительства ходатайствовали о возможности мне представиться. Партия балтийцев пока что была выиграна.

Балтийцы получили примерно треть министерских кресел, латышские министры были из образованного и обеспеченного верхнего слоя, все они хотели достичь взаимопонимания и умиротворения как в национальном, так и в социальном отношении.

Избранный главой правительства пастор Неедра прибыл в Либаву, бежав из Риги, переодевшись большевиком¹³², лишь несколькими днями позже. Он, пастор Копше, доктор Ванкин, советник права Альбертс были представителями от латышей, а от балтийцев был только один дворянин и ни одного барона. Все они были горячими патриотами, которые ставили любовь к Отечеству выше партий. Уровень их образования обещал квалифицированную работу, а также осознание большевистской опасности и необходимости избежать ее посредством энергичных мер и одновременно социально-политического и экономического законодательства. Они заботились также и о своей независимости от Германии.

Между тем Англия посчитала это правительство прогерманским и установленным нарочно. Английская пшеница в Прибалтике предназначалась только для Ульманиса, который немногочисленные товары этой страны продал за бесценок английским купцам, словно он только для этого и был первым министром.

В один из дней в середине мая Неедра был вызван на латышское офицерское собрание в одном из отдаленных кварталов города и оттуда был вывезен в деревню. 5 дней спустя он в нижнем белье объявился у надежных друзей. Уже пожилой священнослужитель в таком вот одеянии под каким-то предлогом покинул свою комнату и ночью пробежал 25 км, пока не оказался в безопасности вдали от банд грабителей, которые таким образом преследовали цели прежнего правительства. На следующий день Неедра на корабле

должен был отправиться в Эстонию, в Ревель, под надежной охраной, конечно, в сопровождении правящего морями Альбиона!

Англия, Латвия, Эстония были в Европе, а мы, немцы старого режима, которые не понимали такого метода ведения боев, оказались варварами!

Теперь Англия и Ульманис попытались выиграть партию с помощью переговоров. Ульманис должен был войти в правительство, а его сторонники — получить 7 из 12 министерских постов. Неудрой следовало пожертвовать. Переговоры не удались, и как теперь надо было бы отметить, к сожалению. Ведь можно было бы в ходе них предотвратить то, что Ульманис с эстонской помощью, то есть предав страну, достиг своих партийных целей. При лучшем знании людей и народов, наверное, надо было бы сказать, что ни Англия, ни фигурка на ее шахматной доске — Ульманис — не брезговали использованием аморальных средств. С другой стороны, последующее развитие событий показало, что с многократно уже упомянутым господином Ульманисом, когда он был изолирован от худших из своих коллег по министерству — Залитиса и Гольдманиса, — при энергичном и умелом обращении, наверное, смогли бы более или менее работать и балтийцы, и правые из латышей.

Конечно, первые 7 недель правительства Неудры так благоприятно сказались на внутри- и внешнеполитическом положении Латвии, что его сторонники не рассчитывали на то, что придется пойти на столь серьезный компромисс с интриганами-противниками. Ведь тогда опасались, что и переформированное министерство Ульманиса продолжит травлю немцев и балтийцев, и тогда ландесвер выступит опять.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И Я

Я всегда приходил к взаимопониманию как с армейским командованием в Восточной Пруссии, так и с Верховным Главнокомандованием и его преемником — командным центром в Кольберге.

Командующий армией генерал фон Кваст за мирное время и в ходе войны уже пять раз становился моим начальником и очень хорошо ко мне относился. Это проявилось в том числе в том, что в конце апреля он в ходе ознакомительной поездки прибыл в Курляндию. Вместе с ним тогда прибыл и его Ia¹³³ майор барон фон Фрич¹³⁴, с которым я еще во Франции целый год находился во вполне гармоничных служебных отношениях, — весьма дельный офицер

Генштаба с превосходным характером. Начальник штаба, генерал фон Сект, к сожалению, так и не отыскал дороги в Прибалтику. Для его преемников полковников Хайе и фон Тэра поездка туда была первой служебной командировкой. Там они составили впечатления, которые привели их к тем же выводам, что были и у меня. Поэтому за все это тяжелое время ни разу не доходило до серьезных разногласий между ними и мной. Всегда удавалось прийти к соглашению и с посланными в штаб корпуса офицерами, и чиновниками, и доверенными лицами правительства. Здесь, на месте, они без предубеждения получали совсем иное представление об обстановке, нежели то, которое имели, сидя в кабинете.

Это особенно сказалось в ходе визита министра рейхсвера Носке, прибывшего в конце апреля в Либаву, чтобы посетить военные инстанции, которые за 5 последних недель одержали победы и завоевали территории, что позволило им арестовать солдатский совет и, вероятно, способствовать государственному перевороту против правительства Латвии. Радикальная пресса ежедневно устраивала бурю, предупреждая правительство о готовящейся в Прибалтике реакции и контрреволюции.

Я распорядился, чтобы новый комендант принял господина Носке на вокзале, а сам прибыл к накрытому в честь последнего завтраку чуть позже, так как именно в предшествующую этому визиту ночь было образовано новое правительство Латвии, а состав его был мне представлен только что. Вечером правительство в полном составе попросило Носке о поддержке со стороны правительства Германского рейха. Он в целом ответил согласием, однако заметил, что по нынешним временам правительство, не опирающееся на поддержку широких народных масс, не удержится. Указание на то, что правительство Ульманиса уж точно не имело за своей спиной народа и что массы населения в этой отсталой стране в таком случае можно было считать настроенными пробольшевицки, казалось, не могло поколебать этой позиции министра из масс. К тому же и этот умный человек, который явно многому научился на посту министра, все же оказался слишком подверженным партийным штампам.

В остальном же в ходе долгого заседания между генералом старой кайзеровской армии и министром от революции было, судя по всему, установлено взаимопонимание по вопросу германских целей в Прибалтике.

Первым делом мною был сделан общий обзор военной обстановки, а капитаном фон Яговым — деталей военных операций.

При имени «Ягов» господин Носке явно насторожился¹³⁵. Однако он не мог не поддаться впечатлению от сжатого, блестящего доклада этого выдающегося генштабиста. Затем я сделал примерно часовой доклад о положении штаба корпуса в борьбе с большевиками, латышами, Антантой, своими же войсками и радикальной прессой на Родине. Больше всего его заинтересовали два последних пункта, и он согласился, когда я сказал ему: «Только с войсками, которые еще хранят ценности армии 1914 года, я могу выполнить здесь свою миссию. Однако даже такие части сегодня во многом слишком проникнуты социализмом, чтобы их можно было бы повести против нынешнего германского правительства. Кроме того, я был убежденным сторонником законного способа решения вопросов. Я всегда осуждал Ноябрьскую революцию. Но тяжело больной в настоящий момент организм нашего народа не мог бы вынести еще и контрреволюцию». Такое открытое изложение моего отношения к Ноябрьской революции завоевало его доверие.

Затем майор Хайнерсдорф с документами в руках поведал о событиях в Либаве, которые после двухмесячной борьбы привели к свержению солдатского совета. Наконец, Носке заметил: «Я удивляюсь проявленному Вами терпению». — «Это было не терпение, а просто я должен по нынешним временам сначала показать, что солдатский совет действует совершенно незаконно, и затем я должен был прежде всего располагать военной властью, чтобы устранить его. Как только прибыл отряд Шаурота, в тот же день солдатский совет был задержан».

Две речи, произнесенные министром рейхсвера перед моими войсками, вызвали у меня ощущение, что и старопрусский генерал при соответствующих обстоятельствах смог бы с ним работать. Я придерживался этого мнения, пока Носке в октябре под давлением своих близоруких коллег по министерству не отказался от всегда поддерживаемой им прибалтийской политики и пока я сам не заметил, что он не старается твердой рукой положить конец Ноябрьской революции, а все более склоняется влево, а новым правительством Германия непременно и быстро будет доведена до финансового, хозяйственного и морального краха.

Пока что, однако, в ходе однодневного пребывания Носке в Либаве я сумел приобрести в нем защитника моих взглядов в правительстве рейха. Впрочем, два социал-демократических депутата, которые прибыли вместе с ним и присутствовали при всех докладах, свидетельствовали в комиссии иностранных дел и в левой прессе строго в обратном духе. Они травили меня, поэтому и тон

антантовской прессы становился все более беспокойным. Следствием этого стало то, что в первой половине мая Антанта потребовала моего удаления на том основании, что я силой германского оружия сверг законное правительство Латвии.

В сопровождении капитана Штумме из штаба губернатора Либавы я по вызову поехал в Берлин с ощущением, что теперь должен буду лишиться своего тернистого поста, однако с намерением, если это все же не так, получить позволение на взятие Риги.

Освобождение Риги из невыносимых, взывающих к небесам обстоятельств становилось самым горячим желанием всего прибалтийского населения и правительства Латвии. Германские интересы требовали, чтобы мы не отказывали в просьбе этих друзей Германии и ее соседей, свершив во имя цивилизации акт, который после поражения Германии и революции в ней должен был вновь поднять ее репутацию в глазах остального, не захваченного шовинизмом мира. Выставлять условия правительству Нееды казалось излишним.

Германское правительство тогда, за 5 недель до заключения мира, было еще достаточно гордым и сохраняло достаточно достоинства, чтобы полностью отклонить требование Антанты. На заседании во дворце рейхсканцлера в присутствии Носке и Бурхардта меня известил об этом Эрцбергер. Вместо этого правительство сообщило Антанте о намерении оставить Латвию. Но Антанта не согласилась, она еще раз потребовала моей отставки, что было отвергнуто повторно, так как я действовал исключительно в согласии с правительством.

Если Антанта в мае настаивала только на моем удалении, но не пошла на оставление Латвии, то это показывает, что тогда она еще придавала значение борьбе с большевиками с помощью германских войск.

В своем ответе я подчеркнул, что на ранней стадии и мне казалось стоящим намерение оставить Латвию. Теперь, после завоевания Курляндии, в войсках наблюдается приподнятое настроение, ведь солдаты надеются на осуществление своих надежд на право поселения, но оно может и поменяться, обратившись против командиров и правительства. Если же вывод германских войск все же окажется необходимым, то я предлагаю, чтобы германские добровольцы, которые захотят остаться, могли поступить на латвийскую службу и быть финансово поддержаны Латвией. Тем самым была бы обеспечена дополнительная защита Восточной Пруссии от большевиков.

Доктор Бурхардт поддержал мой план, однако Эрцбергер, напротив, предложил возобновление переговоров с большевиками, что однажды уже пытались сделать через специального посланника, но это не удалось из-за неявки большевиков. Тем самым для защиты Германии создавалась нейтральная зона в 300 км шириной. Если же немцы вынуждены будут стать наемниками Валленштейна, то они потеряют все свои права, как немцы рейха.

Потом доктор Бурхардт и я сделали наш доклад по поводу взятия Риги. Бурхардт в ходе него использовал выдержки из письма Неедры и заявил, что американцы это поддержат. Однако Эрцбергер сказал, что просьба Неедры должна быть передана Антанте. Наконец, со мной согласились, что завоевание Риги силами ландсвера является внутренним делом Латвии.

Из дальнейших переговоров я понял, что к освобождению Риги относятся достаточно благосклонно, однако полагают, что не могут взять на себя за это ответственность. Так что я решил принять ее на себя и из Берлин отдал приказ штабу корпуса: «Отпуск муки не одобрили. Если, однако, ландсвер возьмет Ригу, то Железная дивизия должна будет присоединиться к этому». После моих бесед еще до отъезда там знали, как следует понимать этот приказ. Кодовое слово «отпуск муки» означал атаку Риги.

На следующий день я был принят одной высокопоставленной персоной из иностранного ведомства. Я объяснил, что мы после ожидаемого взятия Риги должны будем соединиться с эстонцами. Ведь совершенно исключено, что большевики смогут после потери такой важной базы, как Рига, и железной дороги Динабург¹³⁶ — Рига удержаться в изгибе фронта между Ригой и Валком меж двух огней. Я рассчитывал, что вместе с эстонцами можно будет достаточно легко отвоевать всю южную Лифляндию. А затем, получив всего несколько дивизий, мы окажемся в состоянии взять Петербург и тем самым занять на Востоке такое положение, опираясь на которое, можно было бы существенно изменить условия Версальского мира. Всю ответственность за дальнейшее продвижение можно было бы свалить на непокорного генерала, таким образом прикрывшись от Антанты.

Раз за разом меня спрашивали: «А Вы могли бы взять Петербург?»¹³⁷ Я рекомендовал связаться по этому поводу с Верховным Главнокомандованием, которое тогда еще находилось в Кольберге.

В ходе этой беседы я несколько поправил мое прежнее негативное мнение об иностранном ведомстве, однако более о моем

плане никогда не слышал, даже когда еще раз уже из Риги указал на крайне благоприятное с военной точки зрения положение. Дипломат вскоре после этого был уволен из иностранного ведомства.

Вместо того чтобы усилить военную группировку в Прибалтике, была проведена уже приказанная ранее отправка 1-й гвардейской резервной дивизии (без группы Йорка), и теперь наращивались силы на польском фронте, потому что после отказа от условий мира следовало быть достаточно мощными для отражения вторжения поляков, также усилившихся за счет дивизий Галлера¹³⁸. Национальные чувства немцев просто вскипели, однако из-за условий мира и вывода войск из Прибалтики мы стали настолько слабы, что затем не смогли удержать Ригу против эстонцев. О перемене настроения у дотоле якобы дружественных по отношению к нам эстонцев иностранное ведомство, однако, ничего не знало. Все это в целом называется последовательная реализация одной политической программы!

ОСВОБОЖДЕНИЕ РИГИ

По поступавшим к нам донесениям, часть пленных балтийцев должна была находиться в лагере на Западной Двине южнее Риги. Чтобы и освободить их, и взять железную дорогу Рига — Динабург, а также потому, что атаковать Ригу фронтально через Двину было фактически невозможно, я после доклада капитана фон Ягова решил атаковать в целом так же, как и в 1917 году¹³⁹, то есть с выдвинутым вперед правым флангом через Нойгут и Икскуль. Это означало, что главный удар будут наносить германские части и что нам для операции потребуется 1-я гвардейская резервная дивизия, приказ о выводе которой был уже отдан.

В штабе корпуса детально обсудили атаку вышеупомянутым способом, провели разведку и подготовили ее.

Именно так 23 мая атака и была проведена.

Однако обсуждалось также и то, что по возможности следует получить согласие на поддержку ландесвера. В этом случае Железная дивизия должна была не присоединиться к ландесверу впоследствии, а одновременно вместе с ним наступать несколькими колоннами, а именно по большому рижскому шоссе главным образом на броневиках и по железной дороге на бронепоезде. Так как обе колеи оставались перешитыми на немецкий лад, это было

возможно. Правое крыло армейского корпуса, группа Йорка у Бауска, должна была прикрывать от атак правый фланг, идя вторым эшеленом.

Приказа штаб корпуса не отдавал. Капитан фон Ягов проехал по командным инстанциям и обсудил день, час, маршрут выдвижения и задачи отдельных колонн.

Атаку на Ригу торопили потому, что она должна была быть принята еще до того, как будет отправлена в Западную Пруссию уже выведенная с линии фронта 1-я гвардейская резервная дивизия. Так как исход подобной военной операции всегда не предопределен, надо по крайней мере иметь резервы. И тут особенно важным было то, что большевики собирались предпринять в это же время масштабное и весьма опасное наступление напротив, на том же фланге, о чем еще будет речь ниже.

Пока ландесвер двумя колоннами пошел по уже частично проходимым дорогам через Тирульское болото, чтобы отрезать находившихся севернее оз. Бабит большевиков, которых с фронта атаковал латышский батальон, Железная дивизия развернулась на рижском шоссе и южнее его и с помощью имевшихся крупных технических средств отбросила противостоявшие ей главные силы противника. Большевистский бронепоезд постоянно оказывал сильное сопротивление.

Мосты через Западную Двину взяли совместными действиями ударный отряд ландесвера и отряд немцев из рейха капитана фон Медема, также из ландесвера. Одна батарея и пулеметный отряд Медема галопом проехали по мосту и образовали на правом берегу предмостное укрепление. Балтийцы с боями очистили город, освободив своих земляков.

При этом от выстрела в упор пал командир ударного отряда барон Ганс фон Мантейфель, лучший сын народа балтийских немцев. 16 апреля вспоминают о действиях 25-летнего молодого человека как военного организатора и командира лучшей военной части из балтийцев, как храброго солдата и выдающейся личности. Он по справедливости останется в памяти балтийцев национальным героем.

Чрезвычайно рискованная фронтальная атака через Западную Двину удалась неожиданно хорошо, потому что большевики опасались ее в марте, а теперь уже совершенно не ожидали, а также потому, что Рига была занята очень слабым гарнизоном. Ландесвер, не считая некоторого количества раненых, потерял только 5 человек убитыми.

Риск мог оправдаться лишь за счет неожиданности, только так была предотвращена бойня балтийцев. И все же последнее удалось не полностью. Большевики мало думали о сопротивлении. Трусливые, но жестокие, они и здесь перед своим бегством нашли время ворваться в убежища и расстрелять без суда своих политических противников. Только из немецких священников восемь человек при этом расстались с жизнью. Когда несколько дней спустя я появился в церкви святого Петра, на алтаре стояли гробы обоих первосвященников, а победитель мог только выразить вдовам свое сожаление о том, что ему не посчастливилось спасти жизни их мужьям. Одна вдова без слез стояла у смертного одра своего супруга со своими полувзрослыми детьми. «Немцы не плачут», — было ее ответом.

Столетия долгой борьбы за свой народ и дом выковали здесь суровое племя. Дети унаследовали бойцовские натуры своих родителей. Жизнь требовала действий, а не слез.

Описание того, что я тогда услышал о страданиях Риги, я должен опустить, так как критически настроенный немец может заявить, что это специально преувеличено. Однако могу заверить, что при моем прибытии город просто ликовал, однако многие не смогли при этом присутствовать, так как были слишком слабы. Среди представителей высших классов общества я видел крайне истощенные голодом фигуры, а те, кто выжил из этих семей, были не в состоянии смягчить их страдания, так как они в основном все потеряли. 9 месяцев спустя я видел 50-летнего балтийского барона, который, несмотря на долгое пребывание в Померании, в деревне, все еще выглядел очень убого. Он объяснил, что, несмотря на хорошее питание, все еще не может восстановить силы; он избежал смерти лишь тем, что в мае как умирающий был отпущен из тюрьмы в инфекционный лазарет. При этом ему ничего так не хотелось, как еды. Жидкий суп и осьмушка русского фунта хлеба ежедневно, но хлеб частично был из опилок, что и его и многих довело до крайности. Однако хуже всего было то, что каждое утро будили около 5 часов, потому что в тесном тюремном дворе по соседству расстреливали других балтийцев.

Господин Эрих Кёерер в своей брошюре «Истинный лик большевизма» дал столь ужасающую фотографически точную картину прочих обстоятельств, что всякие сомнения должны были приумолкнуть.

К сожалению, мне как командующему корпусом не повезло лично участвовать в освобождении Риги. Поэтому в приложении

я дам слово самому удачливому из немецких участников этих боев — капитану барону фон Медему. Ни один человек не сможет читать без сильных эмоций его отчет.

Тяжелейшие бои выдержал оборонявшийся фланг майора графа Йорка у Бауска, а особенно отряд Брандиса. Но еще до того, как граф Йорк смог выступить, он был атакован сильно превосходящими, хорошо управляемыми и обученными дивизиями, по показаниям пленных — тремя. По широкой дуге вокруг города залегли стрелковые цепи, отражая атаки, в бой были брошены последние резервы, патроны кончались. Так что несколько майских дней, когда не темнело, солдаты на фланге находились в отчаянном положении. Твердая выдержка командиров сумела удержать войска. Наконец, противник отступил, граф Йорк преследовал и, в конце концов, установил факт отхода противника за Западную Двину. Вся территория до Фридрихштадта и Якобштадта была свободна от врага. Немцев повсеместно встречали тепло, в том числе и эстонцы, прибывшие туда несколькими неделями позже.

Большевики пытались осуществить масштабный стратегический план. Под Ригой на их правом фланге они чувствовали себя под защитой Западной Двины и потому в безопасности от атак. Поэтому они стягивали свои части, в том числе некоторые из глубины России, на свой левый фланг, чтобы нанести удар через Бауск по германской жизненно важной артерии Шавли — Митава. Мужественная оборона Бауска и параллельное взятие Риги, которая угрожала им в тылу, сорвала реализацию их плана. Благодаря тому что удержали Бауск, в основном и получилось взять Ригу, которая была занята слишком небольшими силами, в то время как потеря Бауска заставила бы командование корпуса бросить туда крупные силы.

И вновь в печать попало большое количество лжи об этой кампании. Германский штаб корпуса взял Ригу только германскими и балтийско-латышскими частями, а германское телеграфное агентство Вольфа передало на весь мир по радио, что Ригу брали только последние, хотя потери немцев из рейха были куда больше. Я и сам понимал, что по политическим соображениям нельзя было избежать такого рода сообщения, однако офицеры и солдаты воспринимали это как пренебрежение к своим подвигам, поэтому германскими частями овладело ожесточение как против правительства, так и против балтийских товарищей по оружию, а в разгоревшихся вскоре боях это ожесточение превратилось в ревность и зависть, что не замедлило сказаться на ходе дальнейших событий.

Командование армии по указанию свыше приказало, чтобы германские части за Ригу не заходили, — разумеется, опять для того, чтобы за счет подобной скромности выклянчить смягчение условий мира в Версале (с известным результатом). Приказ исполнить было нельзя. Ведь и в самой Риге должны были показаться только балтийско-латышские части. Освобождение Риги и Динамюнде¹⁴⁰ потребовало крупных сил. Да к тому же еще надо было держать фронт и выяснить, где противник. Кроме того, в Риге объявилось несколько тысяч добровольцев, которые желали вступить в ландесвер. Их обучение потребовало бы большого персонала. И это было в германских интересах. Ведь меня уже давно занимала мысль создать резерв для 6-го резервного корпуса на тот случай, когда германские части по приказу Антанты или же германского правительства придется отвести. Поэтому был найден такой выход: Железная дивизия занимает только южные предместья Риги, обеспечивая подкрепление со стороны Динабурга и ведя разведку. Однако при этом было неизбежно, что обозы и парки останутся в Риге, как и их личный состав. Как известно, оставшись без присмотра, лишенные должной выучки, они весьма сильно повредили репутации Железной дивизии в глазах Риги, да и всего мира.

Еще одним следствием отданного сверху приказа было то, что штаб корпуса теперь мог отправиться не в Ригу, а только в Митаву, то есть был лишен непосредственной связи с правительством Латвии и переехавшими в Ригу комиссиями Антанты. Все задачи, которые до сих пор вместе с двумя начальниками штаба и многими включившимися в работу образцовыми офицерами Генштаба я решал с напряжением всех физических и душевных сил, теперь выпали на долю командира ландесвера майора Флетчера и его офицера Генштаба графа Доны. Это было почти что неразрешимой миссией, к тому же майор Флетчер был обременен еще и постом губернатора Риги, а также необходимостью принимать участие в судебных процессах над многочисленными большевистскими пленными. Это было очень важной задачей, однако вызывало бессмысленную ненависть населения и комиссий Антанты на его ни в чем не повинную голову.

В отсутствие временного поверенного в делах, который с 9 мая до начала июля оставался в Германии, штаб корпуса по приказу сверху должен был в 3 последовавшие после взятия Риги недели оставить решающее в политических вопросах слово за майором Флетчером, и так перегруженным другими служебными обязан-

ностями и не находившим времени на то, чтобы в отсутствие обученных младших командиров заботиться о тактической обстановке. Политикой пришлось заниматься и графу Доне. Чтобы по меньшей мере сохранить контакт, майор фон Вестернхаген вместе с одним офицером связи перебрался в Ригу.

Командование армии приказало, чтобы и ландесвер не заходил за позицию на Егеле к востоку от Риги. Однако выяснилось, что противник широко рассеян. Безостановочное преследование, которое со времен Ватерлоо и Кёниггреца стало азбукой немецкого способа ведения боевых действий, было запрещено. Я сказал моему начальнику штаба и 1-му офицеру Генштаба, что бездействие в таких обстоятельствах было бы тем большей ошибкой, что мы постоянно должны считаться с тем, что нас могут отозвать в Германию, а противник полностью от нас оторвется и займет рубеж, который затем может быть легко удержан и теми немногими силами, что остались в Латвии. Это может быть участок р. Эвст от района к северу от Динабурга и до Чудского озера.

Чтобы найти точку соприкосновения между моими планами и распоряжениями армейского командования, штаб предложил отдать приказ о том, что оборона указанного рубежа может вестись только наступательно; на южном берегу Западной Двины до Якобштадта — Фридрихштадта, а на северном — до р. Эвст должны быть постепенно выдвинуты небольшие смешанные отряды. Поначалу, однако, — только за р. Верхняя Галле, так как железнодорожный мост был разрушен. Южнее Западной Двины отряды тоже вынуждены были раз за разом отступать, так как не смогли захватить действующую железную дорогу Митава — Фридрихштадт. Далее к северу разведку и преследование вели вплоть до Вендена. Командование эстонских войск предложило провести линию раздела между Латвией и Эстонией¹⁴¹.

Германское правительство выступило против преследования в том числе и потому, что господин Эрцбергер¹⁴² заявил нам, что мы должны вступить в переговоры с противником. Так что пришлось послать сообщение отрядам, что они обязаны вступить в переговоры. И вновь это не прибавило нам чести. Наверное, Эрцбергер полагал, что его время еще придет и тогда он навяжет разошедшейся во мнениях буржуазной Европе свои условия.

СТОЛКНОВЕНИЕ С ЭСТОНСКОЙ¹⁴³ РЕСПУБЛИКОЙ

Эстонская республика имела своего посланника в Либаве, поддерживавшего со мной отношения и знакомившего меня с эстонскими военными сводками. Очевидной основой для наших взаимоотношений было то, что нашим общим врагом являлись большевики. В начале мартовского наступления на Митаву я просил его потребовать от эстонского командующего наступления на Ригу, но эстонский посланник заявил, что эстонцы для этого слишком слабы. Они твердо держали занимаемые позиции, однако потерпели временные неудачи у Пскова и Мариенбурга.

После этих событий было очевидно, что эстонцы используют для наступления взятие Риги, а также, конечно, и то, что они при этом не будут переходить латышско-эстонскую языковую границу, что означало бы враждебный по отношению к Латвии акт.

Тем более мы были удивлены, когда в Вендене ландесвер встретил эстонцев и два латышских полка так называемого Северного корпуса латышей, и они взяли в плен ушедших в увольнительную в Венден балтийцев, выступив открыто враждебно. Северный корпус подчинялся одному из латышей-радикалов Земитану и был развернут по принудительной мобилизации в Лифляндии по приказу Ульманиса, пополнившись многочисленными перебежчиками из красных.

По общему мнению, обстановка была такова, что Ульманис, опираясь на красные или как минимум довольно радикальные части и эстонцев, собирался возвратить себе господство над Латвией. После кратких переговоров дошло до боев между балтийцами и латышами Земитана, которые оставили Венден в руках балтийцев.

Гражданская война приняла новую форму; надо было улаживать дело. 10 июня при посредничестве антантовской комиссии пришли к соглашению, согласно которому эстонцы поэтапно отходили из Латвии, а оба народа образовывали совместный фронт на р. Эвст против большевиков. Каждый, кто видел в большевизме общего врага европейских цивилизованных народов, должен был только приветствовать это решение.

Между тем начальник эстонского штаба заявил, что у него нет полномочий принять подобные условия. Поэтому договорились о новой встрече в Вендене 13 июня, однако инцидент считался исчерпанным, ведь Антанта была за вышеупомянутое решение вопроса, которое явно наиболее удачно защищало интересы как Эстонии, так и Латвии.

Однако, к удивлению правительства Неедры, 13 июня вместо американского полковника Грина новым главой антантовской комиссии стал английский генерал Гоф, который решил спор в пользу эстонцев. Ландесвер должен был отойти на линию Зегевальд — Ной-Шванеберг. Это означало, что министерству Неедры отказано в праве занять северную часть Латвии (южную Лифляндию) и что господин Ульманис там сможет заставить армию развернуться против Неедры и ландесвера. Требование отвода ландесвера было столь неожиданным, что представитель Неедры заявил, что у него нет указаний на заключение столь невыгодного мира. Поэтому пока что было только продлено перемирие. Майор Флетчер был приглашен на послезавтра для разговора на английский корабль, но по понятным причинам любезно отказался от такого приглашения, которое стоило бы ему жизни или же вечного заключения.

Вечером 13 июня меня вызвали в Ригу, чтобы выслушать требования Гофа, которые уничтожили все германские надежды и возобновили гражданскую войну только для того, чтобы Англия в качестве защитника «независимых» государств Эстонии и Латвии смогла расширить свою мировую империю. Было ясно, что требования Гофа направлены как против Германии, так и против балтийцев и Неедры, а также и против России. Если не поддержим балтийцев и правительство Неедры, то мы должны будем на долгое время смириться с зависимым от Англии правительством Ульманиса. Ведь вряд ли стоило полагать, что войска Баллода будут защищать правительство Неедры от Ульманиса, к тому же пропаганда, объявлявшая Неедру наймитом балтийцев, была слишком сильна, хотя обвинения являлись совершенно ложными. Опираясь только на балтийский ландесвер, Неедра не смог бы удержаться, особенно если германским частям придется покинуть страну. Так как переговоры с Гофом явно велись только для того, чтобы выиграть время, и были лишены перспективы, балтийцы и правительство желали немедленно вступить в бой, пока еще немцы из рейха здесь. Поэтому они попросили германской помощи.

Официально предоставить ее было нельзя, ведь пока еще не было решено, будет ли подписан Версальский мир или нет. Так как тогда чувство национального унижения было очень острым и всем хотелось верить в возобновление боевых действий, то даже высшие инстанции, которых запрашивали об этом, не выступили против плана, по которому и здесь, в этом отдаленном углу, германские добровольцы не уступят Англии и не позволят ей укрепить свое влияние на северо-восточной границе Германии. Официально наша

страна, конечно, должна была оставаться в стороне, чтобы Антанта не смогла расценить наше поведение как нарушение перемирия. По этой же причине должен был держаться на заднем плане и я, официальный представитель Германии.

Командиру Железной дивизии майору Бишофу, напротив, был задан вопрос, готов ли он перейти на службу к Неедре вместе со своими добровольческими частями. Войска были набраны для службы в Латвии не только для того, чтобы защищать там Отечество от большевиков, но и для того, чтобы найти там новую родину в качестве поселенцев, ремесленников, купцов и так далее. Однако было ясно, что это станет возможным, только если не враждебное по отношению к германству правительство выполнит ульманисовское обещание, — а наймит Антанты Ульманис не сделает этого никогда. После разговора со своими командирами майор Бишоф и некоторые другие лидеры фрайкоров пришли к согласию.

К сожалению, выяснилось, что командиры порой недостаточно хорошо знали свои войска. Несмотря на это, здесь в действительности каждый солдат по отдельности с оружием в руках мог сражаться за свое собственное будущее, и направляемая правительством Ульманиса пропаганда нашла почву, утверждая, что немцы не должны умирать за «баронов». При этом «бароны» всегда подчеркивали свое обязательство выделить $\frac{1}{3}$ своей земли германским солдатам, в том числе частично уже исполнив его, но Ульманис нарушил данное им слово. Те из немецких солдат, кто отказался сражаться в последующих боях, собственными руками закопали свое будущее в могилу.

Столь же недаленовидно действовал и русский отряд князя Ливена в составе ландесвера, заявив о своем нейтралитете. Ведь государства-лимитрофы милостью Англии были смертью для России. И все более проступал на поверхность тот факт, что Англия посредством Мировой войны хотела одновременно с Германией уничтожить и своего союзника Россию, своего старого соперника на Ближнем и Дальнем Востоке. Всякие заявления о поддержке Колчака, Деникина, Юденича делались не всерьез, ведь Англия собиралась удержать за собой все северное побережье России от Архангельска до Либавы, прямо или опосредованно. Было ясно и то, что правительство Ульманиса вскоре заключит мир с Советской Россией и не даст сделать из Латвии плацдарм для наступления русских¹⁴⁴ на Москву.

Тем самым не только для судьбы дружественного Германии правительства Неедры и 700-летней истории балтийцев, но и для

всего германского будущего на Востоке, а также создания буржуазной, союзной Германии России было важно, чтобы уже разгоревшаяся война не окончилась в пользу Ульманиса, эстонцев и англичан. Вопрос стоял не в том, будет ли Неедра или Ульманис, а в том, будет ли существовать дружественная Германии, автономная Латвия в составе современной, приведенной в порядок России — или зависимое и направляемое Англией вассальное государство, которое сможет продержаться против России, только если в ней возобладают большевистские и анархистствующие элементы; а при predispositionности к большевизму части его же населения¹⁴⁵ всегда будет опасность, что верх в нем вновь возьмут большевики.

До сих пор эта оценка пока что подтверждалась. Если выборы весной 1920 года показали меньший результат радикалов, нежели в 1917 году, то в этом можно признать лишь реакцию на страдания при большевизме и тревогу, что после заключения мира с Советской Россией государство опять окажется в руках большевиков. Каждый народ, раз пострадав от большевизма, уже от него излечивается. Это видно и в Германии: в Мюнхене, Брауншвейге, Бремене, Кёнигсберге. Кроме того, это также реакция и на «дружбу» с Англией. Кто связывается с Англией, погибает. Это ныне узнали и в Латвии, пытаясь теперь внутренне укрепиться настолько, чтобы вместе с небольшевистскими соседними государствами иметь возможность выстоять и без Англии.

Тогда ни одна из участвующих сторон не видела решения кроме военного. Только тот, кто находился за пределами Латвии, мог с умным видом рассуждать об этом впоследствии как беспристрастный сторонний наблюдатель.

Относительно себя должен признать, что для меня решение здесь на севере возобновить борьбу с Англией, пусть и опосредованно, было облегчено следующей телеграммой генерала Гофа, в немецком переводе выглядевшей так:

«...Я приказываю Вам отвести Ваши войска за линию Аа — Зегевальд — Ной-Шваненбург, отправить половину Ваших частей в Германию, позволить господину Ульманису сформировать правительство и развертывать латышские войска в Латвии, оберегать общественную и частную собственность на занятых Вами территориях, принести публичные извинения за задержание английских офицеров и, как уже требовал адмирал Коэн, удалить орудия, охраняющие Либавскую гавань. Я назначаю Вас лично ответственным за немедленное исполнение этого приказа.

Генерал Гоф»

В присутствии широкого круга лиц майор Флетчер сообщил мне содержание все еще не доставленной телеграммы, и я продиктовал следующий ответ:

«Радиограмма от 10 июня до меня не доходила. Я случайно только что получил выписку из нее через майора Флетчера. Со всей решительностью я отвергаю Ваше убеждение в том, что Вы можете отдавать мне приказы. Я — германский генерал и принимаю приказы только от моего германского командования. Эта радиограмма будет доведена до сведения моего начальства. Ответ будет сообщен Вам по дипломатическим каналам».

Для иллюстрации английских оскорбительных претензий следует упомянуть, что временный арест нескольких английских мичманов действительно имел место, потому что они украли аммуницию из германских складов и затем собирались подкупить пост, который окликнул их. И вот за это мы должны были «публично извиниться!». Орудия, которые господствовали над Либавской гаванью, — полевые пушки тамошнего артиллерийского депо. Они показались опасными для стоящих на внешнем рейде английских и французских военных кораблей. Здесь показательны как страх, так и самомнение победителей.

В вопросах национального достоинства я чувствительнее, чем «государственные деятели» современной Германии, и потому, видимо, недостаточно дипломатичен. С другой стороны, тон и содержание английской телеграммы показывали, что переговоры с этим образчиком англичанина ни имеют ни малейших перспектив. Мой жесткий ответ не принес вреда, всего лишь показав генералу Гофу, что генерал фон дер Гольц вовсе не Герман Мюллер¹⁴⁶, а если к нему пристать с ножом у горла, он становится только тверже. Я по отношению к генералу Гофу остался корректен и сохранил деловой тон.

В радиограмме Гофу майор Флетчер еще раз попытался уладить конфликт миром, добавив:

«Германский командующий сказал мне, что Вы выставите себя перед всем цивилизованным миром союзниками большевиков, если в этот момент, вопреки прежним предложениям Антанты, поддержите эстонцев и латышей Ульманиса, которые уже массово принимают к себе красногвардейцев. Германский командующий действует в соответствии с его единственной текущей задачей — одолеть большевиков». И все же Англия приняла решение. Теперь здесь будущее можно было определять только силой.

Схватку был бы шанс выиграть, если бы наши войска — германские и балтийские — осознавали масштабность момента и бились

соответствующе, если бы Латышский северный корпус и эстонцы выказали бы столь же мало боевой удали, как в их боях с большевиками, и если бы Германия — как предполагали все — отказалась подписывать Версальский мир, благодаря чему, наконец, игру «втемную», а также необходимые, к сожалению, полумеры командования германского корпуса можно было бы прекратить.

СРАЖЕНИЕ У ВЕНДЕНА — ЛЕМЗАЛЯ¹⁴⁷

Так как германское командование не должно было руководить операциями войск Латвии, русский генерал Тимрод занял пост начальника Генерального штаба при военном министре докторе Ванкине, который, будучи гражданским, мог быть командующим лишь номинально, хотя и располагал некоторыми важными для военного качествами характера: высоким личным мужеством, готовностью брать на себя ответственность и ясностью ума даже в самых серьезных ситуациях. Никогда не терял своего хладнокровия и любезности и генерал Тимрод¹⁴⁸.

Бои у Вендена означали операцию на внутренних линиях в узком пространстве. Ведь только что поступило известие, что к Двинску прибыли две новые большевистские дивизии, ожидалось их дальнейшее продвижение на Ригу. Я вынужден был поэтому оставить небольшие силы по обе стороны Западной Двины. 4 батальона по 200–250 человек каждый здесь, на фронте в 40 км шириной, оказались абсолютно необходимы.

Главные силы Железной дивизии — 5 батальонов, 2 эскадрона и 4 батареи (из них 1 батарея в резерве корпуса) — при крайне сложной обстановке на магистралях, возможно, даже при пассивном сопротивлении железнодорожников, были отправлены в район Хинценберга¹⁴⁹ на лифляндской Аа¹⁵⁰.

Так как всякая политическая разведка в Эстонии отсутствовала, не работала и военная, ведь она была направлена только против большевиков. Знали лишь, что против Вендена развертываются крупные латышско-эстонские силы и что, видимо, ландесвер в Вендене блокирован с северо-запада и северо-востока. Летчики, однако, обнаружили, что район Лемзаля свободен от врага. В еще одном известии утверждалось, что там около 40 человек. С учетом состояния железных дорог и местности это казалось довольно вероятным. Кроме того, от компетентного военно-морского совет-

ника — балтийца и бывшего русского старшего морского офицера — поступили заверения, что высадка значительных сил на восточном побережье Рижского залива совершенно исключена.

Так что речь шла о том, чтобы нанести решительное поражение главным силам противника у Вендена, не дав большевикам вмешаться в бой с юга. Это было возможно только при охвате слева. Вести обход через Лемзаль, казалось, не было необходимости, так как там едва ли можно было предполагать значительные силы. Поэтому было решено направить наши главные силы через Гросс-Рооп¹⁵¹, прикрываясь со стороны Лемзалья, — оставаясь, однако, в готовности все же начать обход через Лемзаль, если, против ожидания, туда придут крупные силы противника.

Требовалось спешить, чтобы успеть нанести удар по пока еще не оконченному развертыванию противника.

Поэтому был отдан приказ:

1. Железная дивизия наводит мост у Хинценберга, выступает 19 июня и атакует врага в обход через Гросс-Рооп 4 батальонами, 2 эскадронами, 4 батареями. Против Лемзалья остаются примерно 1 батальон, 1 эскадрон и 1 батарея. Этот батальон был первым выдвинут на Кольцен. Только если там не будет встречено серьезное сопротивление противника, авангард должен был выступить в направлении Гросс-Роопа. Если же, против ожиданий, фланговое прикрытие наткнется на крупные силы противника, то главный удар следовало наносить через Лемзаль.

2. Левый фланг ландесвера остается на месте, а Баденский штурмовой батальон под командованием майора Беккельманна атакует через Ронненберг, чтобы пресечь угрожавший ему обход с востока. В центре идет через Штюренхоф колонна Мальмеде, еще левее — колонна Йена через станцию Лоде. Ландесвер, однако, должен был выступить, лишь когда станет заметна атака майора фон Клейста из Железной дивизии через Гросс-Рооп.

Фланговое прикрытие Железной дивизии отбросило незначительные силы до Ладенхофа. Оно ощутило себя настолько сильным, что вышло за пределы своей оборонительной задачи и угодило в засаду, причем был смертельно ранен его храбрый командир капитан Бланкенбург, а лишившаяся его часть бежала до Энне и затем аж до Кольцена.

Майор фон Клейст, по первым благоприятным сведениям, уже выступил, продвинувшись до Гросс-Роопа, где развязал постепенно все более разгоравшийся бой. Однако левый фланг оказался там под угрозой из-за неудачи его флангового охранения.

После ложного донесения летчика, что отряд Клейста уже наступает через Гросс-Рооп и далее через Лензендорф, 20 июня был отдан приказ о выступлении и трех колонн ландесвера. Правая колонна Бёкельманна в ходе упорных, мужественных боев баденцев прорвала обход ландесвера с востока. Обе другие колонны, однако, после первоначальных успехов попали в ловушку, в одном из выдвинутых вперед эскадронов возникла паника, что произвело дурное впечатление на остальные части, так что обе колонны смогли прорваться назад только после тяжелых боев. Майор Флетчер, который должен был вести все три колонны, в центральной колонне, которую он сопровождал, своими мужественными действиями сумел восстановить настроение и исправить ситуацию.

Хуже было, что из-за недосмотра младших командиров были сняты посты у мостов у Вендена, так что возникла угроза с запада непосредственно городу, которую с трудом удалось блокировать, наспех соорудив прикрытия с помощью содержимого обозов. Высшее командование должно было поэтому ввести в бой под Венденом корпусные резервы, предназначенные для охраны левого крыла. С их помощью удалось выручить и колонну Клейста. В качестве замены пришлось подтянуть батальон, остававшийся у Обер-Галле — последние остатки Железной дивизии, — так как к тому времени пришли к убеждению, что известие о большевистских подкреплениях со стороны Двинска, скорее всего, специально распространяемая эстонцами дезинформация.

С учетом событий в обеих левых колоннах ландесвера 21 и 22-го числа пришлось все-таки отказаться от атаки от Вендена в направлении на Гросс-Рооп. Отвести пришлось и майора фон Клейста, так как его левый фланг по причине неудачи флангового прикрытия оказался в серьезной опасности. Именно из-за этого тяжелого положения пришлось отвести его в ночь с 22 на 23-е июня назад.

Высшее командование приказало Железной дивизии 23 июня занять предмостную позицию севернее Хинценберга, образовав на своем левом фланге мощную ударную группу (5 батальонов), чтобы атакой в правый фланг преследователей восстановить положение. Однако злему року было угодно, чтобы вечером 23 июня в центре, у смертельно усталых солдат на главной дороге начался прорыв, который командир Железной дивизии счел столь серьезным, что попросил позволения отступить всей дивизии без боя за р. Аа. Это означало похоронить все планы наступления высшего руководства.

Поначалу еще пытались ландесвером, которому был придан стойкий отряд Петерсдорфа, удержаться на так называемой старой немецкой позиции Хинценберг фронтом к Вендену, в то время как Железная дивизия позади Аа прикрывала левый фланг. Однако в связи с переутомлением частей и нервной измотанности младших командиров это оказалось невозможным. Вопреки своему солдатскому чутью майор Флетчер должен был согласиться с тем, что отход на так называемую Егельскую позицию, которая существовала лишь на бумаге, о чем высшее командование было не осведомлено, неизбежен. После этого был ранен и майор Бёкельманн, невосполнимая потеря. Чтобы установить прочное спокойствие в войсках, пришлось отвести их за озера, так что оказавшиеся перед фронтом насосные станции уже не смогли работать. На всю Ригу осталось лишь 18 колодцев, ведь поставка воды прекратилась.

В то время как ландесвер теперь находился на едва ли угрожаемой позиции позади озер и Аа, Железная дивизия стянулась на правый фланг, чтобы оттуда нанести удар по левому флангу преследователей и выйти на дорогу Хинценберг — Рига. Однако эстонцы также пытались продвинуться на юг, так что здесь с ними сошлись почти что фронтально. Состоялось несколько успешных боев против эстонцев. Атака Железной дивизии, впрочем, в конце концов была остановлена, так как при ее почти фронтальном направлении существенного улучшения обстановки ожидать было нельзя, а также из-за появления эстонских военных кораблей у устья Двины и у рижских мостов, которые начали угрожать единственной оставшейся к востоку от Двины тыловой коммуникации сражавшихся частей.

В опасности была жизненно важная артерия латвийских частей. И три эстонских корабля немедленно повернули, когда три холостых снаряда, выпущенные стоявшей у устья батареей, упали поблизости от них. Ничем кроме холостых батарей вообще выстрелить не смогла. Таким образом, на случай, если за эстонскими кораблями на горизонте покажутся под парами корабли антантовской эскадры, войска оставались беззащитны, ведь одна батарея предотвратить вход кораблей в Двину не сможет, так как из-за недостатка мин высшее командование не смогло заблокировать ее устье. Однако флот «храбро» держался в стороне, ограничившись тем, что обстрелял открытый город Ригу с дистанции в 18 км. То, что эти дальнобойные орудия никак не могут быть эстонскими, было тогда ясно любому рижанину. Англичане обстреливали открытый город, столицу дру-

жественной им Латвии, чтобы навязать этой «независимой» стране министра, который проводил бы нужную Англии экономическую политику. Ульманис же в качестве будущего премьер-министра начинал со стрельбы по своим соотечественникам.

Позднее английский флот обстрелял и старые немецкие береговые укрепления, которые были выданы латышским лоцманом, а маленькая флотилия, которая была развернута на Аа у Митавы в апреле Железной дивизией, теперь была переведена на Двину. В качестве замены губернатором Риги на обоих берегах были установлены в укрытии несколько легких батарей. Однако мосты все же постоянно находились под угрозой.

По этим стратегическим соображениям в ночь со 2 на 3 июля все латышские части были переведены через Ригу на западный берег, что удалось без всяких помех и в полнейшем порядке.

Предпосылками этого были жесткие мероприятия в Риге по недопущению уже разгоравшегося восстания латышско-большевистского¹⁵² населения и частей пополнения. Ведь вечерами германских солдат во многих районах уже обстреливали из домов и грабили. В ходе поездки на пароходе в Митаву, по приказу или с ведома Баллода, латышское правительство было частью арестовано и освобождено только после моего энергичного вмешательства. Остальные министры тоже покинули Ригу. Власти не было, царил паника. Следовало ожидать саботажа на вокзале и на рижских мостах через Двину. В этом опасном положении я решил, несмотря на приказ майора Сикста фон Армина из армейского командования, который уже проявил себя как организатор обороны устья Двины, обратиться к губернатору Риги и запланировать энергичные меры на случай, если германские солдаты или военные учреждения будут атакованы. Сохранить порядок и спокойствие в ходе обстрела города Антантой и при отступлении удалось только благодаря хорошо знакомому латышам авторитету германской власти, именно ему Рига обязана своим спасением от уличных боев и революции. Только поэтому ландесверу и Железной дивизии удалось в полном порядке и без потерь отойти на левый берег Двины, вывезя германское военное имущество.

И совсем не удивило меня то, что иностранное ведомство пожаловалось на мое своеволие в ОХЛ, и оно, в свою очередь, в почти что недопустимой форме запросило меня о его причинах. Тогда я сообщил о событиях в вышеупомянутом смысле, причем стало вполне ясно, что только это осуждаемое своеволие и спасло положение в Риге для Германии.

Прежде чем были выполнены эти военные распоряжения и прежде чем стало понятно, что все пройдет без всяких помех, я отправился в американскую комиссию и просил ее окончить гражданскую войну перемирием. Переговоры в Либаве из-за реорганизации кабинета затянулись, французский парламентар был обстрелян эстонцами, когда приблизился к эстонским передовым постам. Однако, в конце концов, договор все же вступил в силу, когда немцы отошли на Олайскую, а эстонцы — на Хинценбергскую позиции. Латыши Баллода заняли Ригу. Его войска теперь открыто сражались на стороне Ульманиса.

По политическим и военным причинам я не стал ожидать результатов переговоров, а германские и балтийские части Латвии, которые вновь находились только под моим командованием, ночью, которая в начале июля продолжается всего 4 часа, примерно с 10 до 2 часов¹⁵³, были отведены за Двину. Так как отход готовился уже много дней и держался в тайне, то он удался без потерь людей и материалов и без происшествий. Утром 3 июля эстонцы уже не встретили противника, а рижане, дрожа, лишались германской защиты. Я вполне осознавал, какую ответственность беру на себя, не предупреждая заранее немцев о сдаче Риги, а, наоборот, успокаивая их тревоги, которые они выразили мне лично. Однако я сказал себе, что в связи с тем, что германские войска остаются поблизости, а ситуация контролируется комиссией Антанты, в которую теперь входили и американцы, латышский шовинизм не осмелится устроить кровавую баню не замешанным в политике немцам, а о большевизме нечего было и думать до тех пор, пока Баллод составлял противовес Земитану и товарищам, а американцы заботились о довольствии.

Правительство было полностью реорганизовано. Достойные всяческого уважения приверженцы Неедры, главной целью которых было примирение национальностей на их старой Родине, теперь рассматривались как государственные изменники и вынуждены были покинуть страну. Но и Залитис, Гольдманис и большая часть членов старого правительства Ульманиса тоже в новый состав не вошли. Ульманис образовал новый состав правительства, куда вошли и три балтийца, которые, однако, были мало известны своим землякам и потому имели мало влияния. Осуждали, что балтийцы вошли в правительство без всяких гарантий. Такое мнение особенно отстаивалось Неедрой, когда этот замечательный человек нанес мне прощальный визит.

ОСТАВЛЕНИЕ ЛИБАВЫ

Когда штаб-квартира корпуса в конце мая из Либавы отправлялась в Митаву, я назначил подполковника фон дер Хагена, штаб которого при значительной близости командования корпуса к фронту становился ненужным, временным губернатором Либавы. Кроме того, он получил задачу вместе со своим начальником штаба майором Хайнерсдорфом готовить сдачу Либавы на тот случай, если мир не будет подписан. Ведь город без выдвинутых морских фортов удержать было нельзя, а нам не следовало и далее оставаться под огнем английских корабельных орудий.

Выход из города с его значительными запасами всевозможного рода при незначительном количестве подвижного состава можно было осуществить только за 3 недели. Кроме того, подвижной состав ни в коем случае не должен был достаться врагу, ведь тогда он был бы в состоянии оперировать против наших тылов. Из Либавы в Прекульн вела всего одна дорога, которая вплоть до Гробина была очень узкой. Поэтому вражеская артиллерия могла перекрывать ее днем и ночью, сделав тем самым невозможным отход войск. С пленением гарнизона Либавы и операцией англичан от Либавы по направлению к Митаве и Мемелю против наших тылов никак нельзя было возобновлять боевые действия с Антантой. Поэтому уже при сдаче Либавы я доверил подготовить это начальнику штаба, дав в том же духе указания моему заместителю. Отход из города получил кодовое название «Морской штурм».

Либава для нас имела очень невысокую ценность с военной точки зрения, однако по политическим причинам оставлять ее было нежелательно. Ведь тем самым мы отдавали врагу важный торговый порт. Поэтому решение было нелегким. Однако ожидание имело слишком серьезные минусы. Когда еще 22 июня из Германии пришло известие о том, что мир не будет подписан ни при каких обстоятельствах, я отдал приказ: «Морской штурм».

Отвоевание Либавы впоследствии пришлось отложить, потому что там могли быстро высадиться войска Антанты. Передовые посты пока что оставались так близко к Либаве, что они могли в любое время вступить в город, а позднее были отведены за р. Вартага.

Для защиты Либавы были назначены русские отряды в надежде, что Англия ничего не предпримет против старых союзников или же не пойдет на открытый разрыв с Россией. Англия действительно подумывала о последнем варианте, русскому коменданту даже «приказали» выставить почетный караул для торжественно

возвращающегося обратно в Либаву Ульманиса, а бравый русский офицер опозорил Отечество тем, что по английскому приказу выставил караул для латышей, то есть бывших верноподданных России. Многие русские офицеры и политики, дотоле бывшие настроенными проанглийски, теперь полностью встали на сторону Германии.

Оба союзника, Англия и Латвия, совершили еще один героический подвиг. Перед курортом в Либаве стоял маленький памятник с медальонами полководцев, бравших Либаву: Гинденбурга, Отто фон Белова, а наверху — орел. Генерал Гоф и Ульманис решили торжественным актом уничтожить этот памятник.

«Октавио! Ты совершил не подвиг!»¹⁵⁴

Однако когда подступили войска и латыши, они увидели, что кто-то уже трудился рядом с памятником. Сперва они полагали, что это выполняется отданный приказ. Однако, приблизившись, они различили германских солдата и офицера, которые никак не могли позволить, чтобы в руки врага попали медальоны и орел. Им угрожали, но они не позволили помешать себе и тем спасли прусского орла и изображения, сохранив их до лучших времен.

Я полагаю, что Гоф устыдился, но не Ульманис.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ВОЙСК

Вина за поражение лежит на подведшей нас политической и военной разведке в отношении эстонской республики и вызванной этим недооценке эстонцев, которые не особенно проявили себя против большевиков, однако против балтийцев и немцев бились отчаянно, снабжаемые Англией, вооруженные ею и под хорошим командованием. Часть вины все же приходится и на некоторые из моих частей.

Мне лично известны 4 случая катастрофической паники, которые вынудили высшее командование отдать приказ об отступлении. Они были показателем того, что не везде еще возобладала мысль о том, что идет идейная борьба, что к победе приведет нестигаемая воля. Впрочем, даже самое горячее желание победы не может заменить опыта боев и выучки. И наконец, порой подвело нижнее и среднее командное звено.

«Боевой дух армии заключается в ее офицерах», — сказал Фридрих Великий, а все великие полководцы могли бы это подтвердить. Несчастьем для балтийских частей стало то, что было много

отличных командиров полков и батальонов, прошедших Мировую войну, но лишь немногие из них отыскивали дорогу в Курляндию. Падение боевого духа войск после революции, физическое и духовное крушение были отрадными для многих, ведь наконец можно было попасть домой и отдохнуть. Это привело к тому, что в образовании фрайкоров, особенно тех, которые собирались в Прибалтику, поучаствовали немногие. Но и наоборот, верно осознавая важность момента, целый ряд прекрасных морских офицеров и офицеров запаса вступили во фрайкоры смешанного состава, развернутые для действий в Прибалтике.

Сколь ни похвальны были добрая воля, удача, а зачастую и организационный талант, в сложных ситуациях многим из этих командиров не хватало опыта в тактических действиях и выучки. Так, например, морские офицеры, которые поучаствовали в позиционной войне во Фландрии, все же не учились тому, чтобы командовать смешанными подразделениями в этой своеобразной маневренной войне на Востоке. Несмотря на это, многие, в том числе погибший, к сожалению, впоследствии капитан-цур-зее Зиверт, блестяще проявили себя как лидеры офицерского корпуса и образцы для подражания в войсках.

Однако другие командиры подвели. В частях разного рода были такие, что в первом же бою утратили веру и бежали прочь. В одном из случаев не осталось ничего иного, как скорейшим образом распустить весь фрайкор; прочие были получше, ведь командование все-таки поддерживалось специалистами. Это был флер революции, погубивший уважение к профессионализму, ведь тогда каждый полагал, что может все. Жаль было, что хорошие солдаты и патриоты недооценивали трудности тактического руководства и важности выучки.

Естественно, помимо этого имелись и дельные батальонные и полковые командиры. Я должен был бы многих из них упомянуть. Также большая часть войск, которые отвоевывали весной Курляндию, вновь здесь проявили себя, хотя и для них не совсем бесследно прошла умелая пропаганда о том, что им не следует сражаться за «баронов». Но, как уже говорилось, они бились не за баронов, а за собственное будущее против врагов Германии и полубольшевиков.

Хуже было, что многие командиры, руководя такими войсками, считали возможным полностью сохранить свои привычки еще мирного времени. Это имело свои минусы и в мирное время, и в Мировую войну, но при том состоянии войск, какое было теперь,

подобное оказывалось совершенно недопустимым. Добровольцы приходили и оставались, однако для постоянного и твердого ядра их было недостаточно. Многие являлись ради идеализма, ради большого дела — их было, наверное, процентов 25; другие из нужды, и это не мешало им быть полезными; но третьи были авантюристами, а четвертые, наконец, — из категории недовольных работой, желавших здесь, за рубежом, «навести порядок». Кто-то был заслан «Спартакoм» и «независимцами»¹⁵⁵, чтобы разлагать войска, а на Родине о них всем говорили, что они здесь, наоборот, постоянно работают над их укреплением. Тут командирам надлежало трезво и ясно оценивать ситуацию, иметь твердую волю, вмешиваться, чтобы удалять все дурные элементы, распускать все плохие формирования; и лучше иметь один хороший полк, нежели вполнину дельную дивизию. Поначалу мне даже отвечали, что современным войскам надо немного «спускать», если они только и делают, что сражаются. Несмотря на то что таким образом были достигнуты кое-какие успехи в марте — бóльшая часть войск была тогда лучше, — я все же всегда жестко выступал против этих «разбалтывающих» принципов несения службы, прямо противоречащих нашему старопрусскому духу. Но не везде присутствовала твердая воля к тому, чтобы увольнять таких храбрых, однако морально далеко не безупречных младших командиров.

Так и получилось, что в сражении при Вендене — Лемзале некоторое количество младших командиров и отдельные части проявили себя не в полной мере, а доброй славе войск в Прибалтике как на Родине, так и здесь немало повредили промахи дурных элементов в наших рядах. Особенно досталось репутации Железной дивизии (которая, однако же, добилась многих военных успехов), на чей счет, частично незаслуженно, были записаны грабежи и недостойное обращение с местным населением.

Я отдал приказ страже немедленно прекратить всякие инциденты подобного рода, а посты должны были в случае отказа тут же открывать огонь на поражение. Становившиеся все более мягкими после войны нормы военного правосудия на путь законности возратить не удалось. Поэтому на следующий день после оставления Риги в штаб-квартире Железной дивизии в Торенсберге я имел разговор с майором Бишофом о том, не хочет ли он серьезно обсудить со своими командирами местами весьма серьезную обстановку в войсках, указав им на то, что с февраля мы существенно улучшили военные, но вовсе не моральные качества войск и что это недоразумение должно быть ликвидировано. Майор Бишоф

ответил, что он хотел это сделать еще в тот же день, а его командиры сегодня будут у него.

В связи с этим майор Бишоф ввел добровольные ротные суды. По приговору роты провинившиеся должны были лишиться всех своих денег, а затем без колебаний отправляться на Родину в самом плохом комплекте обмундирования. Если кто-то будет пойман на грабеже, то добровольные суды обязаны были действовать без пощады. Тем самым революционные герои¹⁵⁶ увидели, что здесь так их дела не пойдут, после чего частично сами уехали на Родину, распространяя самые дурные слухи о прибалтийцах, особенно о ставшей теперь значительно лучше Железной дивизии.

В той части фрайкоров, которая вполне годилась, но не входила в состав Железной дивизии, тоже возобладала дисциплина, но несколько иным путем. Качество войск становилось все лучше в ходе совместной и добровольной деятельности командиров и личного состава. К осени оно поднялось на такую высоту, каковая спустя год после революции казалась попросту невозможной. Дальновидное германское правительство с такими войсками смогло бы до некоторой степени поправить судьбу побежденного Отечества. Однако именно оно и стало злым роком для войск. Именно благодаря ему внешние и внутренние противники сильного германского государства добились его гибели.

После подписания Версальского мира 1-я гвардейская резервная дивизия не была более необходима на польском фронте. Поэтому я запросил и получил испытанный в боях 2-й гвардейский резервный полк капитана фон Плеве, а вместе с тем и столь нужный резерв.

Для командования фрайкорами после отъезда штаба 1-й гвардейской резервной дивизии и получившего иное назначение штаба фон дем Хагена я получил штаб 2-й пехотной бригады под командованием старопрусски настроенного полковника Фляйшера. Его старания повысить боевую ценность войск имели, однако, успех лишь там, где во главе фрайкоров стояли опытные, прошедшие фронт солдаты, как капитан фон Брандис, хотя полковника Фляйшера изо всех сил поддерживали майор граф фон Йорк и подполковник Киш.

Особенно важно было поднять дисциплину в Митаве. Поэтому я отправил туда губернатором подполковника Боде, имевшего натуре выдающегося и энергичного солдата, чтобы тот с неослабевающей строгостью содействовал улучшению обстановки в целом. Впрочем, поскольку через Митаву проезжали на фронт и с фронта

многие офицеры и солдаты, губернатору не приходилось почитать на лаврах. Я благодарен подполковнику Боду за то, что обстановка в переполненном солдатами многих национальностей военном лагере оставалась приемлемой, а проходившие через него обозы и закупочные команды наслаждались порядком на дорогах. Особенно прискорбно было, что с Родины частью прибыли офицеры и такого типа, который в прежней армии был попросту неизвестен. Замечательная революционная идея об освобождении людей от умения вести себя и чувства чести пришла к офицерам позже, чем к солдатам, так как она должна была сначала преодолеть более или менее сильное чувство собственного достоинства, прежде чем уступить место «идеалу» бессовестной жадности и безоглядного стяжательства. Естественно, таковы были по большей части молодые офицеры военного времени, не обладавшие необходимым внутренним противовесом новым идеалам, зачастую личности, которые были произведены в офицеры только лишь из-за нехватки командного состава в войну, нередко даже и те, кто вообще не был офицером, а лишь использовал офицерский мундир в мошеннических целях. В этом случае, как только выяснялся подлог, вмешивались энергично. Ведь, слава Богу, было еще достаточно офицеров, которые не утратили душевного равновесия, хотя они теперь были не в рыцарственной старой кайзеровской армии, а в недавно образованных частях, без традиций, корпоративного духа, чувства единства и судов чести. Дух и тон, который порадовал бы самого кайзера Вильгельма I, образца достойного старопрусского офицера, в особенности царил среди офицеров моего штаба корпуса.

Довольно тяжело было в Либаве и затем в Митаве с местами в тюрьмах, которые уже не могли справиться с потоком находящихся под следствием. Войска, что вполне понятно, охотно избавлялись от подозрительных элементов, но в Либаве и Митаве не хватало помещений, размещать их по одному было уже невозможно, поэтому камеры с заключенными часто напоминали мне ночлежку из «На дне» Горького. Естественно, об этом постоянно заботились, но так быстро, как было необходимо, условия размещения не улучшались, поэтому левая пресса, которая охотно обвиняла, если в Прибалтике можно было хоть что-нибудь обвинить, в данном случае получила легкую добычу. Однако и самый умный из репортеров не смог бы сказать, как же сделать по-другому. Вину за это несет революция, которая похоронила мораль. Однако радикальные писаки из газет менее всего хотели это признавать, хотя еще в 1918 году, спустя 4 года войны, преступлений против собственности даже

приблизительно не было столько, сколько было совершено за год после Ноябрьской революции. При этом я хотел бы поблагодарить и советы по военным судам, которые своей неутомимой работой пытались осуществлять правосудие даже в самых тяжелейших условиях. Внепартийное трудолюбивое сословие рыцарей — это наша последняя опора. Именно поэтому крайне левые так хотят его похоронить. Их идеал — революционные трибуналы или же судьи, действующие на основании программы партии и отстаивающие «справедливость», исходя из классово-партийной точки зрения.

Большой благодарности заслуживают и военные врачи во главе с генерал-ober-арцтом Хинце и ober-штаб-арцтом Булиусом, которые блестяще заботились о раненых и больных, зачастую при очень тяжелых личных, материальных и транспортных обстоятельствах. Военные лазареты были образцовыми.

После сражения при Вендене — Лемзале наступила спокойная пора, так что появилось время для обучения войск. Я вновь присутствовал при войсковых учениях — больших и малых, — насколько это вообще было возможно при местных значительных расстояниях, и смог в целом заявить, что доволен обучением и состоянием войск. Прогресс, который был замечен в Железной дивизии в период с начала мая до августа в поведении и боевой выгучке войск, в той ответственности, с которой они относились к службе, особенно порадовал меня на больших учениях 3-го курляндского полка. Именно там проявил себя майор Бишоф, который был свободен от любой схематичности и очень хорошо воздействовал на процесс обучения войск за счет своего богатого опыта, оказывая большое влияние на молодых офицеров и солдат.

Особая заслуга в поднятии духа войск принадлежала секции I ф штаба корпуса под руководством капитана Финтельмана и руководимой им солдатской газете «Барабан», которую охотно читал личный состав. Там работали большие идеалисты — офицеры, унтер-офицеры, гражданские, — беззаветно служа во имя воплощения последней мечты Германии, ее во имя ее надежды. Эх, если бы дух этих мужчин никогда не умирал в нас!

ПОПОЛНЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА И РАССЕЛЕНИЕ

После декабрьских дней 1918 года временное правительство Латвии желало бы, чтобы командиром ландесвера стал швед или датчанин, ведь тогда пытались вербовать добровольцев в Сканди-

навии. И то, и другое не удалось. Шли бесконечные переговоры, вели беседы о шведском вспомогательном корпусе в 5500 человек, однако в конце концов все провалилось из-за финансового вопроса. Латвия была не в состоянии удовлетворить запросы шведских наемников.

Когда я принял командование в Прибалтике, среди молодежи Финляндии началось благородное движение, целью которого стало выразить благодарность в адрес Германии тем, что финский фрайкор под моим командованием примет участие в защите Германии от большевизма в Прибалтике. Переговоры велись совершенно неофициально, однако в конце концов не привели к результату в том числе во многом из-за того, что Финляндия сама собиралась начать операцию силами добровольцев в Восточной Карелии, которая велась не государством и, к сожалению, провалилась. Возобновление старого боевого братства между Германией и Финляндией я приветствовал бы от всего сердца и очень сожалел о том, что этот замысел не осуществился. Однако я сохранил благодарную память о благом намерении храброй и идеалистически настроенной молодежи Финляндии.

Так что кандидатами в ряды бойцов латвийского ландесвера оставались лишь немцы. Весьма заслуженное вербовочное бюро «Балтенланд» с одобрения военного министерства вело работу во всех уголках Германии. По сравнению с прочими вербовщиками оно имело то преимущество, что условия были более благоприятными: 4 марки ежедневной балтийской надбавки и перспектива получить землю и стать гражданами Латвии в качестве крестьян, ремесленников, купцов и т. д. в нуждающейся в окультуривании стране, чтобы иметь возможность обеспечить свое будущее вместе с будущим этой страны.

С другой стороны, здесь, к северу от наших границ, военный опыт, особенно поначалу, зимой, был куда более жестоким, чем в германских фрайкорах. Опасности для жизни было также больше. Поэтому становилось вполне оправданным предлагать лучшие условия.

Однако самыми притягательными являлись обещания расселения. Тот, кто с полным сознанием трудности поселения в стране с совсем недавней историей отправлялся в Курляндию и там собирался завоевать себе землю мечом и плугом, тяжким крестьянским трудом, тот был колонистом¹⁵⁷, с исторической и личной точки зрения не уступавшим бойцам Немецкого Ордена. Это были лучшие из тех, кто отправился сюда, за границу.

В связи с этим и с такими намерениями и были образованы в самых разных уголках страны укомплектованные соотечественниками соединения, как на немецком севере, так и в Бадене, Вюртемберге и Баварии. Замысел — оставаясь земляками и единоверцами, завоевать и развить в далекой стране новую колонию — был по своему велик.

В прочих соединениях поселенцы были смешаны с иными элементами, руководствующимися менее масштабными целями. Оставшись недовольными обращением с ними, часть из них вновь вернулась домой, а другие составили всего лишь около 10 % личного состава.

Руководителями вербовочных бюро «Балтенланд» и организаторами расселения на Востоке были бывшие капитаны округов в Прибалтике. Граф фон дер Гольц (мой брат), Брёдерих, затем его брат Сильвио Брёдерих-Курмален, а также барон Штромберг. Братья Брёдерихи уже имели большой опыт проживания в Курляндии, так как возвращавшиеся с 1905 года с Востока немцы оседали в Курляндии. У этих господ были масштабные планы предоставления в распоряжение 30–40 тысячам немецких крестьян земли из имений крупных немецких помещиков, что в этой слабо освоенной стране никак не вредило латышам. Так как в войсках, которые в целом насчитывали лишь около 40 тысяч человек, не было такого количества поселенцев даже приблизительно, планировалось недостающие тыловые части образовать только лишь из пожилых уроженцев этой земли.

В войсках замысел колонизации вызвал известное сочувствие, тем более сразу после их формирования. Особенно он распространился в частях Железной дивизии, и под руководством балтийского крупного помещика барона Мантейфеля-Катцдангена образовалось соединение поселенцев, к которому присоединились будущие колонисты и из других фрайкоров. В их распоряжение были предоставлены многие поместья, полностью или частично, а расселение и наделение землей уже стартовали на практике.

Я, конечно, полностью признавал большое экономическое значение расселения в Курляндии, однако имел сомнения, так как оно было начато слишком рано и порой войсками, укомплектованными не подходящим для этого людским материалом. Поэтому я не предпринимал никаких шагов, чтобы добиться у Ульманиса, который обещал в свое время предоставление прав латвийского гражданства, повторного торжественного провозглашения, само собой вытекающего из его слов и права на поселение. Такое право ведь

было обещано им и так, поскольку оно следовало из пожалования латвийского гражданства. Однако при его характере, говорил я себе, он, как всегда, будет ускользать и изворачиваться, прячась за спину Антанты или еще раз в нужный момент не сдержав своего слова. К тому же подчеркивание наших планов на поселение еще до завершения мирных переговоров могло сказаться на самом мире только отрицательно (хотя речь шла об экономическом обеспечении не имеющих куска хлеба немцев, которые по большей части должны были потерять все на отторгаемых территориях или уже потеряли). Поэтому с политической точки зрения я полагал более разумным преждевременно о расселении не напоминать.

Нееда с присущим ему достоинством подтвердил данные Ульманисом обещания. После его отставки на Ульманиса никаких надежд я не возлагал. Поэтому постоянно предостерегал и вербовочные бюро «Балтенланд», и части от того, чтобы как солдатам, так и завербованным на Родине людям давались твердые гарантии только ради того, чтобы уже сейчас вербовать земляков зрелого возраста под предлогом надежных перспектив поселения в Курляндии, побуждая их отказываться от своей работы на Родине.

Однако мы жили во времена революции. Каждый полагал, что все знает лучше, чем инстанция, куда стекались все новости, и таким образом некоторыми подразделениями вербовочного бюро «Балтенланд» в провинции были досрочно вызваны в эту страну поселенцы, которые собирались вовсе не сражаться, а лишь расселяться, что было не только преждевременно, но и как раз в тот момент весьма сомнительно — причем сомнительно было даже то, что мы удержимся в Курляндии. В поселения уже вкладывались деньги и труд, которые впоследствии так и не смогли бы окупиться.

Я, напротив, раз за разом, в том числе делегациям от поселенцев, высказывал свое сочувствие этому большому делу, однако ставил условие: «Сначала бои, затем мир и лишь затем — расселение».

Нежелание понять эту неприятную правду привело к упрямому стремлению к невозможному и огромному разочарованию поселенцев.

И все же для теоретической подготовки будущих поселенцев было сделано многое. Штаб корпуса открыл множество учебных курсов, и директор Зудек взялся за организационную подготовку и хозяйственное обучение с присущей ему практичностью.

Можно было надеяться, что, если когда-нибудь вражда между народами утихнет, пустынные, но богатые Курляндия и Литва будут

охотно принимать германских переселенцев, чтобы способствовать культурному развитию страны за счет соседних немцев в экономических интересах местных жителей всех национальностей. Без этих дальновидных мероприятий страны-лимитрофы никогда не получат предпосылок для развития в качестве автономного государства.

Если в будущем латвийский премьер-министр сможет решиться на такую масштабную колонизационную политику, благодаря которой в свое время Пруссия Фридриха Великого достигла своего мощного экономического взлета¹⁵⁸, то история сохранит память о нем как о государственном деятеле, открывшем для Востока новую эру, а будущие поколения будут считать его великим.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОРПУСА БЕРМОНДТА

Русский отряд князя Ливена давно уже хотел усилиться и постепенно возрос до численности в 600 человек. И надо особенно подчеркнуть, что поначалу он состоял лишь из офицеров, и потому в нем особенно щепетильно относились к выбору своего пополнения. Его набирали частью в германских лагерях военнопленных, частью в концентрационных лагерях. Завербованные одними из последних солдаты были по большей части русскими, с немецкой помощью бежавшими от большевиков с началом германской революции с оккупированных территорий в Германию. Благодаря этому они могли сойти за антибольшевиков и друзей Германии. Многие из них были даже настроены враждебно по отношению к Антанте, так как в Одессе и в других местах им довелось пережить то, как победоносная Антанта не оказала большевикам никакого сопротивления и гнусно бросила на произвол судьбы своих русских союзников.

Особую заслугу в вербовке в отряд имел полковник Бермондт, который после усыновления своим дядей стал князем Аваловым-Бермондтом. Он также нашел прибежище в Германии и поэтому был последовательным и восторженным другом немцев.

Поначалу он набрал свой собственный, довольно небольшой корпус, который принял его имя, а по мере прибытия снаряжения и оружия постепенно увеличивался. Кроме него свой корпус набирал и полковник Вырголич, бывший офицер жандармерии.

В обоих фрайкорах в процессе вербовки появились и немецкие отряды, к которым я относился не без справедливого недоверия, так как они порой не имели достойных командиров и явно наме-

ренно были напичканы всяким сбродом и спартакистами. У германских большевиков был вполне понятый интерес в том, чтобы не допустить возникновения здесь дееспособной антибольшевистской русской армии. Поэтому они всеми средствами агитировали против вербовки, причем немецкие филистёры вполне признавали их правоту и, кроме того, пытались разложить эти отряды изнутри. Так как среди русских это было для них трудновато, то они озаботились тем, чтобы найти пользующиеся дурной славой элементы немецкого происхождения, и затем в левых газетах голосили о преступлениях прибалтийцев. Такая вот обычная, но довольно умелая тактика.

Русские командиры поначалу слишком проникались доверием к немецким солдатам из-за их хорошей боевой выучки, но затем в ответ на грабежи и тому подобное стали энергично действовать на основе норм действующего русского законодательства. Некоторые командиры, представившиеся офицерами, но оказавшиеся переодетыми спартакистами, были быстро наказаны или удалены, и постепенно немецкие отряды стали лучше, хотя все же и не достигли уровня более качественных соединений из немцев рейха.

Чрезвычайно тяжелым был вопрос о командовании. Наконец, удалось договориться о том, что полковники Бермондт и Вырголич признали своим командиром князя Ливена. Вот так дорогие английские кумовья и начали использовать сложившуюся ситуацию, о которой узнали заранее. Куда быстрее аполитичных немцев они осознали ценность этого нового формирования и попытались взять его под свой контроль. Они побудили пожилого генерала Юденича, лично очень честного и искреннего человека, однако находившегося под сильным влиянием своего полностью зависимого от Англии и ориентировавшегося на нее штаба, отдать приказ Ливену, чтобы он со своим корпусом прорывался к нему на фронт под Нарвой.

Князь Ливен был очень хорошим солдатом и полагал, что, несмотря на верную оценку им истинного положения вещей, приказам нужно повиноваться. Его корпус выдвинулся и своим прекрасным оснащением вызвал всеобщее удивление. Один английский офицер на Нарвском фронте выразил своему русскому коллеге удивление тем, как это стало возможным, чтобы «боши»¹⁵⁹ поступили на русскую службу. «Это не боши, а лишь вооруженные бошами русские. А вот как выглядит русский солдат, оснащенный Англией, Вы можете увидеть на примере другого бойца, стоящего рядом с ним». Этот второй русский солдат был одет, как сильно

опустившийся попрошайка. Вот так отряд Ливена на Нарвском фронте фактически вел пропаганду в пользу Германии и тем оказался полезен. Тогда англичане все же несколько лучше стали заботиться о войсках Юденича, однако затем совершенно безумным и бессовестнейшим образом отправили их в одиночку в совершенно неподготовленное наступление на Петербург, так как по политическим соображениям им оно казалось практичным, но в результате него так называемая Северная армия и в ее составе и фрайкор Ливена были по большей части перебиты.

Князь Ливен, уходя в отставку, передал командование полковнику Бермондту. Однако полковник Вырголич не хотел уступать. Потребовались очень долгие и безрадостные переговоры, чтобы он признал того в качестве тактического командира и политического представителя. Большую роль в этом сопротивлении Бермондту сыграл старый русский сенатор Бельгард, проживавший в Берлине, имевший заслуги в формировании русского фрайкора и потому рассматривавший корпус Вырголича как свой.

Полковник Бермондт, естественно, также получил приказ от Юденича отправляться к нему. Чрезвычайно искусным способом он сумел уклониться от его исполнения. Сначала он возразил, что корпус пока еще не готов, следует еще более использовать Германию для его оснащения, ведь, как известно, получить от Англии амуницию очень тяжело; затем заявил, что войска не хотят, как корпус Ливена, жертвовать жизнями в английских интересах. Наконец, он получил приказ о смещении, исходящий якобы от Колчака, который однако был признан антианглийски настроенными войсками недостоверным. Неуклюжее английское приглашение прибыть на переговоры в Ригу он с насмешкой отклонил с указанием на известную аморальность англичан в политике.

Полковник Бермондт, безусловно, мог положиться на свои войска. В своем национальном костюме этот красивый молодой кавказец, черноусый, со сверкающими черными глазами производил глубокое впечатление на людей, от которого ни в коей мере не были свободны и германские солдаты. Войска боготворили его.

Отсутствие единства между ним и Вырголичем попытался использовать в своих целях прибывший из Берлина генерал Бискупский, чтобы самому прорваться к командованию. Генерал Бискупский, выходец из русской гвардейской кавалерии, в войну достигший поста командира кавалерийской дивизии, был необычной личностью. Опытный полководец, весьма светский и элегантный, очень хорошо выглядящий, умный, обладавший политическими

воззрениями, весьма умелый оратор, он казался подходящим человеком, чтобы стать старшим военачальником. Поэтому я не чинил ему препятствий, хотя объяснил, что он должен сам добиваться своего, у меня же нет никаких поводов к тому, чтобы предпринимать что-либо против верного Германии, любимого своими солдатами Бермондта. (Распределение постов в русском командовании является внутренним делом русских, в которое я хотел вмешиваться тем меньше, что желал избежать всякого впечатления, что Германия собирается ограничить самостоятельность русских.) Что если Колчак и Юденич как наемники Англии не захотят его признать, то можно было бы назначить генерала Гурко, бывшего в Копенгагене, обладавшего высшим военным авторитетом за пределами Советской России, командующим армией. Бермондт обещал подчиниться ему.

Между тем генерал Гурко, которого я лично письмом просил принять на себя командование, ответил очень вежливо, однако отказом. Генерал Бискупский не смог добиться своего, Вырголич подчинялся лишь неохотно, одного русского генерала, посланного Бискупским, чтобы сместить Бермондта, тоже постигла неудача. Когда он прибыл, то, смеясь, объяснил, что как старый начальник штаба армии разберется с Бермондтом за 24 часа, ведь он, разумеется, сможет стать выше Бермондта. Однако спустя два дня он был очень счастлив тому, что Бермондт признал его в качестве начальника штаба, и затем спустя короткое время он был вновь отправлен к Деникину с неким поручением.

Вот так Бермондт остался командующим русских, однако командование не было обеспечено дельным штабом. И это стало тем важнее, что Бермондт являлся очень хорошим солдатом, но до сих пор лично командующим не бывал, участвуя в войне лишь в качестве младшего командира. У полковника Вырголича также не имелось опыта высшего командования.

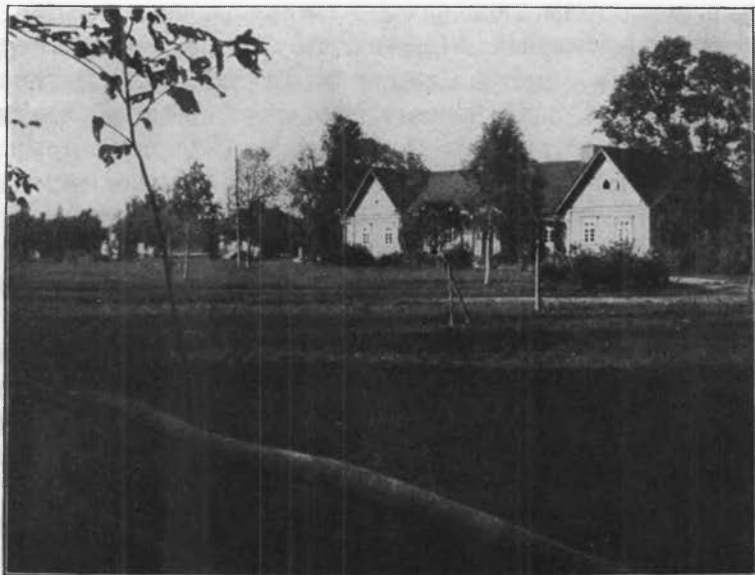
Обеспечение верховного командования было, однако, тем важнее, что развертывание корпуса Бермондта предусматривалось мною в первую очередь на тот случай, если германские войска по приказу правительства или Антанты вынуждены будут оставить бывшие русские территории.

Так как германские солдаты не хотели возвращаться на Родину, но не могли остаться в качестве поселенцев, если не свергнут силой противящееся этому правительство Ульманиса, то им оставалось лишь поступить на русскую службу. Здесь в Прибалтике, возникло русско-немецкое войско, которое оттуда продвигалось бы через

Динабург на Витебск — Вилейку: в то время как Колчак и Деникин взяли в оборот большевиков с востока и юга, вывод 6-го резервного корпуса, пусть и в Восточную Пруссию, более не вызывал сомнений, ведь следовало полагать, что не одобряемое правительством Германии наступление в глубь России, в конце концов, состоится. Можно было надеяться, что, когда покончат с господством большевиков в России, будет положен конец и их постоянному влиянию на германских большевиков с помощью русских денег и русской же пропаганды, чем будет убит и большевизм внутри Германии, а голова гидры германской революции, ненасытной и клонящейся все левее и левее, будет срублена.

Вместе с продвижением германо-русских войск для утасаживающей экономической активности Германии открывались новые области для ввоза и вывоза товаров. Надеялись, что тем самым можно будет частично освободиться от все еще висящего над Германией дамоклова меча новой блокады, начав поставку в Германию товаров, за которые придется платить чуть дешевле, ведь теперь валюта вновь будет иметь хождение. Мне было известно, что, например, восточнопрусская деревообрабатывающая промышленность, имевшая большое хозяйственное значение, с ее тысячами работников, переживала тяжелые времена и уже явно угрожала обратиться в руины, если не будет поставлена древесина из Литвы и Курляндии. У Динабурга были крупные запасы железа, а район Витебска считался житницей, так же как и Латгалия (район к северо-востоку от Двинска), которая в 1918 году была еще хорошо развита и имела запасы с тех времен. Делегация из Латгалии просила у меня в Риге помощи и представила весьма интересный хозяйственный отчет.

Следовало считаться и с теми, кому несли освобождение от большевистского ига, давая им возможность возобновить хозяйственную деятельность, на чью дружбу можно было рассчитывать при сколько-нибудь умелой дипломатии и достойном поведении войск. Такое я видел в Финляндии, хотя экономических преимуществ для нее было немного. Естественно, в жизни людей и народов на благодарность приходится рассчитывать редко. Однако в данном случае имелись крупные общие интересы обеих соседних стран: общая борьба против переворота и противостояние с поляками, совместная работа, создание крупного экономического союза в Восточной Европе, который смог бы образовать противовес безжалостным победителям в Мировой войне, неверным союзникам России. Ненависть к Англии среди русских нарастала, в том же объеме росли симпатии к Германии.

Саткуны (германская штаб-квартира в сентябре-октябре 1919 г.)

Вид на Ригу с берега Западной Двины

Граф фон дер Гольц и полковник Бермондт

Однако, естественно, вместе со мной так думали только правые круги Германии, и то лишь те, кто еще не лишился понимания восточных вопросов и не утратил нервов, а потому считал всякую попытку добиться хоть чего-то обреченной. Даже у «демократов»¹⁶⁰ старая ненависть к автократической, антисемитской России раз за разом не допускала и мысли о сближении с единственным еще возможным для нас союзником. Они не сомневались в том, что восстановить Россию в неизменном виде не сможет ни один из реальных политиков, так же как и Германию. Ведь жизнь народов и людей суть движение вперед или назад. В настоящий момент следует выйти из регресса, когда подавляется свобода всех людей, не принадлежащих к той же партии, и позволить воплотить воззвания о мире, свободе и хлебе, прекратив гражданскую войну, террор и забастовки.

Однако абсолютными противниками моих стремлений к русско-германской дружбе между стремящимися к порядку и развитию кругами обоих народов были социал-демократы и спартакисты. Ведь они являлись открытыми сторонниками большевиков или сочувствовали им и поэтому самым жестким образом боролись как со мной, так и с другом Германии Бермондтом и его антибольшевистскими войсками, действуя словом, печатью и делом и, в конце концов, сорвав наши замыслы.

Если из корпуса Бермондта и могло что-то получиться, то надо было подкрепить его командование германскими офицерами-генштабистами. Ведь, тщательно взвесив, казавшееся очевидным иное решение, чтобы я сам с предположительно легко устремившимися со мною офицерами Генштаба принял на себя руководство русским корпусом и перешедшими к русским германскими частями, я отклонил. В этом случае я бы признал всю эту операцию немецким предприятием в глазах как русских, так и Антанты. Тогда русские, вероятно, рассматривали бы нас не как освободителей, а как завоевателей, и Антанта сделала бы все, чтобы помешать предполагаемому германскому империализму. Я охотно послужил бы этому великому патриотическому делу, однако по деловым соображениям должен был лично держаться в стороне от того, что сам предварительно организовал.

Тем сильнее было мое стремление заполучить германских офицеров Генштаба. Однако все мои попытки привлечь кадровых или отставных генштабистов провалились, потому что никто не хотел рисковать.

Помимо заботы о командовании головную боль представлял из себя и вопрос с финансированием. Шли бесконечные переговоры, чтобы получить наличными требуемые крупные средства. Не пришло еще время, чтобы написать об этом все в деталях. Я не недооцениваю трудностей и сомнений, хотя и полагаю, что при полном осознании значения этого дела, последнего шанса спасти Германию, они были бы преодолены. Однако главная трудность заключалась все же в самом германском правительстве, которое, конечно, страшилось большевиков, однако еще более опасалось будущей России, созданной правыми, поэтому по политическим причинам оно явно не выказывало никакого интереса к операции. Так, партийные круги боялись, что германское правительство и Антанта приведут эту операцию к краху, и потому их деньги будут потеряны.

Поэтому моим стремлением было в первую очередь завоевать симпатии германского правительства к данному плану, чтобы оно заявило о своей готовности хотя бы прямо не вредить операции, а лишь спокойно терпеть ее. Для этого не понадобилось бы много мужества. Ведь Советская республика не была признана Антантой. И ей все же в действительности нечего было сказать против того, чтобы широкие круги русских, стремящихся к порядку, таких как Колчак, Деникин и Юденич, развернули бы к востоку от границ Германии армию, чтобы освободить свое несчастное Отечество от красного террора. Русские не требовали от Германии ничего, кроме разрешения закупать у нее продовольствие для себя и поддержания железнодорожного сообщения через Литву и Латвию, чтобы иметь возможность снабжать русские войска. Так как и в том, и в другом у Германии были свои экономические интересы, и, кроме того, это должно было держать от нее подальше большевистскую опасность, в самом худшем случае никому не показалось бы, что Германия сделала что-то против восстановления порядка в России. Ведь замысел, который появился в головах у некоторых еще в ходе войны, — дескать, Германия не имеет никакого интереса в том, чтобы великий сосед вновь быстро получил подавляющую силу, — был уже давно оставлен.

Забота о том, чтобы удовлетворить Антанту, не должна была удерживать германское правительство от того, чтобы предоставить русскому Западному корпусу свободу действий. Ведь его военные успехи должны были послужить тому, чтобы освободить Германию из рук угнетателей из Антанты. Однако в распоряжении последней имелось лишь два средства, чтобы навредить операции Бермондта:

помощь государствам-лимитрофам и экономическое давление на Германию. Бермондт был достаточно мощным с военной точки зрения по сравнению с окраинными государствами или даже более того, он мог бы их завоевать, что было вполне вероятно в случае с Литвой. Весьма ожидаемому экономическому нажиму на Германию со стороны Антанты можно было бы дипломатически противостать, если операция Бермондта будет рассматриваться как чисто русское предприятие по борьбе с большевизмом, к которому Германия как государство не причастна. Ведь вопрос был не в участии Германии или в удачном исходе, а только в нейтралитете и терпении.

Финансовые переговоры не привели к цели, но и не были прерваны, потому что возникали все новые планы, пробуждавшие все новые надежды. Так что дело тянулось все дальше, поэтому мне пришлось стремиться к тому, чтобы использовать это время для возможно большего усиления русского корпуса и вывода германских войск, который официально планировался германским правительством еще с середины мая (было приказано медлить или предотвращать его до тех пор, пока они не будут готовы к переходу в определенный момент).

РОСПУСК ЛАНДЕСВЕРА

Мой дневник от 11 июля: «Гоф все решает здесь с теми, кто ему нравится, и все это — помимо меня. Так, он решил следующим образом: ландесвер может продолжать существовать, если оттуда будут уволены все немцы из рейха, а во главе его встанет англичанин, господин Александер, причем завтра.

Я был сегодня в Туккуме, после того как провел ночь почти без сна, потому был в плохом настроении, и там имел очень серьезный разговор с влиятельными балтийцами: я полностью понимаю их опаснейшее положение и осознаю, что им вряд ли остается что-либо кроме обращения к заносчивым победителям, если они не хотят совершенно нищими покинуть навсегда свое 700-летнее пристанище в Прибалтике, отправившись в Германию. Ведь когда-нибудь и мы должны будем уйти отсюда, а удержаться одни они не смогут. Русский вопрос из-за финансирования все еще не решен. Однако они должны лишь поддерживать мир и дружбу с Германией, выполнять все договоры и обязательства, образовывая из немцев

рейха особые формирования со всеми необходимыми материалами и лошадьми. Затем можно было бы перейти к отдельным миниатюрным балтийским отрядам. Никаких документов не брать. Оплата всех обязательств перед Германией и отдельными гражданами рейха. Самое важное — спасение чести, а потому в печати все должно освещаться так, что переход не считается предательством, как это может показаться на первый взгляд. Они также должны думать не только о потребностях текущего момента, а о будущем, которое кое-что значит для балтийцев и в Германии, и в России.

Моя речь произвела впечатление, потому что я напомнил им, в каком положении пребывают их родственники в Германии, наслаждающиеся тамошним гостеприимством¹⁶¹.

Господин фон Самсон ответил обширной речью, в которой выразил безграничную благодарность Германии, германским войскам и мне.

Я сказал, что воспринимаю это как само собой разумеющееся, однако важно правильно представить эту ситуацию прессе, которая не знакома с деталями.

Сам роспуск должен был последовать в течение следующих двух недель. Этот срок господин Александер должен был вытерпеть.

Итак, и в этом мирный договор с Германией подействовал уничтожающе. С тех пор как Германия его подписала, мы здесь, за рубежом, оказались бессильны, беспомощны и неправы. Повсюду крысы покидали тонущий корабль. Все более наглыми становились и литовцы. Они пытались устраивать различные диверсии на железных дорогах. Когда в ответ на это германский бригадир вызвал к себе командира литовцев, тот приказал ему ответить, что к немцу не пойдет, так как не считает нужным. О том, что Литва была освобождена немецкой кровью, более и знать не хотели. С момента подписания постыдного мира исчезли последние остатки уважения и страха перед Германией. Считали, что по отношению к нам могут позволить себе все. При этом надо было сохранить гордость, чтобы не поддаться Гофу и попытаться удержать свою силу с помощью русских.

Однако Родина, заключившая позорный мир, шельмовала нас. Я презирал эти карикатуры на немцев, не опускал головы и почти не злился».

Дневник от 13 июля: «Англичанин “позволил”, чтобы германские офицеры оставались под его командованием еще 4 недели и лишь потом покинули балтийский ландесвер. Поэтому я выпустил

распоряжение, в котором указал, что, по моему мнению, германский офицер, который подчинится англичанину, хотя бы он и знал, что это только на 4 недели, обладает недостаточным количеством национальной чести, чтобы дальше иметь возможность служить в германской армии.

Странным образом в этом приказе увидели критику балтийского проекта в целом и не хотели понять, что между балтийцами, которые находятся в сложном положении, и немцами рейха, которые спустя 5 лет войны со своими смертельными врагами должны были позволить заключить позорный мир, есть существенная разница. Граф Дона утверждал, что в дальнейшем существовании ландесвера нуждается и Германия. Это было так, это было известно и мне, поэтому я пытался материально поддержать новые формирования, насколько это было возможно, однако это не должно было быть сделано за счет германской чести и погребения чувства чести у офицеров. Будущее ландесвера под английским командованием и мне внушало опасения. Латыши сделали бы все, чтобы распустить ландесвер или же сделать из него чисто латышское формирование.

К англичанину в подчинение должны были посылать лишь отдельные роты, когда те будут лишены германских офицеров».

К сожалению, мои тогдашние сомнения в будущем подтвердились. Ландесвер еще несколько месяцев защищал границы страны от большевиков для Ульманиса, служа ему в качестве полицейских частей и позднее — под руководством командиров-латышей и потеряв свой немецко-балтийский характер. Впрочем, это хоть и должно было, по замыслу, послужить уничтожению балтийской гордости, однако на деле, продолжая военную службу, балтийцы получили преимущество, так как могли по меньшей мере сохранять контроль над частью своих поместий. Поэтому с практической и германской точек зрения политику лавирования господина фон Самсона нельзя в чем-то упрекнуть, если даже позднее и можно будет дать ей окончательную оценку.

К сожалению, я должен был сознаться себе, что в это тяжелое положение балтийцев поставила Германия. Там, ликуя, встречали немецких земляков как победителей и должны были теперь, после внутреннего крушения непобежденной германской армии на Востоке и после краткого возрождения весной 1919 года, из-за Версальского мира склониться даже не перед русскими, а перед латышами, чтобы не позволить древней Родине стать большевистской или же не потерять ее совсем вместе со своими владениями.

Многие, особенно в ландесвере, пошли против желания и чести, но все же не смогли что-либо возразить на объяснения и, скрежеща зубами и с надеждой на лучшее будущее, уступили жестокой необходимости. Я всегда буду хранить благодарную память о старых военных товарищах и истинных германцах, которые и под латышами, и под русскими, зачастую и на русской службе, все же остались немцами, а национальной гордости и твердости народного характера у них могли бы поучиться многие немцы рейха.

ТРЕБОВАНИЕ ОСТАВИТЬ ЛАТВИЮ

В середине июня я получил из высшей инстанции сохранившееся у меня до сих пор особое указание, что оставление Прибалтики уже было обещано Антанте Эрцбергером, однако, несмотря на это, оно нежелательно. Все дальнейшее было предоставлено моему искусству, и мне даже сообщили, что при подходящей возможности я могу перейти на латышскую службу.

Это указание в основном согласуется с моими постоянно повторявшимися запросами и отчетами о значении Прибалтики для безопасности и будущего Германии.

Версальский мир и кампания против эстонцев, однако, существенно ухудшили наше положение. Вследствие этого указание уже не могло иметь значения, и спустя некоторое время оно было изменено. И все же оно показало мне и всем сочувствующим, что в Германии и в революции надо подчиняться приказам¹⁶².

Таким образом, многим, но ни в коей мере не только военным инстанциям было желательно и даже требовалось, чтобы мы оставались в Прибалтике. Официально, чтобы прикрыть это, отдавались другие приказы. Устно, однако, передавали, что ничего не имели бы против, если бы я действовал строго наоборот. А потому были бы очень рады, если бы я принял ответственность за это на себя.

Такие обстоятельства сильно повлияли на поведение германских командиров и частей позднее, в августе и октябре. Ведь после всего, что произошло перед этим, нельзя было ожидать, что тогдашние приказы будут исполняться со всей строгостью. Полагали куда более, что и на этот раз подействует старое правило: «Мой мне шуру, да только не промочи меня»¹⁶³.

В середине июля в ситуацию вмешалась Антанта. Генерал Гоф просил о встрече, которая произошла после переговоров 19 июля у Винтнапе у Олая, то есть между нашими позициями.

Так как я еще не получал указания германского правительства обсуждать с ним отступление из Латвии, то у меня при ведении переговоров было преимущество. Чтобы, кроме того, иметь возможность не связывать себя ответом, я приказал вести переговоры через капитана фон Ягова.

Однако до этого я был вполне оправданно резок с генералом Гофом, причем так, что это воспринималось или будет воспринято как ужасный промах всеми германскими профессиональными дипломатами. Я должен был впервые встретиться с английским генералом, который при всякой возможности как соответствующими «приказами», так и разрушением столпа Гинденбурга в Либаве пытался подорвать германскую честь, а теперь он должен был потребовать оставления Латвии. Я знал, что тогда не смогу более ничего изменить переговорами, то есть было бессмысленно вести их хорошо. С другой стороны, я до глубины души был задет тем, каким образом, начиная с перемирия, вынуждены вести переговоры с Антантой представители Германии, и особенно позорными параграфами мира. Поэтому я решил показать победителю, что не следует путать германского генерала с представителями новой Германии.

Генерал Гоф, маленький, жилистый, подвижный господин, очень дружелюбно вышел мне навстречу и еще издали стал протягивать мне руку, словно старому другу. Я приветствовал его, приложив ладонь к фуражке. Гордый англичанин полагал, что имеет место недоразумение. Он еще раз протянул мне руку. Я вновь очень серьезно отдал ему честь. Тогда он запрокинул голову и шокированный отошел. Я приказал сказать ему через военного советника посла, что с представителями страны, которая требует выдачи моего кайзера и германских товарищей, я в состоянии вступить лишь в чисто деловые отношения.

Эта стычка не оказала неблагоприятного влияния на переговоры — возможно, даже напротив. После того как Гоф огласил требования Антанты, капитан фон Ягов тут же перешел в наступление. Для начала нужно было выполнить два условия. Оставление территории не должно было ни в коей мере осложняться противником. Далее, еще до выступления частей маршем следовало договориться о судьбе солдат, которые перешли на латвийскую службу или же вследствие их претензий на латвийское гражданство хотят остаться в этой стране.

Генерал Гоф, ссылаясь на параграфы 292 и 293 мирного договора, полностью отклонил возможность того, чтобы немцы

оставались в Латвии, да и Ульманис заявил, что не успокоится, пока последний немец не покинет страну, поэтому Гоф, даже если бы хотел этого или согласился, ничего не мог изменить. Доктор Бурхардт с большим искусством и тактом имеющего юридическое образование и овладевшего диалектикой правоведа, переходя то на немецкий, то на английский, попытался убедить представителей Антанты в праве на это отдельных солдат, заключивших частное соглашение с Ульманисом. Наверное, это имело только тот результат, что членам Антанты было показано, что они защищают не-правое дело; по существу же ничего не изменилось. Антанта действовала с точки зрения силы, а не права, и нарушение обещания предоставить солдатам гражданство было уже изначально решенным делом. По крайней мере обманутые солдаты в попытках заместителя посланника увидели, что и он использовал все средства, чтобы защитить их права. Наконец, я просил сообщить Ульманису, что могу назвать его поведение лишь бесстыдной неблагодарностью, что и было обещано.

Затем мы перешли к вопросу о самом отступлении. Капитан фон Ягов доказывал, что сначала должны быть вывезены материалы, затем часть войск на их позиции южнее Шавли; затем туда же должен последовать мощный арьергард, чтобы потом оттуда уже был продолжен вывоз по железной дороге, и, наконец, опять же сильный арьергард должен был отступать маршем в Восточную Пруссию, одновременно обеспечивая защиту железных дорог от литовцев. На все это требовалось около 75 дней, так как в целом ежедневно можно было отправлять не более 3 поездов.

Бесспорные с оперативной и генштабистской точек зрения выводы поразили представителей Антанты, так что они не смогли что-либо возразить, к тому же верховодившие среди них англичане знали, что за 4 года войны сами переняли из всей германской школы Генштаба не более чем азбуку.

Разумеется, для меня был желателен медленный вывод войск. Ведь в процессе него можно было бы закончить формирование корпуса Бермондта, и, кроме того, должно было выясниться, можно ли будет создать материальные и политические основания для перехода германских добровольцев на русскую службу.

В связи с этим надо было установить, какие из частей не имеют намерения переходить на русскую службу, отправив их в первую очередь, а для других выиграть, насколько возможно, время.

ОТНОШЕНИЕ ВОЙСК К ОТСТУПЛЕНИЮ

Со времен дней под Венденом под воздействием строгой дисциплины моральный и национальный дух частей на фронте существенно поднялся. Свой вклад внесли отделение пропаганды капитана Финтельмана и возглавляемая господином Дорманном прекрасная солдатская газета «Барабан», весьма охотно читавшаяся личным составом, а кроме того, крайне положительно действовала мысль о том, чтобы обеспечить себе будущее в Прибалтике в качестве поселенцев, удерживая здесь лучшие элементы.

Новая обстановка с перспективой отказа от ставших дорогими товарищеских уз и корпусного духа единства, с возможностью расстаться со всеми надеждами на будущее была тяжелейшим испытанием на прочность как раз для этих отличных солдат.

Через несколько дней после 19 июля я собрал своих командиров до батальонных включительно в штаб-квартире корпуса в Митаве, Кирхен-штрассе, 5, чтобы сказать им, что теперь Латвия действительно будет очищена от частей, состоявших из немцев рейха.

Остаться можно было — но точно не как поселенцам, поскольку это было запрещено Антантой и правительством Латвии. Если часть войск, вооружившись, все-таки разойдутся по поселениям в этой далекой стране, то они будут уничтожены численно превосходящими и теперь не столь уж слабыми вооруженными силами Латвии. Так что совершенно исключено удержаться против них в этой стране, став поселенцами. Кроме того, войска довольно быстро рассеются, если не будут, как прежде, получать оплату и довольствие, или же превратятся в банды грабителей, что нужно предотвратить непременно.

Остаться, вероятно, можно, перейдя на русскую службу, этому есть крупные, национальные основания. Да и каждому в отдельности, кто остался бы без куска хлеба в Германии, здесь за морем можно будет продержаться еще какое-то время и, может быть, получить постоянную работу, а также завоевать обеспеченное будущее в России.

Эта неплохая мысль на практике, однако, вызвала серьезные сомнения. Во-первых, Антанта, скорее всего, не потерпит немцев на русской службе. Конечно, в качестве средств воздействия против этого у нее только государства-лимитрофы да германское правительство, на которое она могла бы надавить. Однако прежде всего оставался невыясненным вопрос финансирования и снабжения.

Не хватало шуб, зимнего обмундирования, прожекторов, железнодорожного оборудования. Не хватало и надежной базы, которой могла бы стать только Литва. Оттуда затем пришлось бы вести операции в узком проходе между латышами и поляками на Двинск и дальше, чтобы затем воссоединиться с левым флангом Северной армии у Пскова и наступать далее на восток. Наконец, и высшее командование было бы обеспечено только в том случае, если бы удалось побудить немецких офицеров-генштабистов переходить на русскую службу. Я сам не смог бы остаться (хотя охотно сделал бы так в интересах общего дела), поскольку в этом случае все предприятие становилось бы слишком немецким. Однако я и из Германии мог бы по возможности заботиться о войсках. Все это, без сомнения, было очень важной попыткой действовать в германских интересах, действия же каждого из солдат по отдельности — лишь опасной авантюрой, в ходе которой им бы пришлось отказаться от всех полученных дотоле выгод.

В связи со сложившейся обстановкой я приказал, чтобы части доложили непосредственно в штаб корпуса, кто собирается домой и кто, несмотря на все сомнения, хочет остаться здесь, в случае если будет улажен вопрос с финансированием.

Весьма показателен был результат: авторитетные люди отговаривали от этого, так что и оптимисты разочаровались. Идеалисты же страстно говорили о том, что в интересах Германии надо взять риск на себя.

Один южногерманский священник, женатый, отец нескольких детей, спросил меня, что ему делать. Я сказал: «Отправляйтесь домой. У Вас есть профессия, причем весьма важная — побороть всеобщую аморальность». Однако он все же склонился к тому, чтобы остаться. Здесь он был более полезен как пастырь, нежели там за кафедрой.

14 дней спустя состоялось новое обсуждение, где я вынужден был сообщить, что вопрос финансов все еще не решен. Задерживать далее отправку было едва ли возможно. Отправка первого транспорта с войсками Железной дивизии была назначена на 24 августа. Если до тех пор не будет найден финансовый выход из ситуации, вывод войск станет неизбежным.

В этих обстоятельствах, чтобы иметь возможность позаботиться о войсках и их будущем на случай отступления, я сделал запрос на Родину о подготовке там возможности к расселению. Этот запрос, о котором было извещено и мое командование в Бартенштейне, выглядел следующим образом:

«Борьба против большевизма окончена. В полном осознании и верности своему долгу подчиненные мне войска победоносно защищали границы Отечества от вражеского вторжения. Несмотря на 4,5 года военной службы, они приняли на себя миссию вновь выступить на фронт на защиту родного клочка земли. Теперь они возвращаются назад в глубокой тревоге о своем будущем. Большая часть из них (примерно 10 тысяч человек) хотела остаться в прибалтийских провинциях в качестве поселенцев, чтобы там основать себе новую Родину. Они были обмануты в своих надеждах латвийским правительством. Теперь они ожидают, что о них позаботятся, и требуют обеспечить им клочок земли, за который они сражались. Они ожидают от правительства абсолютного понимания их угнетенного положения, однако понимания не в форме обещаний, а в виде конкретных дел. Правительство рейха должно быть тем более склонно к исполнению их желания, чем более мягко они будут просить расселения.

Если правительство теперь бросит на произвол судьбы защитников Родины там, где они требуют защиты своих прав, если ему не останется сил на энергичные меры, то из лояльных правительству войск образуется толпа недовольных, которая будет сильно разочарована в правительстве и может частью перейти в лагерь его врагов. Сохранившийся вплоть до самого конца полный порядок в войсках будет нарушен, если не будут в должной мере приняты меры ради бойцов.

Штаб корпуса поэтому просит, чтобы правительство рейха занялось скорейшей подготовкой возможностей для размещения и земли для расселения, чтобы войска видели, что правительство принимает их с благодарностью и признательностью. Так как требования земли раздаются очень громко, необходимо крайне срочное сообщение о позиции правительства, чтобы оно успокаивающе подействовало на войска».

Для дальнейшего развития событий стало роковым то, что со стороны правительства никогда не предпринималось чего-либо серьезного для того, чтобы обеспечить будущее войск из Прибалтики.

Во время моего пребывания в Берлине тремя неделями позже в ответ на мой вопрос о возможностях расселения в Германии указывали лишь на сложности этого предприятия. И в разговоре, имевшем место примерно 22 августа в Берлине, мне сообщили, что, судя по предыдущему опыту, вовсе не гарантировано даже обеспечение защиты войск от бойкота внутри страны со стороны «независимых».

Между тем шла лихорадочная работа над решением финансового вопроса. Возникали самые различные планы. В качестве свидетельства я привожу в приложении протокол одного из многих совещаний, что я вел тогда; на этот раз с прибывшим в качестве посыльного от русских Рёммером, доверенным лицом Бермондта, и специально по финансовому вопросу. К сожалению, холодный скепсис, который я проявил по отношению к новым, явно специфическим сообщениям, не был свойственен всем моим подчиненным, которые раз за разом полагали, что я в целом не разделяю замысел операции русских, а потому они хорошо сделают, если будут сами вести переговоры в Германии за моей спиной. Именно эти переговоры совсем молоденьких офицеров или же полностью поддавшихся иллюзиям личностей сыграли не последнюю роль в том, что серьезные инвесторы ответили отказом. Однако, конечно, мне как нефинансисту было тяжело сохранять холодный разум по поводу русской склонности питать иллюзии. И все же к середине августа мне становилось все яснее, что больших денег в Германии нет.

И поскольку русского правительства, которое заявило бы, что Курляндия и Литва — старые русские области, то есть входящие в основную территорию России, что это можно было бы считать платой за выделенные русским деньги, не нашлось, то финансовых документов так и не было подписано.

С другой стороны, следовало бы обещать широчайшую автономию окраинным государствам, чтобы тем самым получить обеспеченную с военной точки зрения базу. Ведь государства-лимитрофы теперь стали врагами, и сначала пришлось бы схватиться с ними, вместо того чтобы иметь их в качестве надежной базы в тылу в ходе боев за Двинском на смоленском направлении.

Так как, однако, и эти предварительные условия к середине августа не смогли быть однозначно обеспечены, я вынужден был считать ненадежной затею с тем, чтобы остаться в Латвии и Литве под русским флагом, и приказал начать транспортировку, которая для основной массы войск должна была стартовать 12 августа, после чего последовала бы отправка имущества, а также тех солдат, которые собирались домой при любых обстоятельствах.

Несмотря на это, переговоры, нужные для создания предпосылок, продолжались. В связи с этим 12 августа я сделал не одобренный, к сожалению, запрос о том, чтобы в интересах безопасности Восточной Пруссии отправлять войска только до границы.

Бригада Шавли, которая находилась у меня в подчинении уже долгое время, была отправлена первой, однако ее сменил фрайкор Дибича.

По железной дороге Прекульн — Мемель были отправлены старые части губернаторства Либава. Там их сменил фрайкор Плевел (усиленный 2-й гвардейский резервный полк), который до этого был в резерве. Капитан фон Плевел, хозяин самого восточного из поместий Восточной Пруссии, собирался держаться сколько сможет, лишь бы защитить свою находящуюся в опасности Родину; с ним в этом были солидарны его войска, преданные своему предусмотрительному и испытанному в боях, награжденному Pour le Mérite командиру.

Таким образом, за счет перебросок 6-й резервный корпус становился все слабее. Однако мысль о том, чтобы остаться, засела во многих головах как офицеров, так и солдат. Хватались буквально за соломинку и надеялись на чудо.

Эти проекты находили своих приверженцев и во 2-й пехотной бригаде, и в бывшем ранее в составе ландесвера фрайкоре капитана-цур-зее Зиверта. После отправки штаба 2-й пехотной бригады и графа Йорка во второй половине сентября все эти фрайкоры были тактически подчинены капитану Зиверту и сведены в Немецкий легион. Капитан Зиверт встретил в лице капитана Вагенера одаренного, деятельного и полного идей офицера Генштаба. Вагенер, ранее бывший на польском фронте, после разочарования Версальского мира прибыл в Прибалтику, как и некоторые другие патриоты, чтобы там предпринять самую последнюю из всех попыток хоть что-нибудь спасти для нашего Отечества. Было понятно, что эти полные жизни, сильные натуры, наученные 4 годами войны тому, что потеряно только то, что сами бросают, так легко этой последней надежды не лишаются. И самые дурные из немцев так бы не думали. Это были последние боевые по своему характеру немцы, и чувствовали они себя последними представителями немецкого народа.

МОЯ МИССИЯ В КОЛЬБЕРГ И ВЕЙМАР

26 июля депутат от независимых Гаазе в Национальном собрании самым яростным образом набросился на проводимую на Востоке политику и особенно на меня и вновь потребовал моего отзыва оттуда.

Поэтому меня совершенно не удивило, что 2 августа во втором разговоре в Винтнапе с Гофом я получил от него «приказ» Антанты проводить отступление под ее контролем. Я возразил, что приказов от Антанты я, как и прежде, не исполняю. Однако, если же получу соответствующий приказ от моего правительства, то тут же сложу с себя командование и поеду в Германию. Требуемое к 20 августа отступление технически невыполнимо, а отступление даже в мелочах от плана вывода войск будет означать предание огласке вещей, которые надо сохранять в тайне, да еще во вражеской стране, а к такому руку я приложить не смог бы. Гоф затем еще раз спросил:

— Собираетесь Вы выполнять приказ Антанты или нет?

— Нет.

Потом я спросил, есть ли что еще обсудить, так как я хотел уже уехать.

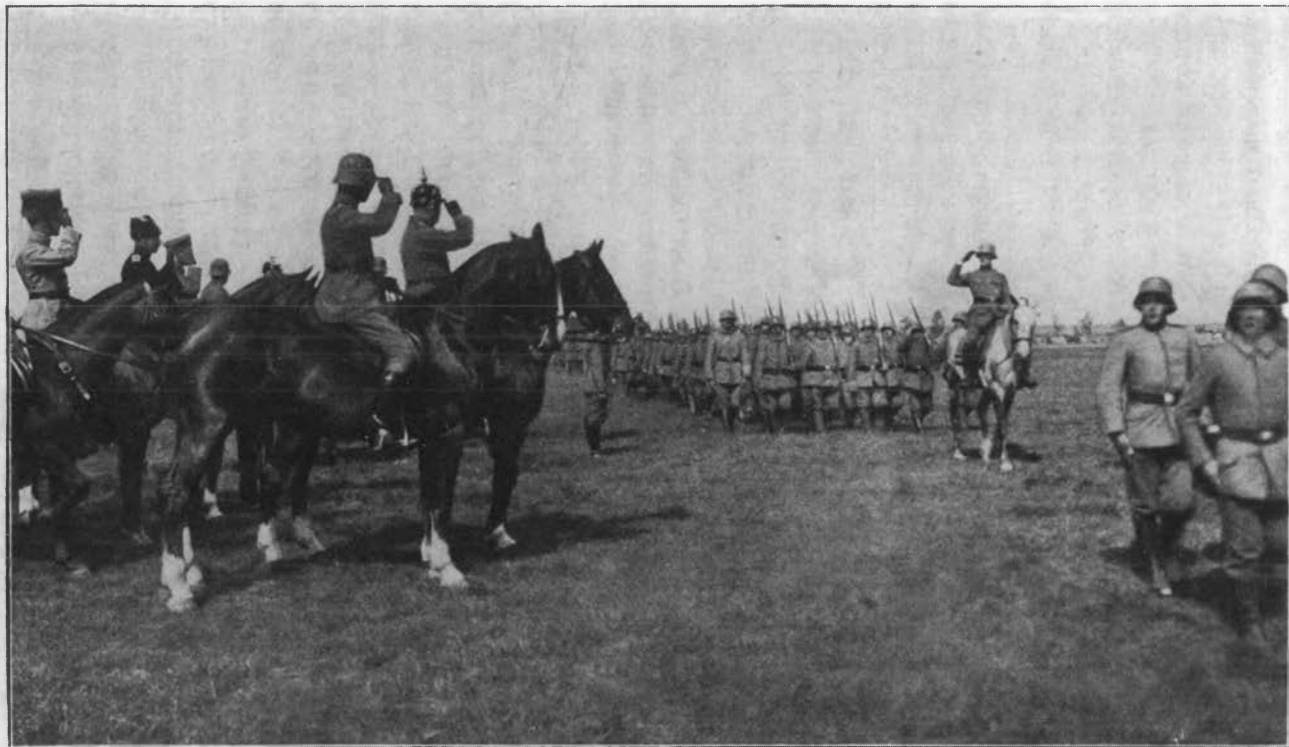
Я добился этим того, что я, а не он закрыл заседание.

После этого инцидента я не был удивлен, когда генерал Бурт, представитель Гофа в Риге, 5 августа сообщил мне устно, что Фош направил в комиссию по перемирию запрос, 1-й пункт которого гласил: «Генерала фон дер Гольца отозвать». Остальные пункты были таковы: оставление оккупированной территории к 20 августа, вывоз морским путем, с собой взять лишь столько оружия, сколько позволит генерал Гоф. Последнее означало разоружение германских частей на пароходе, а значит, латыши получали наше оружие и боеприпасы, и вывоз безоружных солдат, оставленных на произвол, и оскорбления в их адрес со стороны ненавидевших их латышей и англичан.

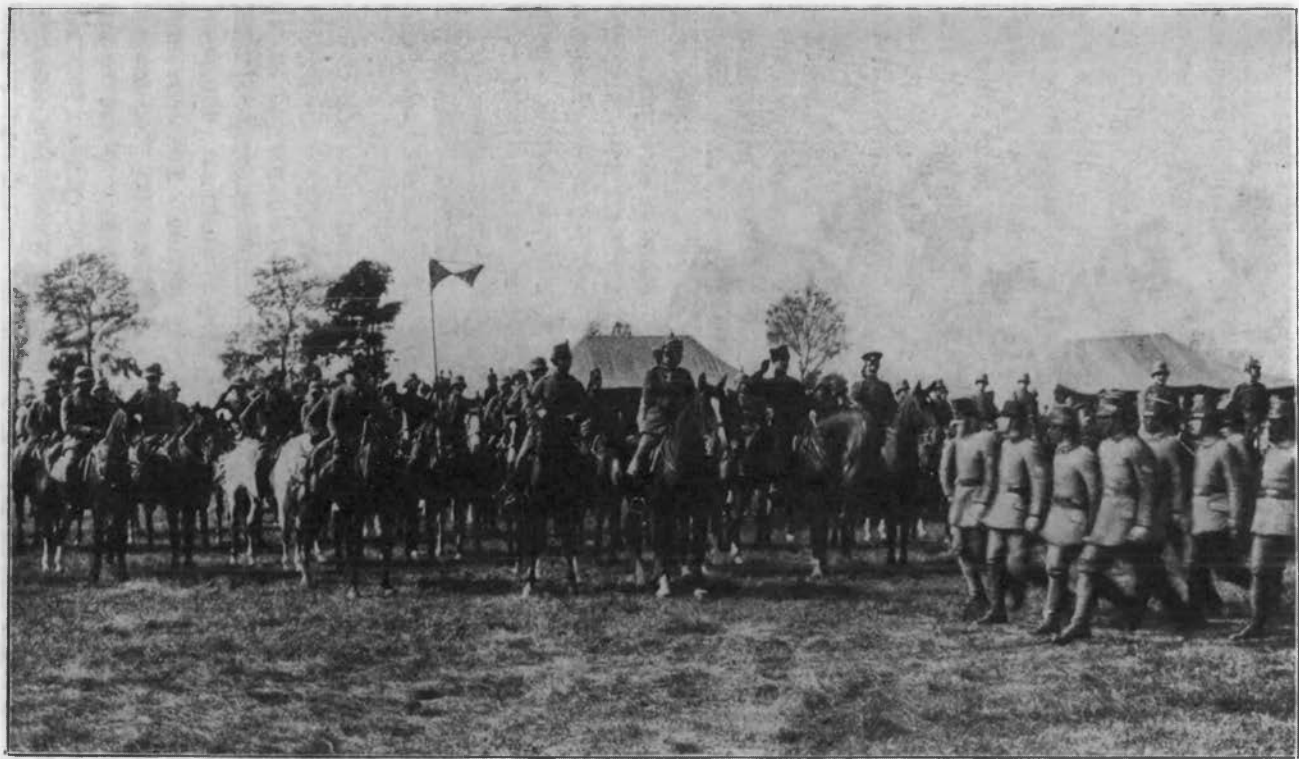
Я объяснил генералу Бурту, что никогда не подпишу такого, а майор Хагеманн добавил, что этого не сможет сделать и мой преемник, а если он и согласится, то откажутся сделать это войска.

В ответ на мой доклад правительство высказало мнение, что наш прежний план оставления территории с севера на юг тем самым шел наперекосья, и также отклонило мою отставку, так как я не сделал ничего такого, чего бы они не могли одобрить; я даже отправлялся к командному центру «Кольберг», наследнику когда-то столь прославленного ОХЛ.

У меня была возможность обсудить положение в Прибалтике и мое мнение с генералом Грёнером и его советниками и в целом добиться некоторого согласия, особенно и по русскому вопросу, значение которого было вполне осознано. Поначалу я не нашел понимания тому, что я и мой штаб обязательно должны оставаться

Граф фон дер Гольц и майор Бишоф принимают парад

Штаб корпуса и зрители на параде у Митавы 1 сентября 1919 г.

в Митаве ради наших войск и ради необходимых переговоров с русскими, латышами, балтийцами, Антантой, потому что, как я сказал дословно, «в Прибалтике каждый день приносит по меньшей мере один сюрприз». И все же удалось предотвратить то, чтобы штабу корпуса пришлось отправиться в Тильзит или Инстербург, то есть чтобы он оказался от войск в 12 часах езды поездом. По моему мнению, схема военного времени, по которой высший штаб должен находиться далеко позади линии фронта, не подходила к нашей обстановке, так как к этому моменту мы находились почти что в мирной, но с политической и дисциплинарной точек зрения крайне сложной ситуации. Я заметил, что с правительством, видимо, был найден компромисс, благодаря чему я так и не был отозван, однако моя штаб-квартира должна была быть удалена от представителей Антанты.

В связи с этим штаб корпуса в сентябре отправился в Янишки, а также в соседние Саткуны. Сам я с начальником штаба и 1-м и 2-м офицерами Генштаба находился в последних. В этом было преимущество, так как на этой испещренной оврагами территории нам приходилось больше передвигаться верхом, теперь мы жили в сельской местности. Однако трижды в неделю мы должны были ехать в Митаву, чтобы не позволять «поводьям волочиться по земле»¹⁶⁴. Таким образом, пусть и несколько усложнившись, все осталось по-старому, как и столь часто бывает при компромиссах.

По желанию генерала Грёнера¹⁶⁵ я согласился выехать с ним в Веймар. Для этой поездки я еще раз постарался достичь с ним полного согласия, чтобы мы при переговорах с рейхспрезидентом Эбертом и господином Мюллером отстаивали одну и ту же точку зрения. В замке великого герцога я сделал перед этими господами краткий доклад о положении в Прибалтике и о значимости проводимой мною политики и получил, согласно моим записям, об этом следующие ответы на поставленные мною конкретные вопросы:

1. — Что сделает правительство против добровольно оставшихся в Прибалтике солдат? — Ничего. Это их личное дело. Солдаты делают это на свой страх и риск.

2. — Будет ли правительство силой препятствовать снабжению русских или же молча будет его терпеть? — Против этого они ничего не предпримут.

3. — Согласится ли правительство на оплату русским и обеспечение их продовольствием хотя бы в течение сентября? — Это будет решаться на заседании кабинета.

Там одобрили выделение денег, причем Носке сыграл в этом решающую роль.

Министр рейхсвера и теперь выказывал полное понимание в балтийско-русском вопросе, в чем я, к моей радости, смог убедить-ся в ходе имевшего место на следующий день заседания в Берлине.

Он ответил на вышеупомянутые 3 вопроса примерно в том же духе, а на вопрос № 2 добавил: «Естественно, с учетом Антанты мы не можем официально подтвердить факт снабжения, однако если где-нибудь в Восточной Пруссии образуется еврейский потребительский кооператив, который будет снабжать русских, то против этого частного предприятия сказать будет нечего».

Представители правительства, с которыми я говорил, уже потому не могли отстаивать никакую иную точку зрения, что прямо перед этим они, а также представители всех партий, заверили делегацию поселенцев в своем содействии, о чем та сообщила мне. Я должен был обратить внимание господ Эберта и Мюллера на то, что они своим поощрением поселенцев сделали мне мало приятного, ведь я так долго полагал, что программа расселения — утопия, до тех пор пока не будет побеждена большевистская опасность и не подавлена ненависть к немцам со стороны латышей.

На вопрос № 3 заметили, что русские раньше получали жалованье от ландесвера, однако дальнейшие выплаты им необходимы, чтобы русские войска, среди которых было и около 1 тысячи немцев рейха, не восстали, оказавшись внезапно брошенными на произвол судьбы, и не обратили свою ярость против находящихся под Шавли и в Митаве германских войск. Кроме того, это резко оборвало бы только что завязавшиеся связи с будущей Россией, а Германия, отправившая русских в Курляндию и теперь не желающая им больше платить, из-за этого выставлялась перед всем миром как ненадежный партнер. Однако, по моему мнению, с октября русские должны были располагать уже собственными средствами, или же надо будет установить иной распорядок.

Относительно него я тоже переговорил с этими господами. В случае если деньги добыть не удастся, я видел следующие варианты:

1. Они поступают на литовскую службу (но без немцев из рейха), на что литовцы к настоящему времени, кажется, готовы из страха перед поляками. Предпосылкой для этого должен стать заём Литве со стороны Германии. Против такого плана высказался господин Мюллер — явно потому, что это должно будет послужить военным целям. Против цели высокой политики — таким образом

привязать Литву к Германии и одновременно защитить ее от большевизма — он не смог возразить чего-либо серьезного.

2. Они могли отправиться на один из финансируемых Антантой фронтов. Однако это бы противоречило настроению в этих частях, кроме того, явилось бы безусловной неудачей Германии и отказом от обороны Восточной Пруссии. Я объяснил, что такой вариант должен быть отложен по меньшей мере до вывода последних германских войск.

3. Прибалтийские части остаются на восточнопрусской границе до тех пор, пока не будет устранена большевистская опасность.

В ходе моих разговоров с господами Эбертом, Мюллером и Носке¹⁶⁶ я имел то преимущество, что мог указать им, что их товарищ по партии Винниг, обер-президент Восточной Пруссии, не считая пункта 3, полностью разделяет мою точку зрения. Помимо прочего 14 августа он писал мне:

«По моему мнению, правительство рейха должно было бы потребовать от Антанты согласия, чтобы мы оставили выдвинутый вперед в Курляндию и Литву заслон для охраны Восточной Пруссии. Правительство должно со всей настойчивостью отстаивать это требование перед Антантой. Учítывая то, как обстоят дела на Востоке, Антанта будет не в состоянии добиваться нашего отступления. Если же правительство сохранит твердость и будет последовательно подчеркивать, что эти мероприятия по обеспечению охраны Восточной Пруссии настоятельно необходимы, успех был бы возможен».

Характерно, что эту точку зрения отстаивал национально мыслящий и энергичный социал-демократ, главный чиновник находящейся под угрозой восточной провинции и знаток Латвии, позднее вновь поддержав ее перед лицом правительства рейха.

Сам я уже тогда более не верил в согласие Антанты, на которое надеялся Винниг, да и сам я когда-то. И тем более мне требовалось доказать правительству необходимость замены отправляемого 6-го резервного корпуса, чтобы они по меньшей мере не чинили препятствий этой смене.

Относительно последнего обстоятельства я встретил в Берлине и у одного из знакомых и влиятельных в восточных вопросах дипломатов глубокое понимание необходимости развертывания русской Западной армии и ее финансирования. Однако этого добиться не смог и он.

ОТКАЗ ПОВИНОВАТЬСЯ 24 АВГУСТА

На обратном пути мне повстречался майор Хагеманн. Вместе с ним вечером 24 августа я получил сообщение о том, что к нам навстречу к Шавли выехал капитан фон Ягов. Таким образом, должно было произойти нечто совсем особенное.

Что же произошло?

В Железной дивизии никакого настроения уезжать не было. Майор Бишоф хотел остаться в Латвии, чтобы осуществлять связь. Мысль о расселении ни у кого не нашла такого отклика, как у него. Однако командующий корпусом при всей симпатии к ней сомневался в ее выполнимости. Теперь он был в Германии. Каждый день приближал развязку. Войска осаждали командира, делегация поселенцев вернулась из Германии с гарантиями поддержки со стороны правительства и всех партий. Молодые финансовые агенты докладывали о все новых надеждах. Ну можно ли было в таких обстоятельствах оставить последние надежды? Разве имя «Йорк»¹⁶⁷ не продолжало упоминаться в прессе и в патриотических кругах? Неделями требовали «йорковских подвигов» для освобождения Отечества, разумеется, и не подозревая, что времена разбитого врага Наполеона и победоносной грядущей дружественной нам России были не сравнить с нынешней порой победившей враждебной Антанты и уничтоженной России. Поэтому я считал неуместным сравнение с Йорком — по моему мнению, оно никак не подходит для событий 24 августа, даже если мысли о Йорке и продолжали проноситься в головах. Однако мог ли действительно Бишоф что-либо сделать для спасения? Храброго солдата мучили почти противоположные друг другу доводы, а он привык к тому, чтобы все подчинять своей твердой воле.

Наконец, 24 августа командир в сопровождении своего 2-го офицера Генштаба отправился к железной дороге, чтобы там пожелать удачи первому отходящему составу с войсками. Так и созрело тяжелое, чреватое по своим последствиям решение. Он отдал приказ: состав не поедет. Остался и уже находившийся в Шавли батальон лейтенанта-цур-зее Рикхофа.

Затем он отправился к полковнику Фляйшеру, моему заместителю, и сделал этому уже поседевшему приверженцу старопруссских порядков доклад о своих действиях, которые не имели аналогов в истории старой армии. Ведь даже Йорк не действовал вопреки приказу своего отсутствующего начальника, а принял самостоятельное

решение, которое, вероятно, мог бы одобрить находившийся в 100 милях от него король и друг России, так как того требовал чуть ли не весь народ¹⁶⁸.

Майор Бишоф смог сообщить, что и капитан Зиверт одобряет его поступок и поддерживает его требования.

Майор Бишоф заявил примерно следующее:

«Латышское правительство якобы заключило с германским правительством договор, который содержал ряд обещаний для находящихся в Прибалтике войск в благодарность за их боевые свершения. С подписанием мира этот договор был аннулирован. Тем самым германское правительство приняло на себя вытекающие из договора обязательства позаботиться о войсках. Войска требуют, чтобы их права были соблюдены в той или иной форме. Они не хотят в связи с этим что-либо предпринимать против правительства или вызвать «контрреволюцию». Они желают только лишь настаивать на исполнении этих данных некогда обещаний.

В связи с этим он заявляет от имени его и капитана Зиверта войск следующие требования: подготовить до 30 % мест в рейхсвере в трех его бригадах, куда предполагается перевести войска из Прибалтики, и места в охранной полиции, временно оставить войска в их нынешней форме и их размещение на восточнопрусской границе, чтобы при необходимости защищать границы Отечества. Также: подготовка земель для поселения в пределах Германии, прекращение бойкота и травли в прессе, направленной против войск».

Возражения полковника Фляйшера услышаны не были. Не для того пошли на столь неслыханный шаг, чтобы отказаться от него при первых же возражениях. В данном случае за командиром стояли тысячи солдат, за которых майор Бишоф лишь произнес давно сдерживаемые и лелеемые слова. Тот, кто теперь требовал бы беспрекословного подчинения, как сразу после этого за столом переговоров произошло в высших инстанциях, тот не знал ни войск, ни солдат.

Нет ничего более показательного, нежели факельное шествие, которое пребывавшие в самом приподнятом настроении войска устроили своему командиру вечером 24 августа¹⁶⁹. И с этим следовало считаться.

Требования были по большей части оправданными, так как министерство рейхсвера на повторяющиеся раз за разом запросы штаба корпуса о попечении не давало определенного ответа, да еще и выяснилось, что распределение офицерских вакансий в рейхсвере произошло без учета офицеров-прибалтийцев, хотя было

однозначно обещано, что будут учитываться в первую очередь интересы тех, кто добровольно в течение года ставил за Отечество на карту свою жизнь. Для меня благодарное правительство, несмотря на множество красивых слов в газетах и речей, тоже не предоставило бригаду рейхсвера. Мне благоволили, пока опасались меня, и по той же причине хотели, чтобы я ушел.

И все же как солдат я никогда не смогу оправдать отказа в повиновении.

Офицер связи командного центра в Кольберге тут же выехал ко мне навстречу вместе с еще одним офицером Генштаба. Они полагали само собой разумеющимся то, что я тут же развернусь и поеду назад, так как не захочу встать во главе взбунтовавшихся войск. Но мы все же были не в старой Германии, в которой ничего подобного никогда бы не произошло. Следовало учитывать и новые обстоятельства. Нынешние войска и их командиры чувствовали, что они могут применить революционные принципы и против революционного правительства, которое бросило их на произвол судьбы и подавляет солдат, где только может. Поэтому я не мог признать верной эту точку зрения, хотя она и была бы для меня самой удобной. Однако тогда бы я пошел едва ли не на дезертирство. Ведь войска-то не взбунтовались, напротив, они, как я смог себя убедить, находились под воздействием высокого национального чувства и ожидали больших свершений, которые, конечно, были сложны. Я мог бы поднять мятеж только в том случае, если бы и сам отказался от дисциплины и заботы о войсках. Поэтому я решил вопреки приказам свыше пока что оставить мою штабквартиру в Митаве, что позже и было одобрено высшими инстанциями. На следующий день после прибытия я отдал приказ по корпусу на день, где не одобрял неповиновение, однако признавал, что войска были спровоцированы серьезной несправедливостью. Далее там говорилось:

«Несмотря на мое неприятие отказа в повиновении я не могу бросить войска. Я передам требования правительству рейха и буду их отстаивать вплоть до принятия решения о том, чтобы заботиться о войсках и далее.

До той поры отступление прерывается. Однако за это я требую неперемennого повиновения и дисциплины. Всякое отступление от воинской выучки, грабежи и акты насилия по отношению к латышам сделают исполнение пожеланий войск невозможным».

Сколь необходимо было мое присутствие, было продемонстрировано уже в день моего прибытия, когда некоторые злонамерен-

ные элементы, составлявшие примерно 10 % состава германских рот, а в русских отрядах и побольше, спровоцировали эксцессы. Поэтому я отдал следующий приказ:

«25 августа вечером около 200 немецких солдат германской и русской службы прошли по городу с грабежами, разорив латышскую казарму, а затем здание английской миссии и попытавшись взять кассу латышского банка. Обыкновенная попытка грабежа — вот единственное объяснение их действиям. Позорные деяния подобных люмпенов наносят вред и германской, и российской репутации. Губернатор Митавы принял меры, подготовив оружие и выслав ночные патрули, чтобы такие случаи больше не повторились. По любому грабителю стрелять без промедления, ведь пуля — это еще слишком мягко по отношению к подобному сброду».

Пусть же знает каждый, «он» снова здесь и недисциплинированности не потерпит.

Злоба на латышей и англичан за их мошенничество была столь велика, что у самых дурных элементов она прорывалась подобным образом. Мы, однако, должны прилагать усилия к тому, чтобы не сделать такими низостями правое немецкое дело несправедливым.

Так думали и среди здорового ядра личного состава, которые находились действительно в приподнятом настроении и пытались показать свой высокий дух за счет особенно достойного поведения. На улицах они смотрели на меня, и в глазах их читалась невысказанная мысль: «Мы доверяем тебе, доведи же начатое дело до удачного завершения».

Мне сразу же стало ясно, что я должен каким-либо образом попытаться осужденный мною поступок использовать для достижения великой цели в Прибалтике, хотя я почти что не видел способа, как достичь этой цели. И все же — действия Бишофа принесли выигрыш во времени.

Поначалу дело заключалось в том, чтобы обеспечить твердый контроль над войсками на все случаи, в том числе и на случай неминуемой отправки на Родину. Поэтому я не разделял сомнений моего офицера связи из командного центра «Кольберг», который считал само собой разумеющимся то, чтобы я не принимал участия в параде Железной дивизии, который проходил под Митавой в день Седана¹⁷⁰, потому что тогда и я стал бы «мятежником». Я, напротив, принял просьбу майора Бишофа провести этот парад, чтобы воздействовать на войска. Поэтому нижеследующая произнесенная мною речь нигде не вызвала возмущения:

«Соратники!¹⁷¹ Я присутствую на параде сегодня, чтобы убедиться в боевом духе частей и доложить об этом наверх. Вы знаете, я не одобряю отказа отправиться в Германию, потому что всякое неповиновение является с военной точки зрения чем-то неслыханным, скрывая в себе опасность, что тем самым падут все узы дисциплины и единения. Я поэтому также не могу и встать во главе движения, которое направлено против моего же приказа об отправке на Родину.

Однако я обещал остаться здесь и позаботиться о вас, ведь я отдаю должное тому, что ваши командиры, особенно командир Железной дивизии, ведомые заботой о своих солдатах и горячей любовью к Отечеству в сердце, стали ходатаями за свои войска.

Но и я уже давно думаю и работаю над тем, как позаботиться о вашем будущем и как можно защитить Восточную Пруссию, если испытанный в боях 6-й резервный корпус не удержит большевиков вдали от наших границ, а по настоянию Англии и по приказу правительства будет выведен и в основном распущен.

И я обязуюсь сделать так, чтобы на трудности пребывания и расселения в Курляндии обратили внимание, чтобы продолжали платить привычную высокую оплату и давать довольствие, а также позабочусь о невозможности вместе с русскими сражаться против большевиков, если для этого не хватит денежных средств, поскольку я и сам полагаю это крайне необходимым. Ведь я не хотел бы, чтобы вы почувствовали себя разочарованными и обманутыми. Я надеялся, что моим неустанным стараниям удастся достичь того, чтобы Англия, а значит, и наше германское правительство оставили нас здесь для защиты Курляндии и Западной Европы. Если же этого не случится, то следует неизбежно повиноваться и искать работу в Германии, ведь теперь все в Германии станут вашими врагами. Уже теперь нет ни малейшего понимания вашего положения, а только полное осуждение ваших желаний в газетах как раз тех партий, что стоят ближе всего к правительству.

Чтобы завоевать мир для вас, главным является показать им, что здесь в Курляндии — сплоченные части из хороших солдат, надежных людей и патриотически настроенных немцев, которые воздерживаются от каких-либо актов насилия по отношению к латышам и англичанам, несмотря на оправданную ненависть к ним. Вы сами должны заботиться о поддержании дисциплины и безоговорочно изгонять всякое люмпенское отродье, которого, к сожалению, прибыло к нам из Германии немало. Такие войска сумеют завоевать уважение всего цивилизованного мира. Независимые

и спартакисты называют такие войска реакционерами, потому что они противятся всякому, кто стоит за порядок и приличия. Однако это не должно нам помешать. Мы знаем, что будущее Германии за порядком и работой, если мы не хотим пойти ко дну и при этом увлечь за собой весь мир.

Главным для каждого немца является любовь к Отечеству. Короли Пруссии называли себя первыми слугами государства. Если наша молодая немецкая республика хочет чем-то стать, то каждый должен стать слугой государства и Отечества, и во всех своих решениях он всегда должен думать об Отечестве.

Имея эту цель перед глазами, я надеюсь, что вы и дальше будете дарить меня и своих командиров своим доверием и обязательно следовать их приказам.

Чтобы подтвердить это, мы должны провозгласить «Ура!» нашему общему любимому Отечеству».

На такой жаре войска показали себя наилучшим образом, произведя очень хорошее впечатление. Парад был блестящей кульминацией горделивой эпопеи в Прибалтике перед ее трагическим завершением*.

ПЕРЕГОВОРЫ

Своевольным поступком майора Бишофа было выиграно дополнительное время, которое можно было использовать, чтобы все-таки удостовериться в реализуемости плана Бермондта.

В своей беседе до этого я уже указал моим командирам на то, что столь тяжелая кампания, какой была эта, требовала времени для подготовки. Я напомнил о подготовке Большого Генерального штаба к мобилизации, а также о действиях лорда Китченера перед отвоеванием Хартума; англичан перед палестинской кампанией, о приготовлениях, продолжавшихся годами. Эта кампания в глубинах российских просторов России, однако, имела не столь уж мало сложностей, хотя они и были иного рода. Поэтому подготов-

* Моя речь передавалась во всех газетах, однако официальное WTB (телеграфное агентство Вольфа. — *Примеч. перев.*) из переданной здесь дословно речи убрало слова «Короли Пруссии называли себя первыми слугами государства» и тем самым передало берлинским газетам статью с заголовком «Граф Гольц за республику». Вот такими средствами в «прогрессивной» новой Германии обманывали народ.

лениями не следовало заниматься в спешке. Поэтому отказ в повиновении 24 августа был последней возможностью, несмотря на натиск Антанты и правительства, выиграть время.

Главные же трудности требовали разрешения финансовых проблем и обеспеченной военной базы.

В Берлине я услышал подробности уже прошедших финансовых переговоров. Важнейшее обсуждение имело место 7 августа, в ходе которого один офицер Генштаба, которого я отправил туда с его согласия, изложил политические и военные трудности предприятия финансовым дельцам с такой беспощадной прямоотой и в столь безотрадном свете, что они отказались от участия.

Мне было бы приятнее, если бы этот офицер Генштаба и мне открыто сказал бы, что он не может или не хочет ничего посоветовать финансистам. В его намерения, разумеется, не входило повредить делу, однако это была уже постлюдендорфовская¹⁷² школа Генштаба, люди, которые были поколеблены глубокими сомнениями. Они оказались не в состоянии перейти к принятию решений. Клаузевиц жестко отозвался бы об этих эпигонах.

Однако меня поначалу заинтересовало то, что необходимость этого предприятия, несмотря на все его трудности, была все же признана крупными промышленниками.

Согласно имеющемуся у меня протоколу одного из заседаний, состоявшегося 2 августа, один из выдающихся представителей крупной индустрии, который был уже весьма хорошо информирован, открыто заявил:

«Антанта явно не собирается освободить германское правительство от всякой ответственности за эту операцию, так как все же верит в то, что правительство участвует в ней, и поэтому угрожает репрессиями против Германии. Потребуется ли прибегнуть к ним? Сомнительно. Однако даже если это произойдет, не следует воздерживаться от операции. Ведь она обязательно поспособствует спасению Германии».

Столь роковой доклад вышеупомянутого офицера Генштаба все же поколебал уверенность в возможности проведения этой операции каждого из представителей крупного концерна, при всем осознании ее необходимости.

Сомнения, однако, можно было побороть, если бы удалось принудить правительство к молчаливому согласию на снабжение частным порядком из Восточной Пруссии, — чтобы на это согласились как в Веймаре, так и в Берлине, — и если удастся обеспечить надежную военную базу.

Так как на согласие находящейся под английским влиянием Латвии на проход корпуса Бермондта в ходе наступления на Двинск с правого берега Двины и на частичное предоставление в его распоряжение железных дорог для военных целей рассчитывать было нельзя, в качестве базы оставалась только Литва.

Согласно отчетам находившегося в Ковно германского капитана Генштаба Чунке, литовское правительство в августе было обеспокоено вторжениями поляков и искало связи с Россией и Германией. Маленькое, совершенно неразвитое и едва ли способное к развитию государство понимало, что полной самостоятельности все же достичь не сможет. Однако прежде чем литовцы будут окончательно сметены ненавистными поляками, они лучше бы вновь предалась России, попытавшись добиться у нее хотя бы самоуправления. Бермондт дал самые надежные гарантии этого.

Операция была задумана таким образом, чтобы при опоре на железную дорогу Тильзит — Шавли — Двинск взять последний из этих пунктов, в то время как войска Железной дивизии под Митавой должны будут пока что обеспечивать левый фланг против латышей и, если понадобится, отступить на Янишки. Таким способом одновременно надеялись защитить уже стартовавшее расселение немцев в Курляндии и предполагали, что латыши не будут преследовать, если фланговое охранение слегка отступит к Литве.

В это время я, наверное, упустил благоприятную для себя политическую возможность, что понял лишь позднее.

11 сентября мне доложили, что один из моих фрайкоров якобы отправился по направлению к Ковно, а его командиры позволили одной из литовских партий уговорить себя свергнуть литовское правительство. Только этого свежего акта прусского милитаризма и не хватало. Фрайкор удалось перехватить по пути. Литовскому политику было в жестких выражениях указано на неслыханность его поступка. Он клялся, что его планы служили лишь германским интересам, но все же развить их он не сумел. Очевидно, они собирались привести к власти пропольское правительство, что я никак не мог счесть исходом, благоприятным для Германии.

24 сентября я услышал, что поляки готовы терпеть Бермондта, если получат южную Литву вплоть до Ковно.

В начале октября Антанты привела к власти в Литве вместо прежнего прогерманского кабинета новый, дружественный Антанте.

Возможно, установленный в Литве с помощью моего командира фрайкора кабинет все-таки более отвечал бы интересам Германии

и России, однако тогда подобная силовая акция лишила бы проект Бермондта всякой симпатии к нему и, будучи акцией все еще германского фрайкора, доставила бы Германии крупные неприятности. Это к тому же было бы проявлением недисциплинированности, что угрожало устойчивости всего моего армейского корпуса в случае, если я со своей строгостью не выступлю против этого. Таким образом, по меньшей мере из этих соображений подобные действия были невозможны.

По моей инициативе Бермондт также дал латышскому правительству далекоидущие гарантии автономии их государства и, в конце концов, даже пообещал правым кругам в Митаве, что он будет выступать за полную самостоятельность Латвии. Разумеется, латыши и литовцы знали, что окончательное решение по этому вопросу будет приниматься уже в восстановленной России, и хотя бы поэтому латыши охотнее имели бы в соседях Россию большевистскую, нежели приведенную к порядку, не отдавая себе отчета, однако, в том, какую опасность большевизм означает и для Латвии и что однажды день восстановления порядка все же придет, и поэтому было бы предусмотрительнее установить хорошие отношения с будущей Россией, какое бы государственное устройство она ни имела — крестьянская монархия или демократическая республика, унитарное государство, федерация или же конфедерация. Разумеется, все эти окраинные народы имели полное право выступать против унитарного государства, где они были бы лишены всякого самоуправления. Более того, один из бывших высокопоставленных русских чиновников администрации заявил мне, что он теперь верит только в «Соединенные штаты России».

Хорошие взаимоотношения с государствами-лимитрофами были необходимы, чтобы иметь надежную базу. Впрочем, теперь оставалось лишь, опираясь на необходимую военную силу, вынудить окраинные государства подчиняться приказам Бермондта. Если все же он не сможет добиться свободного прохода через Латвию и Литву, то тогда по крайней мере он должен был бы сделать все, чтобы утвердиться там как хозяин. Однако русские рвались в Россию, в то время как часть немецких солдат, собиравшиеся поступить на русскую службу, хотели лишь остаться в Латвии как поселенцы. Эти разногласия в желаниях обеих сторон очень вредили делу.

И все же было достигнуто единение в том, что борьба за создание оперативной базы являлась бы лишь *ultima ratio*¹⁷³, но при этом ее не избежать, ведь эта операция не может основываться на небезопасных коммуникациях.

Весь сентябрь прошел в стараниях сохранить доброе расположение Литвы и завоевать таковое у Латвии, с тем чтобы в 1919 году иметь возможность перенести операцию по меньшей мере к Двинску и восточнее его.

Третьей проблемой, которую приходилось решать, был вопрос о командовании. Если бы удалось сделать главой предприятия выдающегося русского вождя, то это подняло бы значение самого предприятия в глазах всего мира. Инвесторы, государства-лимитрофы, Антанта отнеслись бы к нему совершенно иначе. Так как сам я в качестве командира придал бы этой операции слишком германский характер, я искал подходящего русского командующего и уже несколько месяцев контактировал с генералом Гурко¹⁷⁴, самым выдающимся из русских полководцев в Западной Европе. Но он хотел поначалу оставаться на заднем плане. Впрочем, окончательного, решающего слова он все-таки не давал, чтобы не давить своим авторитетом другого подходящего на должность командующего корпусом полководца. Если собирались придержать в резерве старшего из генералов для более крупных миссий, то, по моему мнению, следовало сделать хотя бы что-нибудь для того, чтобы эти самые крупные задачи обеспечить. Вместо этого ничего не двигалось, а между Бискупским и Бермондтом происходили постоянные конфликты.

Так как Бискупский не смог закрепиться в войсках, оставался лишь Бермондт, которого я ценил как человека и как друга Германии. Несмотря на все преимущества этого солдата, его личности, малоизвестная его фамилия сама по себе пока что не представляла из себя никакой программы. Поэтому следовало создать Западное русское правительство или хотя бы политический совет при Бермондте, который пользовался бы доверием, чтобы преодолеть финансовые и политические трудности, и мог уж по крайней мере представлять русские интересы за границей.

Данный совет уже в начале августа образовался в Берлине. Во главе его стояли достаточно серьезные люди — например, русский дипломат барон Кнорринг и московский промышленник фон Берг. Однако важные политические руководители с русскими именами пока не показывались, хоть и относились к самому делу вполне благосклонно.

Так как переговоры с германскими финансистами проходили безрезультатно, то оставалось лишь напечатать деньги, но сам Бермондт этого бы сделать не смог. Политический совет территорий русского государства мог распоряжаться лишь оцениваемым более

чем в 1 миллиард золотых марок имуществом на уже занятых к этому моменту территориях. Но куда бóльшая гарантия заключалась в тех военных успехах, на которые рассчитывали, и не могло быть никаких сомнений, что правительство русской армии, одолевшей большевиков или государства-лимитрофы, вскоре будет располагать такими деньгами, которые повсюду будут охотно принимать. Справедливость этого утверждения видна из того факта, что так называемые «бермондтовские» деньги в Митаве вплоть до самого военного краха имели довольно высокий курс.

Изготовление денег взяла на себя довольно известная типография в Германии. Теперь надо было сделать так, чтобы банкноты прибыли, хотя планируемый до сих пор заём германского правительства русским более уже не выделялся. В основном это условие было выполнено.

Во всей этой проблеме важные детали пока еще не были выяснены полностью. И особенно сомнительными являлись для меня те побудительные причины, которыми руководствовались некоторые из представителей германских финансистов в ходе этих переговоров.

Еще в начале сентября один из известных людей, участвовавших в финансовых спорах, отговаривал владельцев типографий пускаться в сомнительное предприятие, «ведь для индустрии этот проект еще долгое время не будет улажен». Тем самым он явно хотел сказать, что напечатанные деньги останутся лишенными всякой ценности, даже если промышленники и выделяют средства. Одновременно он, однако, ничего не сделал для того, чтобы индустрия все же раскошелилась, то есть отрезал последний источник финансирования для дела Бермондта и печатаемой валюты. Мне говорили, что этот господин был франкмасоном и как таковой был против восстанавливаемой России, возрождение которой, с точки зрения «вольных каменщиков», было слишком реакционным. Я привожу здесь эту информацию без всяких комментариев. Однако отсюда видно, сколь много противников у меня было среди предполагаемых соратников, когда я пытался выпестовать затею Бермондта из колыбели ради защиты Германии.

К этим врагам, пусть и помимо воли, принадлежали и младшие или же ненадежные партнеры на переговорах, которые по собственной инициативе отправляли в Германию отдельные воинские части или же русские инстанции и пытались теперь убедить финансовые круги в неоднородности всего этого предприятия. Именно таким посредникам следует приписать и то, что предполагаемая

поддержка со стороны Антанты сменилась полной ее противоположностью. Они вольно или невольно обращались к комиссиям Антанты в Берлине и в надежде заручиться их расположением докладывали им обо всем, что те хотели узнать. Генерал Малькольм в глазах беспомощных германских политиков выглядел приверженцем идеи о международном подавлении большевизма, который пока только лишь не может провести через Ллойда Джорджа свои идеи. Если бы он действительно был таковым, то при подобных постоянных неудачах своей политики он должен был бы попросить об отставке, или же английское правительство непременно сменило бы дипломата, который проводит не ту линию. А в действительности этот хитроумный англичанин водил за нос наших дипломатов, политиков и офицеров, которые почитали себя умнейшими людьми Германии. Англия знала, кого посылает в Германию.

Я никогда не доверял этим англичанам и до смерти своей не буду верить представителям этого самого бессердечного из народов земли. Однако из Берлина мне постоянно сообщали люди, которых я тогда считал достаточно сведущими в политике, что Малькольм раз за разом проявляет понимание того, в каком тяжелом положении находится Германия, и работает на благо нам, чтобы уж по крайней мере защитить нас от большевиков извне; Англия только лишь выказывает недоверие ко мне как к представителю прусского милитаризма.

Так что я, насколько это зависело от меня, должен был получить в качестве главы этого предприятия командующего, настроенного проанглийски, или уж по крайней мере такого, которого потерпела бы Англия. Поэтому в конце сентября я согласился на следующий план.

В Берлине в отеле «Адлон» для решения запутанных вопросов Востока в переговоры с Антантой вступили представители одного из кругов, негласно занимающегося политикой. Было заявлено, что есть надежные документы, которые свидетельствуют, что Антанта признает генерала Бискупского в качестве командующего и даже будет финансировать это предприятие, если я и Бермондт подчинимся ему. Для этого требовались данные о количестве имеющихся германских войск, а также письменное подтверждение с нашей стороны, что мы будем подчиняться со всеми нашими частями и командирами. Это известие было достаточно вероятно еще и потому, что Англия одобрила бы операцию только лишь, если она будет зависеть от нее в финансовом плане. Бермондт, однако, тут же получал две опоры для своего плана, внешнеполитическую

и финансовую, даже если это решение было в высшей степени не-симпатично ему, принимая во внимание опыт Юденича да и как другу Германии, а я пытался подвигнуть его схватиться за эту соломинку в нынешнем положении.

Поэтому 25 сентября в Берлин действительно телеграфировали, что 10–15 тысяч немцев будут подчиняться генералу, которого признает русский Политический совет в Берлине, то есть Бискупскому. Сразу после этого англичане энергично потребовали очищения Прибалтики и от русских, и от немцев.

Чтобы как-то загладить тот факт, что они попались на неуклюжий трюк своих английских друзей, эти «политики» тут же свалили всю вину на меня, дескать, я недипломатично обошелся с английским представителем в Прибалтике.

В частности, мне было предъявлено то, что я ответил отказом на дерзкое требование генерала Бурта от 16 сентября о выдаче ему виновных в неисполнении приказа о выводе войск.

Однако должно ли было действительно целеустремленное английское правительство раз за разом с 19 июля требовать во все более наглой форме вывода германских войск и отправки русских частей к Юденичу, натравливая на них коренное население стран-лимитрофов, среди которых велась самая отчаянная пропаганда, и одновременно ставя их плечом к плечу с последними на службу себе?

Инцидент 24 августа поначалу вызвал ужас в Риге и озадаченность у Антанты. Однако когда германские политики никак не использовали отказ частей подчиниться в их интересах, а также для решения внешнеполитических задач Германии, а только лишь скулили, заверяя Антанту в своей невинности, тогда противник уже сам перешел к действиям и уже к началу сентября добился воссоединения всех государств-лимитрофов под руководством Антанты для предотвращения германо-русского сближения, чтобы географически разделить Германию и Россию. Только в Литве основная масса населения все еще была настроена благожелательно по отношению к Германии и к России.

Такова была истинная обстановка в Прибалтике, ставшая логическим следствием проводимой с марта политики англичан, когда они распознали германскую опасность на Востоке. Постепенно мне становилось все более ясно, что у Антанты не удастся добиться согласия ни на оставление там 6-го резервного корпуса, ни на переход германских солдат на русскую службу. Англия покорила бы только силе. В связи с этим крупной моей ошибкой

было то, что я не телеграфировал 25 сентября: «50 тысяч немцев останутся в Прибалтике вместе с таким же количеством русских».

Вместо этого я, к сожалению, доверился господам из Берлина, полагавшим, что смогут обойтись небольшим количеством немцев под командованием назначенного и оплачиваемого Англией русского полководца. Я должен был бы сказать себе, что в Митаве, контактируя с Гофом и Буртом, лучше оценивают обстановку, чем в отеле «Адлон» в Берлине в беседах с Малькольмом.

В разительном противоречии с этими не сведущими в жизненных вопросах германскими друзьями Антанты находилась оценка, которую постоянно сообщал мне германский писатель Марк Антоний (хорошо подобранный псевдоним). Просто наслаждение читать теперь, через год, его точные портреты русских командиров в Берлине, мнение о финансистах, о германском правительстве, Антанте и ее миссиях в Берлине, а также о водимых за нос друзьях Антанты и о кое-чем еще из того, что обсуждать было рановато, хотя на тогдашние решения это оказало существенное влияние. Оценки подтвердились дальнейшим развитием событий.

Перемены в политике Антанты, на которые надеялись в кругах, связанных с «Адлоном», и которых требовал в прессе господин Арнольд Рехберг, а также образование международного европейского антибольшевистского фронта были возможны, только если бы Англия удалила генералов Гофа и Бурта. Покуда они оставались там, в приказном тоне обращаясь и к немцам, и к русским, нельзя было бы использовать ничего, а если бы я уступил лишь на самую малость этим невоспитанным хозяйчикам, действуя в холуйской¹⁷⁵ манере Германа Мюллера, то только выставил бы все наши слабости напоказ. Будут вести себя вежливо — получают соответствующий прием. В противном же случае за всякое их самомнение воздастся сторицей. Ведь после уничтожения памятника Гинденбургу в Либаве, со времен позорных параграфов мирного договора я знал, что одной из самых важных целей Антанты в этой войне было уничтожить чувство собственного достоинства немцев.

16 сентября я получил следующее письмо:

«Командующему 6-м резервным корпусом.

В Вашем письме Iw № 584 от 4 сентября, к сожалению, отмечается, что Ваше правительство предвидит опасность несанкционированных действий германских солдат в Курляндии.

Принимая во внимание тот срок, что прошел с момента, когда Париж отдал приказ вывести германские войска из Курляндии и прекратить пропаганду расселения, которая велась среди них

в течение всего этого времени, теперь уже маловероятно, что кто-либо другой, кроме германского командования, сможет взять на себя ответственность за нынешнее состояние дел.

Во избежание каких-либо недоразумений не могли бы Вы мне предоставить список тех солдат, которые сами поставили себя вне закона.

Подписано: Альфред Бурт, бригадный генерал,
Начальник союзной военной миссии».

На это он получил нижеследующий ответ, который состоял из слегка подправленного мною первоначального наброска майора Хагеманна:

«Начальнику союзной военной миссии в Риге.

В ответ на Ваше послание от 10 сентября В.М.Р.Г. 34, переданное 15 сентября.

Я отказываюсь выполнить изложенный в первых двух абзацах Вашего письма проект.

В последнем абзаце Вашего письма Вы решились просить меня передать Вам в качестве виновных некоторых из моих соотечественников.

Подобное предложение я рассматриваю как тяжелое оскорбление моей персоны и чувства национальной гордости немцев. Поэтому я мог бы посоветовать Вам на будущее не предъявлять столь унижительных требований ни мне, ни моим подчиненным. Я вынужден буду прервать с Вами всякие сношения и выдворить любого англичанина с территории, занятой германскими войсками, так как безопасность союзных комиссий, которые преднамеренно и грубо оскорбляют чувство национального достоинства немцев, в таком случае совершенно исключена.

Я переправляю Ваше письмо моему правительству и совершенно убежден, что через соответствующего представителя Германского рейха — министра иностранных дел — оно даст Вашему правительству надлежащий ответ на те возмутительные требования, которые союзная комиссия полагает себя вправе выставлять германскому генералу за рубежом».

О том, какой «надлежащий ответ» смог отыскать Герман Мюллер, мне из Берлина сообщали.

Как только стало известно о моем письме, он созвал чрезвычайное заседание министерства, столь срочное, что один из министров не смог даже окончить срочное дело. И чтобы мои действия не имели более никаких последствий, они тут же приняли решение: «Теперь он должен уйти!» Это и был «надлежащий ответ».

Но Германия думала иначе. Многочисленные обращения от немецких мужчин и женщин из всех слоев нации доказали мне, что они всей душой за отражение этих английских нападков.

«Кладдерататч»¹⁷⁶, однако, оканчивал стихотворение «Гордый ответ» такими словами:

«И когда крики ярости черни
Долетят сегодня до твоих ушей,
Ты заметишь: слова твои так горды и свободны,
Что они для нас звучат как избавление».

КРИЗИС

По приказу свыше против майора Бишофа было начато расследование военно-полевого суда, которое, однако, так и не было окончено, так как его преступление «упорствование в неповиновении» только усугублялось. Последовал также приказ и о расследовании против капитана Зиверта, ведь он также присоединился к требованиям в адрес правительства, хотя никакого неповиновения не выказал.

Майор Бишоф от имени стоявших за ним частей отказывался от транспортировки до того, пока правительство не примет на себя обязательства по снабжению частей. Не было приказа и об отправке вместо них и частей, которые представлял капитан Зиверт. И, так как все войска хотели остаться, это означало как раз спровоцировать неповиновение, ведь до сих пор послушные части получали приказ, по которому эвакуировались только вышедшие из повиновения солдаты.

Итак, дело пока что оставалось в подвешенном состоянии, что, по моему мнению, позволяло выиграть время. Одновременно в Германии велись безрезультатные переговоры относительно будущего прибалтийских частей в Германии. Однако чего же приходилось ожидать от правительства, чей министр иностранных дел в опубликованной 6 сентября официальной ноте к маленькой Латвии самым жестким образом обрушивался на собственные войска, но не сделал вообще ничего ради того, чтобы помочь им защитить их права?

В связи с этим обстановка потребовала еще одной перегруппировки сил. Надо было стянуть войска, которые собирались остаться в любом случае, в Курляндии и северной Литве, а на защиту магистрали Шавли — Тильзит поставить войска, могущие

оставаться еще достаточно долго, но все же в конце концов собиравшиеся в Германию.

Поэтому 1-й курляндский пехотный полк, находившийся там, был вновь отправлен к Железной дивизии, а вместо него на вышеуказанную магистраль отправился отряд Шаурота. Когда позднее эта великолепная часть отправлялась в Германию, охрану железной дороги вынуждены были взять на себя не способные к маневру из-за недостатка лошадей русские формирования. То были части отряда Вырголича, находившегося теперь между Шавлями и Куршанами.

После этой перегруппировки должны были быть отправлены штабы 2-й пехотной бригады, граф Йорк, батальон Шнайдера из отряда Дибича, группа Гётце, губернаторство Митава, штаб корпуса и основные силы фрайкора Дибича — в общем, все части, которые не переходили на русскую службу.

Было ясно, что с каждым отправленным эшелонам мы становимся все слабее, однако было также известно, что многочисленные фрайкоры в Германии, находившиеся накануне отпуска, хотели бы отправиться в Прибалтику, как только будут созданы предпосылки для размещения там войск. Поэтому никаких серьезных тревог из-за того, что можно оказаться слишком слабыми, мы не испытывали.

11 сентября я вызвал моих младших командиров на еще одно совещание в Митаву. Я сообщил им о перегруппировке сил, о которой отдал приказ, а также о новой обстановке примерно следующее:

«Англия и Ульманис не желают терпеть в Латвии ни немцев, ни русских. Их инструментом для этого являются латыши и эстонцы на фронте, а в тылу — литовцы и поляки.

Союзный нам балтийский ландесвер отправлен на большевистский фронт к востоку от Якобштадта, вместо него под Туккумом стоят войска Баллода, которых в случае столкновения с латышами придется рассматривать в качестве противника. Таким образом, левый фланг под угрозой.

Подстрекаемое Антантой, грозит перейти в стан наших врагов и литовское правительство, создавая тем самым серьезную угрозу нашим тыловым коммуникациям. Положение станет совершенно невыносимым, если Антанте удастся натравить на нас и поляков. Ведь имеет место отчетливое намерение окружить германороссийские войска.

Этот план Антанты, как всегда, поддерживается немецкими радикалами, чей лидер в Восточной Пруссии господин Вольф

работает в Тильзите на то, чтобы перекрыть на границе снабжение фронту противников его большевистских друзей. Кроме того, «Спартак» засылает самые отъявленные элементы в войска, чтобы агитировать, а также провоцировать на акты саботажа.

В этих обстоятельствах командиры еще раз должны убедиться в том, могут ли они принять на себя ответственность за то, что останутся в Латвии. И хотя я отношусь к миссии Бермондта как к последней надежде Германии, сделать для ее выполнения еще надо очень многое.

Поэтому сейчас — последний срок для перегруппировки, которая вновь поставит все предприятие на надежную основу, а если она не удастся, нужно будет ставить войскам иные задачи. Таковыми могут быть: переход в рейхсвер и отряды охраны порядка или же образование трудового корпуса по образцу капитана Шмуде. Министр рейхсвера Носке гарантировал свою благосклонность к этому проекту, но ничего более. В теперешнем критическом экономическом положении Германии перед таким человеком, как Шмуде, и его уже воплощенными замыслами остается только снять шляпу.

Однако если, получив отсрочку наказания, вы все же полагаете, что сможете здесь остаться, то я могу поставить перед вами только одну цель, которую должен понять весь цивилизованный мир, — проект, понятный всем тем, кто понимает грозящую с Востока большую опасность: борьба против большевизма.

От до сих пор упорно пестуемой в Железной дивизии мысли о расселении пока что безусловно придется отказаться. Она невыполнима. Ведь латыши покончат с рассеявшимися по своим жилищам немцами. Без довольствия, урожая и оплаты до сих пор становившиеся все лучше части вновь обратятся в банды грабителей.

Для борьбы с большевизмом должны быть образованы 4 дивизии: графа Келлера (Бермондта), Вырголича, Бишофа, Зиверта.

Пока я пытаюсь заполучить для общего руководства германских офицеров Генштаба, вы должны позаботиться о младших командирах, чиновниках интендантства и казначеях, чтобы обеспечить не только тактическое руководство войсками, но и административную по испытанному, неподкупному, старопрусскому образцу. Кроме того, Вы должны позаботиться и о надежном персонале на границе, привлекая к нашему делу литовские кадры. Ведь если все-таки удастся добыть денег, обеспечение снабжения приобретет решающее значение.

Сам я останусь во главе нашего дела, пока будет сохраняться дисциплина. Будущее зависит вовсе не от того, что немецкие

солдаты еще раз откажут в повиновении германским гражданским и военным инстанциям, а от того, чтобы остаться немцами или же получить русское гражданство.

Право каждого добровольца — выбирать службу, на которую он поступит, так же как право каждого свободного немца — переселиться. Чтобы Вы еще как можно дольше смогли оставаться на германском довольствии и обеспечении, я не требую от Вас решения прямо сейчас, но уж по меньшей мере к концу месяца, когда будет окончена перегруппировка.

Германский рейх, исключительно в интересах которого и следует принимать решение, столкнувшийся ныне с тяжелейшими финансовыми и экономическими проблемами, ни при каких обстоятельствах не должен понести ущерба. В том числе во имя того, чтобы Антанта не смогла найти никакого предлога и обрушиться на Германию ее хорошо известные нам репрессивные меры или не сумела каким-либо образом возложить на Германию ответственность за нанесенный урон. Будущая Россия должна будет оплатить все военные материалы, которые сейчас германские и русские дивизии получают из немецких запасов. Поэтому важно точно оценить все движимое и недвижимое имущество, все передаваемые припасы, передав квитанции в штаб корпуса.

После перехода все это дело более Германию касаться не должно*.

Всякий фрайкор и т. п. заключает с Бермондтом в интересах своих людей и Германии отдельный договор, который должно признать находящееся в стадии формирования западнорусское правительство».

В том же духе было написано сообщение и в высшие инстанции, откуда никаких возражений не последовало.

Между тем обстановка с военной точки зрения продолжала накаляться. Множились известия о предстоящей атаке латышей. 20 сентября поступило донесение, что к 1 октября на фронт на Двине прибудет эстонская дивизия.

* При таком рассмотрении вопроса и последовательно сохраняемого курса на то, чтобы рассматривать операции Бермондта как чисто русское дело, совершенно непостижимо то, как германское иностранное ведомство заявило о готовности заключить мир с миниатюрным государством Латвия, а в качестве возмещения за убытки, возникшие в ходе военных действий с Бермондтом, соглашалось передать враждебной немцам Латвии оружие бермондтовских частей.

21 сентября я подписал договор с Бермондтом, чтобы передать командование из немецких рук в русские. Важнейшими пунктами его были:

1. Русские части принимают на себя участок фронта между Митавой и Ригой, а вместе с тем и охрану вывода оставшихся еще немецких частей.

2. Если при этом они будут атакованы, то оставшиеся еще германские войска должны поспешить им на помощь.

3. Те из немцев, что добровольно остаются, поступают на русскую службу. Русская Западная армия подписывает с ними соответствующие договоры.

4. В один из дней, который еще предстоит определить, русскому командованию передается губернаторство Митавы, а также германские военные учреждения под расписку.

5. Бермондт в связи с заключенными с немцами договорами обязуется следовать политическим и хозяйственным распоряжениям русского военно-политического совета в Берлине, а в будущем самым тесным образом координирует с ним свою деятельность. Для этого при нем будет образован политический совет, который будет постоянно взаимодействовать с советом в Берлине.

Этот договор 25 сентября был дополнен тем, что я просил Бермондта сообщить латышскому правительству о соглашениях между мной и им, что целью всех этих мероприятий является исключительно борьба с большевизмом и что от латышского правительства требуется содействие в этой борьбе. Английская миссия уже 22 сентября была извещена об этом.

Далее я рекомендовал Бермондту в качестве политических советников обоих бывших высших чиновников русской администрации — графа Константина Палена, ранее виленского губернатора, и господина Заккита, по национальности латыша. Обе этих выдающихся личности обладали куда большим опытом и пользовались большим доверием, чем те политики, которые до этого консультировали русского командующего в Митаве.

Наконец, я просил Бермондта вести все финансовые, экономические и политические переговоры с Германией только через тамошний военно-политический совет или через назначенного мной офицера Генштаба.

Генерал Бермондт неизменно охотно соглашался на все эти просьбы, так как он знал, что они помогут вести дела более конструктивно и компетентно, нежели, к сожалению, было до сих пор.

Между тем положение на фронте становилось все более напряженным. Латышская артиллерия на многих участках давала одиночные выстрелы через некоторые промежутки, так что возникало ощущение, что они стреляют по нашим постам. При этом с 3 июля царило перемирие. Целью этого могла быть только атака. Ведь если бы опасались атаки с нашей стороны, не стали бы стрелять по нашим давно уже покинутым караулам. По донесениям агентов, в Риге вполне открыто обсуждают предстоящую атаку на немцев. В Риге видели три танка.

Все эти проверяемые затем в штабе корпуса сообщения до войск доходили, разумеется, в фантастически преувеличенной форме, так что раздражение против латышей, которое уже давно кипело из-за мошенничества Ульманиса, едва ли можно было сдерживать. Те, кто противостоял латышам, об отправке даже не думали. Этим солдатам на пальцах пытались объяснить нереальность их затеи, но они не верили этому, а в некоторых случаях даже убивали «пораженцев» как предателей их правого дела.

Однако и я должен был считаться с угрозой латышской атаки. Ведь все же было заманчиво атаковать ненавистных немцев, которые в ходе транспортировки становились все слабее, и захватить наши склады, депо и железные дороги, отобрав у нас все то, что Антанты, очень серьезно задевая нашу честь, собиралась забрать у нас в ходе требуемой от нас погрузки в Либаве и Усть-Двинске.

Английские и латышские агенты вились в германских и русских войсках, а также на занятой территории среди латышского и литовского населения. Как же сильно они, должно быть, разожгли ненависть к немцам, прежде всего в Риге, Лифляндии и среди латышских войск?

Обо всем этом докладывали ежедневно, а также в обычных еженедельных сводках. Мы должны были считаться с тем, что все германские правительственные инстанции будут оповещены о том, как мы здесь ведем последний расовый¹⁷⁷ бой Мировой войны, хотя этого или нет. «Каждый момент приходится ожидать, что тут или там заговорят ружья», — сообщалось в одной из наших сводок.

В этой неизбежной схватке немцы, однако, сражались против чуждого, натравленного на немцев народа, немцы бились за то, чтобы уберечь Германию от большевизма. Могло ли решение германских чиновников быть уклончивым?

Как ответственный и национально мыслящий командир корпуса, я принял соответствующие контрмеры и 30 сентября

приказал, чтобы до сих пор сильно разбросанные части стянулись поближе, в готовности подняться по тревоге, чтобы выдержать ожидавшуюся фронтальную атаку из Риги, а также получить возможность нанести контрудар против левого фланга атакующих со стороны Бауска и Эккау. Одновременно мы тем самым оказывались достаточно сильными, чтобы как отразить фланговый удар от Фридрихштадта, так и удерживать ведущую через Шавли магистраль. Около Либавы мы могли оставить лишь слабые, а около Туккума довольно незначительные посты охранения. Таким способом командование могло получить необходимые маневренные резервы.

Русские корпуса графа Келлера и Вырголича, в обоих из них были немцы, горели желанием сразаться: да, наконец, время ожидания было позади.

Как уже следует из моего описания, я, несмотря на все сомнения, до конца сентября решил поддержать проект Бермондта. Ситуация с финансами и снабжением, судя по обещаниям правительства и после соглашения о выпуске денег русским правительством, была даже более перспективной, чем в августе. Куда хуже обстояли для нас дела с позицией Антанты даже по отношению к чисто русской операции. Но все же была надежда справиться с ее силами на Востоке — флотом и окраинными народами. Впрочем, возможный выигрыш был тем более необычен, что следовало принимать в расчет риск. Кроме того, военно-политическое положение на фронте против латышей с каждым днем становилось все более напряженным, поэтому наше отступление можно было осуществить только с большими потерями в людях, в материальных, а главное идейных ценностях. Отступление означало бы крушение частей. Они уже давно чувствовали себя обманутыми правительством; разве могли их военные вожди, которым они так верили, бросить их в решительную минуту?

Таким образом, рискованное решение принималось при полной и взвешенной оценке участия в этом, однако с учетом возможного выигрыша. В случае успеха я надеялся ни много ни мало на спасение Германии от гибели, которая грозила ей от Советской России, от гражданской войны, от финансового и экономического крушения и от рук Антанты, которая ее шантажировала.

И должен ли я был бояться? Разве не стоило заплатить такую цену за это рискованное дело?

Я опасался, что дальнейшее развитие Германии будет все более оправдывать мое тогдашнее решение.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ДНИ

В конце сентября ко мне прибыл один замечательный старший офицер Генштаба, «чтобы получить сведения о настроении и состоянии частей в Прибалтике, а также сделать предложения о дальнейших действиях в прибалтийском вопросе».

Из данного офицеру поручения следовало, что министр рейхсвера считал, что окончательное решение остается за правительством. И у офицера Генштаба в результате многочисленных разговоров с офицерами и солдатами сложилось впечатление, что все они того мнения, что последнее слово в этом деле еще не сказано. «Ведь уже несколько раз отдавался приказ об оставлении Прибалтики, однако раз за разом все заинтересованные и влиятельные стороны молчаливо соглашались с задержкой его выполнения. Я припоминаю подобные директивы еще до заключения мира» — и т. д.

В частности, министру Носке пришлось заявить капитану Вагенеру, что «пока он на этом посту, торопить с выводом войск не понадобится». Одно из обращений к Немецкому легиону, подписанное капитаном Зивертом 15 сентября, среди прочего содержало и такую фразу: «Носке и Эберт с симпатией относятся к нашим идеям».

И только министр иностранных дел Германии Герман Мюллер после доклада капитана фон Медема разъяснил ему, что не мог бы поддерживать патриотические устремления прибалтийских частей, «так как он обязан учитывать мнение своих партийных товарищей за рубежом».

В этом и ключ к курсу, взятому интернациональным социалистическим министром, — во внешней политике умиравшей Германии.

Так как присланный офицер Генштаба выполнял свою прискорбную миссию с необычайной лояльностью по отношению к своему начальнику и ко мне, я попросил его о посредничестве в запросе господину Носке о том, будет ли он согласен с моим окончательным решением по этому вопросу.

26 сентября господин Носке телеграфировал:

«Министр рейхсвера согласен с предложением генерала графа Гольца, предусматривающим передачу командования под Митавой русским, и требует сообщить решение германских частей о том, а) переходят ли они на свой страх и риск на русскую службу или б) собираются согласно приказу отправиться в Германию по железной дороге или пешком порядком. Соответствующие приказы

будут отданы. Войскам следует разъяснить, что те, кто к указанному сроку не будет отправлен или не выступит маршем, не смогут более получать запасы из средств рейха. Американцы при дальнейшем промедлении с очищением территории угрожают самыми жесткими экономическими санкциями, блокадой поставок продовольствия и отказом в займах.

Отделение Генерального штаба № 569»

В ответ на это мною были отданы соответствующие приказы, которые в практическом смысле означали, что с начала октября войска, которые не хотят начинать отправку, должны будут рассматриваться как русские части. С этого момента солдаты должны будут удовольствоваться деньгами Бермондта, печать которых между тем уже началась.

Солдаты, которые заявили о своем переходе, получали самые правдивые сведения о действительном положении дел и об условиях службы.

С другой стороны, они знали, что уже сам этот приказ отдан под нажимом внешнеполитического ведомства, и все-таки переход к русским остается пока возможным.

3 октября пришел повторный приказ правительства, что в связи с ужесточившимися требованиями Антанты Латвия должна быть срочно оставлена». Всем военнослужащим 6-го резервного корпуса следовало об этом объявить.

Поэтому я приказал, чтобы все части, которые не переходят на русскую службу, немедленно начали выводиться с фронта для начала транспортировки. Если латыши вмешаются в процесс отправки, то штаб корпуса оставляет за собой право ввести в бой германские войска. Над всеми остальными войсками командование принимал русский главнокомандующий князь Бермондт-Авалов.

В тот же день 3 октября пришел и еще один приказ германского правительства, которым я отзывался, однако уже отданные мною приказы о выводе войск сохраняли свою силу. «Командование над все еще находящимися в Латвии и Литве войсками принимает на себя генерал-лейтенант фон Эберхардт. В Литве остается только ликвидационный отдел штаба корпуса под руководством его начальника майора Хагеманна, который срочно отзывается из отпуска».

Что должен был делать в Прибалтике генерал-лейтенант фон Эберхардт без штаба, который превратился в ликвидационный отдел при генерале, не мог понять никто. Так что поначалу этот неясный приказ вообще не стали воспринимать всерьез, а внимание

министерства рейхсвера через его представителя было обращено на то, как войска воспринимают подобные приказы.

4 октября командованием 3-й группы рейхсвера¹⁷⁸ был запрещен переход германских солдат на русскую службу. Приказ от 4 октября, таким образом, распространялся лишь на германские части, которые пока еще не перешли на другую службу, и соответственно этому он и был сформулирован и применялся.

В тот же день пришло известие, что в германские войска под Якобштадтом ежедневно прибывают многочисленные перебежчики из частей Баллода, заявляя, что они хотят и дальше вместе с немцами и русскими воевать против большевиков. Можно себе представить, как эта новость подняла боевой дух войск, и ни один из перешедших к русским германских солдат и не подумал отменить свое решение.

В этом ничего не смогли изменить и настойчивые увещевания вернуться в Германию, подписанные всеми членами германского правительства. Так, даже офицер связи министерства рейхсвера в своем донесении обращал внимание на то, что отданные в начале октября распоряжения правительства имели эффект, строго обратный желаемому. «Ведь здесь на севере никого так не ненавидят, как министров Эрцбергера и Мюллера».

Офицер Генштаба все понимал правильно. Приказы и воззвания, с которыми обращалось правительство к войскам в Прибалтике, из-за их недостойного, жалостливого тона вызывали презрение, подписи под ними — язвительные насмешки, что я неоднократно наблюдал лично. Кроме того, каждый успокаивал себя тем, что приказ об отступлении отдавался уже много раз. И приказ этот был явно отдан ради Антанты, только чтобы прикрыть германское правительство. Нас, ведь мы стали русскими¹⁷⁹, он вообще больше не касается.

Возможно, воззвание, подписанное только Эбертом и Носке, имело бы больше успеха. Ведь обе эти личности все же пользовались уважением.

5 октября в личном письме начальнику штаба командования 3-й группы рейхсвера полковнику фон Тэру я описал совершенно запутавшееся из-за приказов и контрприказов положение, чрезвычайно напряженную обстановку на фронте и доходящий до страстной ненависти боевой дух и возбуждение войск против германского правительства. В таких обстоятельствах отбой в самый последний момент и открытое предложение отступить на Шавли были более невозможны и опасны. «На фронте остались лишь

русские подданные, а моим стремлением теперь куда более, чем прежде, является полностью вывести из игры собственно Германский рейх. Я, со своей стороны, 4 октября написал прощальное письмо генералу Бурту, однако должен был остаться за кулисами, потому что в войсках теперь неспокойно». В этом отношении весьма показательным было то, что даже офицер связи Носке настойчиво предупреждал свое начальство о том, что моя отставка была грубой ошибкой, которая только усилит злобу в адрес правительства.

Свидетельством этого послужило письмо майору Бишофу от одного из полковых командиров Железной дивизии, где помимо прочего говорилось:

«Войска по-прежнему чувствуют себя частями графа фон дер Гольца. Если теперь в этот критический момент они окажутся брошенными, это может подействовать на них, как памятное бегство 9 ноября 1918 года»¹⁸⁰.

Таким образом, я опять, как уже так часто и почти постоянно бывало в последние 9 месяцев, оказался в ситуации, где в конфликт вступали мои обязанности и мой долг. Как германский генерал я должен был выполнить приказ о моем отзыве. Однако войска требовали, чтобы я остался. Как самый ненавидимый во Франции и Англии последний представитель прусского милитаризма я не мог сохранить командование над перешедшими на русскую службу войсками, чтобы не скомпрометировать это чисто русское предприятие. Однако без меня они потеряли бы доверие к высшему командованию.

В этом неразрешимом хаосе я должен был оставаться с войсками вплоть до того дня, когда, учитывая прибытие генерала фон Эберхардта, я обязан был лично воспрепятствовать карательным мерам правительства в Берлине против операции в Прибалтике, для этого покинув ее.

Затем в Берлине я тщетно пытался отговорить правительство от саботирующих мероприятий, хотя прежние его действия и так были налицо, — только лишь Носке обещал дальнейшее свое благоволение, однако, к сожалению, за словом не последовало дело. Я как уже вышедший в отставку и потому не связанный более обязательствами генерал планировал вернуться в Прибалтику*, потому что

* В Берлине один из высших действующих генералов пытался отговорить меня от моего плана, не обращая внимания на мою отставку, потому что я тем самым только создал бы лишние сложности правительству, а правая пресса атаковала бы его за то, что оно дурно обращается со своими генералами. Я отказался, так как заработал свою репутацию как человек с характером и не имею никакого

был озабочен тем, чтобы войска оставались в руках опытного и имеющего крепкие нервы командования. Однако в западнорусском правительстве тогда все были заняты тем, чтобы политическими мерами добиться признания Антанты, а для этого присутствие мое могло подействовать только отрицательно. Поэтому, по их желанию, после 48-часового пребывания я покинул Прибалтику, теперь уже навсегда, чтобы попытаться в Восточной Пруссии, насколько это возможно, наладить снабжение и дать войскам уверенность в том, что их старый командующий корпусом по-прежнему заботится о них.

Такой исход был вовсе нежелателен, однако с учетом надежд на Антанту никакой другой был невозможен.

Но я несколько забежал вперед. Вернемся к 5 октября.

По донесениям агентов, от Зегевальда на Ригу маршем шли крупные эстонские части, а дополнительные транспорты с эстонскими войсками следовали в Либаву морем. Одновременно из подслушанного разговора латышского военного министра выяснилось, что латыши планируют атаку на германские позиции после прибытия эстонских подкреплений. Никаких сомнений в истинном положении дел более не оставалось.

В этот критический момент князь Авалов объявил всю занятую латвийскую территорию русской базой, открыто призвал латышей и литовцев к борьбе против большевизма, гарантировав обеим странам полную автономию.

Все административные и управленческие функции взял на себя западнорусский Центральный совет, в который наряду с графом Константином Паленом и господином Заккитом входили многие другие опытные русские и латышские политики. Управление занятой частью территории Латвии осуществлял латышский комитет под председательством доктора Ванкина.

желания закончить оппортунистом. Когда поняли, что это решение твердое, то переменили тон, внезапно начав шельмовать меня в прессе и заявив, что санкции против меня отложены только потому, что я уже добровольно попросил о своей отставке.

В очевидном противоречии с этим находится прощальное приветствие моего бывшего командира генерал-лейтенанта фон Эшторфа, представителя погибшего образцового пруссачества (см. приложение).

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА

Угрожающее скопление латышско-эстонских войск в Риге и около нее сделало невозможным осуществление первоначального плана нанести удар через Шавли на Двинск и тем самым начать боевые действия против Советской России. Ведь для этого надо было оставить в качестве флангового прикрытия крупные силы под Митавой или у Двинска, возможно, и там, и там, для чего мы были слишком слабы.

Надо было собрать все силы в кулак и использовать время, пока еще германские части могут защитить не только отправку немцев, но одновременно и западнорусскую базу в Литве.

Если бы мы отправились маршем на Двинск, как того желали полковник Вырголич и его войска, то сделали бы именно то, чего хотела Англия. Ведь тем самым мы предоставили бы возможность прервать плохо защищенные тыловые коммуникации продвинувшихся далеко на восток войск, перерезать жизненно важную артерию, чтобы затем полностью окружить их.

Явная враждебность Англии, Латвии, Эстонии не оставляла выбора. С ними надо рассчитаться еще до того, как выступать против Советской России. И это можно было бы сделать, ведь эти народы окраины и Англия докатились до того, что стали союзниками большевиков — ведь они препятствовали русской Западной армии вести борьбу с большевизмом на своей территории.

Борьба с вассалами Англии теперь была приравнена к борьбе с большевизмом.

Такие бои при нашей численной слабости и на пересеченной местности вести, обороняясь, было нельзя, тем более что морозная погода в скором времени сделает проходимым болото Тируль¹⁸¹.

Из Берлина мне самым настойчивым образом советовали начать войну, отступив на Шавли. Однако русские солдаты, рвавшиеся в Москву, и немецкие солдаты, сражавшиеся за свое право поселиться в Курляндии, — все они стремились в бой, испепеляемые ненавистью к латышам, и ни один командир, если только он хотел сохранить доверие своих войск, как, например, Бермондт не мог бы отойти с ними на 100 км, ведя тяжелые арьергардные бои. Прежде всего, однако, от контроля над Курляндией и государственным имуществом там зависел вопрос финансирования. Для так называемых денег Бермондта тогда вообще не осталось бы никакого обеспечения.

План был равносильным решению задачи всей операции — в беспомощной надежде, что Англия будет терпеть теперь уже не подерживаемые ни одной державой войска Бермондта, пока они идут маршем в Москву, а затем даже еще получают жалованье. Разве по опыту их обращения с Юденичем ничего не поняли?

Да и другой план — отступления на Шавли, который мне при случае посоветовали в Кольберге еще в августе, мог быть просто прелестным решением задачи для Генштаба на бумаге, но он совершенно не учитывал реальные политические и психологические аспекты ситуации в данный момент, когда речь шла уже не только о германских войсках, но и о только что возникшем новом русском правительстве и его армии. В Прибалтике теперь полагали этот план невыполнимым.

Итак, не оставалось ничего, кроме как предупредить ожидавшееся со дня на день латышское наступление. Поводов для атаки более чем достаточно предоставляли ежедневные перестрелки передовых постов. Боевые действия уже шли, так что можно было и атаковать. Виновными в этом были латыши, которые ни разу не удостоили ответом вполне выгодные предложения Бермондта.

После основательного совещания с Центральным советом князь Авалов решил перейти в атаку 8 октября на основании схемы развертывания, указанной в приказе от 30 сентября. Замысел заключался в том, чтобы, оставив значительные силы для обороны от латышско-эстонского наступления от Фридрихштадта, наступать в обход справа через Кеккау, чтобы сделать возможным фронтальную атаку Железной дивизии.

На правом крыле шли части 2-го русского Западного корпуса Вырголича, выставив фланговое прикрытие на восток, старый испытанный отряд Петерсдорфа и отряд Рикхофа — на Шёнберг, а отряд Брандиса с той же задачей на Нойгут.

Под этим прикрытием главные силы группы «Балтенланд» (Немецкий легион) 4 усиленными батальонами наступал на Кеккау.

Одновременно тремя колоннами атаковала Железная дивизия: 3-й пехотный полк через трясины на Бонде (на главном шоссе), 2-й пехотный полк и русский 1-й пластунский полк на главное шоссе,

1-й пехотный полк через Гренцхоф на Шварценхоф.

И, наконец, от Кальнцама южнее оз. Бабит шла одна русская колонна, а другая — от Шлока севернее этого озера. Фланговый отряд русских должен был прикрывать со стороны Туккума. Там же нес охранение и бронепоезд (см. карту «Взятие Торенсберга...»).

Около 9 часов 20 минут броневики на шоссе открыли огонь. К 10:30 вышли к Бонде. Потом, правда, атака поначалу застопорилась, так как противник занимал сильную позицию. Особенно прочно удерживался Катариненхоф и Шварценхоф.

Левее вышли к юго-западному углу оз. Бабит, а правее после упорного боя в 2 часа дня — к Кеккау. Оттуда Немецкий легион свернул к Торенсбергу.

В боях под Кеккау был серьезно ранен в ногу храбрый и темпераментный офицер Генштаба Немецкого легиона капитан Вагнер, когда он лично рвался вперед, чтобы повести дальше залегшие под огнем стрелковые цепи. Хотя он и потом без отдыха продолжал командовать, лежа в постели, все же потеря этого талантливого молодого офицера была незаменимой утратой, сказавшейся на успехе частей, так же как и геройская смерть капитана-цур-зее Зиверта. Последний якорь надежды Германии был все-таки поражен роком.

Поздно вечером в штаб корпуса пришло ошеломляющее известие о победе, что Железная дивизия ворвалась в Торенсберг. Я засомневался: «Ну, если бы все было так хорошо!» Военный опыт научил меня, что ночные бои крупного масштаба исключают командование и все оставляют на волю случая.

К сожалению, этот опыт подтвердился вновь. Смертельно усталые войска — храбрые, однако не привыкшие еще к войне баварцы из «Железной горстки» знаменитого капитана-летчика Бертольда, который был самым жестоким образом убит спартакистами в Харбурге в марте 1920 года, — ночью рассеялись в широко раскинувшемся Торенсберге без должного охранения и хорошего размещения. Некоторые части были атакованы, возникла паника, Торенсберг был вновь потерян. При этом крайне прискорбным образом brave солдаты, частью ранеными, частью неранеными, во сне попали в руки озверевшего врага. Их трупы позднее были найдены изуверченными совершенно неопишным образом. Членов антантовской комиссии в Митаве пришлось лично убедиться в том, что здесь бились с большевиками¹⁸².

Эти зверства были тщательно зафиксированы и подтверждены многочисленными свидетельствами очевидцев. И тут не помогут никакие отпирательства. Бермондт сражался с чудовищами, васалами и союзниками Англии. То же самое случалось и в последующих боях.

Вечером 8 октября постепенно пошли все более сильные дожди. Ледяной осенний ветер вихрем пронесся по этому суровому

ландшафту. Ночь была отчаянно холодной. У многих солдат не было шинелей. Обувь тоже в значительной мере оставляла желать лучшего. Ожидаемый успех был достигнут только наполовину, а в Торенсберге даже наоборот. Меня одолевали самые тоскливые сомнения, смогут ли пройти эту тяжелую проверку на прочность молодые войска.

И они выдержали, не дрогнув, прошли последующие тяжелые дни боев и ни разу не подвели в начавшейся вскоре ранней суровой зиме, несмотря на недостаток теплого обмундирования. То, что совершили там войска, вполне может быть поставлено в один ряд с героическими подвигами Мировой войны.

9 октября на сложной местности фронтальную атаку Железной дивизии провести не удалось. Немецкий легион в дюнах на Двине продвигался медленно. Майор Бишоф поэтому решил 3-м пехотным полком свернуть вправо и попытаться поискать счастья на правом крыле вместе с Немецким легионом.

Под личным руководством обоих командиров дивизий вечером 9 октября удалось поколебать фронт противника от участка к участку, и еще вечером шедшее в обход правое крыло ротмистра Крауссе д'Авис сумело ворваться в Торенсберг. На следующее утро была проведена общая атака с участием авиации, и Торенсберг был взят обеими бывшими германскими дивизиями. Только Шварценхоф еще держался, и его пришлось зачищать с тыла. На непросматриваемой местности латышам удалось бежать в Усть-Двинск.

Цель операции Бермондта после выхода на южный берег Двины и блокады мостов между Торенсбергом и Ригой была достигнута. Теперь оставалось только прибрать к рукам остальной берег Двины к северу вплоть до моря. Взятие Риги, по опыту конца июня, не предполагалось, так как мосты могли быть уничтожены флотом Антанты. Над Ригой наши войска взяли контроль со стороны Торенсберга и потому надеялись заставить латышское правительство уступить, для чего завязать переговоры через американскую миссию Красного Креста в Митаве, еще раз гарантировав Латвии полную автономию и потребовав от нее только лишь гарантий предоставления для эксплуатации железной дороги в ходе наступления на Двинск — Смоленск. Надежда на это ввела в заблуждение, возможно, она была ошибкой. Тогда недооценивали упорство полностью полагавшегося на Англию Ульманиса. Казалось, что после того как он получил свой печальный опыт «беззаветной» английской дружбы, теперь он, возможно, был бы готов за счет поддержки командира белых русских получить еще один козырь.

Вечером 10 октября пришла еще одна не столь невероятная новость о том, что эстонская дивизия в 9 батальонов по мостам через Двину у Фридрихштадта перешла в контрнаступление. В связи с этим группа «Балтенланд» была выдвинута из Торенсберга и сосредоточена у Кеккау, чтобы двинуться маршем на Нойгут.

К 12 октября, после того как Усть-Двинск был взят 1-м пластунским полком генерала Билинского, весь левый берег Двины был в руках Бермондта. Корабли Антанты спешно покинули Двину и далеко в Рижском заливе встали на якорь.

Тем самым русско-немецкие войска при самых сложных обстоятельствах в совместной мужественной борьбе под единым командованием одержали блестящую победу, латыши были разбиты, победоносная Антанта, господствующий на морях Альбион искали спасения в бегстве.

Имея по фронту широкую Двину, вражеская фронтальная атака была бесперспективной. Для проведения операции были доступны маневренные резервы. Можно было вновь прибрать к рукам уже оставленную северную Курляндию. Весьма протяженные тыловые коммуникации через Шавли, куда недавно назначенное Антантой литовское правительство стянуло 3 тысячи человек, были достаточны прочными, пока войска еще держались на фронте.

Была сильна надежда на то, что население государств-лимитрофов уступит силе. Однако сила эта казалась обеспеченной, только если, как и обещалось, будут осуществляться поставки материалов и людей. При полнейшей измене правительства германского рейха это становилось все более сомнительным, что оборачивалось для нас главной проблемой.

12 октября в Саткунах я передал командование генерал-лейтенанту фон Эберхардту, который в полной мере понимал положение вещей. Он принимал командование только над германскими оставшимися частями, однако задачей его было сподвигнуть к отступлению не только не подчиняющихся ему русских, но и перешедших к ним немцев.

Естественно, после победы они были еще менее готовы к этому. Все надеялись на благоразумие вызванной самим же германским правительством миссии Антанты, до прибытия которой я должен был исчезнуть, чтобы ненавидимый германский генерал не стал камнем преткновения; хотелось показать им настоящую силу в Курляндии, с которой придется мириться.

Вот так посреди надежд и треволений 14 октября я покинул Прибалтику. В связи с этим не могу описать по собственным

впечатлениям трагический финал эпопеи Бермондта, предоставляя это недавно вышедшей книге капитана Вагенера «Отверженный Родиной».

В ней он в весьма увлекательной манере изображает героические бои и почти сверхчеловеческое физическое и духовное напряжение последних германских солдат, а также их удивительный, несмотря ни на что, боевой дух вплоть до самого конца, хотя правительство Германского рейха блокировало поставки уже оплаченного зимнего обмундирования своим же землякам. 30 % личного состава выбыли из строя из-за обморожений, всякое пополнение, даже отпускники, задерживалось на границе, так что количество бойцов таяло день за днем, поэтому одерживавшие в октябре победы части к середине ноября уже не могли держаться и сумели пробиться на Родину в Германию только после упорных боев. Но цели своей — окружения немецко-русского корпуса — Антанта, несмотря на бесстыдную поддержку ее германским правительством, все-таки не добились. В середине декабря под черно-бело-красным знаменем¹⁸³ основная часть оставшихся в Прибалтике войск с высоко поднятой головой пересекли границу Восточной Пруссии. На этом их силы были исчерпаны.

Вот всего лишь два свидетельства настроения в войсках.

Крест на братской могиле на Двине с такими словами:

«Здесь за свою утраченную Родину пали 20 солдат».

Капитан Зиверт, который 16 ноября провел беседы с различными частями, незадолго до своей смерти описал войска такой фразой:

«Малой частицы того духа, что царил там, было бы достаточно, чтобы вновь сделать из Германии державу».

Именно поэтому внутренние и внешние враги Германии и сокрушили этот дух.

* * *

Когда я уезжал, я не предполагал такого трагического финала. Перед отъездом, я не без гордости пробился к русскому командующему, чтобы поздравить его с первой победой организованной мною Западной русской армии, с возобновлением старой дружбы времен Освободительной войны¹⁸⁴ между немцами и русскими, которые теперь были готовы, сражаясь бок о бок с Колчаком, Деникиным и Юденичем, действовать против угрожающего всей Европе ужаснейшего из противников человечества в глубине России.

Если бы цивилизованный мир осознал знамение времени, можно было бы добиться всемирно-исторического результата. Если бы удалось заставить капитулировать радикализм в России, то можно было надеяться, что он будет надолго подавлен также и в Германии и во всей Европе.

Однако победоносная Антанта все еще опасалась разбитой Германией больше, чем азиатской опасности.

Так же, как эти «передовые бойцы за свободу и культуру» передали польским хозяевам широкие пространства окультуренных территорий на Висле и Варте, балканизировав всю Восточную и Центральную Европу¹⁸⁵, повсеместно подготовив взрывчатый материал для новой войны, они совершенно не постеснялись тайно саботировать патриотические устремления всех русских командующих освободить их Родину, так что спустя полгода после победоносного начала наступления Бермондта большая часть России досталась восторжествовавшему большевикам.

Тяжело оставаться хладнокровным, если хочешь описать, с какой дьявольской подлостью этот преступный островной народ участвовал в этом.

В то время как по плану Бермондта было после обеспечения надежной базы наступать через Двинск на Витебск — Вилейку, установив контакт с Юденичем и Северной армией у Пскова и Нарвы и тем самым — так же, как еще в 1918 году собирался сделать Людендорф, — освободить несчастный Петербург, а затем образовать еще один фронт против Москвы, англичане в октябре 1919 года бросили на этот город насчитывавшую едва 12 тысяч человек армию Юденича, причем одну.

Я слишком высоко ставлю осмотрительность англичан, чтобы считать, что они могли поверить в то, что 12 тысяч русских солдат, прежде не имевших особого успеха, смогут захватить и удерживать одну из мировых столиц. Даже если это и задумывалось, то лишь для того, чтобы они могли показать, что армия Бермондта им для этого не понадобилась (хотя Петербург — еще не вся Россия). Однако это было совершенно исключено. Англичане заставили противившегося такому плану Юденича провести этакий гусарский налет, где поначалу ему сопутствовала удача, так как у большевиков не было там сколько-нибудь значительных сил, а затем последовало сокрушительное поражение, когда те подтянули войска. Тем самым вместе с неудачей Юденичу они нанесли вред и Бермондту. Ведь последний, даже если и был в состоянии успешно держаться против латышей и литовцев, вряд ли смог бы в одиночку, без

Юденича наступать далее на Смоленск. Только в совместной борьбе их обоих, на широком фронте подле друг друга заключалась возможность успеха. Однако когда Юденич был разбит еще до Бермондта, весь русский Западный фронт распался. Англия добилась, чего хотела, — уничтожения своего союзника в Мировой войне и предвоенного соперника, погрузив его в большевистский хаос, а границы все еще опасного для нее врага — Германии — открыв для все того же большевизма. Деникин, также явно поддерживаемый совершенно недостаточно, в ходе своего смелого удара на Москву был разбит, когда стали исчезать всякий нажим на большевиков и всякая помощь с севера¹⁸⁶.

Но мечтатели все еще верили в добрый Альбион¹⁸⁷.

Германское правительство само попросило комиссию Антанты на месте убедиться в его, правительства, невиновности. А почему оно поддерживало саботаж защищающего Германию антибольшевистского фронта — из страха ли, некомпетентности или симпатии к Троцкому — останется неизвестным. Англия была слишком умна, чтобы взять на себя руководство такой миссией, предоставив заниматься саботажем, а значит, и взять на себя весь позор, французскому генералу, эльзасцу по происхождению¹⁸⁸. Один влиятельный германский генерал писал мне: «Отступление было куда менее связано с политикой, нежели Вы думаете».

Тем не менее английские военные суда расстреливали старых русских союзников в Усть-Двинске, уничтожая города вассального латышского государства, а в этом отчаянном положении русский Центральный совет все еще надеялся, что сумеет приобрести симпатию антантовской миссии. Утверждали, что генерал Ниссель получил указание содействовать операциям Бермондта, если окажется, что они состоятельны с военной точки зрения. Сделать это было возможно только до середины ноября, когда из-за недостатка снабжения всем необходимым, а в особенности из-за отсутствия пополнений, все рухнуло.

Вина за такой исход лежит исключительно на германском правительстве и некоторых германских офицерах Генштаба, поставивших ему на службу свои знания и умения, которые, вопреки всем данным прежде обещаниям правительства, закрыли границу и с помощью санкций и провокаций преследовали в Германии всякого, кто хотел поучаствовать в этом деле.

Еще Тацит писал: «Германцев могут победить только германцы».

Тем, кто будет полагать мое мнение слишком субъективным, я приведу в заключение мнение одного русского, занимавшего еще

в царской России очень высокий влиятельный пост, который весной 1920 года, то есть после миссии Бермондта, бежал из России:

«Советское правительство было убеждено, что Англия погибнет от последствий вызванной ею Мировой войны. Осенью 1919 года была величайшая опасность того, что большевики будут свергнуты военным путем, и с ними разделаются уже навсегда, однако “лживая и колеблющаяся политика Англии” спасла красную Россию и тем самым обеспечила гибель Европы.

Только единая Западная Европа, только сильная Германия, крепкие нервы и прекращение паники, успешное подавление духовного террора смогут спасти европейскую цивилизацию и население от гибели.

Дельный германский рабочий должен обратиться к разуму, пока еще не стало слишком поздно».

Сможет ли раздробленное германское общество действительно отсрочить конец растерзанной Европы? По-прежнему ли мы достаточно сильны морально и духовно для защиты от большевистского яда и грубых кулаков приверженцев этого «евангелия от бескультурия»? Достаточно ли самоотверженны, чтобы вновь стать единым народом? Есть ли у нас еще идеалы? Или же мы находимся непосредственно накануне гибели цивилизации стран Заката?¹⁸⁹

Если бы мы могли иметь прочные условия для экономического сотрудничества в дружественной нам России, это сохранило бы нас от большевизма извне, от спартакистов изнутри, от хозяйственного и финансового оскудения, это могло бы выволить нас из карающих дланей Антанты.

Такова была цель прибалтийцев.

О, если бы германский дух и германская сила, которые столь часто на протяжении переменчивой германской истории поднимали на новые высоты наш народ из глубоких провалов, и в нынешнем отчаянном положении смогли бы найти верную дорогу.

Однако для этого необходимы прочные как сталь люди, люди высочайшего полета духа и неизбывной тяги к свершениям.

Дух 1914 года, дух последних бойцов Мировой войны спасет нас, спасет мир!

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1 к с. 22

ПРОЩАЛЬНЫЕ ПИСЬМА АВГУСТА 1914 ГОДА

1. Ганс граф фон дер Гольц (19 лет от роду) написал своей матери 5 августа 1914 года с Западного вокзала Берлина:

«Дорогая мама! Сердечно благодарю за пакет, который я обнаружил по своем прибытии. Поездка сюда из Меца была настоящим триумфальным шествием. Особенно велико воодушевление в Рейнланде. Я ехал со многими товарищами, которые постепенно рассеялись в разные стороны. Под конец и я пожелал удачи Либигу и Фенчу.

Сегодня утром были учения с прибывшими резервистами, затем нас благословили на фронт, а потом прощальный ужин полка...

К сожалению, о поездке в Гамбург нечего было и думать. С утра вторника на железных дорогах замерло всякое гражданское сообщение. Я думаю, ты еще много и часто будешь слышать от меня об этой войне, и надеюсь на радостную встречу с родителями и сестрами. Между тем, конечно, каждый должен считаться с возможностью умереть за Отечество. Я тоже прощаюсь с жизнью, и потому позволь мне сказать тебе несколько слов при расставании. Если я не смог сделать этого, глядя в твои глаза, пусть это произойдет хотя бы в письменном виде.

Ты знаешь, как счастлив я был иметь возможность отправиться на эту войну и, что еще более меня согревает, участвовать в ней в качестве командира. Ты знаешь так же, как горд и счастлив я

был, имея такую немецкую мать, которая охотно и радостно отдает всю себя ради решающей для нашего народа схватки. Для меня тоже нет ничего прекраснее, как пожертвовать на алтарь Отечества и мое земное существование. Проститься с ним мне будет не тяжело. Если мне на долю выпадет и эта последняя великая радость — героически погибнуть, — то ты можешь быть уверена: твой сын Ганс прожил счастливую жизнь, ведь ценность жизни важна не в продолжительности, а в содержании. Я был удачлив и в выборе профессии. Знал счастье и успехи, которых желает себе человек. И в последние дни я смог отличиться, будучи лучшим в военной школе. Мой преподаватель тактики крикнул мне на прощание: “До встречи в Генеральном штабе!” Наверняка, передо мной лежит прекрасная карьера. Что же это еще может значить! Порадуйся за меня, любимая мама! Боль расставания уже позади. Мы живем в великое время, величайшее из тех, что видела Германия. Сыновья и внуки будут нам завидовать! Вся Германия взялась за оружие, она охвачена воодушевлением, защищая с нашей помощью все, что для нас свято: протестантское христианство, германско-немецкую культуру, немецкую монархическую государственную идею. Наша гибель означает потерю всех этих идеалов и уничтожение старой Европы в войне диадохов декадентствующих народов: Англии, Франции, России. Наша победа позволит с новой силой распространить в Европе германскую культуру, достичь невиданного расцвета. Победа будет для нас нелегкой. Однако если в истории есть хоть какая-нибудь справедливость и Божий промысел — а он есть, об этом говорит мой ясный взгляд, — тогда победа должна быть нашей, раньше или позже. И мы должны пожертвовать решительно всем в этом крестовом походе германского народа. С нами Бог!

Я еще раз фотографировался, любимая мама, заказал 12 карточек... Приветы Георгу Конраду, и фройляйн Фелькер, и бабушке, тете Элизабет и Кальккройтам. С благодарностью и любовью,
твой сын Ганс».

2. Из письма Ганса его отцу с Запада от 8 августа 1914 года:

«...Сегодня в “Военном еженедельнике”¹⁹⁰ напечатано о моем производстве в офицеры. Все произошло очень быстро. Можешь себе представить, как я рад жить в это великое время, будучи задействован в качестве командира и офицера.

Я не оставил Вам прощального письма, дорогой отец. Хотя мне не хватает родного очага! (А вот Рюдигер у себя дома успел это сделать). Позавчера я написал дорогой матушке. Я был бы не человек, если бы прощание с Вами не разрывало мне сердце. Однако радость от великих дел и великого времени теснит боль расставания. В данный момент эта война — величайшее счастье для моего народа, и за нее я благодарю Господа своего. Она также величайшая удача в моей жизни, на которую я только мог надеяться. Ты, разумеется, во главе своего гордого полка ощущаешь то же самое. О войне думали еще три года назад! В чем ценность жизни? В том, что человек совершил в ходе нее. И что может быть выше для человека, нежели бороться и умереть за все, что для него свято, за его идеалы и убеждения! Счастье даже слишком велико. Я желал бы себе смерти, чтобы не быть разочарованным последующим временем мира. Однако я думаю и надеюсь, что великая пора для меня не закончится вместе с войной, ведь на почве победы последует фантастический взлет германского народа. Так что я вручаю жизнь свою Господу Богу. Мы увидимся вновь, если он того пожелает. Однако же я кричу тебе:

“Те, кто нас любит, не плачут и не жалуются!
Ведь страна свободна, и занимается утро,
Даже если мы и добились этого, погибнув!”

И еще, любимый отец, ты должен знать о своем сыне: “Потерявшим достоинство ты его не увидишь! Или мы победим, или же никогда более не увидимся!”

Будь здоров, дорогой папа! До радостной встречи после победы!
С неизменной любовью и благодарностью,

твой верный сын Ганс».

№ 2 к с. 75

**РЕЧЬ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА ФИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЭМИЛЯ СЕТАЛЯ
НА ПРАЗДНИКЕ, ДАННОМ В ЧЕСТЬ ГЕРМАНСКОГО КОМАНДУЮЩЕГО
В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ 25 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА**

«Господа!

Около двух тысяч лет назад финны впервые вступили в контакт с германцами. Как показывают свидетельства, сохранившиеся в языке современных финнов, они тогда были куда менее развитым

культурно и куда более юным народом: в ходе многих сотен лет контактов с древними германцами, готами и другими северными германскими племенами они “многое заимствовали и многому научились”. Во всех сферах человеческого бытия, прежде всего в области организации общественной жизни, финны восприняли у германцев очень многое. Во времена единения с шведской державой, продолжавшегося шесть с половиной столетий, финский народ привык к германскому праву, которое и сегодня образует основу нашего государственного устройства, к германскому стремлению к свободе и к культуре западных стран, по крайней мере в северо-германской ее форме. Что касается наших связей именно с Германией, то наши молодые люди, еще до того как у нас появился собственный университет, зачастую учились в германских университетах: среди них был и наш реформатор религии Михаэль Агрикола — ученик Лютера и Меланхтона. А с тех пор как был основан наш университет, германская наука, первая в мире, неизменно предоставляла нам как материал, так и импульс нашим исследованиям. В наших университетах черпали знания из германских работ, а большинство наших ученых учились в германских университетах. Ведь у нас, финнов, особые глубинные основы души¹⁹¹, если можно так выразиться, однако германское мировоззрение уже стало частью нашей природы.

Наш долг перед германцами, перед немцами и до того был велик, однако в эти дни он стал прямо-таки довлеющим над всем остальным.

В течение всего последнего столетия мы вынуждены были бороться за наше право быть западными европейцами — безоружная борьба, где нашим единственным средством, которым мы могли защищаться, были наше право и наша культура. Мы всегда верно выполняли наш долг по отношению к Российской империи, с которой были связаны наши судьбы. Однако на нашу верность ответили вероломством. На протяжении всего столетия мы никогда не могли в достаточной мере спокойно работать над решением наших национальных и общечеловеческих задач: даже солнечные дни омрачались грозowymi облаками, и долгое время не видно было ни лучика от солнца свободы, которое так необходимо для развития всякой культурной миссии. Чуть более чем десятилетие назад показалось, что наконец наступили другие времена: весь народ был полон желания провести значительные реформы, — однако вскоре опять наступила реакция; почти все реформаторские законы, которые были приняты полностью обновленным народ-

ным представительством, были отвергнуты русским правительством, и тем самым была создана благодатная почва для распространения восточной заразной бактерии в ее чистом виде. Так же как и первая, и вторая революция в России была признана нами за ее торжественные слова о самоопределении и наконец, о полной независимости. Однако в это же время Восток предательски стремился к тому, чтобы оторвать нашу землю от Запада как политически, так и культурно, собирался даже уничтожить наше право и нашу культуру одним ударом. Освобожденная от царизма земля засеивалась теперь большевизмом, семена русского бунта созрели, а сбору урожая помогли русские войска. Ужасная диктатура меньшинства населения, господство ужаса, где жизнь не была гарантирована даже социал-демократу в европейском смысле этого слова, вступило в самое резкое противоречие с отчетливо выраженной волей народа, и если бы оно в конце концов одержало победу, то финский народ оказался бы не только за пределами ряда самостоятельных, но и вне культурных наций, да и вообще перестал бы быть нацией.

Верховный властитель Германской империи и могучий, сильный германский народ бескорыстно пришли на помощь маленькому и незащищенному финскому народу в его отчаянном положении. Без вооруженной германской поддержки наши едва обученные и крайне слабо оснащенные войска были бы не в состоянии выдержать борьбу против террора красновардейцев, поддерживаемого русским оружием, русскими боеприпасами и русскими солдатами. Без победоносного командования германских армии и флота война продолжалась бы так долго, что в ходе нее было бы уничтожено множество культурных ценностей, а из-за нехватки продовольствия весь народ оказался бы на краю гибели. Вмешательство германских армии и флота ради свободы и культуры Финляндии, — я надеюсь, что вы, господа высокоуважаемые представители германских вооруженных сил, согласитесь с нами — это вмешательство было совершено не только ради нашей свободы и нашей культуры: Вы сражались за ценности культуры всего человечества. Большевистская опасность — опасность не только для передовых постов, а их образуем именно мы, но и для всех плодов цивилизации, которые Западная Европа сумела получить за тысячи лет.

В эти дни наш долг германскому народу является долгом крови; германская кровь пролита за право существования, за свободу и культуру нашего маленького народа. А нет ничего, что связыва-

ет и соединяет народы более, чем долг крови. У нас нет иного средства оплатить наш долг, кроме как продолжающееся, неустанное участие в цивилизационной работе человечества, совестливое исполнение тяжелых обязанностей, которые возложены на нас новым положением нашего народа. За самоотверженные действия немецкого народа мы можем заверить его в нашей самой горячей симпатии, нашей глубочайшей благодарности, которые не иссякнут никогда, покуда финский народ существует как цивилизованная нация.

Да здравствует великий немецкий народ, прославленный как на полях сражений, так и столь же великий и прославленный в качестве представителя и защитника культурных ценностей всего человечества! Ура!»

№ 3 к с. 114

Начальник Генерального штаба Ставка, 29 июля 1918 г.
Действующей армии
Приложение к № 33973 Р. I.

Служебная инструкция
Для германского генерала в Финляндии

С согласия Адмиралштаба, военно-морского ведомства рейха и военного министерства для обеспечения согласованных действий генерал-майору графу фон дер Гольцу подчиняются:

1. Все германские военные миссии в Финляндии.
2. Все командированные для организации финского флота офицеры и нижние чины.
3. Командиры всех прибывающих в финские гавани германских военных судов получили указание о том, что для всех чинов флота действительны отданные германским генералом в Финляндии распоряжения и приказы.

Генерал-майор граф фон дер Гольц при сохранении за ним поста командира Балтийской дивизии получает наименование:

“Германский генерал в Финляндии”.

Он обязан отдавать политические директивы, согласно которым следует вести работу в Финляндии.

Помимо Балтийской дивизии германскому генералу в Финляндии подчиняются:

А. Отдел по организации финской армии и флота.

Начальник: полковник Генерального штаба фон Редерн.

Отдел состоит из:

1. Отдела по организации финской армии (под руководством непосредственно полковника фон Редерна).

2. Отдела по организации финского флота. Начальник: корветтен-капитан¹⁹² Адмиралштаба.

Задача полковника фон Редерна: развертывание и организация финских армии и флота. Полковник фон Редерн является первым советником финского главнокомандующего и военного министра. Во всех основополагающих вопросах он обязан действовать с согласия германского генерала, который является моим представителем в Финляндии, и докладывать ему обо всех значительных происшествиях. Отчеты полковника фон Редерна германским генералом отправляются в Верховное Главнокомандование. Запросы на материалы германский генерал направляет в военное министерство.

Все командированные для организации финской армии офицеры и военные чиновники германской армии подчиняются полковнику фон Редерну. Они придаются Балтийской дивизии для особых поручений. Содержание им выдается в германских инстанциях, в финской армии они имеют ранг на две ступени выше имеющегося в германской и, если это необходимо, согласно специальным соглашениям между германским генералом и финским военным министром, получают финскую прибавку к жалованью. Офицеры сохраняют лошадей и немецких денщиков, так же как и офицеры, находящиеся в прочих мобилизованных частях.

Начальником отдела по организации финского флота будет назначен корветтен-капитан Адмиралштаба. Ему подчиняются все офицеры и нижние чины, предоставленные в распоряжение финского флота. Содержание им выдается в германских инстанциях, в финском флоте они имеют ранг на две ступени выше имеющегося в германском, аналогично армии, и, если это необходимо, получают финскую прибавку к жалованью согласно специальным соглашениям между германским генералом и финским государством. Начальник отдела по организации финского флота подчиняется полковнику фон Редерну. Он самостоятельно ведет работу во всех сугубо флотских вопросах и отчитывается непосредственно перед Адмиралштабом или военно-морским ведомством рейха. Полковника фон Редерна он держит в курсе. Одновременно он

является советником германского генерала по военно-морским вопросам.

Полковник фон Редерн по отношению к подчиненным ему германским офицерам и нижним чинам имеет полномочия командира бригады. Инструкторы, командированные из состава Балтийской дивизии, для обучения финской армии остаются в непосредственном подчинении Балтийской дивизии.

В. Военно-политические отделы.

В их состав входят направленные в Финляндию представители отделов германского Верховного Главнокомандования.

Для работы по общим вопросам, связанным с этими отделами, германскому генералу предоставляется второй адъютант — лейтенант или капитан — и один секретарь интендантства.

Следует образовать следующие отделы:

Отдел I. (отдел прессы)

Представитель Заграничного отдела Верховного Главнокомандования.

Задача: формирование финской службы прессы и телеграмм для распространения германских новостей.

Перевод финской прессы.

Распространение германской прессы и литературы.

Пропаганда иллюстрированной продукции и фильмов.

Снабжение германской прессы новостями из Финляндии.

К нему на постоянной основе командировуются один переводчик с финского языка и один со шведского.

Отдел II. (отдел контрразведки)

Представитель отдела IIIb (секция контрразведки)¹⁹³.

Осуществление контроля за шпионажем и пропагандой Антанты в Финляндии.

Отдел III. (разведывательный отдел)

Представитель IIIb (разведка).

Сбор известий из России, а также Швеции и Норвегии, если таковые имеют значение для Финляндии.

Отдел III с согласия германского генерала может перенести свою резиденцию на русскую или шведскую границу. Их следует особо обязать воздерживаться от всякой политической деятельности в Финляндии.

Отдел IV. (отдел средств связи)

Представитель начальника службы связи.

Улучшение связи с Германией.

Развитие и регулирование радиосвязи.

Обеспечение режима максимального благоприятствования германским приборам и материалам для оборудования всех видов связи.

Отслеживание и расшифровка радиосообщений Антанты.

Начальники военно-политических отделов поддерживают прямую связь со своими ведомствами, которая, однако, должна ограничиваться чисто деловыми вопросами их деятельности. Согласно более подробным распоряжениям германского генерала в Финляндии они обязаны постоянно делать ему доклады о текущем положении дел. Остальная служебная переписка, в частности все отданные мною указания по отдельным направлениям работы, идет через германского генерала.

При контактах с головными подразделениями Генерального штаба военно-политические отделы обязаны воздерживаться от донесений и высказывания своей точки зрения по общим политическим, экономическим или военным вопросам. Наблюдения и выводы во всех сферах работы должны сообщаться германскому генералу, который будет представлять их мне вкупе с его собственными наблюдениями в форме отчетов.

Офицеры военно-политических отделов имеют по одному денщику, но остаются без лошадей. Довольствие с германской стороны идет через администрацию военных складов. Я оставляю за собой решение по вопросу об особой выплачиваемой германской стороной прибавке и по истечении месяца буду рассматривать соответствующие запросы от германского генерала.

С. Уполномоченный военного министерства в Финляндии.

Уполномоченный военного министерства подчиняется лично германскому генералу в Финляндии. Он обязан постоянно делать доклады германскому генералу и координировать с ним свои действия.

Представитель флота в Финляндии.

Представитель флота в Финляндии подчиняется лично германскому генералу в Финляндии, он обязан постоянно ему докладывать и координировать с ним свои действия. Касательно служебных заданий он связан указаниями военно-морского ведомства рейха. Если по мнению германского генерала есть сомнения относительно полученных указаний, то обе стороны запрашивают свои вышестоящие инстанции о разрешении вопроса. Представитель флота имеет право по служебным делам докладывать непосредственно в Адмиралштаб и военно-морское ведомство рейха.

Все отправленные со специальными миссиями в Финляндию офицеры и военные чиновники обязаны по прибытии в Финляндию доложить германскому генералу и проинформировать его о поставленных перед ними задачах. В ходе доклада при отъезде из страны германский генерал должен быть поставлен в известность о результатах их деятельности.

По отношению к подчиненным ему офицерам и нижним чинам германский генерал располагает полномочиями командира дивизии.

В качестве представителя германского генерала командование Балтийской дивизией принимает на себя старший офицер дивизии, в остальных случаях — полковник фон Редерн.

Подпись: Людендорф¹⁹⁴.

№ 4 к с. 199–200

Рига. Вознесение.

Авторства Вальтера Эберхарда фон Медема,
капитана и командира отряда Медема
в балтийском ландесвере

Солнце сияло над прекрасной освобожденной Ригой, по улицам гуляли радостные люди в светлых одеждах, празднуя самый прекрасный из праздников Вознесения Господня в своей жизни. Лишь тот, кто пригляделся поближе, заметил бы некоторые перекошенные болью лица, в которых радость не могла сменить воспоминания об убийстве их любимых, увидел бы печать голода большевистской поры в Риге на лицах всех, кто хотел бы забыть недавние времена под этим весенним солнцем. Однако Рига уже пробудилась, для дела и для радостей жизни.

Мои мысли возвратились ко дню освобождения, к тому, как мы около полуночи с 21 на 22 мая в одной маленькой крестьянской комнате в Кальнцеме слушали последние приказы командующего балтийским ландесвером майора Флетчера — с большой серьезностью, ведь фронтальная атака Риги казалась нам рискованной с военной точки зрения. Затем пришли раздумья о жертвах, которых она могла бы обойтись, о том, как с каждым нашим шагом вперед большевистские собаки убивают в Риге заложников, женщин и стариков. Во всех жило невероятное стремление двигаться вперед. Так

что мы выдвинулись в ночь. Когда забрезжил рассвет, первое сопротивление в густом лесу было уже сломлено, новорожденное утро приветствовали треск пулеметов и рык орудий. Мы уже взяли врага за горло и не хотели его отпускать, прихватив его там, где застали, погнав его по тонким деревянным гатям на болоте, невероятно рискуя, ведь справа и слева нам угрожала гибель (мы могли утонуть). Впереди стоял враг. Мы шли вперед и выбрались на твердую землю, мы овладели большой дорогой в Ригу. Было еще 8 утра, а мы уже в тылу противника. Мы продвинулись вперед на 30 км — без передышки, с постоянными боями и победами. Не думая о прикрытии справа и слева, о том, что у нас в тылу, горсточка решительных людей рвалась вперед, в центр большевистской армии. Перед нами лежала Рига, так что последние 16 км мы промчались галопом и рысью, ворвавшись в город, стреляя во все, что попадалось нам на пути, не позволяя совершенно ошарашенным большевикам понять, кто же все-таки так гремит по брусчатке рижского предместья. Мы оставили позади нас отступающего противника, обогнав его, ведь он мог прорваться к цели вместе с нами. Целью этой был мост Риги.

Мост Риги оказался прочно в наших руках — это была победа, это было спасение тысяч людских жизней; ведь если основные силы нашего ландесвера вечером стояли бы перед уничтоженным мостом и не могли бы перебраться через Западную Двину, всякий час промедления убийцы использовали бы для того, чтобы бесчинствовать. Утро, первая половина этого невероятного дня, уже было позади. Теперь над Двиной светилось полуденное солнце, дикая радость охватила всех, кто был на мосту. В домах перед мостом стояли пулеметы. Мы не сделали ни выстрела из наших легких орудий, мы, передовые части кавалерии, пехоты, два орудия и четыре пулемета, промчались галопом до конца моста. У нас были потери, но в тот момент, когда на острие ножа находилась наша судьба, судьба тысяч людей в Риге, мы были под счастливой звездой. Большевики стреляли плохо, а мы хорошо. Они были в 50 м перед нами, за надежными стенами, мы же сбились в тесную кучку на тесном деревянном мосту. Мы остались победителями, орудия и пулеметы были двинуты на берег, мост был наш. Немного стрелков с одним орудием и двумя пулеметами стояли на западном берегу, столько же оставались на восточном в готовности вступить в бой с большевиками, которых мы оставили между собой и следующими за нами основными силами. Мы были по меньшей мере в 15 км впереди, так потрясающе быстро все прошло. Так тверда и несгибаема была

решимость, что события вряд ли могли бы перепутаться в памяти. Однако каждый, кто при этом присутствовал, никогда не забудет чувства облегчения, которое он ощутил, когда около 12 часов дня мост Риги был в наших руках.

Затем мы, 12 человек ударного отряда, одно орудие и два пулемета, двинулись вперед, чтобы взять штурмом цитадель Риги, главную тюрьму. Жизнь на улицах, казалось, замерла от ужаса перед тем адским концертом, который мы, появившись, словно из-под земли, только что разыграли на мосту. Однако над нами уже опять начали свистеть первые пули — предательски, из окон и из-за угла. Здесь смертельная пуля настигла храбрейшего из нас, барона Ганса Мантейфеля, командира ударного отряда. А затем мы уже были перед цитаделью. Из сотен человеческих глоток раздался крик, все решетки в тюрьме сотрясались людьми, словно обезумевшими от радости, ведь произошло невероятное: спасение. Мы выдвинули вперед орудие, два пулемета — сзади. И если охрана моста на Двине уже была островком, мы, теперь уже и сами без связи с нашими товарищами на мосту, были всего лишь утесом в море домов Риги. Там мы простояли два часа, не имея возможности двинуться ни вперед, ни назад. На маленьких окошках четырехугольной тюрьмы висели заключенные, они кричали и плакали, стоял оглушительный шум. К нам, несмотря на пули, свистевшие на улицах, подбегали женщины: «Мой муж сидит в тюрьме, спасите его!» Разыгрывались душераздирающие сцены. Но нам нужно было сохранять хладнокровие и беречь нервы, ведь что может случиться в следующий миг? Чтобы открыть темницы, у нас было слишком мало людей, перед нами на окнах были заключенные, и с ними ничего не могло произойти. В сотне шагов располагалась другая тюрьма, в которой томились заложники, по большей части женщины и юные девушки. Там даже окна снаружи были заколочены досками, чтобы взгляд заключенных не смог найти никакой связи с окружающим миром.

Эту темницу следовало открыть. Мы вчетвером пошли вперед. Взорвать дверь ручными гранатами с первого раза не удалось. Тут из окна нижнего этажа грохнул выстрел, нам пришлось отойти, а три человека все же остались у стен, чтобы услышать, не начали ли эти псы из стражи убивать своих жертв. Словно из другого мира, доносились до наших ушей приглушенные досками на окнах умоляющие женские голоса, а затем мы разнесли двери ручными гранатами и топорами, разметали содержимое, ворвались в тюрьму, бывший монастырь, с револьверами в руках. Ни одного больше-

вика уже не было видно, они бежали через заднюю дверь. Но перед нами открылись ворота переоборудованной под тюремный лазарет бывшей монастырской церкви; ведомые юной сестрой милосердия оттуда вышли больные заключенные с криками избавления. Это было зрелище, которое заставляет остановиться сердце, впечатление, от которого мы онемели, смущенные святым моментом окончательного освобождения от мук этих людей. Никогда из моей памяти не изгладится картина юной, доброжелательной, охваченной радостью сестры, которая так спокойно и по-матерински ласково выводила на свет, навстречу освободителям своих неопишимо убогих пациентов. Затем мы пошли в тюремное крыло, чтобы открыть камеры. Бывшие монастырские кельи двумя этажами выходили на сводчатую галерею. И вот они устремились наружу: пожилые женщины и юные девочки, дрожащие старики, словно вставшие из могилы. Разыгрывались шокирующие сцены, самым страшным образом не выдерживали нервы. Этих людей охватил экстаз, который можно объяснить, только если знаешь, что значит три месяца, а то и больше безвинно томиться в руках большевиков просто потому, что человек пастор, или дворянин, или буржуа. Корнет М., который взломал тюрьму вместе со мной, попытался сказать что-нибудь успокаивающее; я, онемев, стоял в углу со слезами на глазах. словно молния, пронеслось передо мной это наступление. Это было то, ради чего мы с чудовищной энергией рвались вперед до последнего вздоха людей и лошадей, для чего смогли приложить почти нечеловеческие усилия, ради этого момента.

Когда волны возбуждения несколько улеглись, из стоявшей вокруг нас толпы, поначалу сдержанно, а потом все громче зазвучала старая песня «Возблагодарим же Господа», а камеры, дотоле еще не раскрытые, распахнулись. Мне показалось, будто бы от мощного хорового пения темницу прорвало, словно бы огромный оркестр, управляемый мастерской рукой, дал все, на что он только способен. словно один-единственный орган, уцелевший в этом бренном мире, звучало в моей душе это «Славьте Господа»¹⁹⁵. Господь все же побеждает! Даже это тупое озверение большевистствующих людей.

Бедная Германия, когда же ты найдешь силы на то, чтобы запеть «Возблагодарим же Господа», когда твой спаситель вызовет тебя из этого глубочайшего позора?

№ 5 к с. 242

Штаб 6-го резервного корпуса, Митава, 15 августа 1919 г.
I. М. №

Протокол совещания
15 августа 1919 года в 9 утра

Присутствовали:

Генерал-майор граф фон дер Гольц,
Майор Хагеманн,
Майор Моойер,
Капитан фон Позек,
Лейтенант фон Книрим (переводчик),
Полковник Бермондт,
Господин Рёммер.

Сначала граф фон дер Гольц поздравляет с передачей ему командования русским Советом в Берлине. Он еще раз подчеркивает, что всегда стоял на той точке зрения, что урегулирование кадровых вопросов является делом чисто русским и что он рад, что решение по этому вопросу наконец последовало со стороны официальной русской инстанции и в благоприятном для Бермондта духе. Он спросил и о письменном приказе по этому поводу.

Господин Рёммер на это предоставляет письменный приказ берлинского Совета, под которым стоят следующие подписи: председатель барон Кнорринг, полковник Дурново, Дерюгин, ландмаршал барон Пилар, Рёммер, Поппель.

Граф фон дер Гольц спрашивает, как отнестся к берлинскому Совету и этому приказу генерал Гурко.

Полковник Бермондт сообщает, что Дурново, начальник штаба генерала Гурко, состоит в берлинском Совете и подписал этот документ. Он действует в полном согласии с генералом Гурко. Последний приедет в Берлин в ближайшие дни.

Господин Рёммер в ответ на это произносит длинную речь с благодарностью от вновь образованного берлинского Совета графу Гольцу за огромную поддержку, которую он к этому моменту уже оказал русскому делу.

Граф фон дер Гольц отвечает, подчеркивая, что он всегда готов все сделать для русского дела, однако обращает особое внимание на то, что не следует вести политику «страуса», а самым важным является то, чтобы все покоилось на прочных и надежных основаниях.

В связи с этим он высказывает Бермондту свое согласие на то, чтобы Б. пока что отложил извещение о принятии на себя командования. Он полагает это правильным, причем по следующим причинам:

1. Государства-лимитрофы, а значит Антанту, которая их до сих пор поддерживала, следует полагать врагами.

2. До сих пор еще не обученные и не снаряженные 7 тысяч русских не являются достаточным средством давления, чтобы пробиться при любых обстоятельствах.

3. Переговоры, которые бы велись между Бермондтом и Литвой, с одной стороны, и Гучковым и Гофом, с другой, были бы прерваны.

4. Безусловно необходимые для этого финансовые основания все еще не обеспечены.

Он спрашивает в связи с этим, что Рёммер может сообщить об обстановке в целом и особенно относительно финансового положения в Берлине.

Господин Рёммер заявил следующее:

8 дней назад обстановка изменилась. Вплоть до сих пор германские финансовые круги относились к этому отрицательно, так как полагали, что из-за сопротивления Антанты для этого предприятия нет достаточных гарантий. Теперь, однако, есть надежда, что Антанта по меньшей мере стерпит его осуществление. В этих обстоятельствах можно рассчитывать на сумму от 800 миллионов до 1 миллиарда.

Берлинский Совет дал знать союзной Комиссии Четырех, что создание русского Западного фронта было бы последним шансом для успешной борьбы против большевиков, а вот дальнейший отказ Антанты от этого заставил бы оставить всякие надежды на уничтожение большевизма. Поэтому в великорусских кругах тогда не осталось бы ничего иного, кроме как заключить союз с Советами и идти маршем в Индию.

Эти переговоры неофициально велись в Париже и Копенгагене.

2 августа английский генерал Малькольм дал знать Русскому Совету в Берлине через офицера своего штаба, что Антанта не имеет ничего против образования русского Западного фронта с германской помощью. Запрошенное Русским Советом официальное заявление об этом генерал Малькольм отклонил на том основании, что он смог бы сделать это лишь после своего возвращения из Парижа 15 августа. В остальном же якобы уже послан в Ригу офицер, чтобы проинформировать генерала Гоффа об изменениях в политике Антанты.

Эти перемены в обстановке уже известны официальным германским кругам, а они якобы уже дали знать Русскому Совету о том, что необходимые деньги будут выделены. Кем они будут представлены — пока еще неизвестно, и сообщить об этом нет возможности. На просьбу Русского Совета немедленно предоставить ему по меньшей мере 467 тысяч рублей на необходимые нужды таковые были переданы. Далее немецким финансовым кругам был задан вопрос о том, настолько ли надежно финансирование, что для Западного фронта можно отправлять новые транспорты. В общем и целом в связи с этим следует рассчитывать на численность солдат на фронте в 150 тысяч человек (в т. ч. Северная армия 70 тысяч, германские войска 28 тысяч, ландесвер 6 тысяч, австрийцы 12 тысяч). В ответ на это германские финансисты заявили, что оплата для этих частей на полгода обеспечена, поэтому транспорты могут отправляться. Деньги будут учитываться Антантой из расчета суммы, которую Германия должна выплатить в качестве репараций.

Генерал Бискупский якобы с согласия Антанты и на основании соответствующих приказов генерала Юденича претендует на передачу командования ему. Он заявил, что граф Гольц будто бы с этим согласен и даже собирается ему подчиняться. Русский Совет против Бискупского: прежде всего из-за его связей с Юденичем, который находится полностью в фарватере Антанты. Но Совет в Берлине понимает, что все это может быть осуществлено только при поддержке графа Гольца.

Граф фон дер Гольц возражает, что разрешение вопроса о главнокомандовании является чисто русским делом, и он воздерживается от какого-либо влияния в этом деле.

Господин Рёммер спрашивает на это, признает ли граф фон дер Гольц Русское Правительство в Берлине. Правительство в Париже вышло из игры. Сазонов неделями тщетно пытается добиться приема Советом Четырех, и генерал Деникин более не признает полномочия парижского правительства.

Граф фон дер Гольц заявляет, что он лично ничего не имеет против Русского Правительства в Берлине, однако официальное признание этого правительства — дело политических инстанций.

Господин Рёммер спрашивает, признает ли граф Гольц назначенного в Берлине командующего.

Граф фон дер Гольц подтверждает это.

Господин Рёммер еще раз подчеркивает, что и Гучков, который считается сторонником Антанты, полагает Бермондта единствен-

ным кандидатом, которого можно рассматривать в качестве командующего.

Граф фон дер Гольц еще раз подводит итоги тому, что сообщил Рёммер. Он подтверждает, что, согласно выводам Рёммера, произошло изменение позиции Антанты, германского правительства, германских финансовых кругов, о чем сообщено генералу Гофу. Все это будет его обязывать к чему-либо, если со стороны вышеупомянутых трех сторон он получит соответствующее извещение. Однако события торопят, так как вывод войск идет полным ходом.

Далее он должен потребовать письменного подтверждения того, что деньги действительно предоставлены, или же сведений о том, где они находятся, для каких целей предназначаются и кто ими может распоряжаться.

Уже выделенные якобы 467 тысяч рублей, по его мнению, лучше было бы направить не на отправку новых транспортов, а для вооружения уже имеющихся частей.

Господин Рёммер еще раз подчеркивает, что именно согласие финансовых кругов на отправку дальнейших частей является доказательством действительного наличия денег.

Граф фон дер Гольц еще раз объясняет, что он требует письменного подтверждения, так как иначе должен воспротивиться отправке следующих транспортов. Если после этого денег так и не будет, то все эти войска, отправленные сюда на основании ложных предпосылок, станут представлять собой большую опасность.

Поэтому он требует для начала для уже имеющихся войск сумму в 8–10 миллионов для обеспечения оплаты на месяц, а также для настоятельно необходимой закупки лошадей.

Господин Рёммер заявляет, что и Дурново указывал на опасность преждевременной отправки следующих частей, однако финансисты, несмотря на это, заявили о том, что согласны на отправку, ведь финансирование полностью гарантировано.

Граф фон дер Гольц еще раз возражает, поясняя, что он будет согласен на все это лишь в том случае, если — а именно через 8 дней — он будет располагать письменным подтверждением наличия денег, и для начала необходима небольшая сумма примерно в 10 миллионов, а затем сумма, которая требуется для обеспечения всего этого предприятия.

Затем он также спрашивает, насколько могут быть задействованы германские войска.

Господин Рёммер сообщает, что Малькольм высказался по этому поводу положительно.

Граф фон дер Гольц требует письменного подтверждения и этому.

Господин Рёммер заявляет, что это было бы очень трудно сделать; есть ощущение, что генерал Гоф ведет собственную политическую линию вопреки указаниям Черчилля, в том же духе высказывался и Гучков.

Граф фон дер Гольц затем затрагивает и литовский вопрос и заявляет, что ни в коем случае не следует прерывать переговоры, однако с учетом еще не окончившегося формирования русских частей их следует затягивать.

В заключение он выражает надежду, что планы Рёммера можно будет реализовать, однако он вынужден выдвинуть требование, чтобы все важные шаги предварительно обсуждались с ним. В особенности он попросил бы, чтобы не вели никаких прямых переговоров между русскими инстанциями и майором Бишофом или же другими подчиненными ему командирами.

Полковник Бермондт обещает это.

Верно: фон Позек,
Капитан Генерального штаба.

Экземпляры:

Граф фон дер Гольц	1
Штаб корпуса	2
Майор Моойер	1
Германская миссия	1
Резерв	1

№ 6 к с. 276

СЛУЖЕБНОЕ ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕГО ШТАБА 3-Й ГРУППЫ РЕЙХСВЕРА (РАНЕЕ – ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ «СЕВЕР») ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФОН ЭШТОРФА ГЕНЕРАЛУ ГРАФУ ФОН ДЕР ГОЛЬЦУ

«Лишь с болью и глубоким сожалением я передал Вам приказ правительства рейха, который отзывает Вас с поста командующего германскими войсками в Прибалтике. Сколь редко отъезд командующего вызывает такую печаль и подавленность не только в войсках, но и у всех храбрых и патриотически настроенных немцев, которые могут отнестись к Вашему отзыву лишь с глубоким разочарованием.

Все мы очень хорошо знаем, что означает имя графа Гольца для германского дела на Востоке; для всех нас останутся незабвенными великие деяния, которые Вы совершили для Отечества в тяжелейшую пору.

Когда в феврале этого года Вы приняли на себя командование 6-м резервным корпусом, нашей Родине, подвергшейся тяжелым испытаниям, угрожал новый удар. Большевистские орды грозили вторгнуться в Восточную Пруссию, убивая и грабя. Благодаря влиянию Вашей личности и Вашей неутомимой деятельности эта опасность вскоре была ликвидирована одним ударом, так как подчиненные Вам войска, идя от победы к победе, освободили от большевиков северную Литву и Курляндию, тем самым сумев спасти имущество и жизни многих германских соплеменников от верной гибели.

Результаты этих побед удалось отстоять против повторных мощных атак врага, тем самым лишив его возможности силой оружия принести большевизм в Германию.

За дух любви к Отечеству и чувство долга, с которыми Ваши войска, зачастую сильно уступающие числом, совершили эти подвиги, они обязаны главным образом Вам, ведь всего себя Вы неизменно отдавали на благо общего дела. То, как сами войска ощущали это, они вполне доказали тем доверием, которое питали к Вам. Почитаемый, любимый и уважаемый как лишь немногие командиры, Вы были тем сильным вождем, который смог вдохнуть в столь пестрые войска единый дух, сделав их способными на великие свершения.

Для широких кругов нашего народа Вы как полководец были едва ли не самым верным защитником германского дела на самом опасном посту за рубежом.

При самых тяжелых, вероятно, обстоятельствах удалось защитить от козней врага завоеванные германской кровью права и привилегии. То, с какой осмотрительностью и энергией Вы справились с этой задачей, как мужественно Вы отстаивали интересы Германской империи от всех вражеских поползновений, черпая для этой силы лишь из глубины собственной души, вызвало такую любовь и восхищение каждого истинного немца, что Вы останетесь в памяти до тех пор, пока будет продолжаться германская история.

Вам не было суждено и дальше оставаться на Вашем посту в Прибалтике, работая над решением своей задачи, чем Вы хотели бы послужить будущему нашего Отечества. Коалиция наших врагов вновь оказалась сильнее и вынудила нас к этому горестному от-

речению. Идя на него, мы вынуждены попрощаться со всякой надеждой на германское будущее на Востоке. Здесь никак нельзя отделить человека от его дела, и мы вынуждены с болезненной гордостью констатировать: в данном случае этот человек незаменим.

От имени Отечества я выражаю Вам самую теплую благодарность за Вашу неутомимую жертвенную деятельность. Я убежден, что ничто из того, что Вы свершили, не было напрасно или же потеряно навсегда, а еще даст плоды в дальнейшем. Примите вместе с благодарностью наши самые искренние Вам пожелания. Пусть Вам еще посчастливится и дальше работать на восстановление нашего Отечества, на создание германского будущего на одном из влиятельных постов».

Подписано: фон Эшторф.

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Чиновник местного самоуправления, приблизительно соответствует главе администрации района.
2. Одного из далеких предков автора книги, прусского генерала XVIII века.
3. Здесь и далее кавычки авторские, не считая особо оговоренных случаев. Они сохранены для передачи достаточно эмоционального отношения автора к политическим реалиям его времени.
4. Одна из штабных должностей, 1-й офицер Генштаба был начальником оперативного отдела, 2-й — отвечал за снабжение и т. д.
5. Под международным форумом автор имеет в виду подконтрольную, по его мнению, Великобритании Лигу Наций.
6. В оригинале: "Haltet aus, haltet aus — Im Sturmgebraus".
7. Здесь и далее разрядка автора.
8. В конце 1918 года военным министром стал В. Рейнхардт (Reinhardt), однако его фамилия пишется несколько иначе, и эта оговорка носит иронический оттенок.
9. То есть под бельгийским Льежем.
10. Это несколько пренебрежительное отношение к священнослужителю вызвано неприязнью протестанта фон дер Гольца к католицизму вообще.
11. Весьма показательное свидетельство того, что и в октябре 1914 года даже старшие офицеры германской армии еще верили в скорое окончание Первой мировой войны.
12. Дядя генерал-фельдмаршала вермахта Э. фон Манштейна.
13. Интересное замечание автора, воевавшего на обоих фронтах, дающее возможность оценить военные усилия не только Германии, но и России в Первой мировой войне.
14. Небольшая река в Белоруссии, не путать с известной по кампании 1812 года рекой с тем же названием также в Белоруссии.

15. То есть образованным из части офицеров полка и его запасных в ходе мобилизации.
16. Автор не случайно подчеркивает происхождение частей, так как войска Баварии пользовались очень большой автономией в составе германской армии, а также зачастую имели напряженные отношения с пруссаками.
17. Канцлер имел в виду победу в австро-прусской войне 1866 года.
18. То есть не гвардейских. Фон дер Гольц как гвардеец не мог не подчеркнуть это обстоятельство.
19. И вновь свидетельство прусского и отдельно гвардейского патриотизма автора.
20. Название французской деревни.
21. Учитывая продолжающиеся дискуссии о битве на Марне и о роли русского вторжения в Восточную Пруссию в августе 1914 года, важное признание германского генерала.
22. Имеется в виду борьба остготов и Византии за Италию в середине VI в., которая окончилась уничтожением королевства остготов.
23. Имеются в виду штабы корпусного уровня, которые, в отличие от обыкновенных корпусов, не имели собственных дивизий, а отвечали за участок фронта.
24. Имеется в виду «мирная резолюция» рейхстага от 19 июля 1917 года, в которой говорилось о стремлении к миру на компромиссных условиях, что было с возмущением отвергнуто военными Германии.
25. 12 декабря 1916 года.
26. Персонаж «Илиады», известный своей сварливостью и стремлением подорвать авторитет вождей ахейцев.
27. День рождения кайзера Вильгельма II, когда ежегодно совершались награждения, производство в следующий чин, иногда амнистии и помилования.
28. От нем. Oberste Heeresleitung (Верховное Главнокомандование).
29. Традиционный аналог звания «рядовой» в гвардейской пехоте Пруссии.
30. В этом городе тогда находилась германская Ставка.
31. *Швед*. Две партии, боровшиеся в ту эпоху в Финляндии, выступавшие за распространение финского и шведского языка соответственно.
32. Разделяй и властвуй (*лат.*).
33. Немцы предпочитали французскому слову «цивилизация» немецкое «культура», а вместо обозначения «европейский» уточняли «центральноевропейский», чтобы дистанцироваться от враждебных Франции и Англии.
34. Эти скобки оставляю специально, для иллюстрации слабого знакомства тогдашнего населения Германии с Финляндией.
35. Именно «коммунизм», а не «коммунисты». Используемые автором термины оставлены без изменений, хотя он, очевидно, несколько путается в них.

36. Характерное возмущение автора. Его удивляет (!), что «даже» среди большевиков были старые каторжники, а потому ему представляется необычным, но заслуживающим похвалы то, что память о царской каторге заставила даже таких извергов, как большевики, позволить своей старой знакомой позаботиться об их противниках, пусть и неофициально.
37. Автор имеет в виду интервентов.
38. Имеется в виду период Гражданской войны в Финляндии (весна 1918 года).
39. Впоследствии Маннергейм в своих мемуарах излагал несколько иную точку зрения, заявив, что выиграл бы войну и без высадки дивизии фон дер Гольца.
40. В западных университетах — один из важнейших постов в университетской администрации.
41. Имеется в виду Восточный фронт Первой мировой войны.
42. Это привело впоследствии к знаменитому делу Щастного летом 1918 года и репрессиям против командного состава Балтийского флота.
43. Фин. Таммисаари, ныне в составе города Расеборг.
44. В русскоязычной литературе часто употребляется и аббревиатура ОХЛ — наименование германского верховного главнокомандования в обеих мировых войнах.
45. Ныне финский город Ловийса.
46. Приведено в тексте на английском, пер.: «Германия правит волнами».
47. В оригинале «культуры», но более близок к русскому аналогу термин «цивилизация». В ходе Великой войны эти термины обрели пропагандистское значение, т. к. Германия воевала за «культуру», а французы и англичане именно за «цивилизацию».
48. Стихотворный перевод сделать затрудняюсь.
49. В какой-то степени черты схожей операции можно увидеть в сражении при Суомиссалми в ходе Зимней войны 1939–1940 годов.
50. В русской традиции сражение при Лютцене 2 мая 1813 года.
51. От *лат.* Imperator Rex — император, король.
52. Герои борьбы с Наполеоном в Пруссии.
53. Финское название Олонца. Характерно, что автор, сохраняя приверженность шведским названиям в собственно Финляндии, относительно Карелии отдает предпочтение финскому варианту топонимики.
54. Финское название Петрозаводска.
55. Выходящая по сей день в Хельсинки влиятельная «Столичная газета» на шведском языке.
56. В оригинале — *Rumpf*, т. е. остов, корпус и проч. По аналогии с термином из истории Английской революции XVII века (который, вероятно, и имел в виду автор) избран его традиционный русский перевод — «охвостье».

57. Влиятельные германские газеты. «Форвертс» — орган Социал-демократической партии Германии, ее большинства, а «Фоссише Цайтунг» выражала интересы либеральных банковских кругов.
58. Намек на стремление последнего кайзера Германии Вильгельма II быть «правителем бедных», сделать монархию «социальной».
59. Это можно рассматривать как своеобразное предсказание советско-финской войны 1939–1940 годов.
60. То есть Кандалакши.
61. Примечательная и нетривиальная оговорка германского генерала, многие из коллег которого, признавая такое положение дел *de facto*, никогда не признались бы в этом публично, в особенности по политическим соображениям.
62. Имеется в виду Добавочный договор между Германией и Советской Россией от 27 августа 1918 года.
63. Впоследствии — генерал-полковник вермахта, завоеватель Норвегии, в ходе Великой Отечественной войны тщетно пытался овладеть Мурманском.
64. Автор ошибается. В. М. Волконский был не председателем Государственной думы, а товарищем председателя в 1915–1916 годах.
65. Имеется в виду нашумевшая впоследствии «Записка» П. Н. Дурново.
66. То есть Финляндия.
67. Автор критикует политику лавирования германского МИДа между Финляндией и Швецией, хотя иного пути у дипломатов попросту не было. Германия очень долго не оставляла надежд на переход Швеции в лагерь Центральных держав, но к 1918 году они рассеялись. Оккупация Финляндии и установление там прогерманского режима могло бы подтолкнуть Швецию к более активным действиям, чтобы участвовать в разделе Великого княжества Финляндского. При этом, если бы Швеция и на этот раз сохранила нейтралитет, вступить в конфликт с Финляндией было бы для Германии огромной ошибкой. Лавирование германской дипломатии, как и во многих других подобных случаях, никаких плюсов Германии не принесло.
68. Фактически — военно-полевые суды.
69. Характерная попытка оправдать применение труда населения бывших окраин Российской империи в военных целях.
70. То есть при штабе Главнокомандующего на Востоке принца Леопольда Баварского. Начальником его и фактическим главой Обер Оста являлся генерал М. Гофман, хорошо известный по его роли в заключении Брестского мира.
71. Ныне город Хамина в Финляндии.
72. Имеется в виду прусский генерал Йорк, который в декабре 1812 года по собственной инициативе заключил в городке Таурогген (ныне г. Таураге в Литве) конвенцию с русскими войсками, перейдя на сторону антинаполеоновской коалиции без санкции на то короля Пруссии.

73. В описываемый период германская Ставка уже переехала в Спа.
74. 29 сентября 1918 года Болгария первой из союзников Германии вышла из войны, фактически капитулировав перед Антантой. Это стало началом крушения центральных держав.
75. Автор подчеркивает, что парламентское правительство было склонно проводить почти противоположную прежней кайзеровской линии внешнюю политику, даже в ущерб интересам Германии.
76. Черный день (*лат.*).
77. Жаргонное прозвище солдат по цвету их полевой формы, аналога камуфляжа.
78. Выражение Фридриха II Великого (1740–1786).
79. Аналог «фельдграу» по отношению к матросам.
80. Так проходит мирская слава (*лат.*).
81. Знаменитый впоследствии в СССР по советско-финской войне шюцкор.
82. Имеются в виду так называемые рождественские бои в Берлине 23–24 декабря 1918 года, в ходе которых правительственные войска потерпели поражение от мятежников.
83. По ходу описания ирония автора, переходящая в болезненный сарказм, только возрастает, поэтому становится едва ли не основной манерой изложения событий.
84. См. с. 20 и 24 наст. изд.
85. Имеются в виду события Ноябрьской революции, однако фон дер Гольц предпочел не упоминать о том, что видимость преемственности при передаче власти новому правительству все же была соблюдена.
86. Пользовавшаяся еще до войны значительным влиянием в Германии католическая либеральная центристская партия.
87. Это может послужить аналогией поведению многих офицеров русской армии в ходе событий Октябрьской революции, полагавших, что они не обязаны защищать правительство Керенского, предавшего Корнилова и подавившего его выступление с помощью большевиков.
88. Автор употребляет именно этот термин, так как не только конституции и Германской империи, и Веймарской республики основывались на этом понятии.
89. «За заслуги» (*фр.*), высший орден Пруссии — как для военных, так и (реже) для гражданских лиц.
90. В оригинале везде употребляется принятый в немецком языке термин *Balten*, однако его дословный перевод привел бы к терминологической путанице, поэтому избран вариант «балтийские немцы», или коротко — «балтийцы».
91. То есть сторонники предшественника Коммунистической партии Германии — «Союза Спартака».

92. В оригинале *Baltikumer* — то есть те, кто сражался в Прибалтике, что следует отличать от *Balten* — балтийцев, то есть прибалтийских немцев.
93. Старое название Восточной Пруссии.
94. Имеется в виду сражение при Легнице 9 апреля 1241 года, в котором монголы разгромили объединенные польско-немецкие войска.
95. Имеется в виду замысел молниеносной операции германских войск по взятию Петрограда, планировавшейся на начало сентября 1918 года, но не состоявшейся из-за резкого изменения стратегической обстановки.
96. Русское название (от нем. *Freikorps*) добровольческих частей, сформированных в Германии в 1918–1919 годах для борьбы с ультралевыми и войсками новых национальных государств. Сыграли выдающуюся роль в подавлении коммунистических мятежей, но затем были распущены в начале 1920-х годов из-за опасности, которую они представляли для режима Веймарской республики.
97. Имеется в виду победа пруссаков над шведами в 1675 году, после которой начался закат шведского владычества в северной Германии.
98. Имеется в виду курфюрст Пруссии Фридрих Вильгельм I (1640–1688), заложивший основы будущего возвышения тогда еще небольшого государства Бранденбург-Пруссия.
99. Бишоф был одним из офицеров колониальных частей, ведших активные и жестокие боевые действия против местного населения в Юго-Западной Африке, особенно в 1904–1907 годах.
100. И тот, и другой — выдающиеся колониальные авантюристы конца XIX века, действия которых привели к росту африканских владений Великобритании и Германии соответственно. Но Родс получил от своей метрополии значительно бóльшую поддержку.
101. Ныне г. Мажейкяй в Литве.
102. Ныне г. Шяуляй в Литве.
103. Персонаж древнегреческой мифологии, верный друг Ореста.
104. Устарелое название коренного населения Южной Африки — как правило, банту.
105. Имеется в виду река Виндава (Вента).
106. Современный г. Тельшяй в Литве.
107. Имеется в виду прусский генерал-фельдмаршал граф Йорк фон Вартенбург, герой Освободительной войны 1813 года.
108. Сейчас р. Айвиексте в Латвии.
109. *Die Freiheit* — центральный орган левой Независимой социал-демократической партии Германии.
110. В тексте автор специально приводит эту транскрипцию, давая для читателей немецкий вариант названия в скобках. Позднее он, видимо, ради колорита вновь порой использует буквальную передачу названия вместо общепринятого в Германии.

111. Своеобразное пророчество событий 1940 года.
112. Сейчас г. Пярну в Эстонии.
113. И в том, и в другом случае приведена немецкая форма написания фамилий — «Залит» и «Гольдман» соответственно, однако при переводе оставлен латышский вариант.
114. Букв. «с притянутым за волосы».
115. Так в тексте. На самом деле имеется в виду генерал А. Э. Миссин, командовавший недолгое время в 1917 году Латышской стрелковой дивизией.
116. Имеется в виду германский социал-демократ Август Винниг (1878–1956), заключивший 7 декабря 1918 года договор о признании независимости Латвии и формировании ландесвера из латышей, немцев и русских при условии получения затем земельного надела за участие в войне за независимость Латвийской республики.
117. Винниг в 1919 году стал обер-президентом, т. е. главой администрации Восточной Пруссии.
118. Жаргонное название немецких моряков по их форме. Аналог таких слов, как «хаки» и др.
119. Используется сленговое выражение, по смыслу действительно достаточно близкое к не слишком изящному русскому аналогу.
120. Восклицательный знак — автора.
121. При этом социал-демократ Г. Носке произнес крылатую фразу: «Надо же кому-то быть кровавой собакой».
122. Весной 1917 года в ходе дебатов по вопросу о голосовании за военные кредиты Социал-демократическая партия Германии раскололась. Из нее выделилась более левая Независимая социал-демократическая партия (НСДПГ), получившая огромное влияние во время революции 1918–1919 годов. В процессе революции из НСДПГ выделилась и еще более левая Коммунистическая партия Германии. Умеренных социал-демократов, оставшихся в старой партии, стали часто называть социал-демократами большинства (*Mehrheit*), так как при расколе в НСДПГ вошла меньшая часть депутатов фракции рейхстага.
123. Центральный орган социал-демократов большинства.
124. В ходе войны, чтобы восполнить громадную убыль в офицерах, в германской армии было введено особое звание для тех, кто исполнял обязанности офицеров, но не имел их статуса, оставаясь унтер-офицерами. В буквальном переводе оно звучит как «замещающий офицера».
125. Автор имеет в виду знаменитый процесс по делу Мюллера Арнольда в 1779 году, когда Фридрих II Великий, желая соответствовать идеалу просвещенного монарха, принял не устраивающее его решение Камерного суда в Берлине, что стало в Пруссии хрестоматийным примером независимости суда.
126. Один из руководителей сословных органов местного самоуправления.

127. Один из выдающихся реформаторов Пруссии начала XIX века, действовавший восстановлению Пруссии после ее разгрома Наполеоном в 1806–1807 годах.
128. Характерная и презрительная оговорка автора. Балтийцы явно хотели намекнуть на знаменитую мирную программу Вильсона, на которую в итоге при заключении перемирия согласилась Германия. Однако впоследствии выяснилось, что обе стороны совершенно по-разному представляли себе эти 14 пунктов на практике. Поэтому для Р. фон дер Гольца 14 пунктов — «так называемые».
129. Фактически вся глава носит пропагандистский характер. Так же, как и предыдущая, она призвана замаскировать прямое свержение латвийского правительства германской военной администрацией и при этом полностью опровергнуть свое участие, не скатившись к откровенной недостоверности, чего Р. фон дер Гольц не мог и не сумел. Все версии событий, кроме немецкой, категоричны: в апреле 1919 года германские военные, а вовсе не только балтийцы, свергли законное латышское правительство, попытавшись привести к власти марионеток из германофильских кругов.
130. Кавычки автора, призванные усилить его презрение к латышским вооруженным силам.
131. Любопытная и очень неуклюжая попытка автора доказать свою непричастность к государственному перевороту!
132. Так в тексте, можно только предполагать, что автор имел в виду.
133. То есть 1-й офицер Генштаба, начальник оперативного отдела, литерами Ib обозначался офицер, отвечавший за квартирмейстерские функции и т. д.
134. Имеется в виду Вернер фон Фрич, впоследствии в 1934–1938 годах главнокомандующий сухопутными войсками Германии.
135. Дело в том, что в 1913–1916 годах представитель того же рода Готлиб фон Ягов был главой иностранного ведомства Германии, резко критиковавшегося в Германии и в том числе оппозицией в рейхстаге. Здесь имеется в виду Ганс-Георг фон Ягов.
136. Тогда Двинск. Ныне г. Даугавпилс в Латвии.
137. Именно Петербург, так как переименование Санкт-Петербурга в Петроград в 1914 году в Германии не признавали категорически.
138. Сейчас чаще употребляется вариант Халлер. В 1918 году перешедший на сторону Антанты польский генерал австрийской службы Ю. Халлер сформировал на Западном фронте до 6 дивизий из поляков, которые в 1919 году были переброшены в Польшу, а затем приняли участие в войне с петлюровской Украиной, германскими фрайкорами на границе и с Советской Россией в 1920 году.
139. Имеется в виду операция германских войск по взятию Риги в сентябре 1917 года, окончившаяся полным успехом в первую очередь благодаря разложению русских войск.
140. В России — крепость Усть-Двинск, ныне Даугавгрива в Латвии.

141. В оригинале приводится транслитерация оригинальных названий Латвии и Эстонии, то есть *Latwija* и *Eesti*.
142. В тогдашнем составе правительства знаменитый деятель оппозиции в рейхстаге времен Первой мировой войны, человек, подписавший от имени Германии Компьенское перемирие, Маттиас Эрцбергер занимал пост главы иностранного ведомства.
143. У автора слово «эстонской» в данном случае написано со строчной буквы, так как это не название, а скорее определение, то есть «республика, которую создали эстонцы».
144. То есть белых армий, в отличие от красных и большевиков, которых «русскими» фон дер Гольц никогда не называет.
145. То есть латвийского.
146. Один из министров иностранных дел в годы Веймарской республики. Человек, подписавший от имени Германии Версальский договор.
147. Ныне латвийские города Цесис и Лимбажи соответственно.
148. Правильнее «фон Тимрот». Два брата фон Тимрота были генералами русской армии, и оба участвовали в Белом движении в Прибалтике.
149. Ныне Инчукалнс в Латвии.
150. Дело в том, что рек с названием Аа в Латвии две, одна в Курляндии, другая в Лифляндии. Ныне первая — Лиелупе, а вторая — Гауя.
151. Ныне село Страупе.
152. Весьма характерное определение, смешивающее национальную принадлежность и политические симпатии.
153. Фон дер Гольц, разумеется, обозначает промежуток по берлинскому времени, то есть в данном случае с 12 ночи до 4 часов утра.
154. Цитата из пьесы Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна».
155. То есть членами Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ).
156. У автора дано без кавычек, хотя, судя по иронии, они здесь подразумеваются.
157. В оригинале — «колонизатор», но в русском языке это слово имеет устойчиво негативный оттенок, поэтому избран все-таки вариант «колонист».
158. Относительно слабо населенная Пруссия пережила мощный подъем в конце XVII—XVIII веках, в том числе и при Фридрихе II Великом (1740—1786), благодаря тому что ее правители охотно принимали мигрантов, особенно изгнанных из Франции после отмены Нантского эдикта в 1685 году гугенотов.
159. Кличка немцев, введенная в оборот французами и распространенная на Западном фронте. Аналог употребляемого в Великой Отечественной войне термина «фрицы».
160. Кавычки авторские, имеются в виду образовавшиеся после Ноябрьской революции новые либеральные партии, в первую очередь Немецкая демократическая партия во главе с Ф. Науманом и В. Ратенау.

161. Очередная ирония автора.
162. Автор перефразирует ставшую крылатой фразу Носке о том, что в Германии «и в революции должен быть порядок».
163. Немецкая поговорка, точного аналога которой в русском языке нет.
164. Весьма знаковое для германских военных эпохи Первой мировой войны выражение, которое первоначально применялось по отношению к решениям начальника штаба действующей армии Мольтке-младшего во время вторжения во Францию и битвы на Марне в августе-сентябре 1914 года, когда он фактически потерял контроль над ситуацией, предоставив войскам действовать на свое усмотрение, следствием чего явились решающее поражение и отход германских войск от Парижа.
165. На тот момент В. Грёнер был 1-м генерал-квартирмейстером начальника штаба действующей армии П. фон Гинденбурга, т. е. фактически возглавлял Верховное Главнокомандование вплоть до его роспуска после подписания Версальского мира.
166. То есть с тремя ключевыми фигурами правительства — рейхспрезидентом, министром иностранных дел и министром рейхсвера.
167. Граф Йорк фон Вартенбург — один из героев антинаполеоновской борьбы в Пруссии, подписавший по собственной инициативе в декабре 1812 года Таурогенскую конвенцию с русскими войсками, что положило начало переходу Пруссии на сторону антифранцузской коалиции. См. также примечание 24.
168. Крайне лестное для тогдашнего прусского короля Фридриха Вильгельма III предположение, однако не особенно правдоподобное.
169. В оригинале ошибочно «мая».
170. То есть 2 сентября. Годовщина капитуляции французских войск под Седаном в 1870 году была чуть ли не единственным всенародным праздником в Германской империи.
171. В оригинале *Kameraden!*, однако традиционный перевод — «товарищи» — здесь не слишком уместен.
172. Имеется в виду Эрих Людендорф — выдающийся военачальник, игравший огромную роль в 1916–1918 годах. Он фактически возглавлял Верховное Главнокомандование. Однако он не был дворянином, а его действия в кампании 1918 года вызвали у части его коллег серьезную критику. Впоследствии стал одним из символов Германии эпохи Великой войны. Известен также своим участием в Пивном путче 1923 года вместе с А. Гитлером.
173. Последний довод (*lam*).
174. Василий Иосифович Гурко (1864–1937), генерал от кавалерии, в конце 1916 — начале 1917 года временно замещал заболевшего М. В. Алексеева, фактически возглавляя русскую армию, весной 1917 года командовал Западным фронтом.

175. В оригинале — *Unterrocktone*, буквально в «тоне нижней юбки». Выражение, мягко говоря, грубое, поэтому его уместно заменить на русское прилагательное «холуйский».
176. Один из самых популярных сатирических журналов Германии.
177. В тексте именно так, слово «раса» довольно часто упоминалось тогда несколько в ином смысле, нежели сегодня, заявлялось о славянской, романской, германской и других расах. То есть «расами» назывались скорее языковые группы, а не действительно разные малые расы большой европеоидной расы.
178. В этот период, сразу после подписания Версальского договора, обязывавшего сократить германскую армию до 100 тысяч человек, но еще до окончания срока ее демобилизации и окончательного преобразования старых кайзеровских частей в подразделения рейхсвера, вместо будущих штабов корпусов действовали командования групп рейхсвера, распорядившиеся всеми войсками на вверенной им территории, в том числе и фрайкорами.
179. Так в тексте.
180. Имеется в виду шокировавший войска поспешный отъезд кайзера Вильгельма II в Нидерланды 9 ноября 1918 года.
181. Крупное болото под Ригой, имевшее важное значение в ходе боев зимой 1916–1917 годов и летом 1917 года.
182. Характерные эмоции автора, то есть если трупы изуродованы — это исчерпывающее доказательство того, что в данном случае дело имеют с большевиками.
183. Автор специально это подчеркивает, так как кайзеровский флаг в годы Веймарской республики, несмотря ни на какие запреты, продолжал использоваться ее противниками из правых и ветеранских организаций, где черно-желто-красное знамя республиканцев не признавали.
184. В России она известна как Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов.
185. В тексте именно «балканизировать», что является очень ранним употреблением подобного термина, а возможно, и определенного рода новаторством.
186. Характерная оценка причин краха ВСЮР осенью 1919 года. По фон дер Гольцу, чуть ли не Бермондт и Юденич могли решить исход Гражданской войны.
187. Явная аллюзия автора на ироническое библейское выражение «добрые самаритяне».
188. Намеренная оговорка, так как эльзасцев, как разговаривающих на германском наречии, в кайзеровской империи не желали считать французами. Поэтому эльзасец, служащий Франции, полагался едва ли не предателем, а во Франции, разумеется, наоборот — патриотом.

189. Явная отсылка к только что выпущенной тогда знаменитой работе О. Шпенглера «Закат Европы», которая в буквальном переводе называется «Гибель земли Заката».
190. *Militär-Wochenblatt* — официальное военное издание в Германской империи, где публиковались основные приказы и распоряжения военного министерства.
191. Оратор явно имеет в виду менталитет, однако в те времена это понятие было еще не в ходу.
192. Звание в германском флоте, соответствующее капитану 3-го ранга в российском флоте или майору в сухопутных войсках.
193. То есть отдела германского Генерального штаба, ведавшего вопросами разведки и контрразведки, во главе с майором В. Николаи.
194. На тот момент 1-й генерал-квартирмейстер германской Ставки и фактический главнокомандующий германской армии.
195. 117-й псалом.

Научное издание

Генерал граф Рюдигер фон дер Гольц

МОЯ МИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ И В ПРИБАЛТИКЕ

Серия «Эпоха войн и революций»; вып. 7

Перевод с немецкого, вступительная статья и комментарии —
Л. В. Ланник

Редактор *Е. А. Левичкина*
Корректор *Д. М. Капитонов*
Верстка *М. Ю. Виноградова*
Дизайн *А. Ю. Ходот*

Подписано в печать 12.11.2014
Формат 60 × 90 1/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1000 экз.

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
e-mail: books@eu.spb.ru
тел.: +7 812 386 7627
факс: +7 812 386 7639
Сайт и интернет-магазин Издательства:
www.eupress.ru

Заказ 1472

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
тел./факс (812) 388-9000
e-mail: beresta@mail.wplus.net

СЕРИЯ «ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ»

История Первой мировой войны и порожденных ею конфликтов продолжает оставаться «горячей» и активно используется в современной культурной, общественной и политической жизни. Юбилей 2014 года стал своеобразным индикатором: в оценке событий 100-летней давности проявляются особенности современного развития различных стран и международных объединений.

Для России эта годовщина имеет особое значение. Долгое время революция 1917 года заслоняла в исторической памяти предшествующие ей события, а история России вырывалась из контекста мирового конфликта. В последнее время историки осознают необходимость рассматривать период 1914–1922 годов как комплекс войн, социальных и политических конфликтов.

Мы хотели бы внести свой вклад в осмысление истории этой переломной эпохи. В серии «Эпоха войн и революций» выходят оригинальные и переводные исторические исследования, переиздания, источники, имеющие особое значение для понимания конфликтов, в поле влияния которых мы порой находимся и сейчас.

Редакционный совет серии:

Б. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук), *С. Маркс* (Университет Клемсон, Южная Каролина, США), *Л. Новикова* (Московский государственный университет), *П. Рогозный* (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук), *М. Стокдейл* (Университет штата Оклахома, США), *М. Фрейм* (Университет Данди, Великобритания)

Уже вышли из печати:

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ И ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АДМИРАЛУ А.В. КОЛЧАКУ. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. Сб. документов / сост. и науч. ред. *В.В. Журавлев*. – 2012 – 624 с.

«ПРЕТЕРПЕВШИЙ ДО КОНЦА СПАСЕН БУДЕТ»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / *В. П. Шелепина, Н. А. Щербачева, М. А. Сливинская, Е. И. Лакиер, А. В. Линден*; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. *О. Р. Демидовой*. – 2013 – 262 с.

Ник Барон. **КОРОЛЬ КАРЕЛИИ. ПОЛКОВНИК Ф. ДЖ. ВУДС И БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1919 гг. :** история и мемуары / пер. с англ. *А. Голубева*. – 2013 – 346 с.

Джордж Генри Паттерсон. **СИИУДЕЯМИ В ПАЛЕСТИНСКОЙ КАМПАНИИ /** пер. с англ. *А. Глебовской*, науч. ред. и коммент. *В. Кельнера*. – 2014 – 254 с.

Илья Эренбург. **ЛИК ВОЙНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ С ФРОНТА, 1919, 1922–1924. ГАЗЕТНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И СТАТЬИ, 1915–1917 /** подгот. изд. *Б. Я. Фрезинского*. – 2014. – 350 с.

Пол Фассел. **ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ /** пер. с англ. *А. Глебовской*. – 2015. – 476 с.

Генерал граф Рюдигер фон дер Гольц. **МИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ И ПРИБАЛТИКЕ /** пер. с нем., вступит. ст., коммент. *Л. Ланника*. – 318 с.

В ближайших планах:

Ханну Иммонен. **МЕЧТАЯ О НОВОЙ РОССИИ. ВИКТОР ЧЕРНОВ, 1873–1952**